

DOI: 10.21202/2782-2923

Издается с января 2007 года, периодичность издания – 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Клейнер Г. Б., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Со главного редактора:

Бикеев И. И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Татарстан, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Заместители главного редактора:

Андрюшин С. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Кабанов П. А., доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия МВД России (г. Нижний Новгород, Россия), **куратор направления юридических наук**

Крамин Т. В., доктор экономических наук, профессор, директор НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, **куратор направления экономических наук** (г. Казань, Россия)

Ответственный секретарь:

Григорьев Р. А., доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Антонова И. И., доктор экономических наук, доцент, проректор по инновационно-проектной деятельности Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию (г. Нижний Новгород, Россия)

Бегишев И. Р., доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, старший научный сотрудник Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (г. Казань, Россия)

Вольчик В. В., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Гилинский Я. И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Голиценко О. Г., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Ефимцева Т. В., доктор юридических наук, профессор Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Оренбург, Россия)

Качалов Р. М., доктор экономических наук, профессор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Кудрявцева О. В., доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Лазарев В. В., главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Латов Ю. В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Липень С. В., доктор юридических наук, доцент Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Макарова О. А., доктор юридических наук, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

Тарасенко О. А., доктор юридических наук, профессор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва, Россия)

Хисамова З. И., кандидат юридических наук, начальник отделения планирования и координации научной деятельности научно-исследовательского отдела Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Краснодар, Россия)

Шафиров В. М., доктор юридических наук, профессор Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия)

Шестаков Д. А., доктор юридических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шинкевич А. И., доктор экономических наук, доктор технических наук, профессор Казанского национального исследовательского технологического университета (г. Казань, Россия)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Алм Дж., доктор философии в области экономики, профессор экономики Тулейнского университета (г. Новый Орлеан, США)

Апосталакис А., доктор философии в области экономики, профессор Греческий Средиземноморский университет (г. Ираклион, Греция)

Шаббар Дж., доктор философии в области экономики, профессор Университета г. Портсмут (г. Портсмут, Великобритания)

Каменков В. С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, заведующий кафедрой Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Мешко Г., профессор, руководитель Института уголовного правосудия и безопасности в FCJS Университета в Мариборе; президент Европейской ассоциации криминологов (ESC) (г. Марибор, Словения)

Рубин Э. Л., профессор права и политологии Школы права Университета Вандербильта (г. Нешвилл, шт. Теннесси, США)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Туреций Н. Н., доктор юридических наук, проректор по научной работе Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, председатель Союза криминологов Казахстана имени Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан)

Фидрум Д., доктор социальных экономических наук, профессор Университета Зеппелин (г. Фридрихсхафен, Германия)

Учредитель:

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова»

Издатель:

ООО «ТЦО «Таглитат»

Адрес редакции:

420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Сайт: rusjel.ru

Журнал включен

в Перечень ВАК

по специальностям:

5.2.1. Экономическая

теория;

5.2.3. Региональная

и отраслевая экономика;

5.1.4. Уголовно-правовые

науки

Индексируется в HeinOnline,

CyberLeninka, RePEc, DOAJ,

ProQuest

Подписка на журнал

по Объединенному

каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Ответственный за выпуск:

Г. Я. Дарчинова

Редактор:

Г. А. Тарасова

Компьютерная верстка:

С. А. Каримова

Дизайн обложки:

Г. И. Загретдинова

Дизайн логотипа:

В. А. Крайков

Переводчик:

канд. пед. наук,

член Гильдии

переводчиков РТ

Е. Н. Беляева

Аудиоконтент сайта:

ООО «Голос Науки»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-81556 от 27 июля 2021 г.

Территория распространения:

Российская Федерация; зарубежные страны.

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 29,5. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 27.05.2023. Заказ № 42. Дата выхода в свет 27.06.2023. Цена свободная.

© ЧОУ ВО «КИУ им. В. Г. Тимирязова», ООО «ТЦО «Таглитат», 2023.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»:

420111, г. Казань, ул. Московская, 22.

Рецензирование статей в журнале – двойное слепое. При цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution License

(<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

DOI: 10.21202/2782-2923

Published since January 2007, publication frequency: quarterly

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Kleyner G. B., Doctor of Economics, Professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Scientific Supervisor of Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Co-Editor-in-Chief:

Bikeev I. I., Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov on Scientific work, (Kazan, Russia)

Deputies of the Editor-in-Chief:

Andryushin S. A., Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Kabanov P. A., Doctor of Law, Professor of the Department of Criminology, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia), **supervisor of Law section**

Kramin T. V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, **supervisor of Economic section** (Kazan, Russia)

Executive secretary:

Grigoryev R. A., Ph.D. Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Antonova I. I., Doctor of Economics, Associate Professor, Vice Rector on innovative and project activity of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Baranov V. M., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Innovative Development (Nizhny Novgorod, Russia)

Begishev I. R., Doctor of Law, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Senior Researcher of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (Kazan, Russia)

Volchik V. V., Doctor of Economics, Professor of Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Gilinskiy Ya. I., Doctor of Law, Professor of Saint Petersburg Juridical Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen (Saint Petersburg, Russia)

Golichenko O. G., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Efimtseva T. V., Doctor of Law, Professor of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin (Orenburg, Russia)

Kachalov R. M., Doctor of Economics, Professor in Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Korytcev M. A., Doctor of Economic Sciences (PhD), Professor, Southern Federal University, (Rostov-on-Don, Russia)

Kudryavtseva O. V., Doctor of Economics, Professor in Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Lazarev V. V., Chief Researcher of the Center for Fundamental Legal Studies of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation of the Institute for Legislation and Comparative Legal Studies at the Russian Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Latov Yu. V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Leading Researcher of the Center for Comprehensive Sociological Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lipen S.V. Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Makarova O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Saint Petersburg University (Saint Petersburg, Russia)

Tarasenko O. A., Doctor of Law, Associate Professor of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia)

Khislamova Z. I., PhD (Law), Head of the Department of planning and coordination of scientific activities of the research Department of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russia)

Shafirov V. M. Doctor of Law, Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Shestakov D. A., Doctor of Law, Professor of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, President

of Saint Petersburg International Criminological Club, Honored Researcher of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Shinkevich A. I., Doctor of Economics, Doctor of Engineering, Professor of Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia)

FOREIGN MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD:

Alm J., PhD (Economics), Professor and Chair Department of Economics University Tulane (New Orleans, USA)

Apostolakis A., PhD (Economics), Assistant Hellenic Mediterranean University (Irákleion, Greece)

Shabbar J., PhD (Economics), Professor, University of Portsmouth (Portsmouth, United Kingdom)

Kamenkov V. S., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Belarus Republic, Head of Department of Belorussian State University (Minsk, Belarus Republic)

Kury H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Freiburg (Frieburg, Germany)

Meško G., Professor, Head of the Institute of Criminal Justice and Security at the FCS of Maribor University; the President of the European Society of Criminologists (ESC) (Maribor, Slovenia)

Rubin E. L., Professor of Law and Political Science, Vanderbilt University Law School (Nashville, TN, USA)

Serrano-Mailló A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Turetskiy N. N., Doctor of Law, Vice Rector on Research of the Academy of Law-enforcement Bodies of the Prosecutor General's Office of Kazakhstan Republic, Head of Criminologists Union of Kazakhstan named after E. Kairzhanov (Astana, Kazakhstan Republic)

Fidrmuc Ja., Doctor of Social and Economic Sciences, Professor of Zeppelin University (Friedrichshafen, Germany)

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Registration number and date of decision on registration: ПИ № ФС77-81556 of July 27, 2021.

Distribution area: Russian Federation; foreign countries.

Format 60x84/8. Printing sheets: 29,5. Circulation 1000 copies. Signed for printing 27.05.2023. Order № 42. Date of publishing 27.06.2023. Free price.

© PEE HE "KIU named after V. G. Timiryasov», Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd., 2023.

Printed at printing house "Vestfalika" LLC: 420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

Reviewing of the articles in the Journal is double blind. When citing the materials, the reference to the Journal is obligatory.

Materials of the Journal are available under the Creative Commons Attribution License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

The founder:

Private educational establishment of higher education "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov"

The publisher:

Tatar Educational Center "Taglimat" Ltd

Editors Office's address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya st.

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: rusjel@ieml.ru

Site: rusjel.ru

The journal is included in the List of Higher Attestation Commission the group of specialties: Economic Theory; Regional and Branch Economics; Criminal-legal sciences

The Journal is indexed in HeinOnline, CyberLeninka, RePEc, DOAJ, ProQuest

Subscription for journal

through the United Catalogue "Press of Russia" Our index – 86303

Responsible for issue:

G. Ya. Darchinova

Editor:

G. A. Tarasova

Computer lead out:

S. A. Karimova

Cover design:

G. I. Zagretdinova

Logo design:

V. A. Kraikov

Translator:

PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild E. N. Belyaeva

Website audio content:

"Golos Nauki" LLC

237

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Волынский А. И.** Политэкономия социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза 237
- Малков С. Ю.** Моделирование конкурентных взаимодействий: базовые закономерности. Часть 2 253

269

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Барабашкина А. В., Кудрявцева О. В.** Оценка конкурентоспособности российского электромобиля как обоснование необходимости стимулирования рынка электромобилей в России 269
- Никонова А. А.** Ориентиры изменения модели научно-технологического развития России и выхода из кризиса, по академику Д. С. Львову 289

307

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ

- Малкина М. Ю., Балакин Р. В.** Межотраслевые эффекты заражения в российской экономике под влиянием пандемического шока 307
- Сидоренко Э. Л.** Defi-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели 327

342

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кабанов П. А.** Мониторинг правового регулирования наградных отношений в российских регионах. Часть 2 342

367

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Дамм И. А., Кострыкина В. В.** Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации 367
- Сиамсуланг С., Хузаини М.** Влияние программы условно-досрочного освобождения на уровень рецидивизма. Качественный анализ ситуации в Малайзии 385

237

ECONOMIC THEORY

- Volynskii A. I.** Political economy of socialism with Chinese characteristics: on the issue of intra- and interdisciplinary synthesis 237
- Malkov S. Yu.** Modeling of competitive interactions: basic regularities. Part 2 253

269

REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

- Baraboshkina A. V., Kudryavtseva O. V.** Assessment of competitiveness of a Russian electric car as a substantiation of the need to stimulate electric cars market in Russia 269
- Nikonova A. A.** Milestones for changing the model of scientific-technological development of Russia and overcoming the crisis, by Academician D. S. Lvov 289

307

CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

- Malkina M. Yu., Balakin R. V.** Intersectoral contagion effects in the Russian economy under the pandemic shock 307
- Sidorenko E. L.** Defi-crime: condition, trends and criminological models 327

342

THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

- Kabanov P. A.** Monitoring of legal regulation of award relations in the Russian regions. Part 2 342

367

CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

- Damm I. A., Kostrykina V. V.** Typology of organizations in the aspect of corruption counteraction in the Russian Federation 367
- Syamsulang S., Huzaini M.** Does the parole program affect recidivism? Qualitative analysis in Malaysia 385

396

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ

Баркоу Р. Е. Всеобъемлющая проблема Конгресса: опасное снижение профессиональных знаний в законодательном процессе 396

439

ДИСКУССИИ

Мельникова А. Л., Мицул А. С. Видеоигры: эскапизм или эффективный инструмент антикоррупционного просвещения? 439

451

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

Манушин Д. В., Еникеев Ш. И. Памяти Рустема Махмудовича Нуреева: обзор работ по экономической теории, управлению отраслевой экономикой и другим направлениям 451

461

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

464

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК

465

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

396

TRANSLATED ARTICLES

Barkow R. E. The wholesale problem with Congress: the dangerous decline of expertise in the legislative process 396

439

DISCUSSIONS

Melnikova A. L., Mitsul A. S. Videogames: escapism or an effective tool for anticorruption enlightenment? 439

451

THE MEMORY OF OUR COLLEAGUES

Manushin D. V., Enikeev Sh. I. To the memory of Rustem Makhmutovich Nureev: review of works on economic theory, sectoral economy management and other directions 451

461

INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

464

INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

465

RULES FOR THE AUTHORS

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ / ECONOMIC THEORY

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

УДК 330.101:338(510)

JEL: O1, O53, P26

А. И. ВОЛЫНСКИЙ¹

¹ Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Россия

ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ: К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРИ- И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА

Волынский Андрей Игоревич, научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук

E-mail: volinskii_ai@inecon.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Аннотация

Цель: показ онтологического потенциала междисциплинарности и парадигмального плюрализма в экономических исследованиях на примере модели социализма с китайской спецификой и ее описания в западном общественно-политическом дискурсе.

Методы: качественные методы (дискурс-анализ, сравнительно-сопоставительный, обобщение).

Результаты: в работе показаны особенности дискурса в современной экономической теории относительно проблем внутри- и междисциплинарного синтеза. Экономический мейнстрим, претендуя на точность своего метода создания научного знания, может и становится основой политического знания и идеологических суждений. Описывая отдельные аспекты реальности, мейнстрим их нормализует, а порой и возводит в ранг норматива. На основе анализа китайской модели экономических реформ в статье показано, что в западном общественно-политическом и научном дискурсах относительно этой модели как на этапе их начала, так и ныне существуют ошибочные представления и ожидания относительно цели, содержания и результатов реформационного процесса. Первопричиной ложного восприятия стала, как представляется, дисциплинарная изолированность экономической науки, рассматривающей экономику как универсальную внеполитическую и внекультурную константу. Для подтверждения этого тезиса рассмотрены основные этапы трансформации идеологии построения китайской экономической модели, ее переход от антирыночной и антикапиталистической позиции к модели социализма с китайской спецификой. Показано, что среди траекторий будущего развития Китая западные экономисты, а вместе с ними и политики видели лишь две основные: ползучая либерализация и ограничение влияния государства в китайской экономике, сопровождаемые демократизацией политической сферы, либо достижение пределов экономического роста, возможных для стран с авторитарными институтами. Однако игнорируемый исследователями фактор коллективного действия сформировал устойчивую экономику роста, не сопровождающуюся политической либерализацией.

© Волынский А. И., 2023

© Volynskii A. I., 2023

Научная новизна: состоит в осмыслении дискурсов относительно китайской экономики как результата вызова, брошенного китайскими реформами политической экономии мейнстрима.

Практическая значимость: положения и выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем для изучения влияния экономической теории на общественно-политические дискурсы и политические решения.

Ключевые слова: экономическая теория, социализм с китайской спецификой, политэкономия, дискурс-анализ, Китай

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Волынский А. И. Политэкономия социализма с китайской спецификой: к проблеме внутри- и междисциплинарного синтеза // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 237-252. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

Scientific article

A. I. VOLYNSKII¹

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

POLITICAL ECONOMY OF SOCIALISM WITH CHINESE CHARACTERISTICS: ON THE ISSUE OF INTRA- AND INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS

Andrei I. Volynskii, Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
E-mail: ava3003@hotmail.com
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6786-8870>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/T-8049-2017>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 1255-0666, AuthorID: 651331

Abstract

Objective: to show the ontological potential of interdisciplinarity and paradigmatic pluralism in economic research by the example of the Chinese-specific socialism model and its description in Western socio-political discourse.

Methods: qualitative methods (discourse analysis, comparative analysis, generalization).

Results: the work shows the features of the discourse in modern economic theory regarding the problems of intra- and interdisciplinary synthesis. The economic mainstream, claiming the accuracy of its method of creating scientific knowledge, can and does become the basis of political knowledge and ideological judgments. Describing certain aspects of reality, the mainstream normalizes them, and sometimes elevates them to the rank of a rule. Based on the analysis of the Chinese model of economic reforms, the article shows that in Western socio-political and scientific discourses regarding this model, both at the stage of their beginning and now, there are erroneous ideas and expectations about the purpose, content and results of the reform process. The root cause of this false perception is, assumingly, the disciplinary isolation of economics, as economics is considered to be a universal extrapolitical and extra-cultural constant. To confirm this thesis, the main stages of the transformation of the ideology of building the Chinese economic model, its transition from an anti-market and anti-capitalist position to a Chinese-specific socialism model are considered. It is shown that among the trajectories of China's future development, Western economists and politicians saw only the two main ones: creeping liberalization and limiting the influence of the state in the Chinese economy, accompanied by democratization of the political sphere, on the one hand, and reaching the limits of economic growth possible for countries with authoritarian institutions, on the other. However, the collective action factor ignored by researchers has formed a stable growth economy, not accompanied by political liberalization.

Scientific novelty: consists in comprehending the discourses about the Chinese economy as a result of the challenge posed by the Chinese reforms to mainstream political economy.

Practical significance: the provisions and conclusions of the research can be further used to study the influence of economic theory on socio-political discourses and political decisions.

Keywords: Economic theory, Chinese-specific socialism, Political economy, Discourse analysis, China

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Volynskii, A. I. (2023). Political economy of socialism with Chinese characteristics: on the issue of intra- and interdisciplinary synthesis. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 237–252. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.237-252

Введение

Идея синтеза между различными парадигмами экономической теории, в частности двумя магистральными направлениями – экономического мейнстрима и гетеродоксии, и/или междисциплинарного синтеза – с завидной регулярностью встречается на страницах соответствующих научных рецензируемых изданий. Между тем экономический мейнстрим успешно игнорирует многие внешние по отношению к нему исследовательские программы. Не отмечая саму возможность синтеза, «ядро» экономического мейнстрима демонстрирует устойчивость к внешним влияниям: вбирая в себя элементы других дисциплин и парадигм, он превращает их в свой «защитный пояс», подстраивая внешние заимствования под свои исходные предпосылки.

Аргументация экономического мейнстрима в плане непересматриваемости базовых предпосылок строится на том, что последние показали свой высокий прогнозный потенциал по отношению к экономической реальности. Аргумент можно считать действительным при условии изучения экономики как закрытой реальности, что релевантно для большинства исследуемых экономистами проблем. Однако на примере китайских экономических реформ «социализма с китайской спецификой» мы покажем, что в отдельных случаях экономика не может быть рассмотрена отдельно от политического, культурного и исторического контекстов. Как мы покажем ниже, построение прогнозов экономических реформ в Китае, выросшее из неолиберальной парадигмы экономического мейнстрима, основывалось на восприятии рыночной реальности западных экономик как единственно возможного эффективного варианта реализации экономического обмена и создавало неверные ожидания от экономических реформ в Китае.

Неолиберализм отталкивался от модели человека экономического – ядра мейнстрима – в представлении модели рыночных реформ, опыт же китайских реформ показал, что, помимо индивидуального, движущей и определяющей силой реформ может быть коллективное действие со своими определяемыми длительным историческим контекстом мотивациями. Именно для введения в анализ практик исторического исследования, для решения конкретной задачи – определения траектории китайских экономических реформ – необходим синтез в экономической теории как между ее парадигмами, так и с иными дисциплинами.

В первой части работы будут показаны особенности дискурса в современной экономической теории относительно проблем внутри- и междисциплинарного синтеза. Покажем, что логика аргументации мейнстрима в части устойчивости и универсальности его теоретического ядра возлагает на мейнстрим в том числе и определенную ответственность перед обществом и политиками, так как именно мейнстрим претендует, говоря терминами Пьера Бурдьё, на доминирование на поле производства научного знания и легитимации общественного порядка.

Во второй части мы сфокусируемся на проблеме китайских экономических реформ как вызове прогностическим возможностям модели экономического мейнстрима.

Экономический мейнстрим: проблема внутри- и междисциплинарного синтеза

Кризис в экономической теории – популярный сюжет в работах многих и многих экономистов, часть из которых смело относят себя к гетеродоксальному направлению в экономической науке (яркий пример соответствующей аргументации см. в работе С. Г. Кирдиной-Чэндлер [1]), часть же ассоциируется с экономическим мейнстримом: это и Пол Кругман [2], и Джозеф Стиглиц [3], и Джордж Акерлоф [4]. В моменты критики экономической теории в ее современном изводе с характерными для нее структурой базовых предпосылок, «ядра», выражаясь терминологией Имре Лакатоса [5], и системой воспроизводства экономического знания через соответствующие издательские, университетские и аттестационные практики и тех и других объединяет аргументация своих тезисов через утверждение о неспособности научного мейнстрима предсказывать экономические кризисы и спады (последний часто используемый пример – финансовый кризис 2008 г., рефлексия вокруг которого поставила сложные вопросы перед экономической теорией (обзор по проблеме см. в работе Ю. Я. Ольсевича [6]). Однако опыт показывает, что высокая степень абстрактности позволила экономической науке выработать, как отметил В. С. Автономов, иммунитет по отношению к эмпирическим вызовам как таковым [7. С. 376]. Слабым местом критиков экономического мейнстрима, как и прежде, в 1953 г., когда Милтон Фридман озвучил свой знаменитый программный манифест о методологии позитивной экономической науки, в котором защищал абстрактность предпосылок экономической теории [8], до сих пор можно считать, цитируя В. Л. Тамбовцева, «отсутствие убедительных реакций на актуальные экономические проблемы, выходящих за рамки критики мейнстрима и обладающих достаточной доказательностью и практической реализуемостью» [9. С. 19]. По крайней мере, именно на этот недостаток указывают сторонники мейнстрима. Аргументация в вышеупомянутом тексте Фридмана строилась на аналогичных основаниях и защищала «ядро» мейнстрима: «Критика такого рода в значительной степени бьет мимо цели, пока она не дополняется фактами о том, что гипотеза, отличающаяся в том или ином из этих аспектов от критикуемой теории, дает лучшие предсказания для широкого круга явлений. Однако большая часть подобной критики такими фактами не дополняется; она почти полностью основывается на непосредственно наблюдаемых расхождениях между „предпосылками“ и „реальным миром“» [8. С. 41].

Поставленные рядом обе цитаты разных авторов и разных десятилетий, как представляется, ярко свидетельствуют о стабильности дискурса, разделяющего экономическую науку на два условных полюса: мейнстрима и гетеродоксии. Практика выстраивания защитных и наступательных стратегий неизменна в своей аргументации вот уже более полувека. Продолжая использование лакатосовской терминологии, отметим, что атаки на «ядро» раз за разом терпят поражение, «защитный пояс» же более уязвим, и именно на его поле открываются возможности для борьбы за больший плюрализм в экономической науке. Последний часто понимается как междисциплинарность в качестве основы новой исследовательской программы либо как внутридисциплинарный синтез между различными парадигмами экономической теории (более подробно об этом см. обзор С. Г. Кирдиной-Чэндлер [1]). В обоих случаях естественным препятствием для синтеза становится даже не само «ядро» экономической науки, а, как это описал Джордж Акерлоф, то, что находится в поле исследовательского внимания социологии науки: устойчивые практики воспроизводства экономического знания, взаимозависимые с принципами построения научной карьеры [10]. Внутренняя самоизоляция экономических парадигм одна от другой позволяет отдельным авторам говорить о том, что, поскольку внутридисциплинарный синтез в экономической теории затруднен в силу устоявшихся академических практик, постольку и междисциплинарный синтез в экономической теории – утопия (см. соответствующую работу Витора Нева *The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics* [11]).

Тем не менее некоторые исследовательские междисциплинарные программы успешно реализуются и, более того, получают признание со стороны экономического мейнстрима. Два последних знаковых примера – поведенческая экономика и новая институциональная экономическая теория (далее – НИЭТ). Однако в обоих случаях результат едва ли смог удовлетворить запрос гетеродоксов на экономический плюрализм: и поведенческая экономика, и НИЭТ лишь дополнили теоретическое ядро экономического мейнстрима. Не изменив фундаментальных его основ, изменились сами (о коллизиях поведенческой экономики см. работу

О. Б. Кошовец [12. С. 10], о трансформациях институционализма – работу М. Зафировски [13]). Ядро экономической теории, так называемые микроэкономические основания с их *homo economicus*, сохранились, будучи дополнены заимствованными извне концептами (об устойчивости «микроэкономических оснований» и «методологического индивидуализма» см. работу С. Г. Кирдиной [14]). И снова экономическая теория показала свою высокую степень иммунитета перед внешними влияниями, отстояв право на обладание жестким методологическим ядром базовых предпосылок. Именно оно, подкрепленное широким математическим аппаратом, позволяет экономистам видеть себя на вершине научной иерархии, представлять экономику в наибольшей степени наукой среди всего ряда социальных дисциплин, как об этом писал Марион Фуркад с соавт. [15]. Экономика, основанная на жестком ядре предпосылок и построенных на них моделях, улавливает, по мнению Дани Родрик, релевантные аспекты реальности, не захватывая всю ее целиком [16. С. 40–41]. Именно в ее способности «изолировать» фрагменты реальности от иных факторов Родрик видит силу экономической науки как таковой. В этом же видят слабость экономического мейнстрима его критики и одновременно сторонники междисциплинарного подхода, например, уже процитированный нами выше Витор Нева. Для него экономика как объект исследования – открытая реальность, не существующая вне социальных измерений [17].

В рамках данной работы мы не будем акцентировать внимание на эпистемологических доводах сторонников той или иной стороны в споре. Наша задача – показать, что экономический мейнстрим, претендуя на точность своего метода создания научного знания может и становится основой политического знания и идеологических суждений. Описывая отдельные аспекты реальности, мейнстрим их нормализует, а порой и возводит в ранг норматива. Фридман разводил нормативную и позитивную экономические науки, настаивая на аналитическом потенциале последней [8] и фактически противопоставляя одну другой. Однако вопроса о том, насколько экономический позитивист, изучающий то, «как оно есть», свободен от постулатов нормативной экономической теории с ее «как должно быть», Фридман не касался. Напротив, Йозеф А. Шумпетер, говоря о научном исследовании, прослеживал последовательность познавательных актов, в истоках которых стояло в той или иной степени идеологическое предубеждение [18. С. 254]: начальной постановке исследовательского вопроса и составления соответствующей модели предшествует индивидуальный аналитический акт, результат которого и зависит от наших предубеждений. Предположение Шумпетера о влиянии идеологических установок на конечный исследовательский результат подтверждается рядом исследований. Так, Z. Jelveh с соавт. [19] показали, что лексические конструкции, используемые экономистами, позволяют определить их политические предпочтения, одновременно с этим оценка оптимальной ставки налога зависит от политической ориентации исследователя. В другом исследовании результаты рандомизированного контролируемого эксперимента продемонстрировали, что оценка согласия/несогласия экономистов с высказываниями других экономистов в значительной степени зависит от заявленного авторства приводимой цитаты, даже в том случае, когда авторство указано неверное: так, с большей вероятностью экономист согласится с тем или иным высказыванием, если оно будет подписано именем известного представителя мейнстрима [20]. Таким образом, современные эмпирические исследования подтверждают влияние идеологии на экономистов, что, как нам кажется, ставит под удар тезис о существовании идеального случая позитивной экономической науки. Последний может восприниматься уже не как данность и гордость экономической теории, но, скорее, как утопия, в существовании которой экономисты смогли убедить мир, но стали сомневаться сами. Так, Томас Кун предполагал, что экономика наравне с психологией – наиболее зрелая из всех социальных наук и уже освободившаяся от герменевтических интерпретаций обозначаемых объектов изучения [21. С. 298–308]. И, напротив, в учебнике по введению в *economics* с мейнстримным и звездным составом авторов, среди которых Стэнли Фишер, можно прочесть: «... (э)кономисты известны своими разногласиями. Джордж Бернард Шоу, например, утверждал, что „даже если всех экономистов сковать одной цепью, то и тогда они не придут к единому мнению“. Если в приведенном высказывании „экономистов“ заменить „физиками“, никто не засмеется» [22. С. 2].

Принимая как допущение единство экономической теории мейнстрима, что действительно для его «ядра», скажем, что он, будучи плоть от плоти исследовательских установок и предпочтений, не независим от идеологии как таковой. Родовое проклятие социальных наук: их непосредственная вовлеченность

в исследуемый процесс, зависимость от доминирующих в обществе интерпретаций – не обходит стороной и экономическую науку. Однако претензия мейнстрима на подлинную научность, верифицируемость результатов сродни естественным наукам повышает степень ответственности экономистов перед обществом. Интерпретации исторических событий и фактов – процесс, зачастую не зависящий от мнения профессиональных историков. Мнение же экономистов имеет значение для общественных дискуссий. Пьер Бурдьё, описывая научный процесс как социальный, говорил о науке как о поле борьбы за авторитет, понимаемый как способность победителя «легитимно говорить и действовать от имени науки» [23. С. 474]. Экономический мейнстрим одержал в этом смысле безоговорочную победу как среди экономистов, так и среди социальных наук, в борьбе за возможность продвигать свое видение социального порядка. Речь в данном случае идет как о прямом влиянии экономистов на электоральный процесс посредством участия представителей академического сообщества в числе соавторов экономической программы того или иного кандидата (подробное исследование на примере США см. [24]), так и о процессах более «тонких». Перформативность экономической теории – дискутируемый в последние десятилетия вопрос. Обладая своими «слепыми пятнами», экономическая наука формирует представление общества об институтах и экономическом поведении и тем самым, как показала Катерина Маркьонни, опосредованно влияет на сами экономические институты [25]. Природа и механизмы влияния различны. С одной стороны, представление о перформативном потенциале экономики как науки восходит к концепции Дж. Остина, показавшего в работе *How to do things with words*, что многие описательные речевые акты формируют и изменяют саму реальность [26] (пример исследования перформативности экономики в этом контексте см. [27]). С другой, перформативность понимается через так называемую теорему Томаса о самосбывающихся пророчествах, согласно которой восприятие людьми ситуаций как реальных создает реальные последствия этих ситуаций, даже если сами ситуации никогда не существовали [28]. В случае с экономической теорией и ее влиянием на экономическую реальность это демонстрируется с неожиданной стороны, отчасти ставящей под сомнение объективное существование модели *homo economicus* в реальности до момента ее появления в трудах экономистов. Так, Дейл Миллер показал, что установка на реализацию собственных интересов и соответствующая максимизация полезности – не природная детерминанта природы человеческого поведения, а выработанная западной культурой поведенческая установка [29]. К схожим выводам пришли и авторы исследования [30], показавшие, что знание экономической теории поощряет эгоистическое поведение. Человек экономический – «воображаемый образ, существующий в совершенно различной литературе», дитя западной культуры [31. С. 351–352], самореализует себя во множественности человеческих выборов, в основе которых – заданная установка на рациональность выбора в строго предполагаемом смысле. Он, таким образом, сродни современному мифу в описании Ролана Барта: дискретный, «существующий не в виде оформленных больших рассказов, а лишь в виде „дискурса“; это не более чем фразеология, корпус фраз (стереотипов)» [32. С. 474].

Наконец, третий аспект перформативности берет свое начало в сложном взаимодействии экономической науки и власти. Лишь отчасти это согласуется с участием экономистов в избирательных кампаниях, в большей степени же речь идет о влиянии экономистов на принимаемые политиками и чиновниками решения, основанные на экономической экспертизе. В государственном управлении технократического типа возрастает роль научной экспертизы: технократы-чиновники склонны полагаться на строгое экономическое знание, а не на идеологию как таковую, и в этом смысле становятся более открыты к восприятию тезисов позитивной экономической науки. Однако в сложном процессе взаимодействия технократической бюрократии и экспертного сообщества экономистов происходит упрощение экономического знания и впоследствии упрощение принимаемых решений. В данном случае перформативность во взаимоотношениях науки и власти носит характер сообщающихся сосудов: власть нуждается в получении простой картины управляемого мира, ее для власти создают экономисты, власть верит в ту простую версию реальности, которую ей представили ученые, принимая ее за реально существующий предмет административного регулирования, и именно он становится объективной реальностью как в глазах ученых, так и в бюрократическом процессе (о взаимодействии практик производства научного знания и бюрократических процессов см. работу О. Б. Кошовец [33]).

Отсылки к экономической теории с ее формализованной реальностью ложатся в основу практик управления общественным сектором, порой игнорирующих отдельные аспекты сферы регулирования, что приводит к негативным последствиям, однако ни авторитет бюрократов, ни авторитет соответствующих ученых не ставится под удар (пример такого давления экономической теории, в частности, идеи экономии от масштаба, над прочими факторами при планировании реформ общественного сектора см. в исследовании [34]).

Три рассмотренных аспекта перформативности взаимоопределяют и порождают друг друга: миф о реальности, вырастающий из опыта ее познания и определения языком экономической науки, становится той самой реальностью. Миф реализует себя через множественность индивидуальных выборов экономических агентов, следующих в своих траекториях неким идеальным установкам о должном экономическом поведении. Подобное понимание соотносимо с трактовкой позднего Дугласа Норта о культуре как первопричине социальных институтов. Институты для него – репрезентация представлений человека и общества о своих предшествующих опытах познания внешней среды, которые и составляют саму культуру [35. С. 80]. Вопрос о влиянии идеологии, убеждений, общественных дискурсов и доминирующих нарративов поднимался недавно и В. В. Вольчиком [36].

Таким образом, какой бы строгой ни была проблема демаркации научного и ненаучного знания, поставленная позитивистами, мы вслед за неопозитивистами, среди которых упомянутые нами выше Томас Кун и Имре Лакатос, полагаем, что для социальных наук (и экономика не исключение) вопрос разграничения научного и ненаучного, в данном случае идеологического, знания далек от своего положительного решения. Широко ретранслируемое положение о верифицируемости экономического знания, с учетом сказанного выше, создает дополнительные общественные риски при принятии значимых решений. Ниже мы покажем это на весьма неочевидном примере. Экономический мейнстрим создал неверные общественные ожидания на Западе от результатов экономических реформ в Китае в конце XX в., что на нынешнем этапе привело к сложным политическим последствиям. Искажению в восприятии реальности пореформенного Китая способствовала, прежде всего, индифферентность экономистов к описательным практикам других социальных наук. Эффект был усилен экономическим империализмом: программой, предполагающей, что экономика может стать рамочной конструкцией для социальных наук (подробнее о дискуссии см. [37]).

Социализм с китайской спецификой как онтологический вызов

Социализм с китайской спецификой и опыт деконструкции

Выше мы говорили о том, что экономика как наука не только изучает, но и создает экономическую реальность. Как никто иной, китайский народ в годы правления Мао Цзэдуна ощущал на себе: экономическая наука (а марксизм можно считать одной из парадигм экономического знания) может вырасти в идеологию и подчинить себе реальность, менять ее, перекраивать по своим принципам. Яркий всплеск маоистской идеологизации экономической политики – так называемый большой скачок (1958–1960), против которого выступали многие авторитетные члены Коммунистической партии Китая (далее – КПК). Но Мао Цзэдун смело отметал сомнения: «...», (з)абегание вперед“ – это марксизм, борьба против забегания вперед – это анти-марксизм», – говорил он [38. С. 122]. Разумеется, это экстремальный пример идеологизации экономической политики, когда идеология основывается на экономическом знании, пусть и упрощенно понимаемом: в те годы советские исследователи писали об отсутствии теоретических выкладок в экономической программе маоизма [39. С. 205]. Тем не менее сама основа дискурса с набором базовых понятий и категорий были заимствованы Мао Цзэдуном из марксистско-ленинской политэкономии.

После его смерти в 1976 г. Китайская Народная Республика (далее – КНР) пусть и не сразу, но перешла к экономическим реформам: в 1978 г. на Третьем пленуме Центрального комитета 11-го созыва было объявлено о начале реализации политики реформ и открытости, той, что по прошествии 40 лет превратит китайскую экономику, разоренную потрясениями XX в., в глобального лидера. Историография китайских реформ насчитывает огромное количество публикаций, «секреты успеха» описаны более чем подробно: создание специальных экономических зон, реформы государственного сектора, фискальная децентрализация, огром-

ные государственные вложения в основной капитал и т. д. – в рамках данной работы мы не будем подробно останавливаться на механизмах реализации реформ. Нас более интересует идеологическая составляющая, ведь осуществление рыночных по своему содержанию реформ создавало риски легитимности правящего политического режима. Уже в те годы история знала множественные примеры рыночных реформ, реализованных авторитарными режимами: Сингапур периода Ли Куан Ю, реформы Пак Чон Хи в Южной Корее. В обоих случаях авторитарные лидеры инициировали рыночные реформы, четко очерчивая пределы либерализации сферой экономической жизни и выстраивая механизмы неформального политического контроля за экономикой. Авторитарные рыночные реформы в странах Азии создали особые рыночные механизмы, часто называемые «кумовским капитализмом» (*Crony Capitalism*) со всеми соответствующими ему издержками в виде коррупции как системного явления (актуальное исследование кумовского капитализма в странах Восточной Азии см. [40]). Схожий опыт был и у Китая, но не коммунистического: речь о реформах режима Чан Кайши (о них на примере банковского сектора см. [41]). Однако ни Ли Куан Ю, ни Пак Чон Хи, ни Чан Кайши при проведении рыночных реформ не надо было отмежевываться от нерыночной идеологии: напротив, все три политических режима свою политическую легитимность выстраивали на жесткой антикоммунистической риторике и, таким образом, рыночные реформы были органичны природе идеологической легитимности режимов. Реформаторы из числа членов КПК стояли перед более сложной задачей. Будучи партией, чья политическая легитимность строилась вокруг личности Мао Цзэдуна и его радикальной антирыночной и антикапиталистической позиции (оба понятия он, как представляется, отождествлял), они должны были совершить исторический разворот, который, если следовать марксистско-ленинской парадигме об историческом развитии, был шагом назад: от плановой экономики и народных коммун как радикальной формы социальной кооперации назад к частно-рыночным отношениям.

Сама реальность диктовала необходимость начала рыночных реформ, более того, в западной исследовательской литературе был популярен нарратив, согласно которому рыночные реформы в КНР были движением снизу, власть лишь постфактум придавала формальную законность уже фактически произошедшим в экономике изменениям [42. С. 51]. Разумеется, для китайской стороны такой способ описания событий был неприемлем, так как в явной форме снижал роль КПК как руководящего ядра реформ и высвечивал лишь один из аспектов, тогда как их следовало бы рассматривать в совокупности всех процессов [43. С. 66]. Как бы то ни было, многие рыночные элементы в самом деле вырастали «снизу». Но вопрос признания рыночных элементов со стороны КПК – хранителя политического наследия Мао Цзэдуна – создавал явные сложности как внутри партии, так как многие ее члены сохраняли искреннюю верность идеям почившего лидера, так и вовне ее. М. В. Карпов рассматривал эту проблему со стороны политологии: в его понимании сама концепция государства и партии ленинского типа, по образу и подобию которой была построена КПК и политическая система, ядром которой она стала, не предполагала и не могла предполагать рыночных механизмов экономической координации: партия занимает командные высоты в экономике и именно благодаря этому реализует свою политическую программу во всей ее полноте. Согласно этой логике, вся последующая траектория реформ, компромиссных по своей сути, являлась следствием попыток найти равновесие между сохранением экономики, для чего необходима была рыночная либерализация, и поддержанием политической легитимности КПК [44].

Найти выход из логического противоречия – рыночные реформы, реализуемые антирыночной партией, – помогла идеология: модель социализма с китайской спецификой (有中国特色的社会主义, ю чжунго тэсэдэ шэхуэйчжуй) (далее – СКС). Фактически социализм с китайской спецификой, часто упоминаемый в китайских основных партийных и государственных документах, не может рассматриваться как некий явно артикулированный план реформ. Напротив, это скорее идеологема, чей автор Дэн Сяопин, как многие полагают, «сознательно не стремился к созданию новой системы «реформенных» категорий, вместо этого он поставил задачу «всемерно насыщать язык правящей элиты категориями „практики“» [40. С. 206]. Впервые понятие было озвучено в 1982 г. на одном из партийных мероприятий: «...при осуществлении модернизации необходимо исходить из реальной действительности Китая. <...> Сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной

реальностью нашей страны, идти собственным путем и строить социализм с китайской спецификой...» [45. С. 5–6]. Подробности СКС раскрыты не были, но в общих чертах и на фоне сложившегося тогда дискурса реформ основные элементы были ясны: построение общества среднего достатка (сяокан), сочетание плана и рынка в процессе социалистического развития общества и сохранение основных принципов государственного устройства КНР (46. С. 423). Сяокан (общество среднего достатка, или среднезажиточное общество) – ныне прочно вошедший в китайский политический обиход термин – был в те времена также впервые озвучен Дэн Сяопином, хотя и будучи заимствованным из конфуцианской традиции (о культурно-историческом контексте понятия [47]). Дэн Сяопин использовал понятие как способ призвать к сохранению приверженности социализму: при капитализме «зажиточной стала бы жизнь нескольких процентов населения, остальные 90 с лишним процентов пребывали бы в нужде. Но при социалистическом принципе распределения жизненный уровень всего народа страны достигнет среднезажиточного уровня» [45. С. 70].

Дальнейший контекст показал, что СКС явился развитием рыночных институтов без капитализма: китайские идеологи впоследствии приложили значительные усилия к тому, чтобы показать: рынок и капитализм не тождественные понятия, законы рынка могут действовать и в социалистическом обществе. Разумеется, эти идеологические построения были более актуальны для идеологии, нежели для экономической теории, однако реалии того времени диктовали тесное взаимодействие между академическим и общественным экономическим суждением. Мы уже показывали, что СКС стал своего рода риторическим синтезом [48], позволившим китайской экономической науке и китайской управленческой элите выйти за рамки дуалистичной картины противопоставления плановой и рыночной экономик, деконструировав ее онтологические основания.

Экономический мейнстрим как западная наука

«Неправильно утверждать, что... есть только капиталистическая рыночная экономика. Почему ее нельзя развивать при социализме? Рыночная экономика не является синонимом капитализма. Основу у нас составляет плановая экономика, которая существует в сочетании с рыночной, однако это социалистическая рыночная экономика», – говорил Дэн Сяопин [46. С. 405]. Особенность эпохи состояла в том, что эта мысль была интеллектуальным вызовом не только для экономистов, прошедших школу марксистско-ленинской политэкономии в ее маоистской версии, но и для западного экономического мейнстрима, чьи представления о плановой рыночной экономике либо ограничивались ее пониманием как порочного отхождения от нормы, либо исчерпывались работами Фридриха Августа фон Хайека и Яноша Корнаи. Китайские власти в 1980-е гг. активно привлекали представителей западного мейнстрима к участию в дискуссиях о траекториях китайских реформ (о знаменитом «Башаньском совещании» 1985 г. см. [49]), однако далеко не все рекомендации западных экономистов принимались китайскими властями безоговорочно. Если первые настаивали на скорейшей рыночной либерализации посредством демонтажа механизма планового регулирования цен и приватизации государственного сектора, то вторые исходили из необходимости создания плюралистической реальности, в которой был бы сохранен механизм планового и рыночного регулирования цен: так называемая двухколейная система ценообразования, фактически существующая и поныне и предполагающая сохранение определенной номенклатуры благ (в основном относящихся к факторам производства), цены или диапазон колебания цен на которые определяет государство, при условии функционирования рыночного механизма ценообразования в экономике. Как СКС на уровне идеологии, так и двухколейный механизм позволял КПК и сохранить командные высоты (по крайней мере, отдельные рычаги реализации экономического планирования), и выстроить рыночную экономику (подробное исследование реформы цен см. [50]).

На рубеже 1970–1980-х гг. тектонические сдвиги происходили не только в китайской реальности, но и в западном обществе, и западном же экономическом сообществе. Экономические кризисы 1970-х гг. на Западе привели к поражению кейнсианцев, левые партии проигрывали выборы, а государство общественного благосостояния как идея переживало не лучшие времена. В результате новым мейнстримом экономической теории, имеющим свое влияние на власть, стал неоллиберализм [51. С. 64]. Именно представители последнего предлагали развивающимся странам воссоздать экономическую систему развитых стран у себя посредством

шоковой терапии, полагая, что китайский путь рыночного транзита с сохранением государственного сектора в экономике и планового механизма в ценообразовании – наилучший из всех возможных, так как служит сохранению стимулов к нерыночному поведению экономических агентов [43. С. 67].

И тогда, и позже уверенность представителей неолиберального мейнстрима подкреплялась тем, что Р. И. Капелюшников назвал «панинституционализмом»: тезис о том, что первопричиной перехода от мальтузианского к шumpетерианскому росту стало стабильное урегулирование прав собственности, реализовавшееся в некоторых странах Западной Европы к середине XVIII в. Вокруг этого наблюдения выстроилась концепция о существовании «плохих» и «хороших» институтов. «Хорошими» выступали институты стран Западной Европы, предполагающие свободный доступ агентов не только к экономическим ресурсам, но и к властным через возможность участия в состязательном электоральном процессе [52]. Историческая обоснованность подобной конструкции неоднократно подвергалась критике как один из примеров так называемого ориентализма: практики западных социальных наук описывали исторический путь стран Востока как тупиковый, ведущий к отставанию от Запада, и через это обосновывали колониальное доминирование Запада над Востоком (частично мы рассматривали этот вопрос в [53]). В этом смысле экономический мейнстрим выступал как западная наука, нормализующая западные институциональные порядки как норматив социально-экономического устройства.

Кризис ожиданий

Активная вовлеченность западных экономистов в процесс китайских экономических реформ и их презентации западному обществу сопровождался конструированием своих – западных – ожиданий от конечного результата реформаторского процесса. Панинституциональная концепция очерчивала узкий спектр возможных версий прогнозирования, лейтмотивом которых становилось предположение о причинно-следственной связи экономического роста, экономической либерализации с выстраиванием чистых институтов рынка, и политической либерализации через осуществление демократического транзита. Авторы из числа оптимистов предполагали, что реформенный транзит китайского общества своей конечной остановкой будет иметь капиталистическое общество с последующей политической либерализацией. В иных случаях даже предполагалось, что Китай уже достиг капитализма [42; 54. Р. 11]. Такая точка зрения, с одной стороны, соответствовала укоренившемуся представлению о «конце истории»: глобальной победе либеральной демократии и капитализма как наиболее эффективного способа реализации общественного процесса, предполагавшему глобальную институциональную вестернизацию [55], с другой – обладала значительным успокоительным эффектом, оправдывая финансовые вливания западных корпораций в коммунистический режим. Пессимисты, напротив, заявляли, что в конечном итоге китайский экономический рост прекратится, достигнув своих пределов в лице все еще авторитарных политических институтов [56. Р. 441]. Как показал опыт, ни та ни другая позиция, базировавшиеся на представлениях мейнстрима об эффективном способе экономического устройства, не реализовались: Китай не прекратил экономический рост и не приступил к политической либерализации в европейском понимании этого процесса. Напротив, как представляется ныне многим, он показал миру конкурентоспособный образец институционального устройства общества и экономики. Бросив вызов экономической теории, он между тем бросил и ценностный вызов представлениям западных политиков и бюрократов. Именно поэтому нынешнее противостояние КНР и США приобретает оттенки эсхатологической борьбы авторитаризма и либерализма. Последний, уверовав на фоне крушения советского блока в собственную безальтернативность, столкнулся с фундаментальным вызовом в лице современного Китая. Вероятно, большая погруженность экономистов в социально-исторический контекст китайского развития – а в американской синологии шли дискуссии о способности Китая к модернизации через вестернизацию и эластичности китайской культуры по отношению к внешним влияниям [57] – позволили бы уже на заре реформ лучше осознать траектории китайского пути и, таким образом, избежать онтологического шока сейчас.

Заключение

Экономику привыкли считать царицей социальных наук, дисциплиной, более иных приблизившейся к золотому стандарту естественных наук. Среди экономистов миф о том, что экономике удалось преодолеть родовое заклятие общественных наук в виде зависимости исследования и исследователя от идеологических установок и предпочтений, поддерживается структурой воспроизводства научного знания: аттестационными, издательским, дискурсивными практиками. Миф цементирует ядро экономического знания, защищает экономику от внешних дисциплинарных влияний. Как показывает опыт, экономика индифферентна по отношению к иным социальным наукам и взаимодействию с ними. Спокойна она и по отношению к различиям во внутридисциплинарных парадигмах: экономический мейнстрим не замечает гетеродоксальные концепции, и наоборот. Представление о научности экономического знания устойчиво и в общественно-политической среде. Последнее обстоятельство ложится тяжким грузом ответственности на экономистов за принимаемые обществом и политиками решения, за сформированную у последних картину мира. И наиболее сложным здесь представляется взаимодействие ученых и бюрократов, для которых экономика – инструмент обоснования принимаемых решений.

Экономика может и создает общественные идеологии и представления, не только исследует, но и формирует саму экономическую реальность. Однако, будучи рожденной на Западе, она привыкла выстраивать свои онтологии вокруг нормализации бытующих на Западе социальных порядков. Описывая и предсказывая траектории развития незападных стран, она имплицитно исходит из предпосылки о том, что рано или поздно они пойдут по пути соответствия описываемой экономикой мейнстрима социальной реальности, понимаемой как наиболее эффективный способ принятия и реализации экономических решений. Похожая точка зрения сложилась в среде западных экономистов относительно рыночных реформ в Китае в конце XX в., создав неверные ожидания, разделявшиеся политиками стран Запада относительно будущего устройства Китая. В свое время среди траекторий будущего развития Китая западные экономисты, а вместе с ними и политики видели лишь две основные: ползучая либерализация и ограничение влияния государства в китайской экономике, сопровождаемые демократизацией политической сферы, либо достижение пределов экономического роста, возможных для стран с авторитарными институтами. Оба прогноза выросли из представления о том, что экономический рост возможен лишь в рыночных экономиках при условии политического либерализма и ограничения государственного влияния на общество. Неолиберализм как доминирующая на тот момент парадигма в экономическом мейнстриме предполагал исключительно такое видение, с одной стороны, условий экономического роста, с другой – будущего Китая как части мирового сообщества. Это давало соответствующую надежду для западных политиков, видевших Китай в будущем втянутым в орбиту политического развития западного мира. Такая позиция выросла, как можно увидеть постфактум, из игнорирования мейнстримом множественности вариантов условий экономического роста, в частности, определяемых разницей в мотивациях социального поведения агентов в разных культурах. Видение будущего нуждалось в корректировке за счет, в частности, синтеза с иными социальными науками, в том числе историей. Неолиберализм исходит из рассмотрения личностных мотиваций агентов, воспринимающих государственное влияние как внешний фактор своего поведения. Рыночные институты, стимулирующие экономический рост, таким образом, понимаются и как система стимулов для индивидуального рыночного поведения. Игнорируемым в данном случае оказывается фактор коллективного действия. Как показала М. С. Круглова в своей статье [58], активными проводниками рыночных реформ в Китае на начальном этапе были так называемые поселково-волостные предприятия, коллективные объединения, традиционные для китайской реальности институты, привычные к взаимодействию с жестким государственным аппаратом. В этом, пожалуй, и заключается главный парадокс того, что прогнозы по Китаю не сбылись: исходя из традиционного для Запада противопоставления государства, трактуемого в гоббсовском смысле как монстр Левиафан, общества и индивида, они видели исход реформ в перенесении баланса силы в Китае с государства на общество и на самих индивидов. Китайская же интеллектуальная традиция такого разделения не предполагала. Напротив, говоря о конфуцианском сяокан, Дэн Сяопин искал именно логики коллективного действия, где общество и государство мыслят себя как единое целое.

Целью нашего исследования было показать на примере ошибок в прогнозах и ожидании результатов китайских реформ, выросших из экономического мейнстрима, потенциал для меж- и внутридисциплинарного синтеза. Предполагаем, что, в частности, традиционный исходный институционализм, ныне понимаемый как гетеродоксальное течение, с его вниманием к культурным и историческим контекстам развития обществ, позволил бы изначально не воспринимать проблему китайских экономических реформ через призму рыночных реформ как освобождения общества и «обуздания» государства.

Список литературы

1. Кирдина-Чэндлер С. Г. О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов // *AlterEconomics*. 2023. № 1(20). С. 59–78. DOI: <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2023.20-1.4>
2. Krugman P. R. How did economics get it so wrong? // *The New York Times Magazine*. 2009. № 9. Pp. 36–44. URL: <https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html> (дата обращения: 05.04.2022).
3. Stiglitz J. E. The Current Economic Crisis and Lessons for Economic Theory // *Eastern Economic Journal*. 2009. № 35(3). Pp. 281–296. DOI: <https://doi.org/10.1057/ej.2009.24>
4. Акерлоф Дж. Грехи и упущения экономической науки // *Экономическая политика*. 2021. № 1(16). С. 104–123. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-1-104-123>
5. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // *Структура научных революций* / Т. Кун; сост. В. Ю. Кузнецов. Москва, 2003. С. 269–453.
6. Ольсевич Ю. Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). Москва: Институт экономики РАН, 2013.
7. Автономов В. С. Мейнстрим и кризисы // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 4. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 376–378.
8. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // *THESIS*. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
9. Тамбовцев В. Л. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? // *Journal of Institutional Studies*. 2023. № 1(15). С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022>
10. Akerlof G. A. Sins of Omission and the Practice of Economics // *Journal of Economic Literature*. 2020. № 58(2). Pp. 405–418. DOI: <https://doi.org/10.1257/jel.20191573>
11. Neves V. The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics // *Theory and Practice in the Interdisciplinary Production and Reproduction of Scientific Knowledge* / О. Pombo, K. Gärtner, J. Jesuino (Eds.). Springer, 2023. Pp. 189–203. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-20405-0_10
12. Кошовец О. Б. Экономический агент в ваших мозгах: нейроэкономический дискурс и границы рационального // *Вопросы теоретической экономики*. 2022. № 2(15). С. 7–21. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_2_7_21
13. Zafirovski M. Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined // *International Journal of Social Economics*. 2003. № 7(30). Pp. 798–826. DOI: <https://doi.org/10.1108/03068290310478757>
14. Кирдина С. Г. Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. С. 66–89. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89>
15. The Superiority of Economists / M. Fourcade, E. Ollion, Y. Algan // *Journal of Economic Perspectives*. 2015. № 29(1). Pp. 89–114. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.29.1.89>
16. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «Мрачной науки» / пер. с англ. Е. Головляницыной // *Экономическая социология*. 2015. № 4(16). С. 39–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2015-4-39-59>
17. Neves V. Economics and Interdisciplinarity: An Open-Systems Approach // *Brazilian Journal of Political Economy*. 2017. № 37(2). Pp. 343–362. DOI: <https://doi.org/10.1590/0101-31572017v37n02a05>
18. Шумпетер Й. Наука и идеология // *Философия экономики. Антология* / пер. с англ. под ред. Д. Хаусмана. Москва: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 247–264.
19. Political Language in Economics / Z. Jelveh, B. Kogut, S. Naidu // *Columbia Business School Research Paper*. 2022. № 14–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2535453>
20. Mohsen J., Chang Ha-Joon. Who Said or What Said? Estimating Ideological Bias in Views Among Economists. ResearchGate, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/330845922_Who_Said_or_What_Said_Estimating_Ideological_Bias_in_Views_Among_Economists (дата обращения: 10.04.2023).
21. Кун Т. После «Структуры научных революций» / пер. с англ. А. Л. Никифорова. Москва, 2014.

22. Экономика / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи: пер. с англ. со 2-го изд. Москва: Дело лтд, 1995.
23. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетея, 2005.
24. The Real Policy Wonks: How Economists Reshaped America // A business journal from the Wharton School of the University of Pennsylvania, 2019. URL: <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/role-of-economists/> (дата обращения: 24.07.2022).
25. Marchionni C. Social Aspects of Economics Modelling. Disciplinary Norms and Performativity // Methodology and History of Economics: Reflections with and without Rules / В. Caldwell, J. Davis, U. Mäki, Esther-Mirjam Sent (Eds.). Routledge, 2022.
26. Austin J. L. How to Do Things with Words / eds. J. O. Urmson, M. Sbisà; 2d ed. Cambridge: Harvard University Press, 1955.
27. Ореховский П. А. Структуры когнитивности и российские реформы: научный доклад, препринт. Москва: Институт экономики РАН, 2019.
28. Merton R. K. The Thomas Theorem and the Matthew Effect // Social Forces. 1995. № 74(2). Pp. 379–422. DOI: <https://doi.org/10.2307/2580486>
29. Miller D. T. The norm of self-interest // American Psychologist. 1999. № 12(54). Pp. 1053–1060. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066x.54.12.1053>
30. Does Studying Economics Inhibit Cooperation? / F. H. Robert, T. Gilovich, D. T. Regan // Journal of Economic Perspectives. 1993. № 7(2). Pp. 159–171. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.7.2.159>
31. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма / пер. с фр. С. Рындина. Москва: Новое литературное обозрение, 2010.
32. Ролан Б. Система моды. Статьи по семиотике культуры. Москва, 2003.
33. Кошовец О. Б. Экономическое знание и власть: от научной объективности к технологиям имперсональности и социальному конструированию // Эпистемология и философия науки. 2022. № 1(59). С. 171–189. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202259113>
34. Economics performativity and its consequences for accounting and organizational spaces: the case of public sector reforms / P. Skaerbaek, K. Tryggstad, M. Christensen // *Space and Organizing*. Pp. 104–120. 2023. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781800881563.00013>
35. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
36. Вольчик В. В. Идеи, символы и нарративы для экономического развития России // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 1(17). С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.5-22>
37. Вольчик В. В. Междисциплинарность в экономической науке: между империализмом и плюрализмом // Terra Economicus. 2015. № 4. С. 52–64. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2015-4-52-64>
38. Усов В. Н. Китайская Народная Республика в 1949–1960 гг. // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / гл. ред. акад. РАН С. Л. Тихвинский. Москва: Наука, 2017. С. 19–198.
39. Борох О. Н. Приоритеты экономического развития Китая в современной официальной идеологии // AlterEconomics. 2023. № 1(20). С. 189–215. DOI: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10>
40. Kang D. C. Transaction Costs and Crony Capitalism in East Asia // Comparative Politics. 2003. № 4(35). Pp. 439–458. DOI: <https://doi.org/10.2307/4150189>
41. Круглова М. С. Банки, финансы и реформы в Нанкинское десятилетие (1928–1937): Синтетическая экономическая политика // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 127–141. DOI: https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
42. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. Москва: Новое издательство, 2013.
43. Борох О., Ломанов А. Китайский путь реформ в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6(64). С. 66–75. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75>
44. Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. Москва; Санкт-Петербург, 2004.
45. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: пер. с кит. Москва: Политиздат, 1988.
46. Панцов А. В. Дэн Сяопин. Москва: Молодая гвардия, 2013.
47. Smith C. A. Datong and Xiaokang // Afterlives of Chinese Communism: Political Concepts from Mao to Xi / C. Sorace, I. Franceschini, & N. Loubere (Eds.). 2019. Pp. 63–66.
48. Вольнский А. И., Круглова М. С. «Социализм с китайской спецификой» как результат риторического синтеза в экономической политике // Синтез в экономической теории и экономической политике / под общ. ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер. Москва: ИЭ РАН, 2022. С. 334–351.

49. Борох О. Н. Иностранцы экономисты и китайские реформы: вклад Башаньского совещания (1985 г.) в формирование стратегии преобразований // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 4. С. 93–109. DOI: [htt9ps://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109](https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109)
50. Жигулева В. В. Реформа системы ценообразования КНР (1978–2002): дис. ... канд. экон. наук. Москва, 2004.
51. Ореховский П. А. Парадоксы регрессивной модернизации и экспорт российских институтов // Федерализм. 2019. № 2. С. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-61-71>
52. Капелюшников Р. И. Contra панинституционализм / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
53. Волынский А. И. Мезоэкономика роста: изучая опыт китайских реформ // Вопросы теоретической экономики. 2019. № 1. С. 84–99.
54. China v America // The Economist. October 2018. 20th.
55. Волынский А. И. К концу истории // Восточный курьер. 2022. № 4. С. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.18254/s268684310023799-6>
56. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N. Y.: Crown Business, 2012.
57. Lin D. X. John K. Fairbank's Construction of China, 1930s–1950s: Culture, History, and Imperialism // Journal of American-East Asian Relations. 2012. № 3–4(19). Pp. 211–234. DOI: <https://doi.org/10.1163/18765610-01904003>
58. Круглова М. С. Поселково-волостные предприятия КНР: успех реформаторов или эволюция традиционного института? // Terra Economicus. 2020. № 18(4). С. 111–125. DOI: <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125>

References

1. Kirdina-Chandler, S. G. (2023). On Synthesis and Interdisciplinarity in Economics: Comparison of Russian and English Discourses. *AlterEconomics*, 20(1), 59–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.201.4>
2. Krugman, P. R. (2009). How did economics get it so wrong? *The New York Times Magazine*, 9, 36–44. <https://www.nytimes.com/2009/09/06/magazine/06Economic-t.html>
3. Stiglitz, J. E. (2009). The Current Economic Crisis and Lessons for Economic Theory. *Eastern Economic Journal*, 35(3), 281–296. <https://doi.org/10.1057/eej.2009.24>
4. Akerlof, G. (2021). Sins of Omission and the Practice of Economics. *Economic policy*, 16(1), 104–123. (In Russ.). <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-1-104-123>
5. Lakatos, I. (2003). Falsification and methodology of scientific-research programs. In *Structure of scientific revolutions* (pp. 269–453). Moscow. (In Russ.).
6. Olsevich, Yu. Ya. (2013). *Contemporary crisis of the “mainstream” in estimations of its representatives (preliminary analysis)*. Moscow: Institute of Economics RAS. (In Russ.).
7. Avtonomov, V. S. (2012). Mainstream and crises. In *The 12th International scientific conference on the problems of economy and society development* (In 4 books. Book 4, pp. 376–378). Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
8. Friedman, M. (1994). The Methodology of Positive Economics. *THESIS*, 4, 20–52. (In Russ.).
9. Tambovtsev, V. L. (2023). Claim for pluralism in economics: what is behind it? *Journal of Institutional Studies*, 15(1), 6–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.1.006-022>
10. Akerlof, G. A. (2020). Sins of Omission and the Practice of Economics. *Journal of Economic Literature*, 58(2), 405–418. <https://doi.org/10.1257/jel.20191573>
11. Neves, V. (2023). The Utopia of Interdisciplinarity: A View from Economics. In: *Theory and Practice in the Interdisciplinary Production and Reproduction of Scientific Knowledge in the XXI Century*. Pombo O., Gärtner K., Jesuino J. (eds.). Springer, 189–203. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20405-0_10
12. Koshovets, O. B. (2022). An economic agent in your brain: neuroeconomic discourse and the limits of rationality. *Issues of economic theory*, 15(2), 7–21. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_2_7_21
13. Zafirovski, M. (2003). Orthodoxy and heterodoxy in analyzing institutions: Original and new institutional economics reexamined. *International Journal of Social Economics*, 30(7), 798–826. <https://doi.org/10.1108/03068290310478757>
14. Kirdina, S. G. (2013). Methodological individualism and methodological institutionalism. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 66–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-10-66-89>
15. Fourcade, M., Ollion, E., & Algan, Y. (2015). The Superiority of Economists. *Journal of Economic Perspectives*, 29(1), 89–114. (In Russ.). <https://doi.org/10.1257/jep.29.1.89>
16. Rodrik, D. (2015). Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science. *Journal of Economic Sociology*, 16(4), 39–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2015-4-39-59>

17. Neves, V. (2017). Economics and Interdisciplinarity: An Open-Systems Approach. *Brazilian Journal of Political Economy*, 37(2), 343–362. <https://doi.org/10.1590/0101-31572017v37n02a05>
18. Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. In D. M. Hausman (Ed.) *The Philosophy of Economics. An Anthology* (pp. 247–264). Moscow: Gaidar Institute. (In Russ.).
19. Jelveh, Z., Kogut, B., & Naidu, S. (2022, December 13). Political Language in Economics. *Columbia Business School Research Paper*, 14–57. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2535453>
20. Mohsen, J., & Chang, H. (2019). Who Said or What Said? Estimating Ideological Bias in Views Among Economists. *ResearchGate*. https://www.researchgate.net/publication/330845922_Who_Said_or_What_Said_Estimating_Ideological_Bias_in_Views_Among_Economists
21. Kuhn, Th. (2014). *The Road since Structure*. Moscow. (In Russ.).
22. Fisher, S., Dornbusch, R., & Schmalenzi, P. (1995). *Economy*. Moscow: Delo LTD. (In Russ.).
23. Bourdieu, P. (2005). *Social space: fields and practices*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia. (In Russ.).
24. The Real Policy Wonks: How Economists Reshaped America. (2019, October 17). *A business journal from the Wharton School of the University of Pennsylvania*. <https://knowledge.wharton.upenn.edu/article/role-of-economists/>
25. Marchionni, C. (2022). Social Aspects of Economics Modelling. Disciplinary Norms and Performativity. In B. Caldwell, J. Davis, U. Mäki, E.-M. Sent. *Methodology and History of Economics: Reflections with and without Rules* (1st ed.). Routledge.
26. Austin, J. L., Urmsom, J. O., & Sbisà, M. (Eds.) (1955). *How to Do Things with Words* (2d ed.). Cambridge: Harvard University Press.
27. Orekhovskiy, P. A. (2019). *Structures of cognitivity and Russian reforms: Scientific report, preprint*. Moscow: Institute of Economics RAS.
28. Merton, R. K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*, 74(2), 379–422. <https://doi.org/10.2307/2580486>
29. Miller, D. T. (1999). The norm of self-interest. *American Psychologist*, 54(12), 1053–1060. <https://doi.org/10.1037/0003-066x.54.12.1053>
30. Frank, R. H., Gilovich, Th., & Regan, D. T. (1993). Does Studying Economics Inhibit Cooperation? *Journal of Economic Perspectives*, 7(2), 159–171. <https://doi.org/10.1257/jep.7.2.159>
31. Laval, Ch. (2010). *Homo economicus. Essay on the Origin of Neoliberalism*. Moscow: New literary review. (In Russ.).
32. Barthes, R. (2003). *The Fashion System. Articles on the semiotics of culture*. Moscow: Publishing house. Sabashnikov. (In Russ.).
33. Koshovets, O. B. (2022). Economic knowledge and power: from scientific objectivity to technologies of impersonality and social design. *Epistemology & Philosophy of Science*, 59(1), 171–189. (In Russ.). <https://doi.org/10.5840/eps202259113>
34. Skaerbaek, P., Tryggestad, K., & Christensen, M. (2023). Economics performativity and its consequences for accounting and organizational spaces: the case of public sector reforms. In *Space and Organizing* (pp. 104–120). <https://doi.org/10.4337/9781800881563.00013>
35. North, D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Moscow: Publishing House of HSE University. (In Russ.).
36. Volchik, V. V. (2023). Ideas, symbols and narratives for the economic development of Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(1), 5–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.5-22>
37. Volchik, V. V. (2015). Interdisciplinarity in economic science: between imperialism and pluralism. *Terra Economicus*, 13(4), 52–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2015-4-52-64>
38. Usov, V. N. (2017). The People's Republic of China in 1949–1960. In S. L. Tikhvinsky (Ed.). *History of China from ancient times to the beginning of the 21st century* (In 10 vol., Vol. VIII: People's Republic of China (1949–1976), pp. 19–198). Moscow: Nauka. (In Russ.).
39. Borokh, O. N. (2023). Priorities of China's Economic Development in Contemporary Official Ideology. *AlterEconomics*, 20(1), 189–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-1.10>
40. Kang, David C. (2003). Transaction Costs and Crony Capitalism in East Asia. *Comparative Politics*, 35(4), 439–458. <https://doi.org/10.2307/4150189>
41. Kruglova, M. S. (2023). Banking, Finance and Reform in the Nanjing Decade (1928–1937): A Synthetic Economic Policy. *Issues of Economic Theory*, 1, 127–141. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2023_1_127_141
42. Coase, R., & Ning, W. (2013). *How China became capitalist*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.).
43. Borokh, O., & Lomanov, A. (2020). China's Path of Reform under Conditions of Globalization. *World Economy and International Relations*, 64(6), 66–75. (In Russ.). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75>
44. Karpov, M. (2014). *The Vicious Circle of the 'Chinese Miracle'. Market Transformations and the Problem of Reformability of the Lenin-Type Party State in the People's Republic of China*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor. (In Russ.).

45. Deng Xiaoping. (1988). *The main questions of modern China*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
46. Pantsov, A. V. (2013). *Deng Xiaoping*. Moscow: Young Guard. (In Russ.).
47. Smith, C. A. (2019). Datong and Xiaokang. In C. Sorace, I. Franceschini, N. Loubere (Eds.), *Afterlives of Chinese Communism: Political Concepts from Mao to Xi* (pp. 63–66). Anu Press.
48. Volynskii, A. I., & Kruglova, M. S. (2022). “Socialism with Chinese characteristics” as a result of rhetorical synthesis in economic policy. In V. I. Mayevsky, S. G. Kirdina-Chandler (Eds.), *Synthesis in economic theory and economic policy* (pp. 334–351). Moscow: Institute of Economics of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
49. Borokh, O. N. (2022). Foreign Economists and Chinese Reforms: the Contribution of the Bashan Conference (1985) to Shaping the Strategy of Transformation. *Issues of Economic Theory*, 4, 93–109. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2022_4_93_109
50. Zhiguleva, V. V. (2004). *Reform of the price setting system in the people’s Republic of China (1978–2002)*: PhD (Economics) thesis. Moscow. (In Russ.).
51. Orekhovskiy, P. A. (2019). Paradoxes of regressive modernization and export of Russian institutions. *Federalism*, 2, 61–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2019-2-61-71>
52. Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Contra pan-institutionalism*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.).
53. Volynskii, A. (2019). Meso-economics of the economic growth: studying the experience of Chinese reforms. *Issues of Economic Theory*, 1, 84–99. (In Russ.).
54. China v America. *The Economist*. 2018, October. 20th.
55. Volynskii, A. (2022). To the End of History. *Oriental Courier*, 4, 11–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18254/s268684310023799-6>
56. Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N. Y.: Crown Business.
57. Lin, D. X. (2012). John K. Fairbank’s Construction of China, 1930s–1950s: Culture, History, and Imperialism. *Journal of American-East Asian Relations*, 19(3–4), 211–234. <https://doi.org/10.1163/18765610-01904003>
58. Kruglova, M. S. (2020). Township and village enterprises in China: Reform success or evolution of a traditional institution? *Terra Economicus*, 18(4), 111–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-111-125>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 12.04.2023
Дата принятия в печать / Accepted 30.05.2023

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.253-268

УДК 330.4:51-77:339.137.2:327

JEL: C02, C53, C6, D4, F68

С. Ю. МАЛКОВ¹

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ: БАЗОВЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ. ЧАСТЬ 2

Малков Сергей Юрьевич, доктор технических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: s@malkov.org

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-5734-2015>

eLIBRARY ID: AuthorID: 16491

Аннотация

Цель: анализ общих закономерностей политической динамики (прежде всего в межгосударственных отношениях), обусловленных наличием конкуренции между ключевыми политическими акторами.

Методы: для исследования конкурентных взаимодействий используются методы математического динамического моделирования.

Результаты: работа является второй частью статьи, посвященной анализу общих закономерностей социально-экономической и политической динамики. В данной части исследования анализируются вопросы конкуренции социальных систем, общие особенности конкурентных взаимодействий на основе исследования базовой математической модели, описывающей конкуренцию в социально-экономической и политической сферах. С использованием базовой математической модели рассмотрены различные режимы конкурентных взаимодействий, определены условия перехода от одних режимов к другим, приведены примеры реализации этих режимов. Показано, что базовая математическая модель конкуренции позволяет описать особенности геополитической динамики как в формате соперничества, так и в формате партнерства.

Научная новизна: результаты анализа и математического моделирования позволяют выявить закономерности геополитической динамики, определить условия, при которых возможна реализация различных вариантов мирового развития.

Практическая значимость: понимание условий перехода от одного режима геополитического взаимодействия к другому повышает обоснованность прогноза геополитической динамики.

Ключевые слова: экономическая теория, конкуренция, математическое моделирование, условная информация, глобализация, геополитическая динамика

Финансирование: работа выполнена в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ имени М. В. Ломоносова «Математические методы анализа сложных систем».

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малков С. Ю. Моделирование конкурентных взаимодействий: базовые закономерности. Часть 2 // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 253–268. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.253-268

© Малков С. Ю., 2023

© Malkov S. Yu., 2023

Scientific article

S. Yu. MALKOV¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

MODELING OF COMPETITIVE INTERACTIONS: BASIC REGULARITIES. PART 2

Sergey Yu. Malkov, Doctor of Engineering, Professor, Lomonosov Moscow State University
E-mail: s@malkov.org
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-1439>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-5734-2015>
eLIBRARY ID: AuthorID: 16491

Abstract

Objective: to analyze the general patterns of political dynamics (primarily in interstate relations) caused by the presence of competition between the key political actors.

Methods: methods of mathematical dynamic modeling are used to study competitive interactions.

Results: the work is the second part of the article devoted to the analysis of general patterns of socio-economic and political dynamics. This part of the study analyzes the issues of competition of social systems, general features of competitive interactions based on the study of the basic mathematical model describing competition in socio-economic and political spheres. It has been shown that the basic mathematical model of competition allows describing the features of geopolitical dynamics both in terms of competition and in terms of partnership.

Scientific novelty: the results of analysis and mathematical modeling allow identifying the patterns of geopolitical dynamics and determining the conditions under which the implementation of various options for global development is possible.

Practical significance: comprehension of the conditions of transition from one mode of geopolitical interaction to another increases the validity of the geopolitical dynamics forecast.

Keywords: Economic theory, Competition, Mathematical modeling, Conditional information, Globalization, Geopolitical dynamics

Financial Support: the work was carried out within the framework of the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University "Mathematical methods of analysis of complex systems".

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkov, S. Yu. (2023). Modeling of competitive interactions: basic regularities. Part 2. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 253–268. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.253-268

Введение. Политическая конкуренция как объект моделирования

Данная статья является второй частью статьи, посвященной анализу общих закономерностей социально-экономической и политической динамики (как внутри общества, так и в межгосударственных отношениях), обусловленных наличием конкуренции между ключевыми экономическими и политическими акторами. Инструментом данного анализа является математическое моделирование, а именно базовая математическая модель конкуренции, позволяющая выявить общие черты во внешне непохожих друг на друга явлениях экономической и политической жизни.

Первая часть статьи [1] была посвящена экономической конкуренции и ее особенностям. С использованием базовой математической модели было показано, при каких условиях экономическая конкуренция способствует

экономическому росту, а при каких – приводит к монополизму и экономической стагнации. Также было показано, что довольно типичными для экономической конкуренции являются «негрубые» (по А. А. Андронову [2]) случаи, характеризующиеся множественностью состояний равновесия, либо случаи, в которых устойчивое равновесие в условиях конкурентного взаимодействия отсутствует и неизбежен переход к монополизму – подавлению одним актором всех остальных)¹.

В предлагаемой вниманию читателя второй части статьи разговор будет идти о конкуренции социальных систем (государств), которая часто принимает *политический* характер и сопровождается борьбой за лидерство (в том числе военными средствами). Как и в первой части статьи [1], нас будут интересовать общие закономерности, которые позволяют выявить базовые математические модели. Мы обсудим две темы, касающиеся:

- геополитической динамики, связанной с образованием империй (почему в истории человечества периодически происходило резкое и быстрое усиление отдельных государств и обществ, которые начинали внешнюю экспансию и за относительно короткий срок образовывали обширные империи);
- глобализации как геополитического процесса, как результата геополитической конкуренции.

Геополитическая динамика: неравномерность исторического развития

История человечества изобилует ситуациями, когда рутинный ход событий в условиях относительного геополитического равновесия вдруг нарушался, происходило усиление какого-то государства или этноса, до этого ничем особо не выделявшегося, которое, усилившись, начинало внешнюю экспансию и за короткий по историческим меркам срок завоевывало большие территории, образовывало обширные империи, которые потом существовали на протяжении длительных периодов времени. В качестве примера можно привести образование Монгольской империи, Арабского халифата, Британской империи и т. д.

В связи с этим возникают вопросы:

1. Чем обусловлено относительное геополитическое равновесие в различных регионах мира на протяжении длительных периодов времени?
2. Почему это равновесие в определенные исторические моменты резко и кардинально нарушается?
3. Почему лидерами перемен часто становятся народы, которые до этого были на периферии исторических процессов?
4. Почему этим народам удается подчинить себе большие густонаселенные территории и создать империи, по площади намного превышающие области их первоначального расселения?

Вопросы, действительно, сложные. Убедительных, общепринятых ответов на них до сих пор нет. Пытаясь ответить на эти вопросы, Л. Н. Гумилев выдвинул теорию пассионарности. При этом пассионарные толчки, нарушающие рутинный ход истории, он связал с массовыми биологическими мутациями в отдельных регионах планеты, которые периодически вызывались прилетающими на Землю высокоэнергетическими космическими частицами [3].

Анализ базовой модели конкуренции [1] позволяет посмотреть на данную проблему несколько иначе и попытаться дать объяснение указанным процессам без привлечения гипотезы о таинственных космических частицах.

Напомним базовую модель конкуренции, приведенную в первой части статьи (см. [1]) и описывающую изменение соотношения сил различных акторов (от английского *act* – «действовать») в ходе конкурентных взаимодействий:

$$du_i/dt = A_i(u_i) - B_i(u_i) + \sum_{j \neq i} C_{ij}(u_i, u_j); \quad i, j = 1, 2, 3, \dots, N, \quad (1)$$

¹ Это указывает на ограниченную применимость широко распространенного тезиса о том, что рыночные конкурентные отношения обладают способностью приводить экономическую систему к эффективному равновесию.

где t – время; N – количество взаимодействующих акторов; u_i – показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования, экономической мощи и т. п.) i -го актора в момент времени t . Член $A_i(u_i)$ описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го актора. Член $B_i(u_i)$ описывает снижение «силы» i -го актора вследствие процессов, непосредственно не связанных с конкурентной борьбой (отрицательные обратные связи в социальной системе, ресурсные ограничения и т. п.). Члены $C_{ij}(u_i, u_j)$ описывают взаимодействие между акторами. В случае, когда это взаимодействие конкурентное, данные члены отрицательны, поскольку в конкурентной борьбе акторы стремятся подавить (ослабить) друг друга.

В упрощенном виде (при сохранении только линейных и квадратичных членов в правых частях уравнений (1)) базовая модель конкуренции может быть записана следующим образом:

$$du_i/dt = a_i \cdot u_i - b_i \cdot u_i^2 + \sum_{j \neq i} c_{ij} \cdot u_i \cdot u_j; i, j = 1, 2, 3, \dots, N; a_i > 0, b_i > 0. \quad (2)$$

Фазовые портреты системы (2) при различных соотношениях коэффициентов a_i, b_i, c_{ij} в случае взаимодействия двух акторов ($N = 2$) представлены в [1] на рис. 1 и 2. Поведение системы (2) при изменении значений коэффициентов a_i, b_i, c_{ij} , отраженное на этих рисунках, позволяет предложить ответы на поставленные выше вопросы.

Пусть акторы в модели (2) – это государства (общества) некоторого региона, конкурентно взаимодействующие друг с другом (конкуренция/соперничество государств-соседей – это типичная ситуация в межгосударственных отношениях во все исторические эпохи). Если взаимодействие достаточно длительное, то в конечном итоге устанавливается определенное равновесное состояние, типичный фазовый портрет которого изображен на рис. 1 (сплошными линиями на рисунках обозначены изоклины, на которых траектории изменяют направление движения²; кружочком обозначен устойчивый аттрактор – состояние, к которому эволюционирует система с течением времени).

Рисунок 1 отражает ситуацию, когда конкуренция ухудшает состояние взаимодействующих акторов, но не настолько, чтобы привести их к фатальной дестабилизации и к поражению в конкурентной борьбе (те государства, которые не выдержали конкурентной борьбы, уже прекратили свое существование и поэтому в состав акторов модели (2) не входят³). Ситуация конкурентного равновесия, отображенная на рис. 1, может сохраняться достаточно долго (в течение десятилетий и даже столетий), при этом координаты устойчивого состояния (аттрактора) могут изменяться, но сам аттрактор не исчезает. Это отражает ситуацию относительного геополитического равновесия, характерную для «спокойных» исторических периодов.

Данное равновесие может быть нарушено, если произойдет существенное изменение внешних условий. В качестве таких изменений в истории выступали, например, изменения климата (глобальные похолодания или потепления)⁴. Их особенностью является то, что они действуют одновременно на все государства (общества) региона.

В качестве иллюстрации на рис. 2 приведены данные об изменении средней температуры в северном полушарии за последние пять с половиной тысяч лет.

Особенно критичными для северного полушария являлись глобальные похолодания, которые приводили к дестабилизации хозяйственной жизни и ухудшению условий существования населения [4], особенно в регионах, прилегающих к изотерме января, равной нулю градусов по шкале Цельсия⁵. В кризисные периоды

² Выражения для изоклин получаются, если приравнять правые части уравнений (2) нулю. При $N = 2$ изоклины системы (2) представляют собой прямые линии, пересечение которых – это точка равновесия: если переменные системы (2) оказались в этой точке, то их дальнейшее перемещение по фазовой плоскости прекращается.

³ В ходе исторического процесса происходит своеобразный «естественный отбор»: каждое государство стремится укрепиться в конкурентной борьбе со своими соседями, но у одних это получается, а у других – нет. Более слабые государства, не нашедшие способов противостоять угрозам, погибают в конкурентной борьбе и завоевываются соседями. В результате те государства, которые выживают, становятся близки друг другу по своей силе: они не настолько сильны, чтобы завоевать (подчинить себе) соседей, и не настолько слабы, чтобы позволить соседям себя завоевать.

⁴ О влиянии климатических изменений на исторический процесс см., например, [4–8].

⁵ Это связано с тем, что хозяйственная жизнь в этой зоне очень чувствительна к уровню средней температуры [7].

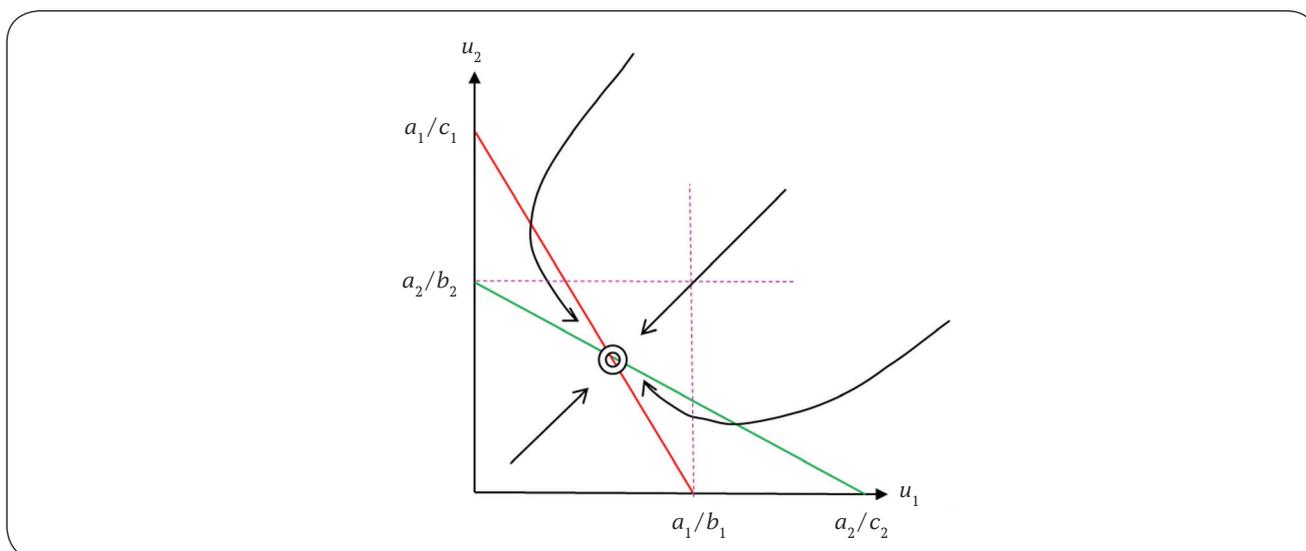

Рис. 1. Фазовый портрет с типовыми траекториями (обозначены стрелками) для случая конкурентного взаимодействия двух акторов ($c_{ij} < 0$) при относительном равенстве их сил. По оси абсцисс отложены значения u_1 , по оси ординат – значения u_2

Источник: составлено автором.

Fig. 1. Phase portrait with typical trajectories (indicated with arrows) for the case of competitive interaction between two actors ($c_{ij} < 0$) under relatively equal powers. Axis x shows values of u_1 , axis y – values of u_2

Source: compiled by the author.

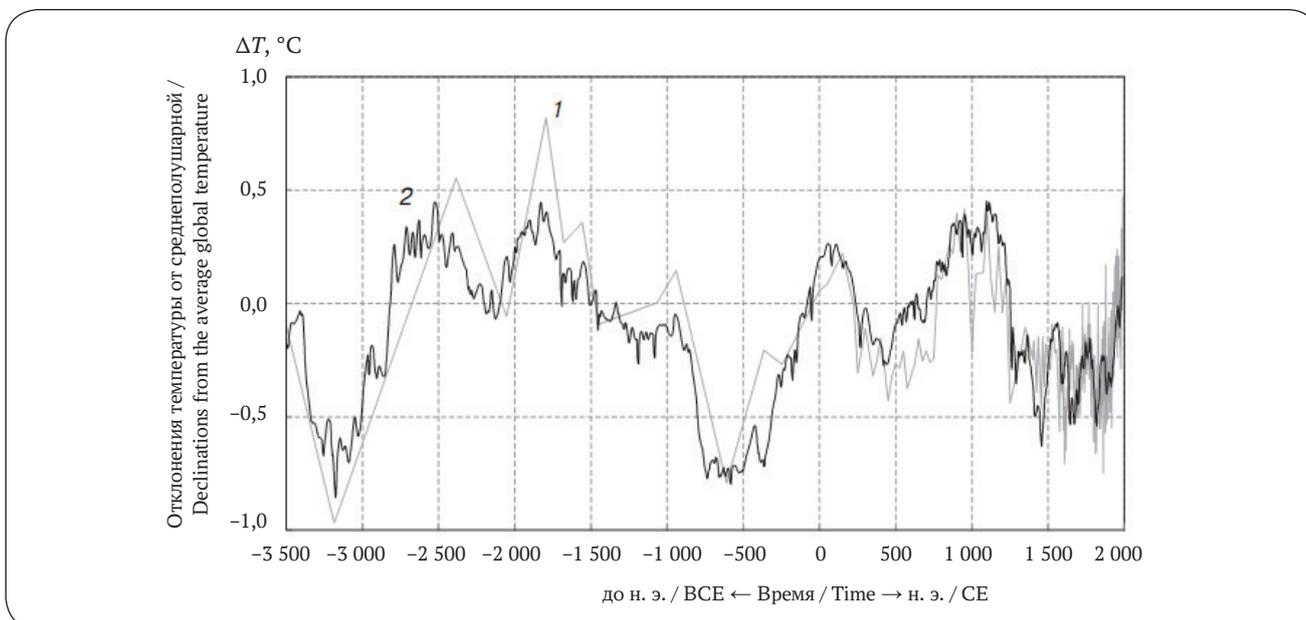

Рис. 2. Изменение средней температуры в северном полушарии за последние пять с половиной тысяч лет

Источник: [6].

Fig. 2. Changes in average temperature in the northern hemisphere in the recent five and a half thousand years

Source: [6].

на фоне ухудшения общего состояния государств обостряется конкурентная борьба между ними (поскольку возникает желание решить обострившиеся внутренние проблемы за счет ресурсов внешних акторов⁶), начинаются интенсивные миграционные процессы⁷, приводящие к дестабилизации, нарушающие привычный ход жизни. На языке базовой модели это выражается в увеличении значений c_{ij} в уравнениях (2). При этом система (2) становится все более «негрубой»: изоклины сближаются (рис. 3), устойчивость состояния равновесия снижается, и даже небольшие изменения коэффициентов в уравнениях (2) могут приводить к сильному смещению точки равновесия на фазовой плоскости (изменение коэффициентов приводит к изменению наклона изоклин, а следовательно, к смещению точки их пересечения, см. рис. 4).

Содержательно это означает, что в такие периоды усиливается геополитическая нестабильность (в том числе учащаются попытки геополитических акторов поправить свое ухудшающееся состояние за счет соседей).

При этом фазовый портрет системы (2) может кардинально измениться, если какой-то из акторов получит явное преимущество над остальными в результате реализации удачной технической (например, в военном деле) или социальной инновации. На языке модели это означает увеличение коэффициента a_i у этого актора и, соответственно, изменение расположения изоклины на фазовом портрете. Данная ситуация отражена на рис. 5.

Видно, что в ситуации всеобщего кризиса (приводящей к сближению изоклин, см. рис. 4) удачная техническая или социальная инновация, введенная одним из акторов, может дать ему решающее преимущество в конкурентной борьбе (рис. 5) и обеспечить победу над геополитическими соперниками (что было бы практически невозможно, случись это в спокойное время)⁸.

Таким образом, на сформулированные выше вопросы по результатам анализа базовой модели (2) могут быть даны следующие ответы:

1) относительное геополитическое равновесие в различных регионах мира на протяжении длительных периодов времени во многом обусловлено устойчивостью состояния равновесия во взаимодействии основных геополитических акторов (см. рис. 1), притом что слабые акторы достаточно быстро устраняются с исторической арены в результате непрерывно идущего «естественного отбора»⁹;

2) данное равновесие в определенные исторические моменты серьезно нарушается вследствие изменения внешних условий (прежде всего вследствие периодически происходящих климатических изменений, см. рис. 2), что дестабилизирует общество и погружает его в кризисное состояние, усиливая внутреннюю и внешнюю конфликтность. Геополитическая система становится неустойчивой (значения коэффициентов c_{ij} увеличиваются, изоклины сближаются, система становится «негрубой», по А. А. Андронову, см. рис. 3);

3) в этой ситуации возникает шанс усилиться у обществ, которые до этого были на периферии исторического процесса: им легче перестроиться (реформироваться) и внедрить инновации, которые, в случае их успешности, могут дать им важное преимущество по отношению к другим акторам (см. рис. 4);

4) этого обретенного преимущества может оказаться достаточно для экспансии и подчинения себе других акторов, поскольку те находятся в ослабленном, кризисном состоянии и отягчены внутренними проблемами (рис. 5). Это создает предпосылки для образования обширных империй. При этом образование империй может иметь положительный эффект даже для покоренных народов, поскольку распространение

⁶ Такую стратегию проводят в настоящее время США.

⁷ Примерами подобного рода миграций являлись нашествия «народов моря» в средиземноморском регионе в начале второго тысячелетия до нашей эры, Великое переселение народов в IV–VII вв. нашей эры, современные волны миграции из Ближнего Востока и Африки в Европу.

⁸ Действительно, из рис. 2 видно, что подъем греко-римской цивилизации начался после «темных веков» (связанных с резким похолоданием конца первого тысячелетия до н. э.), экспансия Арабского халифата случилась после резкого похолодания третьего – пятого столетий нашей эры, возвышение Великобритании произошло во время «малого ледникового периода», начавшегося в XIV в.

⁹ Под естественным отбором здесь понимается постоянное (в ходе исторического процесса) тестирование социальных систем на выживаемость и способность парировать возникающие внешние угрозы, а также решать внутренние проблемы. Те социумы, которым удается выработать способы эффективного решения указанных задач, продолжают свое существование и развитие; социумы, которым не удается это сделать, сходят с исторической арены (распадаются, завоевываются соседями и т. п.).

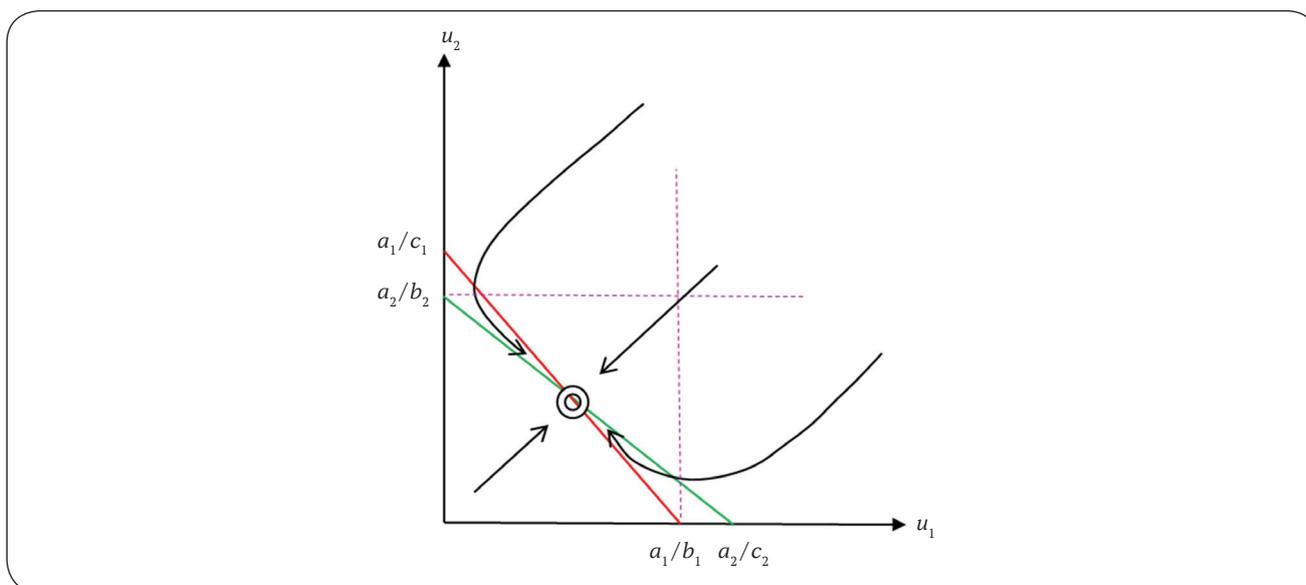

Рис. 3. Трансформация фазового портрета системы (2) при увеличении значений c_{ij} (по сравнению с фазовым портретом на рис. 1)

Источник: составлено автором.

Fig. 3. Transformation of the phase portrait of system (2) when the c_{ij} values increase (compared to phase portrait in Fig. 1)

Source: compiled by the author.

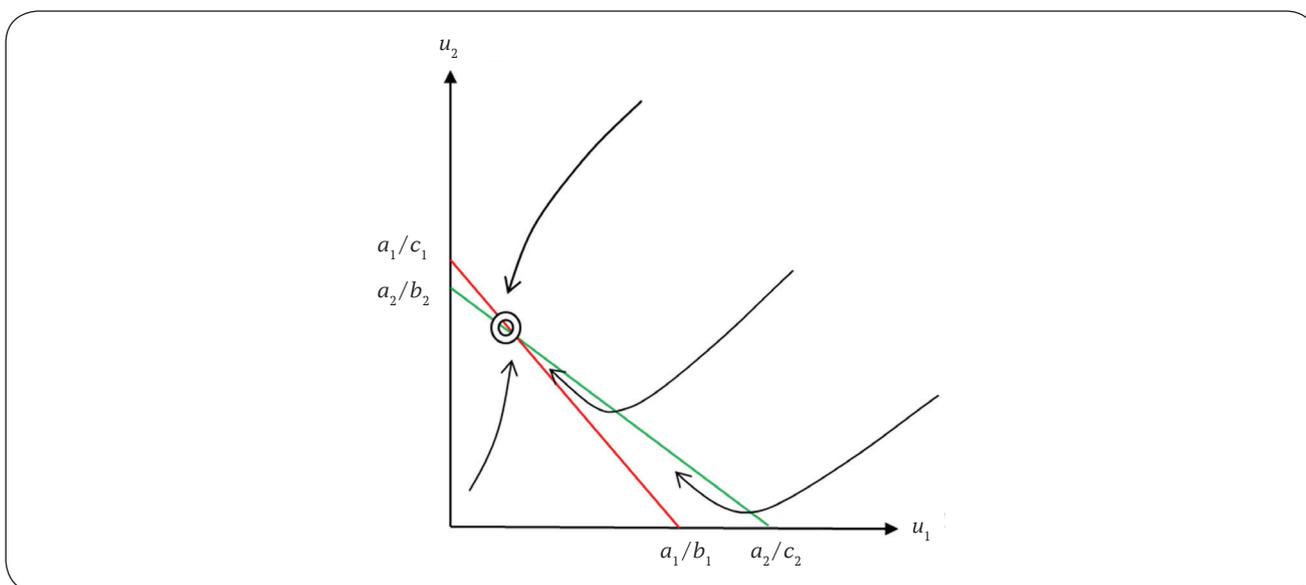

Рис. 4. Смещение точки равновесия системы (2) при небольшом изменении угла наклона изоклины в сравнении с ситуацией, отображенной на рис. 3

Источник: составлено автором.

Fig. 4. Shift of equilibrium point of system (2) under a small change of isoclines declination compared to the situation shown in Fig. 3

Source: compiled by the author.

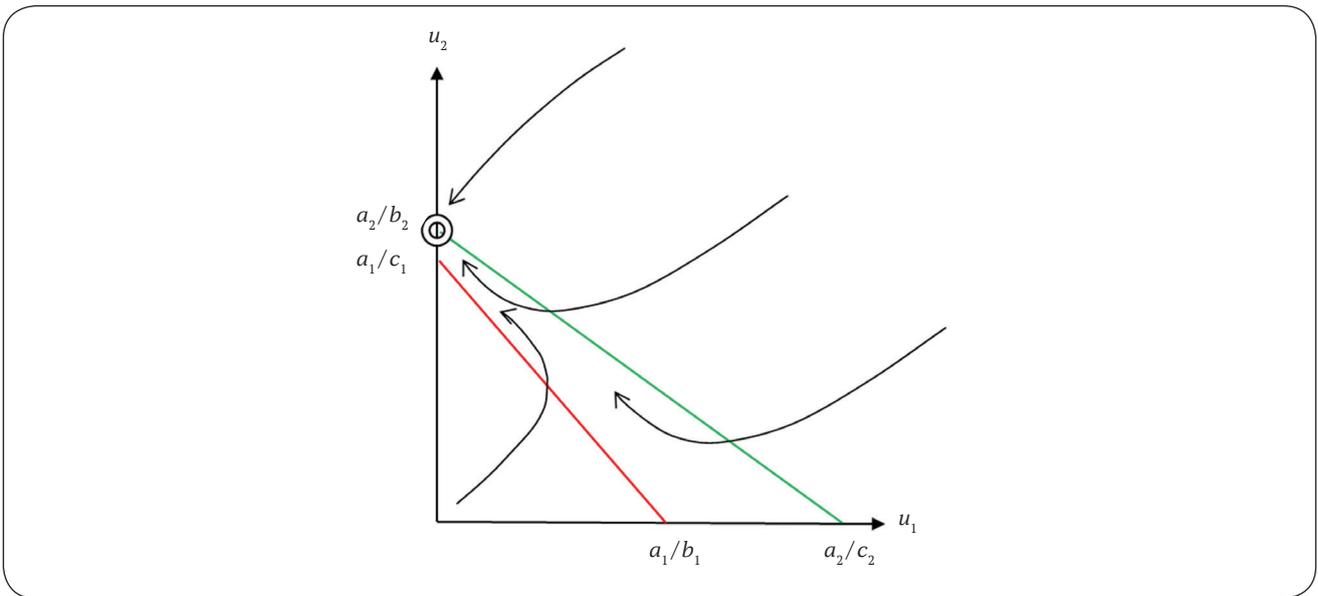

Рис. 5. Изменение фазового портрета (по сравнению с портретом на рис. 4) при увеличении значения a_2 : состояние равновесия исчезает, актер № 2 полностью подавляет актора № 1

Источник: составлено автором.

Fig. 5. Change in the phase portrait (compared to phase portrait in Fig. 4) when the a_2 value increases: the state of equilibrium disappears, actor 2 completely subdues actor 1

Source: compiled by the author.

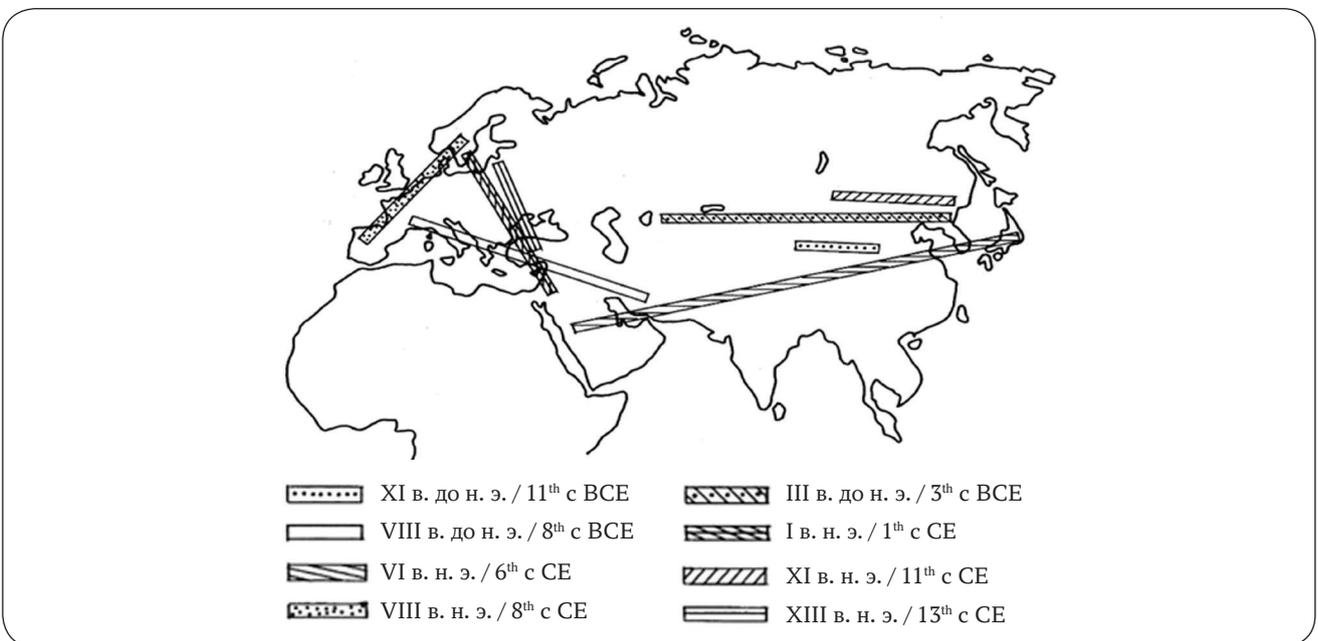

Рис. 6. География пассионарных толчков по Л. Н. Гумилеву

Источник: [3].

Fig. 6. Geography of passionate pushes by L. N. Gumilev

Source: [3].

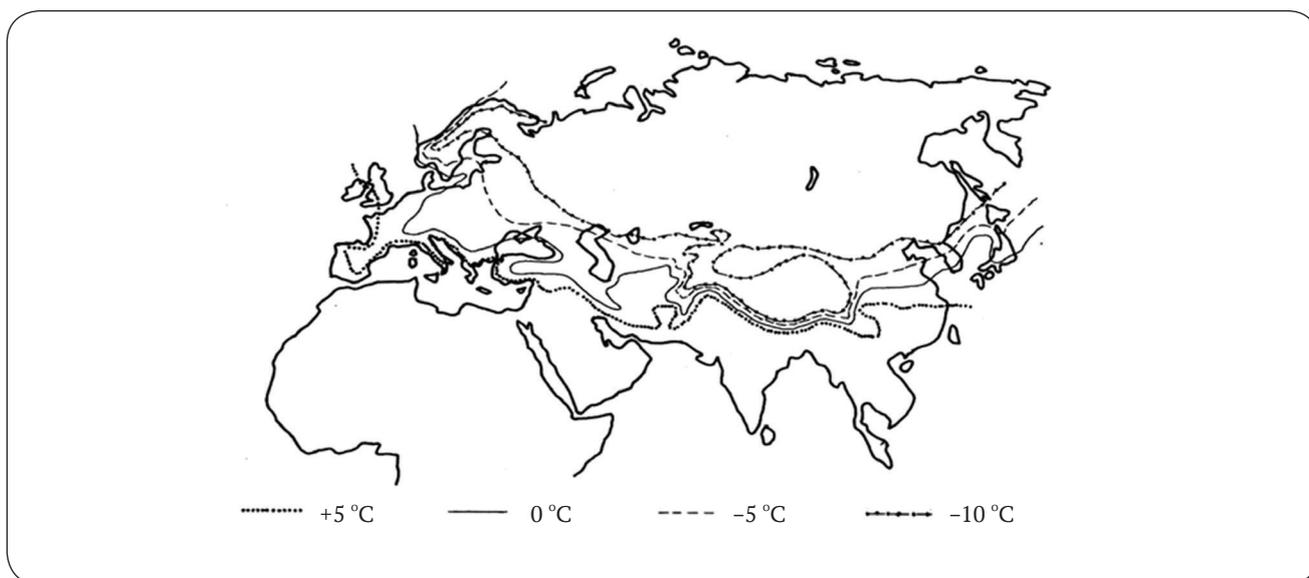

Рис. 7. Расположение изотерм января на территории Евразии в современный период

Источник: [7].

Fig. 7. Contemporary location of January isotherms in Eurasia

Source: [7].

успешных инноваций¹⁰ обществ-лидеров в процессе их экспансии может помочь всему региону выйти из депрессивного состояния и дать импульс историческому развитию.

В свете вышесказанного «пассионарные толчки», для объяснения которых Л. Н. Гумилев прибегал к гипотезе воздействия космических лучей, можно связать (хотя бы частично) с климатическими кризисами. Действительно, если посмотреть на географию «пассионарных толчков», описанных Л. Н. Гумилевым [3] (рис. 6), то видно, что они в эпохи потеплений смещались на север, а в эпохи похолоданий – на юг, отслеживая смещение изотермы января, равной нулю градусов по Цельсию (современное расположение этой изотермы изображено на рис. 7, ее резкий загиб на север в Европе обусловлен влиянием теплого Гольфстрима), поскольку именно регионы, прилегающие к данной изотерме, наиболее чувствительны к изменениям климата¹¹.

Глобализация как геополитический процесс

Выше закономерности геополитической динамики анализировались с использованием базовой модели (1) и ее упрощенного варианта (2), в которых в явном виде не учитывается пространственная компонента. Между тем в геополитике и геоэкономике пространственный фактор имеет важное значение. Анализ базовой модели конкуренции с учетом пространственной компоненты проводился в работах [9–14]. Ниже мы используем предложенные там подходы для анализа процессов глобализации.

Обычно под глобализацией понимают «процесс усиления взаимозависимости и взаимовлияния между всеми структурными элементами общепланетарного социума» [15. С. 260] и используют этот термин применительно к современной эпохе. Однако если посмотреть шире и рассматривать процессы постепенного

¹⁰ Это могут быть технические, военные, институциональные, идеологические (например, новые религии) инновации, позволяющие решить накопившиеся проблемы.

¹¹ Более подробно об этом см. [7].

территориального укрупнения социальных систем (от отдельных племен к ранним государствам, затем от развитых государств к империям и далее – к современному глобальному обществу с его трансконтинентальной торговлей и транспортом, глобальными информационными системами, наднациональными институтами), то становится ясно, что процессы глобализации сопровождают всю историю человечества; просто в более ранние эпохи то, что сейчас называют глобализацией, носило более локальный характер, ограничиваясь отдельными регионами планеты¹². Чем поможет математическое моделирование в понимании закономерностей процессов глобализации?

Рассмотрим базовую модель конкуренции (1) с учетом пространственной компоненты. Данная модель изложена в работах [12, 13] и имеет вид:

$$\partial u_i / \partial t = A_i(u_i, x, y) - B_i(u_i, x, y) + \sum_{j \neq i} C_{ij}(u_i, u_j) + D_i(u_i, x, y), \quad (3)$$

где $i, j = 1, 2, 3, \dots, N$; t – время; x, y – пространственные координаты; u_i – показатель, характеризующий «силу» (степень влияния, доминирования, экономической и военной мощи и т. п.; см. [14]) i -го актора в момент времени t в точке пространства (x, y) . Член $A_i(u_i, x, y)$ описывает воспроизводство (возобновление) «силы» i -го актора. Член $B_i(u_i, x, y)$ описывает снижение «силы» i -го актора вследствие процессов, непосредственно не связанных с конкурентной борьбой (отрицательные обратные связи в социальной системе, ресурсные ограничения и т. п.). Член $D_i(u_i, x, y)$ описывает распространение «силы» i -го актора в пространстве. Члены $C_{ij}(u_i, u_j)$ описывают взаимодействие между акторами. В случае, когда это взаимодействие конкурентное, данные члены отрицательны, поскольку в конкурентной борьбе акторы стремятся подавить (ослабить) друг друга.

В упрощенном виде (при сохранении только линейных и квадратичных членов в правых частях уравнений (3)) базовая модель конкуренции геополитических акторов может быть записана следующим образом:

$$\partial u_i / \partial t = a_i \cdot u_i - b_i \cdot u_i^2 + \sum_{j \neq i} c_{ij} \cdot u_i \cdot u_j + D_i(x, y) \cdot \Delta u_i, \quad (4)$$

где $i, j = 1, 2, 3, \dots, N$; $a_i > 0, b_i > 0, c_{ij} \leq 0$; $D_i(x, y)$ – коэффициент, характеризующий скорость распространения «силы» i -го актора в пространстве; Δ – оператор Лапласа $\left(\Delta = \frac{\partial^2}{\partial x^2} + \frac{\partial^2}{\partial y^2} \right)$.

На рис. 8 показано, как ведет себя система, состоящая из элементов трех типов (они обозначены на рисунке красным, синим и зеленым цветами), взаимодействие которых описывается уравнениями (4).

Видно, что процесс развития конкурентных взаимодействий, описываемых моделью (4), делится на ряд стадий:

1) стадия I (кадры 1–4 от момента времени $t = 0$ до $t = 250$): образование в результате межвидовой борьбы «чистых» областей (кластеров), в которых преобладают элементы определенного типа (разные для разных областей);

2) стадия II (кадры 5–7 от момента времени $t = 500$ до $t = 2500$): борьба между кластерами за расширение пространства, которое они занимают. На этой стадии антагонистическое взаимодействие кластеров происходит лишь на фронтах раздела между ними, при этом динамика изменений по сравнению с предыдущей стадией существенно замедляется. В конечном счете побеждает (т. е. захватывает все пространство) какой-то один кластер, однако какой именно, изначально неясно. Важно, что первые две стадии носят стохастический характер, конечный результат на этих стадиях однозначно непредсказуем.

Иллюстрацией стадий I и II является процесс формирования и развития национальных государств в Европе в Новое время. В качестве примера на рис. 9 показано, как изменялась политическая карта Франции при переходе от феодальной раздробленности к формированию единого национального государства.

В результате данного процесса государственные образования укрупнились и стали более однородными: с едиными законами, единой финансовой системой, единым языком, единой системой образо-

¹² Такие процессы мы далее будем называть «локальной глобализацией».

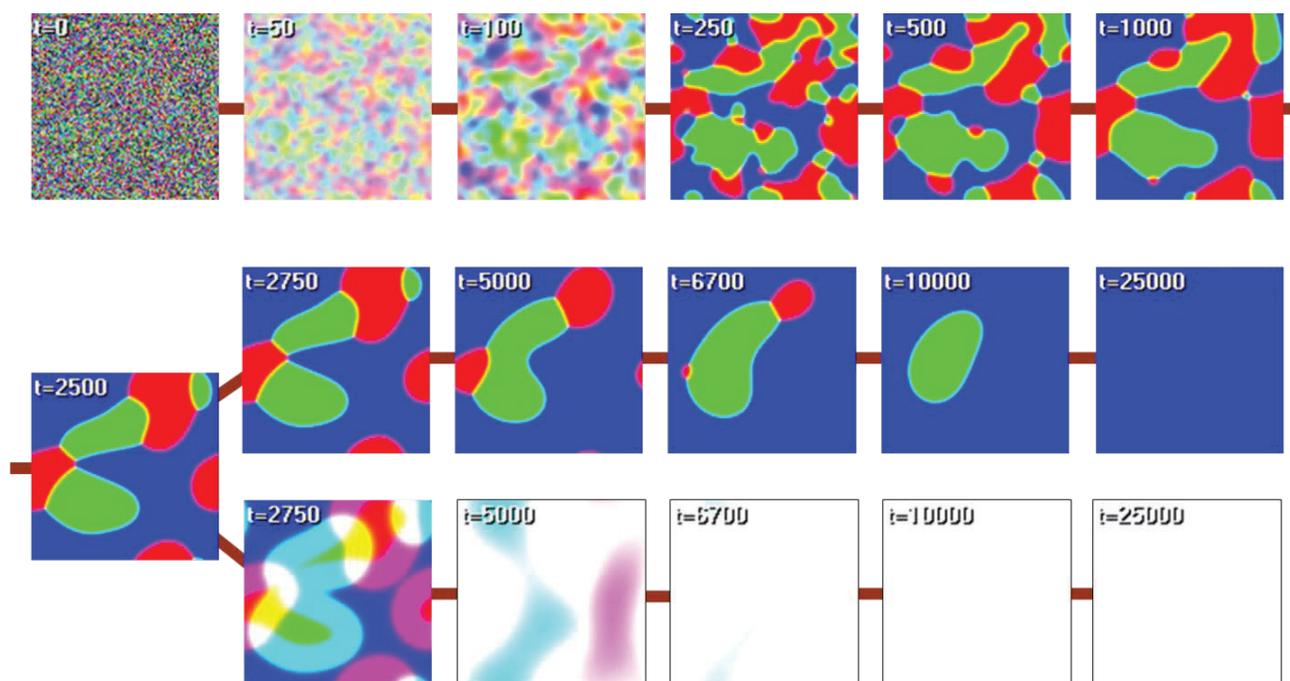

Рис. 8. Результаты моделирования конкурентных взаимодействий в виде последовательных кадров расчета динамики системы, описываемой уравнениями (4) (цифры в левом верхнем углу каждого кадра соответствуют такту расчета)

Источник: [16].

Fig. 8. Results of modeling competitive interactions as consecutive shots of the system calculation described by equations (4) (figures in the upper left corner of each shot correspond to the calculation cycle)

Source: [16].

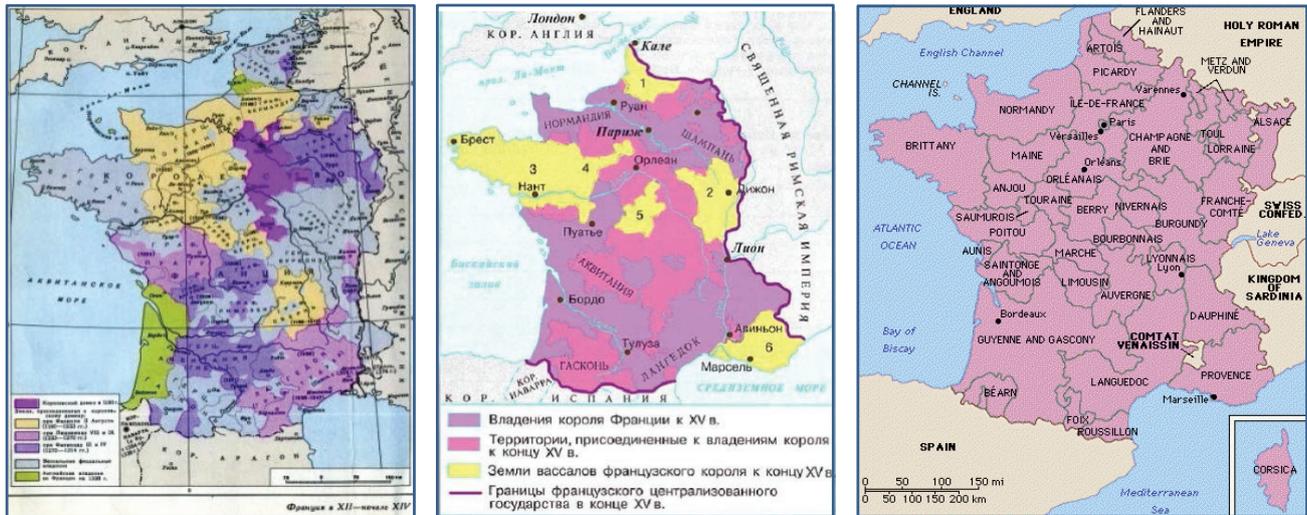
вания. Лидером и организатором этого процесса становился один из конкурирующих акторов (в случае формирования французского государства это были французские короли, в случае формирования германского государства – прусские короли и т. д.). При этом возникло новое понятие «нация», которое объединяло в систему «свой – свой» локальные социальные группы, прежде разделенные по этническому, сословному и территориальному признакам. Взаимодействие «свой – чужой» выносилось на уровень отношений между национальными государствами;

3) стадия III (начиная с кадра 7 от момента времени $t = 2\,500$ до $t = 25\,000$) распадается на два варианта. Первый вариант (верхняя ветка следующих друг за другом кадров) соответствует продолжению антагонистической борьбы между кластерами. При этом один из кластеров начинает преобладать над остальными и в конечном итоге их полностью подавляет. В конце этой стадии образуется чистое состояние, которое устойчиво и далее уже не эволюционирует.

Второй вариант стадии III (нижняя ветка следующих друг за другом кадров) соответствует случаю, когда в момент времени $t = 2\,500$ уменьшены абсолютные значения коэффициентов c_{ij} и увеличены значения коэффициентов D_i , т. е. снижен уровень антагонизма взаимодействия кластеров при одновременном увеличении интенсивности взаимодействия.

Примером развития стадии III по первому варианту является формирование империй (в том числе колониальных империй Нового времени), когда сильнейший актор подавляет всех остальных силовым образом.

Примером развития стадии III по второму варианту была практика государственного строительства СССР, где провозглашалась и реализовывалась дружба народов, взаимообогащение и взаимопроникновение

XIII в. / 13th c

XV в. / 15th c

Конец XVIII в. / End of the 18th c

Рис. 9. Изменение политической карты Франции в период с XIII до начала XIX в. н. э.

Источник: [16].

Fig. 9. Changes in the political map of France from the 13th to the beginning of the 19th cc CE.

Source: [16].

культур народов страны, была провозглашена новая историческая общность людей – советский народ [17], объединяющая все социальные группы (как белый цвет включает в себя и красный, и зеленый, и синий цвета). Аналогичную цель провозглашало христианство в начале нашей эры: «нет ни эллина, ни иудея... а есть братья во Христе».

Применительно к нынешней исторической ситуации отображаемые на рис. 9 кластеры синего, зеленого и красного цветов можно соотнести с современными глобальными геополитическими акторами (цивилизациями), характер взаимодействия которых будет определять то, по какому пути пойдет формирование будущего общества.

Верхняя ветка стадии III¹⁵ на рис. 9 соответствует формированию будущего общества по сценарию С. Хантингтона «столкновение цивилизаций» [18], в результате которого одна из цивилизаций подавляет остальные и навязывает им свои правила игры. Этот сценарий продвигается западными элитами в виде концепта «инклюзивный капитализм»¹⁴, в котором подразумевается, что «мировое правительство» будет укомплектовано их представителями.

Нижняя ветка стадии III¹⁵ на рис. 9 соответствует формированию будущего общества (который в работах [19–23] назван *Мир-организмом*) по сценарию Ю. В. Яковца – «партнерство цивилизаций» [24], в соответствии с которым происходит взаимодействие цивилизаций в интересах выработки общих целей, взаимного культурного обогащения, решения общих задач. Рисунок иллюстрирует тот факт, что взаимная диффузия

¹⁵ Верхний ряд расчета на рис. 9 соответствует варианту, когда конкуренция между акторами носит антагонистический характер, соответственно в уравнении (4) коэффициенты $c_{ij} < 0$.

¹⁴ Так называемый инклюзивный капитализм – совместный проект Ротшильдов и Папы Римского. URL: <https://i24.info/inexplicable/tak-nazyvaemyi-inkluzivnyi-kapitalizm-sovmestnyi-proekt-rotshildov-i-papy-rimskogo.html>

¹⁵ Нижний ряд расчета на рис. 9 соответствует варианту, когда антагонистическая конкуренция между акторами отсутствует при одновременном усилении интенсивности взаимодействия (при повышении значений коэффициентов D_{ij}).

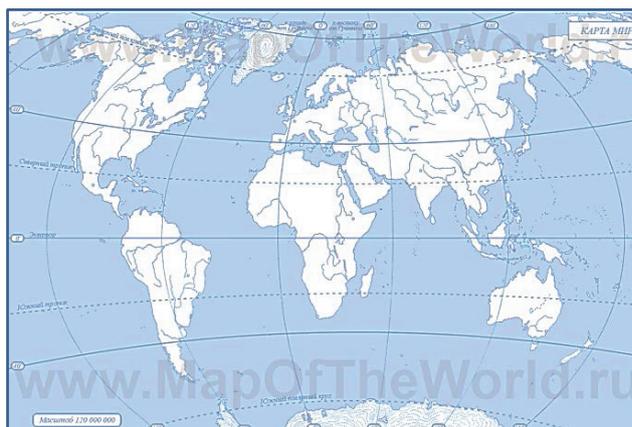
культур и усиление партнерского взаимодействия приводит к новому качественному состоянию: синий, зеленый и красный цвета, соединяясь, дают белый цвет, в котором они становятся неотъемлемыми компонентами. Белый цвет – это *общая этика*, общие правила кооперативного взаимодействия, которые становятся естественными для единого Мир-организма (единство многообразия).

Переход от современной Мир-системы конкурирующих государств к интегративному Мир-организму приведен на рис. 10.

Естественно, сам по себе такой переход не произойдет. Он может быть осуществлен только в результате целенаправленной, согласованной и упорной политики стран мира, заинтересованных в его реализации. Особенности и риски этого перехода рассмотрены в работах [25–30].

Современная политическая карта мира /
Contemporary political map of the world

Будущая политическая карта мира /
Future political map of the world

Рис. 10. Изменение политической карты мира при будущей трансформации мировой системы¹⁶

Источник: [16].

Fig. 10. Changes in the political map of the world under the future transformation of the global system

Source: [16].

Заключение

Целью данной работы был анализ закономерностей социально-экономической и политической динамики (как внутри общества, так и в межгосударственных отношениях), обусловленных наличием конкуренции между ключевыми экономическими и политическими акторами. Специфика данной работы заключалась в том, что этот анализ проводился с использованием базовой математической модели, описывающей конкурентное взаимодействие, для того чтобы выявить наиболее общие особенности влияния конкуренции на социально-экономическую и политическую динамику и не утонуть в деталях рассмотрения конкретных ситуаций. Основными выводами исследования являются следующие:

1) в противовес широко распространенному мнению, что конкурентные рыночные отношения приводят к эффективному и устойчивому экономическому равновесию, показано, что довольно типичными для экономической конкуренции являются «негрубые» (по А. А. Андронову) случаи с характерными для них множественными состояниями равновесия либо случаи, в которых устойчивое равновесие в условиях кон-

¹⁶ Подразумевается, что государственные границы на политической карте мира – это границы кластеров, разделяющих «своих» и «чужих». В случае интегративного общества такого деления уже не будет (все будут «своими»), останутся лишь административные границы.

курентного взаимодействия отсутствует, при этом конкурентное взаимодействие с неизбежностью приводит к монополизму – подавлению одним актором всех остальных;

2) показано, что рыночная конкуренция дает положительный результат (стимулирует экономический рост) при наличии «игры с положительной суммой» (т. е. при росте ресурсной базы). Если рост ресурсной базы заканчивается и «игра с положительной суммой» переходит в «игру с нулевой суммой», конкуренция, как показывает моделирование, неизбежно приводит к монополизму и необходимости регулирования экономических процессов;

3) в отношении политической конкуренции базовая модель показывает, что во время «спокойных» исторических периодов происходит установление относительного равновесия во взаимодействии основных геополитических акторов и «выбраковка» слабых политических игроков (своеобразный «естественный отбор» социумов на геополитическом поле). Однако при резких изменениях внешних условий (например, при климатических изменениях) устойчивость равновесия снижается до критического уровня и ситуация становится близкой к «негрубой» (по А. А. Андронову). В этой ситуации даже периферийные общества, в случае если они внедряют успешные технические, военные или социальные инновации, могут получить решающее преимущество над другими обществами, начать внешнюю экспансию и добиться политического господства над большим географическим регионом. Данный механизм может объяснить логику «пассионарных толчков» (по Л. Н. Гумилеву) без привлечения гипотез о внешних космических воздействиях;

4) с использованием пространственной модели геополитической конкуренции рассмотрены особенности процесса глобализации. Показано, что возможны два основных варианта развития: по сценарию С. Хантингтона – «столкновение цивилизаций», в результате которого одна из цивилизаций подавляет остальные и навязывает им свои правила игры, либо по сценарию Ю. В. Яковца – «партнерство цивилизаций», в результате которого происходит переход от современной Мир-системы конкурирующих государств к интегративному Мир-организму, основанному на единстве многообразия народов и культур. С использованием базовой тематической модели сформулированы условия реализации данных вариантов.

Список литературы

1. Малков С. Ю. Моделирование конкурентных взаимодействий: базовые закономерности. Часть 1 // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 1. С. 35–50.
2. Андронов А. А., Понтрягин Л. С. Грубые системы // Доклады АН СССР. 1937. Т. 14, № 5. С. 247–250.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. 639 с.
4. Клименко В. В. Климат: непрочитанная глава истории. Москва: Издательский дом МЭИ, 2009. 407 с.
5. Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. Москва: Мысль, 1988. 522 с.
6. Карлин Л. Н., Самусевич И. Н. Глобальный климат, история и культура // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 1(14). С. 130–138.
7. Малков С. Ю. Социальная самоорганизация и исторический процесс: Возможности математического моделирования. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
8. Малков С. Ю., Маркова А. А. Влияние изменений климата на глобальную демографическую динамику: статистический анализ эмпирических данных // История и синергетика: Математические модели социальной, экономической и культурной динамики / отв. ред. С. Ю. Малков, А. В. Кортаев. 2-е изд., испр. и доп. Москва: КомКнига, 2010. С. 49–75.
9. Чернавский Д. С. Синергетика и информация (динамическая теория информации). 2-е изд., испр. и доп. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
10. Математическое моделирование геополитических процессов / Д. С. Чернавский, Н. М. Чернавская, С. Ю. Малков, А. С. Малков // Стратегическая стабильность. 2002. № 1. С. 60–66.
11. Борьба условных информаций / Д. С. Чернавский, Н. М. Чернавская, А. С. Малков, С. Ю. Малков // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. Москва: КомКнига, 2005. С. 88–102.
12. Геополитические процессы как объект математического моделирования / Д. С. Чернавский, Н. М. Чернавская, С. Ю. Малков, А. С. Малков // История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики. Москва: КомКнига, 2005. С. 103–116.

13. Борьба условных информаций / Д. С. Чернавский, Н. М. Чернавская, С. Ю. Малков и др. // Информационные войны. 2006. № 1. С. 3–14.
14. Акаев А. А., Малков С. Ю. Геополитическая динамика: возможности логико-математического моделирования // Геополитика и безопасность. 2009. № 4(8). С. 39–55.
15. Ильин И. В. Основы глобалистики: учебное пособие. Москва: Издательство Московского университета, 2021. 303 с.
16. Преодолевая пределы роста. Основные положения доклада для Римского клуба: монография / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, И. В. Ильин, И. А. Алешковский и др.; под ред. В. А. Садовниченко. Москва: Издательство Московского университета, 2023.
17. Конституция (основной закон) СССР. 1977.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2003.
19. Малков С. Ю. От Мир-системы к Мир-организму // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 2013. № 1. С. 76–84.
20. Малков С. Ю. От Мир-системы к Мир-организму // История и математика: футурологические и методологические аспекты / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2015. С. 57–70.
21. Малков С. Ю. Моделирование закономерностей мировой динамики // Компьютерные исследования и моделирование. 2017. Т. 9, № 3. С. 419–432. DOI: <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2017-9-3-419-432>
22. Малков С. Ю., Максимов А. А. Эпохи перемен: из прошлого в будущее // Информационные войны. 2018. № 2(46). С. 16–23.
23. Малков С. Ю. О прогнозе мировой динамики в 21 веке // История и современность. 2021. № 4. С. 39–57. DOI: <https://doi.org/10.30884/iis/2021.04.03>
24. Теория и стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций (Ялтинского мира – 2). Монография. В 2 т. / сост. и науч. ред. Ю. В. Яковец, А. А. Акаев, С. Ю. Малков. Москва: МИСК – ИНЭС, 2020.
25. Малков С. Ю., Максимов А. А. Контуры грядущего миропорядка // История и современность. 2018. № 4(30). С. 3–29.
26. Малков С. Ю. Россия в контексте мировой динамики // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. акад. М. Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С. А. Степанова; ред. и сост. Г. Р. Исакова. Москва: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 55–74.
27. Малков С. Ю., Максимов А. А. Современная «эпоха перемен» и ее риски // Проектирование цифрового будущего. Научные подходы: коллективная монография / под ред. Г. Г. Малинецкого, В. В. Иванова, П. А. Верника. Москва: ТЕХНОСФЕРА, 2020. С. 245–252.
28. Малков С. Ю., Давыдова О. И. Модернизация как глобальный процесс: опыт математического моделирования // Компьютерные исследования и моделирование. 2021. Т. 13, № 4. С. 859–873. DOI: <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-4-859-873>
29. Моделирование и прогнозирование мировой динамики в XXI веке / В. А. Садовничий, А. А. Акаев, И. В. Ильин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 5–35.
30. Малков С. Ю. Россия в условиях мирового кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 11–25. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-11-25>

References

1. Malkov, S. Yu. (2023). Modeling of competitive interactions: basic regularities. Part 1. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(1), 35–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2023.1.35-50>
2. Andronov, A. A., & Pontryagin, L. S. (1937). Robust systems. *Reports of the USSR Academy of Sciences*, 14(5), 247–250. (In Russ.).
3. Gumilev, L. N. (2001). *Ethnogenesis and biosphere of the Earth*. Saint Petersburg: Kristall. (In Russ.).
4. Klimenko, V. V. (2009). *Climate: unread chapter of history*. Moscow: Izdatel'skii dom MEI. (In Russ.).
5. Borisenkov, E. P., & Pasetskii, V. M. (1988). *Millennial chronicle of extraordinary natural phenomena*. Moscow: Mysl. (In Russ.).
6. Karlin, L. N., & Samusevich, I. N. (2010). Global climate, history and culture. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, 1(14), 130–138. (In Russ.).
7. Malkov, S. Yu. (2009). *Social self-organization and historical process: Capabilities of mathematical modeling*. Moscow: Knizhnyi dom "Librokom". (In Russ.).

8. Malkov, S. Yu., & Markova, A. A. (2010). Impact of climate changes on the global demographic dynamics: statistical analysis of empirical data. In S. Yu. Malkov, A. V. Korotaev (Eds.), *History and synergetics: Mathematical models of social, economic and cultural dynamics* (2d Ed., pp. 49–75). Moscow: KomKniga. (In Russ.).
9. Chernavskii, D. S. (2004). *Synergetics and information (dynamic theory of information)* (2d Ed.). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Chernavskii, D. S., Chernavskaya, N. M., Malkov, S. Yu., & Malkov, A. S. (2002). Mathematic modeling of geopolitical processes. *Strategicheskaya stabilnost*, 1, 60–66. (In Russ.).
11. Chernavskii, D. S., Chernavskaya, N. M., Malkov, A. S., & Malkov, S. Yu. (2005). Struggle of conditional informations. In *History and synergetics: Mathematic modeling of social dynamics* (pp. 88–102). Moscow: KomKniga. (In Russ.).
12. Chernavskii, D. S., Chernavskaya, N. M., Malkov, A. S., & Malkov, S. Yu. (2005). Geopolitical processes as the object of mathematic modeling. In *History and synergetics: Mathematic modeling of social dynamics* (pp. 103–116). Moscow: KomKniga. (In Russ.).
13. Chernavskii, D. S., Chernavskaya, N. M., Malkov, S. Yu., Malinetskii, G. G., & Malkov, A. S. (2006). Struggle of conditional informations. *Informatsionnye Voyny*, 1, 3–14. (In Russ.).
14. Akaev, A. A., & Malkov, S. Yu. (2009). Geopolitical dynamics: capabilities of logical-mathematic modeling. *Geopolitics and Security*, 4(8), 39–55. (In Russ.).
15. Sadovnichii, V. A., Akaev, A. A., Ilyin, I. V., Aleshkovskii, I. A., Andreev, A. I., Bilyuga, S. E., Grinin, A. L., Grinin, L. E., Davydova, O. I., Kovaleva, N. O., Korotaev, A. V., Malkov, S. Yu., & Musieva, D. M. (2023). *Beyond the limits. Basic provisions of the report to the Club of Rome*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
16. Ilyin, I. V. (2021). *Fundamentals of globalistics: tutorial*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
17. *Constitution (fundamental law) of the USSR, 1977*. (In Russ.).
18. Huntington, S. (2003). *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.).
19. Malkov, A. S. (2013). From World-system to World-organism. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*, 1, 76–84. (In Russ.).
20. Malkov, S. Yu. (2015). From World-system to World-organism. In L. E. Grinin, A. V. Korotaev (Eds.). *History and mathematics: futurological and methodological aspects* (pp. 57–70). Volgograd: Uchitel. (In Russ.).
21. Malkov, S. Yu. (2017). World dynamics patterns modeling. *Computer Research and Modeling*, 9(3), 419–432. (In Russ.). <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2017-9-3-419-432>
22. Malkov, S. Yu., & Maksimov, A. A. (2018). Epochs of change: from the past to the future. *Informatsionnye Voyny*, 2(46), 16–23. (In Russ.).
23. Malkov, S. Yu. (2021). On the Forecast of World Dynamics in the 21st Century. *Istoriya i Sovremennost*, 4, 39–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.30884/iis/2021.04.03>
24. Yakovets, Yu. V., Akaev, A. A., & Malkov, S. Yu. (2020). *Theory and strategy of development of sustainable multipolar world order based on partnership of civilizations (Yalta peace – 2)*. In 2 Vol. Moscow: MISK –INEHS. (In Russ.).
25. Malkov, S. Yu., & Maksimov, A. A. (2018). Contours of the coming world order. *Istoriya i Sovremennost*, 4(30), 3–29. (In Russ.).
26. Malkov, S. Yu. (2019). Russia in the context of the world dynamics. In M. Ch. Zalikhanov, S. A. Stepanov, G. R. Isakova (Eds.), *Russia in the 21st century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations* (pp. 55–74). Moscow: Izd-vo MNEHPU. (In Russ.).
27. Malkov, S. Yu., & Maksimov, A. A. (2020). Contemporary “epoch of change” and its risks. In G. G. Malinetskii, V. V. Ivanov, P. A. Vernik (Eds.). *Modeling the digital future. Scientific approaches* (pp. 245–252). Moscow: TEKHNOFERA. (In Russ.).
28. Malkov, S. Yu., Davydova, O. I. (2021). Modernization as a global process: the experience of mathematical modeling. *Computer Research and Modeling*, 13(4), 859–873. (In Russ.). <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2021-13-4-859-873>
29. Sadovnichii, V. A., Akaev, A. A., Il'in, I. V., Korotaev, A. V., & Malkov, S. Yu. (2022). Modeling and Forecasting Of Global Dynamics in the XXI Century. *Bulletin of Moscow University. Series 27. “Global Studies and Geopolitics”*, 1, 5–35. (In Russ.).
30. Malkov, S. Yu. (2022). Russia in the Context of the Global Crisis. *Eurasian Integration: Economic, Law, Politics*, 16(4), 11–25. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-11-25>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 12.01.2023
Дата принятия в печать / Accepted 20.03.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND BRANCH ECONOMICS

Редактор рубрики *Н. С. Селиверстова* / Rubric editor *N. S. Seliverstova*

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.269-288

УДК 339.137.2:338.4:629.3:65.011:502/504

JEL: D4, L62, L91, Q5, R4

А. В. БАРАБОШКИНА¹,

О. В. КУДРЯВЦЕВА¹

¹ *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОГО ЭЛЕКТРОМОБИЛЯ КАК ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ СТИМУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ В РОССИИ

Барабoшкина Анастасия Валерьевна, научный сотрудник экономического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: baraboshkina-a@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2948-5940>

eLIBRARY: SPIN-код: 6031-2390, AuthorID: 960441

Контактное лицо:

Кудрявцева Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор экономического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: olgakud@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1517-0398>

eLIBRARY: SPIN-код: 9064-4420, AuthorID: 112178

Аннотация

Цель: оценка конкурентоспособности российских электромобиля и автомобиля с двигателем внутреннего сгорания с учетом экстернатальных издержек, связанных с выбросами основного парникового газа – CO₂.

Методы: в статье использованы сравнительный, количественный методы, метод анализа и синтеза, метод оценки совокупной стоимости владения (*Total Cost of Ownership, TCO*), обосновано применение стоимостной оценки предотвращения (*avoidance cost approach*) как оптимального подхода к оценке экстернатальных издержек, связанных с изменением климата.

Результаты: современное эффективное экономическое развитие неразрывно связано с организацией низкоуглеродной транспортной системы. Зеленый переход на электромобили позволяет решать проблему экстернатальных, связанную с завышенными общественными издержками из-за выбросов парниковых газов. В работе изучены перспективы перехода на строительство электротранспорта с точки зрения снижения экстернатальных издержек транспортных средств. В статье дана оценка текущего состояния и ключевых барьеров развития производства электротранспорта.

© Барабoшкина А. В., Кудрявцева О. В., 2023

© Baraboshkina A. V., Kudryavtseva O. V., 2023

Дана сравнительная оценка конкурентоспособности российских электромобиля и автомобиля с ДВС с учетом экстерналийных издержек, связанных с углеродными выбросами. Сравнение осуществлялось на основе оценки совокупной стоимости владения с учетом экстерналийных издержек, связанных с выбросами парниковых газов. В результате сравнительного анализа определено, что совокупная стоимость пятилетнего владения *Evolute i-Pro* с учетом всех мер поддержки даже ниже, чем у близкого ему по техническим характеристикам бензинового седана *Lada Vesta Sport* на 342,7 тыс. руб. Без субсидирования *Evolute i-Pro* пока не достигает паритета в стоимости владения с бензиновым автомобилем, несмотря на низкие эксплуатационные расходы, бесплатную парковку и освобождение от уплаты транспортного налога. На основе проведенного исследования сделаны выводы о мерах, необходимых для увеличения разрыва совокупной стоимости владения в автомобилях с ДВС и электромобилях для повышения конкурентоспособности последних.

Научная новизна: использован авторский подход к сравнительной оценке конкурентоспособности нового российского электромобиля *Evolute i-Pro* и бензинового автомобиля *Lada Vesta Sport*, который, помимо мер поддержки, включает экстерналийные издержки, связанные с углеродными выбросами.

Практическая значимость: полученные результаты могут пригодиться разработчикам государственных мер поддержки в рамках оценки эффективности текущего механизма субсидирования и принятия решений относительно дальнейшего стимулирования развития рынка электромобилей в России. Результаты исследования также будут особенно полезны жителям Москвы, которые задумываются о покупке отечественного электромобиля.

Ключевые слова: региональная и отраслевая экономика, электромобиль, автомобиль с двигателем внутреннего сгорания, совокупная стоимость владения, государственные субсидии, низкоуглеродное развитие, экстерналийные издержки, изменение климата, выбросы CO₂, зеленая экономика, ESG-трансформация

Финансирование: исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-00508 «Методология формирования механизмов низкоуглеродного развития российской экономики в новых условиях».

Благодарность: авторы благодарят рецензентов за ценные замечания и рекомендации.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Барабошкина А. В., Кудрявцева О. В. Оценка конкурентоспособности российского электромобиля как обоснование необходимости стимулирования рынка электромобилей в России // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 269–288. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.269-288

Scientific article

A. V. BARABOSHKINA¹,

O. V. KUDRYAVTSEVA¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ASSESSMENT OF COMPETITIVENESS OF A RUSSIAN ELECTRIC CAR AS A SUBSTANTIATION OF THE NEED TO STIMULATE ELECTRIC CARS MARKET IN RUSSIA

Anastasiya V. Baraboshkina, Researcher of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: baraboshkina-a@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2948-5940>

eLIBRARY: SPIN-код: 6031-2390, AuthorID: 960441

Барабошкина А. В., Кудрявцева О. В. Оценка конкурентоспособности российского электромобиля как обоснование необходимости...
Baraboshkina A. V., Kudryavtseva O. V. Assessment of competitiveness of a Russian electric car as a substantiation of the need...

Contact:

Olga V. Kudryavtseva, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University

E-mail: olgakud@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1517-0398>

eLIBRARY: SPIN-код: 9064-4420, AuthorID: 112178

Abstract

Objective: to assess the competitiveness of a Russian electric car and an ICE car, taking into account the external costs associated with emissions of the main greenhouse gas – CO₂.

Methods: the article uses comparative and quantitative methods, the method of analysis and synthesis, the method of estimating the total cost of ownership (TCO), justifies the use of the avoidance cost approach as an optimal approach to assessing the external costs associated with climate change.

Results: modern efficient economic development is inextricably linked with the organization of a low-carbon transport system. The green transition to electric vehicles makes it possible to solve the problem of externalities associated with the increased public costs due to greenhouse gas emissions. The paper examines the prospects for the transition to electric cars from the viewpoint of reducing the external costs of cars. The article assesses the current state and key barriers to the development of electric transport production. A comparative assessment of the competitiveness of Russian electric vehicles and ICE cars is given, taking into account the external costs associated with carbon emissions. The comparison was carried out based on an estimate of the total cost of ownership, taking into account the external costs associated with greenhouse gas emissions. As a result of the comparative analysis, it was determined that the total cost of five-year ownership of the *Evolvate i-Pro* car, taking into account support measures, is even lower than that of the *Lada Vesta Sport* ICE sedan, which is close to it in terms of technical characteristics, by 342.7 thousand rubles. Without subsidies, *Evolvate i-Pro* does not yet achieve parity in the cost of ownership with an ICE car, despite low operating costs, free parking and exemption from paying transport tax. Based on the conducted research, conclusions are made about the measures necessary to increase the gap between the total costs of ownership in ICE cars and electric cars to increase the competitiveness of the latter.

Scientific novelty: the author's approach was used to compare the competitiveness of the new Russian electric car *Evolvate i-Pro* and *Lada Vesta Sport* ICE car, which, in addition to support measures, includes external costs associated with carbon emissions.

Practical significance: the results obtained may be useful to developers of state support measures in assessing the effectiveness of the current subsidy mechanism and making decisions on further stimulating the development of the electric cars market in Russia. The results of the study will also be especially useful to residents of Moscow who are thinking of buying a Russian electric car.

Keywords: Regional and sectoral economy, Electric car, ICE car, Total cost of ownership, Government subsidies, Low-carbon development, External costs, Climate change, CO₂ emissions, Green economy, ESG transformation

Financial Support: the research was conducted with the financial support of the Russian Scientific Foundation within the project No. 23-28-00508 "Methodology for the formation of mechanisms for low-carbon development of the Russian economy under new conditions".

Acknowledgement: the authors thank the reviewers for their valuable comments and recommendations.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Baraboshkina, A. V., & Kudryavtseva, O. V. (2023). Assessment of competitiveness of a Russian electric car as a substantiation of the need to stimulate electric cars market in Russia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 269–288. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.269-288

Введение

Формирование устойчивой низкоуглеродной транспортной системы предполагает организацию доступной, надежной, безопасной, эффективной перевозки пассажиров и грузов и минимизацию негативного воздействия на окружающую среду в кратко- и долгосрочной перспективе, включая снижение выбросов парниковых газов и, соответственно, борьбу с климатическими изменениями.

На долю транспортной отрасли приходится почти 1/4 совокупных антропогенных выбросов CO_2 ¹, который является основным парниковым газом [1]. Наибольший вклад вносит автомобильный транспорт – 74 % [2]. Поэтому глобальный зеленый переход невозможен без декарбонизации транспорта, неотъемлемой частью которой является его электрификация.

Электромобили стали частью стратегии «избегать – смещать – улучшать», которая впервые была предложена еще в 1990-е гг. в Германии в качестве инструмента систематизации мер, направленных на сокращение негативного воздействия транспорта на окружающую среду, улучшение качества городской жизни и осуществление перехода к устойчивой транспортной системе. Третий компонент – «улучшать» – подразумевает повышение энергоэффективности транспортных средств и распространение транспорта, работающего на альтернативных видах топлива, включая электрический [3–4].

Производство и эксплуатация транспортного средства оказывают негативное воздействие на людей, природу и материальные объекты. С этим воздействием связано возникновение экстерналий, под которыми понимаются результаты производства и потребления, передаваемые третьим лицам без какой-либо компенсации. Недоучет экстерналий делает цены заниженными с точки зрения общественных издержек. По последним данным, на прямые и косвенные выбросы парниковых газов и загрязняющих воздух веществ приходится 75 % от совокупных экстерналий экологических издержек транспорта [5. С. 152]. В отличие от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания (далее – ДВС) электромобили практически не эмитируют парниковых газов и загрязняющих веществ в процессе эксплуатации², что оказывает положительное влияние на качество городского воздуха. Основная часть выбросов происходит на этапах производства электротранспорта и выработки энергии на электростанциях, объем которых во многом зависит от особенностей структуры генерации электроэнергии.

Мировой рынок электромобилей начал активно развиваться с 2010-х гг. В 2020 г., в то время как на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции глобальные продажи автомобилей упали на 16 %, количество зарегистрированных электрокаров, наоборот, увеличилось почти на 43 % [6. С. 19]. В 2022 г. было продано 10,2 млн электромобилей, что в 1,6 раза больше, чем годом ранее. В 2022 г. доля электромобилей в глобальных продажах новых автомобилей достигла 14 %, тогда как в 2021 г. составляла 8,7 % [7]. Продажи электромобилей в 2022 г. продолжали расти быстрыми темпами, несмотря на сбои в цепочках поставок, макроэкономическую и геополитическую неопределенность, высокие цены на сырьевые товары и энергоресурсы. Всего в мире зарегистрировано почти 26 млн электромобилей, что в 136 раз больше, чем десятилетие назад [7]. В 2022 г. электротранспорт (транспортные средства и инфраструктура) занял второе место по объему привлеченных инвестиций, немного уступив возобновляемой энергетике – 466 млрд долл. и 495 млрд долл. соответственно [8. С. 88].

Более 20 государств заявили о целях по полному или частичному вытеснению из продаж традиционных автомобилей с двигателем внутреннего сгорания, работающих на жидком топливе, к 2025–2050 гг. [9]. На этом фоне все больше автопроизводителей объявляют о намерениях сконцентрироваться на производстве электромобилей. Например, Mercedes с 2025 г. планирует выпускать новые модели автомобилей исключительно с электрической силовой установкой. Toyota заявила о выпуске 30 моделей полностью электрических автомобилей к 2030 г. и цели достичь к этому времени ежегодных продаж электромобилей в объеме 3,5 мил-

¹ Основная доля в выбросах парниковых газов приходится на углекислый газ (CO_2), на втором месте находится метан (CH_4). URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2023/641d57ef9a794746fcee72> (дата обращения: 15.04.2023).

² В процессе эксплуатации автомобиля с любым типом двигателя происходят выбросы твердых частиц, которые обусловлены износом шин, тормозов и дорожного покрытия.

лиона единиц. Китайская компания *Dongfeng* к 2024 г. планирует электрифицировать 100 % новых моделей своих основных пассажирских брендов [10. С. 32].

Закупка электрических транспортных средств – один из главных способов достижения различными компаниями целей, связанных с ESG-трансформацией, которая подразумевает переход бизнеса к устойчивому развитию и базируется на трех принципах: развитие ответственного отношения к окружающей среде (*environmental*), повышение уровня социальной ответственности (*social*) и улучшение качества управления (*governance*). Электромобили помогают компаниям сокращать выбросы и выполнять обязательства перед государством по переводу автопарка на низкоуглеродные виды топлива, а также являются важной частью инициатив, связанных с зеленой энергетикой. Закупка 100 тыс. электромобилей – часть плана компании *Amazon* по достижению «углеродной нейтральности» к 2040 г. Компания *Unilever* намерена электрифицировать весь свой автопарк к 2030 г., а *Walmart* – к 2040 г. [11].

В России рынок электромобилей находится на начальном этапе развития, но обладает хорошими перспективами. Согласно ключевому документу в области электрификации транспорта «Концепции по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденному в августе 2021 г. Правительством РФ, к 2030 г. доля электротранспортных средств может достичь 15 % от суммарного объема продаж. При этом существенная часть будет приходиться на легковые и легкие коммерческие электромобили [12]. В 2022 г. в России было продано 2 998 новых электромобилей (0,4 % от совокупного объема продаж) [13, 14]. В целом в России зарегистрировано 24,5 тыс. электромобилей, что составляет всего 0,05 % от общего парка легковых автомобилей в стране [15, 16]. Больше всего электромобилей зарегистрировано в Москве (3,4 тыс. шт.). Вдвое меньше – в Приморском крае, далее следуют Иркутская область, Краснодарский край и Московская область [17].

Первый заместитель Председателя Правительства А. Белоусов описывает позитивный сценарий роста отечественного производства электромобилей: в 2023 г. планируется увеличить выпуск электромобилей до 18 тыс. шт. (рост в 9 раз по сравнению с 2022 г.), а в 2024 г. – удвоить его, нарастив производство до 36 тыс. шт. [15]. Для наращивания объемов предложения и развития рынка электромобилей крайне важно стимулировать потребительский спрос.

Одним из главных барьеров на пути развития электротранспорта являются высокие первоначальные расходы, которые, помимо затрат на покупку самого транспортного средства, могут включать затраты на приобретение и установку домашней зарядной станции. Согласно всероссийскому опросу, проведенному на автомобильном интернет-портале «Дром» в 2021 г., около трети потребителей отказываются от покупки электромобиля именно по причине его дороговизны [18]. Таким образом, многие, приобретая машину, практически не уделяют внимания затратам, которые связаны со всем периодом владения транспортным средством и могут влиять на его конкурентоспособность.

Среди других проблем, связанных с эксплуатацией электромобилей в России, выделяются недостаточный уровень развития зарядной инфраструктуры и чувствительность аккумуляторных батарей к погодным условиям. Более половины зарядных станций страны расположены на дорогах местного значения, что сильно затрудняет использование электромобилей в поездках на дальние расстояния [19]. Холод и слишком жаркая погода отрицательно влияют на запас хода электрического транспортного средства. Например, при температуре минус 20 °С запас хода сокращается примерно на 50 % от заявленного производителем [20], что может осложнять использование электрокаров в районах Крайнего Севера.

Целью настоящего исследования является сравнительная оценка конкурентоспособности российских электромобиля и автомобиля с ДВС с учетом экстерналийных издержек, связанных с выбросами CO₂³, на примере города Москвы, которая занимает первое место на рынке новых электромобилей. В качестве объектов

³ Выбросы CO₂ составляют 95–99 % совокупных выбросов парниковых газов от автомобилей, предназначенных для перевозки пассажиров. CO₂ также является преобладающим парниковым газом в выбросах, связанных с производством электроэнергии. URL: <https://www.fueleconomy.gov/feg/Find.do?year=2023&vehicleId=46206&zipCode=34787&action=bt3> (дата обращения: 11.04.2023).

сопоставления выбраны российский электрический седан *Evolute i-Pro*, который с осени 2022 г. производится в Липецкой области на заводе «Моторинвест» [21], и наиболее близкий к нему по параметрам из российских седанов бензиновый автомобиль *Lada Vesta Sport* [22]. Выбор *Evolute i-Pro* обусловлен тем, что, во-первых, отечественная марка *Evolute* возглавляет российский рынок новых электромобилей. Согласно данным «Автостата» от марта 2023 г., она опередила электрокары немецкой марки *Volkswagen* и американской марки *Tesla* и заняла 26 % рынка [23]. Во-вторых, *Evolute i-Pro* является самым бюджетным электромобилем из модельного ряда *Evolute* [21]. В-третьих, пока это единственная⁴ отечественная марка электромобилей, которая попадает под программу государственного субсидирования электромобилей Минпромторга РФ.

Методы исследования

Для определения истинной стоимости покупки необходимо учитывать все расходы, которые будет нести владелец в течение срока службы машины. Метод оценки совокупной стоимости владения (*Total cost of ownership*, далее – *ТСО*) позволяет оценить затраты с момента приобретения автомобиля и до его перепродажи или полного выхода из строя. Данный метод может быть ориентирован исключительно на потребителя. В этом случае в расчеты включаются первоначальные и эксплуатационные затраты, также могут учитываться меры государственной поддержки (субсидии, налоговые льготы и прочие инициативы) [24]. Если в модель *ТСО* добавляются экстерналии издержки, например, связанные с выбросами парниковых газов и загрязняющих атмосферный воздух веществ, шумовым загрязнением, то она приобретает социально ориентированный характер [25].

Многочисленные исследования, посвященные сравнительной оценке совокупной стоимости владения электромобилем и традиционным автомобилем, показывают, что без мер поддержки первые пока не конкурентоспособны. В исследовании Р. Кумар и С. Чакрабарты показано, что в Индии *ТСО* в расчете на километр у электромобилей выше, чем у бензиновых, дизельных и метановых аналогов. Это обусловлено высокой первоначальной стоимостью электрических хэтчбэков и седанов. Авторы отмечают, что увеличение срока эксплуатации может снизить разницу в *ТСО* анализируемых транспортных средств, но даже при ежегодном пробеге 30 тыс. км владение электромобилем оказывается более дорогостоящим. На ранних этапах развития рынка электротранспорта экономически целесообразнее может стать перевод на электротягу парка каршеринга и такси, среднегодовой пробег которых самый большой [26].

Одним из ключевых выводов работы М. А. Насан et al. является то, что владение подержанным электромобилем в Новой Зеландии выгоднее, чем владение новым и даже подержанным автомобилем с ДВС. При этом совокупная стоимость двенадцатилетнего владения новым электромобилем намного выше, чем у автомобиля с ДВС, из-за высоких затрат на покупку и замену батареи, и только реализация государственной программы «Скидка на чистый автомобиль» практически обеспечивает ему достижение равенства по стоимости владения с традиционным аналогом [27]. В 2023 г. размер скидки, которая предоставляется покупателям электромобилей с нулевым уровнем выбросов CO_2 , составляет до 7,5 тыс. новозеландских долл. (~379 тыс. руб.), в то время как при покупке автомобилей с ДВС необходимо вносить плату, размер которой зависит от уровня выбросов [28].

Р. Danielis et al. отмечают, что в Италии покупка электромобиля не является экономически оправданной без предоставления субсидий в размере 4–6 тыс. евро (~346–519 тыс. руб.). Интернализация⁵ экстерналии издержек, хотя и снижает разницу в стоимости владения полностью электрическим автомобилем и автомобилем с ДВС, не делает первый конкурентоспособным [29].

Для дальнейших расчетов будет использована модель оценки совокупной стоимости владения, широко представленная в литературе [30–31]:

⁴ В список моделей электромобилей, доступных для покупки по государственной программе льготного автокредитования, пока входят только отечественные электрокары марки *Evolute*. Российский электрический кроссовер «Москвич 3е» в этот список еще не включен. URL: <https://www.autonews.ru/news/642687599a79472910c05ee4> (дата обращения: 25.04.2023).

⁵ Интернализация экстерналии издержек означает трансформацию общественных издержек в издержки субъектов, деятельность которых их вызывает.

$$TCO = IC + \sum_{t=1}^N \frac{OC}{(1+r)^t} - \frac{RV}{(1+r)^N}, \quad (1)$$

где IC (*initial costs*) – первоначальные затраты; OC (*operating costs*) – эксплуатационные затраты; RV (*resale value*) – стоимость перепродажи; r – ставка дисконтирования; N – период владения транспортным средством; t – год.

В настоящей статье также будут рассчитаны экстерналии издержки, связанные с выбросами основного парникового газа – CO_2 , которые важно учитывать в контексте развития низкоуглеродной модели экономики.

Для оценки экстерналии издержек, связанных с выбросами парниковых газов и, соответственно, изменением климата, применяются два основных подхода: стоимостная оценка ущерба (*damage cost approach*) и стоимостная оценка предотвращения/смягчения [последствий] (*avoidance/abatement/mitigation cost approach*). Первый предполагает оценку каждого эффекта (например, повышение уровня моря и затопление прибрежных территорий; разрушение экосистем; ущерб здоровью людей как следствие повышения температуры окружающей среды), вызванного климатическими изменениями, и их суммирование. Второй концентрируется на затратах, необходимых для предотвращения последствий изменения климата. Сюда можно, например, отнести затраты на реализацию мер по уменьшению объемов выбросов, на технологии улавливания и хранения углерода [32. С. 3]. Превалирование второго подхода обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, невозможно учесть и количественно оценить все негативные последствия климатических изменений в силу их масштабов и многообразия.

Во-вторых, разброс результатов в исследованиях, использующих *damage cost approach* для оценки экстерналии издержек, связанных с изменением климата, значительно больше, чем в исследованиях, опирающихся на *avoidance cost approach* [5. С. 13–14]. Большой разброс может быть обусловлен разнообразием учитываемых воздействий, ставок дисконтирования, допущений относительно темпов экономического роста.

В-третьих, при применении *damage cost approach* есть вероятность недоучета мер по адаптации и смягчению последствий климатических изменений, которые потенциально способны снизить стоимость ущерба. Весомым аргументом в пользу выбора *avoidance cost approach* является принятие Парижского соглашения и установление конкретных целей по снижению выбросов [5]. С другой стороны, Т. Sundqvist отмечает, что ситуация постоянно меняется: появляются новые данные, технологии, происходят изменения в государственной политике и общественных предпочтениях, поэтому издержки, рассчитанные на основе *avoidance cost approach*, нуждаются в регулярном пересмотре [33].

Для стоимостной оценки выбросов парниковых газов мы будем опираться на работу под названием «Руководство по экстерналии издержкам транспорта», опубликованную Европейской комиссией [5]. В ней представлены лучшие практики в методологии оценки внешних издержек транспорта и собран большой массив данных, аналогов которого нет в российской литературе. Авторы рекомендуют использовать удельные издержки предотвращения выбросов парниковых газов, приведенных к CO_2 -эквиваленту, которые были получены путем усреднения большого количества величин, имеющих в научной литературе по соответствующей тематике. Центральная оценка составляет 100 евро/ tCO_2 -экв. в ценах 2016 г. (10 620 руб. в ценах 2023 г.) на горизонте до 2030 г. и основана на цели Парижского соглашения по удержанию прироста глобальной средней температуры в пределах 1,5–2 °C [5].

Совокупная стоимость владения *Evolute i-Pro* и *Lada Vesta Sport*

Сравним совокупную стоимость владения *Evolute i-Pro* и *Lada Vesta Sport*, используя значимые для определения разницы в их стоимости параметры.

Среднегодовой пробег автомобиля в Москве составляет 20 тыс. км [34]. Согласно данным «Автостата», средний срок владения новым автомобилем в России – почти пять лет [35]. Таким образом, оценка TCO будет проведена исходя из пятилетнего срока владения автомобилями или при общем пробеге в 100 тыс. км.

Первоначальные затраты рассчитаны исходя из рекомендованных розничных цен производителей и расходов на приобретение и установку зарядной станции в подземном паркинге многоквартирного дома в случае электромобиля. Рекомендованная розничная цена *Evolute i-Pro* составляет 2,99 млн руб., *Lada Vesta Sport* – 1 597 900 руб. [21–22]. Минпромторг РФ предоставляет 25-процентную субсидию (но не более 625 тыс. руб.) на покупку электромобиля отечественной сборки при условии заключения договора автокредитования [21]. Наличие субсидии позволяет уменьшить тело кредита и сократить сумму выплат. Рассчитаем примерные условия по кредиту на сайте одного из банков-партнеров компании *Evolute*. Предположим, что первоначальный взнос будет равен затратам на покупку *Lada Vesta Sport* (~1,6 млн руб., или примерно 70 % от цены электромобиля с учетом субсидии), тогда ежегодные выплаты по кредиту приблизительно составят 213,1 тыс. руб. [36].

Стандартная зарядная станция для дома, которую предлагает компания *Evolute*, стоит минимум 60 тыс. руб. [21]. Установка зарядки, включая покупку необходимых кабелей и материалов, работу электрика, может обойтись в 114,5 тыс. руб. [37].

Эксплуатационные затраты владельца автомобиля с ДВС включают затраты на бензин, техобслуживание, парковку и транспортный налог, владельца электромобиля – только затраты на электроэнергию⁶ и техобслуживание, так как в столице действуют такие меры поддержки, как бесплатная парковка и освобождение от уплаты транспортного налога [38]. Владелец *Lada Vesta Sport* при расходе топлива в смешанном цикле в 7,9 л/100 км и средней цене на бензин АИ-95 тратит 83,4 тыс. руб. [22, 39]. Владелец *Evolute i-Pro* при расходе электроэнергии 12,62 кВт·ч/100 км и зарядке по ночному тарифу ежегодно тратит всего 7,5 тыс. руб. [21, 40].

Техобслуживание *Evolute i-Pro* в среднем может обходиться в 15,8 тыс. руб. в год. Техобслуживание автомобилей с ДВС, в том числе и рассматриваемой модели, более дорогостоящее – примерно 28,8 тыс. руб. [41]. Разница обусловлена тем, что в электромобиле на 30 % меньше компонентов, ему не требуется замены масла, масляного и воздушного фильтров [42]. Мы не учитываем стоимость замены батареи, так как срок службы большинства составляет 8–10 лет [43].

Транспортный налог, который должен ежегодно платить владелец *Lada Vesta Sport*, зависит от мощности двигателя и в данном случае составляет 5 075 руб. [44]. Самый дешевый абонемент на безлимитную парковку в Москве стоит 150 тыс. руб. [45].

L. Schloter провел обширный анализ динамики потери стоимости автомобилей в разных странах и пришел к выводу, что бензиновый автомобиль в среднем ежегодно теряет 10,4 % от первоначальной стоимости, в то время как электромобиль – 13,9 % [46]. Это во многом связано с быстрым техническим прогрессом, который снижает конкурентоспособность подержанных электромобилей.

Используемые при расчете *ТСО* ставки дисконтирования могут варьироваться в широком диапазоне, даже в рамках одного исследования. Так, G. Santos и S. Rembalski рассчитали совокупную стоимость двенадцатилетнего владения автомобилями с разными типами двигателей в Великобритании, применяя четыре ставки дисконтирования (0, 6, 30 и 60 %) [47]. Ряд исследователей рекомендуют использовать реальную ставку дисконтирования [29, 48], которая позволяет проводить расчеты в сопоставимых ценах. Ее можно вычислить по формуле Фишера:

$$r = \frac{1+n}{1+i} - 1, \quad (2)$$

где r – реальная ставка; n – номинальная ставка; i – темп инфляции.

Согласно расчетам реальной ставки, проведенным в [43], ее значение равно 5 %, если исходить из того, что доходность облигаций федерального займа с погашением через пять лет составляет 9,7 %, а средний ожидаемый уровень инфляции равен 4,4 % [43].

⁶ Владелец электромобиля может подзаряжать свое транспортное средство бесплатно на городских ЭЗС, однако мы рассматриваем ситуацию, когда электромобиль заряжается в ночное время дома.

Результаты вышеприведенного анализа для наглядности сведем в единую таблицу (табл. 1).

Таблица 1

Показатели модели TCO автомобилей Evolute i-Pro и Lada Vesta Sport
Table 1. Indicators of the TCO model of Evolute i-Pro and Lada Vesta Sport cars

Показатель / Indicator	Значение / Value	
	Evolute i-Pro	Lada Vesta Sport
Год покупки / Year of purchase	2023 5 лет / 5 years 20 тыс. км / 20 thousand km 5 %	
Срок владения / Term of ownership		
Среднегодовой пробег / Average annual mileage		
Ставка дисконтирования / Discount rate		
Рекомендованная розничная цена / Recommended retail price	2 990 000 руб. (с учетом субсидии – 2 365 000 руб.) / 2,990,000 rubles (with a subsidy – 2,365,000 rubles)	1 597 900 руб. / 1,597,900 rubles
Первоначальный взнос и ежегодные выплаты по кредиту / Initial installment and yearly credit payments	1,6 млн руб. и 213,1 тыс. руб/год / 1.6 mln rubles and 213.1 thousand rubles a year	-
Покупка и установка зарядной станции для дома / Purchasing and installing a home charging station	174,5 тыс. руб. / 174.5 thousand rubles	-
Расходы на электроэнергию / Costs of electric energy	7,5 тыс. руб/год / 7.5 thousand rubles a year	-
Расходы на бензин / Costs of petrol	-	83,4 тыс. руб/год / 83.4 thousand rubles a year
Расходы на техобслуживание / Costs of technical services	15,8 тыс. руб/год / 15.8 thousand rubles a year	28,8 тыс. руб/год / 28.8 thousand rubles a year
Абонемент на парковку / Parking ticket	-	150 тыс. руб/год / 150 thousand rubles a year
Транспортный налог / Transport tax	-	5 075 руб/год / 5,075 rubles a year
Стоимость перепродажи / Resale value	1,415 млн руб. / 1.415 mln rubles	922,8 тыс. руб. / 922.8 thousand rubles

Источник: составлено авторами на основе [21–22, 34–48].

Source: compiled by the authors based on [21–22, 34–48].

Экстернальные издержки

Выбросы от транспортного средства происходят в течение всего его жизненного цикла, начиная от добычи сырья для его производства и заканчивая этапом утилизации. В настоящей статье выбросы на стадии утилизации рассматриваться не будут, так как они относительно малы. Более того, переработка компонентов и последующее их использование в качестве вторичного сырья вместо первичного в итоге могут обеспечить сокращение выбросов [49].

На этапе эксплуатации транспортного средства анализируется жизненный цикл топлива. Во-первых, он включает прямые выбросы, т. е. те, которые образуются в процессе сжигания топлива в двигателе традиционного автомобиля. Во-вторых, учитываются косвенные выбросы, которые происходят в процессе производства электроэнергии и топлива, включая добычу энергоресурсов [50].

Выбросы CO₂ на жизненном цикле транспортных средств во многом зависят от структуры производства электроэнергии. В. Tang et al. проанализировали влияние региональных особенностей структуры производства электроэнергии Китая и ее углеродоемкости на объемы выбросов CO₂ в течение жизненного цикла электромобилей и автомобилей с ДВС. Авторы отметили, что выбросы CO₂ могут быть завышены до 75 %

в случае игнорирования изменений вследствие декарбонизации энергетики. Результаты исследования показали, что в регионах с высокой долей теплоэнергетики суммарные выбросы CO₂ электромобилей выше, чем у автомобилей с ДВС или практически совпадают. Во всех регионах, где доля теплоэнергетики составляет более 80 %, углеродный след⁷ электромобилей либо выше, либо немного превышает углеродный след традиционных автомобилей. Значительный разрыв в пользу электромобилей наблюдается в регионах с долей возобновляемых источников энергии в структуре выработки электроэнергии выше 60 %. Неэффективность тепловых электростанций и относительно высокий уровень потерь электроэнергии в сетях также являются факторами, ухудшающими ситуацию с выбросами [51].

Мы использовали интернет-портал *Transport & Environment* и онлайн-инструмент Министерства энергетики США, которые позволяют определить прямые и косвенные выбросы CO₂ на отдельных этапах жизненного цикла электромобиля с учетом его габаритов и структуры производства электроэнергии [52–53]. Суммарные объемы выбросов CO₂ от автомобиля с ДВС взяты из работы А. Ю. Колпакова и А. А. Галингера, которые рассчитали их в том числе для России, ориентируясь на современные модели машин, эксплуатируемых в стране [54]. В табл. 2 представлены показатели, необходимые для оценки экстерналий издержек, связанных с выбросами CO₂ на жизненном цикле автомобилей (табл. 2).

Таблица 2

Удельные экстерналий издержки и выбросы CO₂ на жизненном цикле электрического и бензинового автомобилей

Table 2. Unit weight external costs and CO₂ emissions on the life cycle of electric and ICE vehicles

Показатель / Indicator	Значение / Value	Описание / Description
Стоимость выбросов парниковых газов / Cost of greenhouse gases emissions	10,62 руб/кг CO ₂ -экв. / 10.62 rubles/kg of CO ₂ equivalent.	Стоимостная оценка базируется на подходе <i>avoidance cost approach</i> , описанном выше / Cost estimation is based on the above-described avoidance cost approach
Углеродный след Evolute i-Pro / Carbon footprint of Evolute i-Pro	Этап производства: 0,055 кг CO ₂ /км / Production stage: 0.055 kg CO ₂ /km	Значение получено с помощью использования онлайн-инструмента <i>Transport & Environment</i> . В качестве места производства был указан Китай. Это связано с тем, что <i>Evolute i-Pro</i> создан на базе китайского автомобиля. Сборка <i>Evolute i-Pro</i> осуществляется на российском заводе крупноузловым способом. Это означает, что готовые элементы импортируются для дальнейшей сборки на предприятии / The value was obtained using the <i>Transport & Environment</i> online tool. China was set as the place of production due to the fact that <i>Evolute i-Pro</i> was created on the basis of a Chinese car. Assembly of <i>Evolute i-Pro</i> is performed in a Russian plant with SDK method. It means finished elements are imported to be assembled on the plant
	Этап эксплуатации (косвенные выбросы): 0,069 кг CO ₂ /км / Exploitation stage (indirect emissions): 0.069 kg CO ₂ /km	Значение получено с помощью онлайн-инструмента Министерства энергетики США. В качестве модели электромобиля был указан среднеразмерный седан <i>Tesla Model 3</i> , который по техническим параметрам близок к <i>Evolute i-Pro</i> . В качестве места эксплуатации электромобиля указана Флорида, где в производстве электроэнергии доминирует природный газ (73,5 %). Это связано с тем, что основным топливом для электростанций в Москве также является природный газ / The value was obtained using the online tool of the US Department of Energy. The <i>Tesla Model 3</i> medium-sized sedan was taken, as it is close to <i>Evolute i-Pro</i> by technical parameters. Florida was indicated as a place of the car exploitation, where natural gas dominates in producing electric energy (73.5 %). This is due to the fact that natural gas is the main fuel for electric stations in Moscow too

⁷ Углеродный след – совокупность прямых и косвенных выбросов в течение жизненного цикла в данном случае автомобиля.

Окончание табл. 2 / End of Table 2

Показатель / Indicator	Значение / Value	Описание / Description
	Всего: 0,124 кг CO ₂ /км / Total: 0.124 kg CO ₂ /km	
Углеродный след Lada Vesta Sport / Carbon footprint of Lada Vesta Sport	0,169 кг CO ₂ /км (из них на стадии эксплуатации примерно 0,145 кг CO ₂ /км) / 0.169 kg CO ₂ /km (of them at the exploitation stage about 0.145 kg CO ₂ /km)	Значение взято из работы А. Ю. Колпакова и А. А. Галингера / The value was taken from the work by A. Yu. Kolpakov and A. A. Galinger

Источник: составлено авторами на основе [52–56].

Source: compiled by the authors based on [52–56].

Результаты

В результате расчетов получены следующие оценки совокупной стоимости пятилетнего владения электромобилем *Evolute i-Pro* и близким к нему по техническим характеристикам *Lada Vesta Sport* на примере Москвы (рис. 1).

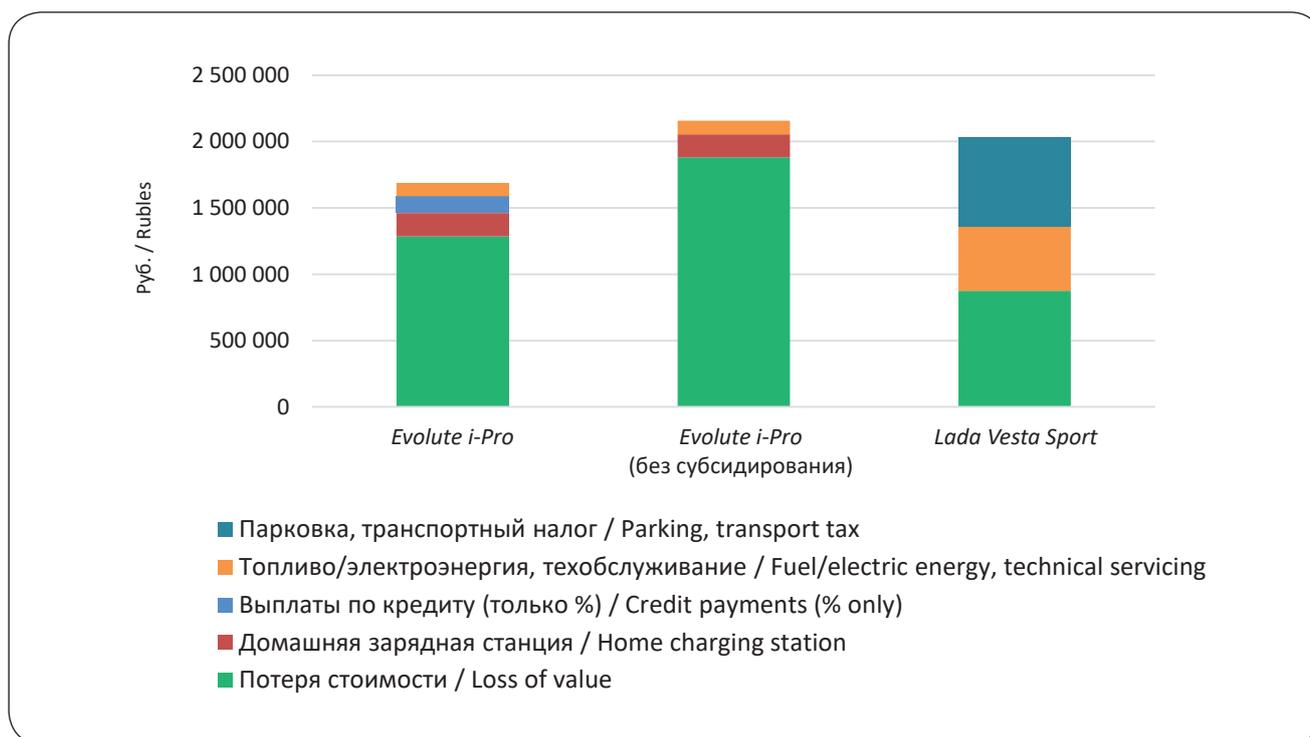

Рис. 1. Совокупная стоимость пятилетнего владения электромобилем *Evolute i-Pro* и бензиновым автомобилем *Lada Vesta Sport* на примере Москвы

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Total cost of five-year ownership of *Evolute i-Pro* electric car and *Lada Vesta Sport* ICE car in Moscow

Source: compiled by the authors.

Как видно из рис. 1, предоставление государственной субсидии обеспечивает конкурентоспособность электрического седана при эксплуатации в Москве: *TCO Evolute i-Pro* ниже, чем у *Lada Vesta Sport*, на 342,7 тыс. руб. Таким образом, в данном случае достаточно субсидии в размере около 350 тыс. руб. для достижения паритета стоимости владения с *Lada Vesta Sport*. Эта сумма близка к разнице в *TCO* за пять лет, которую получили сотрудники консалтинговой компании *Vygon Consulting*, сравнивая базовую цену, расходы на топливо и обслуживание у зарубежных электромобиля *Nissan Leaf S* и автомобиля с ДВС *Skoda Octavia* на примере Москвы. Согласно их расчетам от 2020 г., разница составляла 400 тыс. руб. [57. С. 46].

Важно отметить, что если не рассматривать такую меру поддержки, как бесплатная парковка, то *Evolute i-Pro* теряет конкурентоспособность. В этом случае даже с учетом федеральной субсидии *TCO* электромобиля выше более чем на 300 тыс. руб. Если транспортный налог, который не является существенной статьей расходов, для владельцев электромобилей отменен в 20 российских регионах⁸, то бесплатные парковки пока организованы только в Москве, Санкт-Петербурге и Новороссийске [58]. С увеличением числа электромобилей предоставление бесплатных парковочных мест приведет к существенным потерям местных бюджетов, поэтому и в вышеуказанных городах условия парковки могут ужесточиться. Например, во многих городах Китая владельцам электрокаров разрешается стоять на парковке без оплаты не более двух часов [59. С. 10].

Без государственного субсидирования *Evolute i-Pro* не достигает паритета в совокупной стоимости владения с бензиновым автомобилем, несмотря на низкие эксплуатационные расходы и меры поддержки, реализованные в Москве. Разница в *TCO* между двумя транспортными средствами составляет 124,7 тыс. руб.

Добавив к *TCO* экстерналии издержки, связанные с выбросами парниковых газов, получим следующие результаты (рис. 2).

Исходя из построенных диаграмм, видно, что при эксплуатации в Москве электромобиль вносит меньший вклад в глобальное изменение климата по сравнению с бензиновым автомобилем. Разница в их экстерналии издержках составляет 47,8 тыс. руб. при пятилетнем пробеге 100 тыс. км. Это объясняется отсутствием прямых выбросов от электромобиля, преобладанием в структуре производства электроэнергии в Москве относительно чистого (если сравнивать с другими видами ископаемого топлива) природного газа. При использовании среднемирового значения углеродного следа автомобиля с ДВС в 250 г CO₂-экв./км [60], разрыв в экстерналии издержках будет еще больше.

«Росатом» в лице компании «Рэнера» построит в Калининградской области в 2025 г. масштабный российский завод мощностью 4 ГВт·ч в год, который будет обеспечивать отечественных производителей электрических транспортных средств тяговыми литий-ионными батареями [61]. Структура генерации электроэнергии Калининградской области главным образом представлена природным газом [62]. Если батареи для *Evolute i-Pro* будут производиться в Калининградской области, а не импортироваться для крупноузловой сборки на российском заводе из Китая, где доля угля в национальной структуре производства электроэнергии составляет 64 % [63], то это позволит снизить углеродный след российских электромобилей.

Разница в совокупной стоимости пятилетнего владения *Evolute i-Pro* и *Lada Vesta Sport* с учетом экстерналии издержек (без субсидирования) сокращается до 76,9 тыс. руб. Это означает, что интернализация экстерналии издержек, связанных с выбросами CO₂, может повысить конкурентоспособность электромобиля.

Это возможно реализовать, например, путем введения платы за выбросы CO₂, как в случае с Новой Зеландией, пример которой обсуждался выше. Размер платы должен зависеть от уровня выбросов в расчете на километр и, соответственно, быть выше для автомобилей с более высоким уровнем выбросов. Выбросы CO₂ от сжигания топлива в двигателе автомобиля составляют большую часть выбросов, поэтому внедрение такого инструмента потенциально способно почти полностью интернализировать соответствующие экстерналии издержки.

⁸ На Кубани от уплаты транспортного налога освобождены владельцы электромобилей с мощностью двигателя до 150 л. с., еще в трех российских регионах действуют налоговые скидки. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/455293-minekonomrazvitiarekomendovalo-regionam-vvodit-nalogovye-1-goty-dla-elektromobilej> (дата обращения: 26.04.2023).

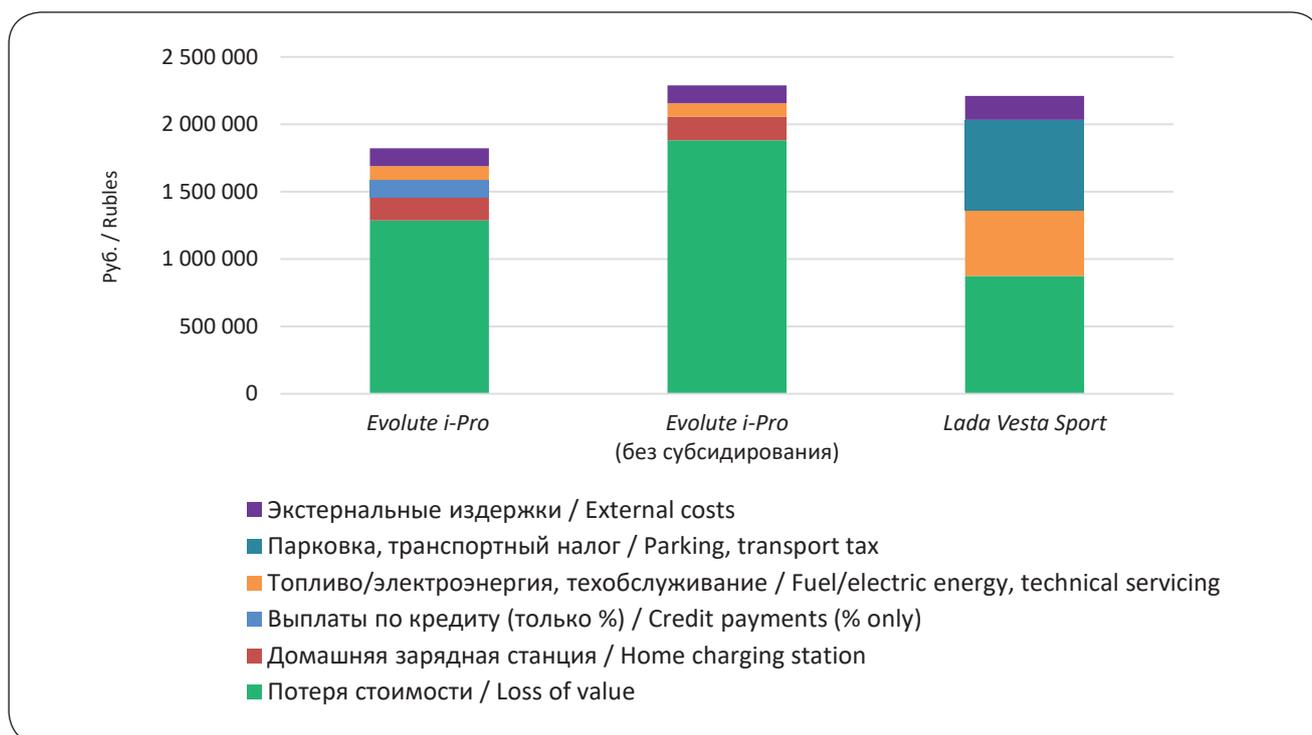

Рис. 2. Совокупная стоимость пятилетнего владения электромобилем *Evolute i-Pro* и бензиновым автомобилем *Lada Vesta Sport* на примере Москвы с учетом экстернальных издержек

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Total cost of five-year ownership of *Evolute i-Pro* electric car and *Lada Vesta Sport* ICE car in Moscow with the account of external costs

Source: compiled by the authors.

Аналогичная Новой Зеландии система, которая строится по принципу «бонус/малус», действует во Франции. В 2020 – первой половине 2021 г.⁹ при покупке электромобиля или подключаемого гибрида, выбрасывающего менее 20 г CO₂/км и стоимостью до 45 тыс. евро (~3,892 млн руб.), физическому лицу предоставлялся «экологический бонус» в размере до 7 тыс. евро (~605,5 тыс. руб.), но не более 27 % от цены-брутто. При покупке стоимостью в диапазоне от 45 до 60 тыс. евро (примерно от 3,892 до 5,19 млн руб.) – до 3 тыс. евро (~259,5 тыс. руб.) [64]. В 2021 г.¹⁰ «экологический малус» составлял от 50 евро (~433 руб.) до 30 тыс. евро (~2,6 млн руб.) при выбросах от 133 г CO₂/км до 218 г CO₂/км и выше соответственно [65]. Такой подход, во-первых, стимулирует спрос на электрические транспортные средства. Во-вторых, компенсирует расходы государственного бюджета на субсидирование зеленого транспорта. В-третьих, это способствует переходу к низкоуглеродному развитию транспортной системы.

⁹ Размер бонуса постепенно сокращается. URL: <https://www.electrive.com/2023/01/10/france-reduces-electric-vehicle-subsidies/> (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁰ С каждым годом минимальный порог выбросов, с которого начинают взимать плату, снижается, а максимальный размер «экологического малуса» увеличивается. Так, в 2022 г. «малус» составлял уже от 50 евро до 40 тыс. евро при выбросах от 123 г CO₂/км до 226 г CO₂/км и выше. URL: <https://www.platinemotors.com/en/le-malus-%C3%A9cologique> (дата обращения: 17.05.2023).

Важно отметить, что интернализация экстерналийных издержек, связанных с выбросами CO₂, способна существенно повлиять на уровень конкурентоспособности электромобилей только в регионах со сравнительно «чистой» структурой производства электроэнергии. В Дальневосточном и Сибирском федеральных округах, где на долю угольной генерации приходится около 50 %¹¹, разница в экстерналийных издержках может быть не столь значительной. Так, в американском штате Висконсин, где доля угля в структуре выработки электроэнергии составляет чуть более 50 %, косвенные выбросы CO₂ при эксплуатации электромобиля достигают 119 кг/км [53, 55], тогда как выбросы от сжигания топлива в двигателе относительно энергоэффективной модели машины составляют примерно 145 кг/км [54]. В такой ситуации выбросы CO₂ на жизненном цикле электромобиля могут даже немного превысить суммарные выбросы энергоэффективного автомобиля с ДВС или быть сопоставимыми.

Заключение

Создание устойчивой транспортной системы и ее декарбонизация предполагают переход от автомобилей с двигателем внутреннего сгорания на альтернативные виды топлива, включая электроэнергию. Российский рынок электрического транспорта находится в начале своего пути, но обладает хорошими перспективами. К 2030 г. доля электротранспортных средств, существенная часть которых будет представлена легковыми и легкими коммерческими электромобилями, может достичь 15 % от суммарного объема продаж.

Расчет совокупной стоимости владения (ТСО) транспортными средствами позволяет приблизиться к пониманию их истинной стоимости и оценить конкурентоспособность.

Производство и эксплуатация автомобилей приводят к возникновению экстерналий, в том числе связанных с выбросами парниковых газов и, соответственно, изменением климата. Их включение в модель ТСО превращает ее в социально ориентированную и показывает общественные издержки. Интернализация экстерналийных издержек превращает общественные издержки в издержки субъекта, который является их источником. Это может стать инструментом, позволяющим повысить конкурентоспособность более экологичного транспортного средства.

В статье на примере Москвы проведена сравнительная оценка совокупной стоимости владения популярным российским электрическим седаном *Evolvate i-Pro*, поступившим на рынок осенью 2022 г., и близким к нему по техническим характеристикам бензиновым автомобилем *Lada Vesta Sport*. Результаты исследования показали, что при эксплуатации в Москве с учетом государственной субсидии *Evolvate i-Pro* конкурентоспособен: владение им выгоднее, чем бензиновым автомобилем, на 342,7 тыс. руб. Важно отметить, что, если не учитывать такую меру поддержки, как бесплатная парковка, специфичную для Москвы и нескольких других российских городов, *Evolvate i-Pro* теряет конкурентоспособность даже с учетом федерального субсидирования.

В отсутствие субсидии *Evolvate i-Pro* пока не достигает паритета стоимости владения с *Lada Vesta Sport*. Его ТСО выше на 124,7 тыс. руб., несмотря на низкие эксплуатационные расходы и действующие в Москве меры поддержки электротранспорта.

Разница в совокупной стоимости пятилетнего владения *Evolvate i-Pro* и *Lada Vesta Sport* с учетом экстерналийных издержек (без субсидирования) хотя и не делает первый полностью конкурентоспособным, но сокращает разницу в ТСО между седанами до 76,9 тыс. руб. Интернализация экстерналийных издержек, связанных с выбросами CO₂, может повысить конкурентоспособность электромобиля. Это возможно реализовать, например, путем введения платы за выбросы CO₂ от транспортных средств.

Хорошим примером является система «бонус/малус», функционирующая во Франции и похожая на новозеландскую. Предоставление «экологического бонуса» электромобилям и применение «экологического малуса» к автомобилям с ДВС стимулирует переход к низкоуглеродной модели экономики, уравнивает выплаты субсидий созданием потока доходов в государственный бюджет, повышает конкурентоспособность

¹¹ Новак: Парижское соглашение по климату не препятствует развитию экономики России // Парламентская газета. 2019. 6 ноября. URL: <https://www.pnp.ru/politics/novak-parizhskoe-soglashenie-po-klimatu-ne-prepyatstvuet-razvitiyu-ekonomiki-rossii.html> (дата обращения: 26.04.2023).

транспортных средств с нулевым или минимальным уровнем выбросов. При этом важно учитывать специфику местного топливно-энергетического баланса. Если в городе или регионе доминирует угольная генерация, то разница в экстернатальных издержках, связанных с выбросами CO₂ на жизненном цикле электромобиля и автомобиля с ДВС, может нивелироваться.

Полученные в статье результаты будут полезны жителям Москвы, которые задумываются о приобретении отечественного электромобиля. Отдельные выводы также могут пригодиться жителям других городов России, где развиваются рынок электромобилей и зарядная инфраструктура. Органы управления могут ориентироваться на полученные в статье результаты для оценки эффективности текущего механизма субсидирования и дальнейшей разработки мер поддержки, в том числе в контексте развития низкоуглеродной модели экономики. Повышение эффективности стимулирования спроса на отечественные электромобили окажет положительное влияние на производство и рост степени локализации ключевых компонентов, что означает развитие высокотехнологического сектора российской экономики.

Список литературы

1. Fact sheet climate change // United Nations. Sustainable Transport Conference. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/media_gstc/FACT_SHEET_Climate_Change.pdf (дата обращения: 25.04.2023).
2. Transport sector CO₂ emissions by mode in the Sustainable Development Scenario, 2000–2030 // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/transport-sector-co2-emissions-by-mode-in-the-sustainable-development-scenario-2000-2030> (дата обращения: 25.04.2023).
3. Автомобильный транспорт: факты и цифры. Насколько безопасен современный транспорт для здоровья людей и окружающей среды? // Правительство Нидерландов. URL: https://theper.unecce.org/sites/default/files/2021-05/eMagazine%20Road%20transport%20facts%20and%20figures%20Russian%20version_updated%2017%20May%202021R.pdf (дата обращения: 24.05.2023).
4. Integration is key: the role of electric mobility for low-carbon and sustainable cities / S. Holzwarth, O. Lah, E. Martin et al. UN-Habitat, 2022. 82 p.
5. Handbook on the external costs of transport: Version 2019 – 1.1 / H. Van Essen, L. van Wijngaarden, A. Schroten et al. Delft: CE Delft, 2019. 330 p.
6. World Energy Outlook 2021 / E. M. Bibra, E. Connelly, M. Gorner, et al. Paris: International Energy Agency, 2021. 383 p.
7. Global EV Data Explorer // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/global-ev-data-explorer> (дата обращения: 26.04.2023).
8. Bashmakov I. Russia's foreign trade, economic growth, and decarbonisation. Long-term vision. Moscow: Center for energy efficiency – XXI, 2023. 115 p.
9. Wappelhorst S. Update on government targets for phasing out new sales of internal combustion engine passenger cars. Washington: International Council on Clean Transportation, 2021. 12 p.
10. World Energy Outlook 2022 / E. M. Bibra, E. Connelly, S. Dhir et al. Paris: International Energy Agency, 2022. 218 p.
11. Keegan B. P. Want to Be a Market Leader? The Time for ESG is Now, and EVs Will Help You Get There. URL: <https://www.merchantsfleet.com/industry-insights/want-to-be-a-market-leader-the-time-for-esg-is-now-and-evs-will-help-you-get-there/> (дата обращения: 24.05.2023).
12. Концепция по развитию производства и использования электрического автомобильного транспорта в Российской Федерации на период до 2030 года // Правительство РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/bW9wGZ2rDs3BkeZHf7ZsaxnlbJzQbJt.pdf> (дата обращения: 28.04.2023).
13. Лобода В. Рынок новых электромобилей в России в 2022 году установил рекорд // Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/news/53604/> (дата обращения: 26.04.2023).
14. Александров Д. Продажи новых автомобилей в России в 2022 году рухнули на 59% // Autonews. URL: <https://www.autonews.ru/news/63bfd4a69a7947f4bc1fd826> (дата обращения: 26.04.2023).
15. Андрей Белоусов провел стратегическую сессию по развитию электротранспорта в России // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/andrey_belousov_provel_strategicheskuyu_sessiyu_po_razvitiyu_elektrotransporta_v_rossii.html (дата обращения: 26.04.2023).
16. Мингазов С. Число легковых автомобилей впервые сократилось более чем в пяти регионах России // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/485397-cislo-legkovykh-avtomobilej-vpervye-sokratilos-bolee-chem-v-pati-regionah-rossii> (дата обращения: 26.04.2023).

17. Лобода В. Стали известны регионы РФ с наибольшим парком электромобилей // Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/news/54079/> (дата обращения: 28.04.2023).
18. Готовы ли вы купить электромобиль в ближайшие пару лет? // Дром. URL: <https://www.drom.ru/poll.php?pollid=896> (дата обращения: 26.04.2023).
19. Развитие электротранспорта потребует увеличения электрогенерации на 4,8 ТВт·ч / А. Курдин, В. Скрыбина, Д. Федоренко, С. Федоров // Энергетические тренды. 2022. № 110. С. 1–17.
20. Мальцева А. Почему электромобиль экологичнее, чем принято думать // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/09/30/888978-elektromobil-ekologichnee> (дата обращения: 28.04.2023).
21. Официальный сайт Evolute (Evolute i-Pro). URL: <https://www.evolute.ru/models/i-pro> (дата обращения: 27.04.2023).
22. Официальный сайт Lada (Lada Vesta Sport). URL: <https://www.lada.ru/cars/vesta/sport> (дата обращения: 27.04.2023).
23. Тимерханов А. Продажи электромобилей Evolute в феврале выросли более чем вдвое // Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/news/54078/> (дата обращения: 28.04.2023).
24. Comparing total cost of ownership of battery electric vehicles and internal combustion engine vehicles / Z. Liu, J. Song, J. Kubal et al. // Energy Policy. 2021. Vol. 158. Pp. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112564>
25. Total Cost for Society: A persona-based analysis of electric and conventional vehicles / Q. De Clerck, T. Van Lier, M. Messagie // Transportation Research Part D: Transport and Environment. 2018. Vol. 64. Pp. 90–110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2018.02.017>
26. Kumar P., Chakrabarty S. Total Cost of Ownership Analysis of the Impact of Vehicle Usage on the Economic Viability of Electric Vehicles in India // Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board. 2020. Vol. 2674, Iss. 11. Pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/0361198120947089>
27. Costs and emissions: Comparing electric and petrol-powered cars in New Zealand / M. A. Hasan, D. J. Frame, R. Chapman, K. M. Archie // Transportation Research Part D: Transport and Environment. 2021. Vol. 90. Pp. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2020.102671>
28. Clean Car Discount overview // Waka Kotahi NZ Transport Agency. URL: <https://www.nzta.govt.nz/vehicles/clean-car-programme/clean-car-discount/overview/> (дата обращения: 28.04.2023).
29. Consumer- and society-oriented cost of ownership of electric and conventional cars in Italy / R. Danielis, M. Giansoldati, M. Scorrano. Working Papers 19_3, SIET Società Italiana di Economia dei Trasporti e della Logistica. 2019. Pp. 1–21. URL: https://ideas.repec.org/p/sit/wpaper/19_3.html (дата обращения: 28.04.2023).
30. Who saves money buying electric vehicles? Heterogeneity in total cost of ownership / N. Parker, H. L. Breetz, D. Salon // Transportation Research Part D: Transport and Environment. 2021. Vol. 96. Pp. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2021.102893>
31. Breetz H. L., Salon D. Do electric vehicles need subsidies? Ownership costs for conventional, hybrid, and electric vehicles in 14 U.S. cities // Energy Policy. 2018. Vol. 120. Pp. 238–249. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.05.038>
32. Litman T. Climate Change Emission Valuation for Transportation Economic Analysis. Victoria Transport Policy Institute, 2012. 36 p.
33. Sundqvist T. What causes the disparity of electricity externality estimates? // Energy Policy. 2004. Vol. 32. Pp. 1753–1766. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0301-4215\(03\)00165-4](https://doi.org/10.1016/S0301-4215(03)00165-4)
34. Аньков В. Среднегодовой пробег автомобилей в России за 3 года вырос на 2,7 тыс. км – эксперты // Интерфакс. URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/srednegodovoy-probeg-avtomobiley-v-rossii-za-3-goda-vyros-na-2-7-tys-km-eksperty> (дата обращения: 28.04.2023).
35. Тимерханов А. Каковы сроки владения автомобилями в России? // Автостат. URL: <https://www.autostat.ru/news/46900/> (дата обращения: 28.04.2023).
36. Автокредит с господдержкой // Официальный сайт банка РНКБ. URL: <https://www.rncb.ru/> (дата обращения: 28.04.2023).
37. Гращенкова В. Сколько стоит зарядная станция для электромобиля // Тинькофф журнал. URL: <https://journal.tinkoff.ru/zaryadnaya-stanciya/> (дата обращения: 28.04.2023).
38. С начала этого года владельцы электротранспорта бесплатно парковались уже больше 14,5 тыс. раз // Официальный сайт мэра Москвы. URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/114119 (дата обращения: 28.04.2023).
39. Цены на бензин и карта АЗС России // Benzin-price. URL: https://www.benzin-price.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 28.04.2023).
40. Тарифы Москва // Официальный сайт Мосэнергосбыта. URL: <https://www.mosenergosbyt.ru/individuals/tariffs-payments/tariffs-msk/> (дата обращения: 28.04.2023).
41. Калькулятор оценки стоимости владения автомобилем // Цена Авто. URL: <https://cena-auto.ru/calculator/tco/> (дата обращения: 28.04.2023).

42. Батарейки тоже менять надо: Какие запчасти нужны электромобилям? // Автоиндустрия. РФ. URL: <https://ai-media.ru/news/batarejki-tozhe-menjat-nado-kakie-zapchasti-nuzhny-jelektromobiljam/> (дата обращения: 28.04.2023).
43. Барабошкина А. В. Сравнительная оценка конкурентоспособности и экстерналийных издержек электромобиля и автомобиля с двигателем внутреннего сгорания (на примере города Москвы) // Экономика и управление. 2023. Т. 29, № 4. С. 423–434. DOI: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-423-434>
44. Налоговый калькулятор – Расчет транспортного налога // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/calc_transport/ (дата обращения: 28.04.2023).
45. Тарифы и правила оплаты в Москве // mos.ru. URL: <https://parking.mos.ru/new/> (дата обращения: 28.04.2023).
46. Schloter L. Empirical analysis of the depreciation of electric vehicles compared to gasoline vehicles // Transport Policy. 2022. Vol. 126. Pp. 268–279. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2022.07.021>
47. Santos G., Rembalski S. Do electric vehicles need subsidies in the UK? // Energy Policy. 2021. Vol. 149. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111890>
48. How to improve the total cost of ownership of electric vehicles: An analysis of the light commercial vehicle segment / P. Lebeau, C. Macharis, J. van Mierlo // World Electric Vehicle Journal. 2019. Vol. 10, Iss. 4. Pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.3390/wevj10040090>
49. Aichberger C., Jungmeier G. Environmental Life Cycle Impacts of Automotive Batteries Based on a Literature Review // Energies. 2020. Vol. 13, Iss. 23. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.3390/en13236345>
50. Life cycle assessment of electric vehicles in comparison to combustion engine vehicles: A review / S. Verma, G. Dwivedi, P. Verma // Materials today proceedings. 2022. Vol. 49. Pp. 217–222. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2021.01.666>
51. Life Cycle Assessment of Battery Electric and Internal Combustion Engine Vehicles Considering the Impact of Electricity Generation Mix: A Case Study in China / B. Tang, Y. Xu, M. Wang // Atmosphere. 2022. Vol. 13, Iss. 2. Pp. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.3390/atmos13020252>
52. How clean are electric cars? // Transport & Environment. URL: <https://www.transportenvironment.org/discover/how-clean-are-electric-cars/> (дата обращения: 28.04.2023).
53. Greenhouse Gas Emissions from Electric and Plug-In Hybrid Vehicles // Fueleconomy.gov. URL: <https://www.fueleconomy.gov/feg/Find.do?action=bt2> (дата обращения: 28.04.2023).
54. Колпаков А. Ю., Галингер А. А. Экономическая эффективность распространения электромобилей и возобновляемых источников энергии в России // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 2. С. 128–139. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086958732002005X>
55. Power Profiler // United States Environmental Protection Agency. URL: <https://www.epa.gov/egrid/power-profiler#/> (дата обращения: 28.04.2023).
56. Запуск производства электромобилей Evolute // Evolute. URL: <https://evolute.ru/about/news/announcements/zapusk-proizvodstva-elektromobilej-evolute> (дата обращения: 28.04.2023).
57. Накопители энергии в России: инъекция устойчивого развития / Н. Посыпанко, М. Баранов, Р. Костюк. Москва: VYGON Consulting, 2020. 51 с.
58. Злобин А. Минэкономразвития рекомендовало регионам вводить налоговые льготы для электромобилей // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/455293-minekonomrazvitiya-rekomendovalo-regionam-vvodit-nalogovye-l-goty-dla-elektromobilej> (дата обращения: 28.04.2023).
59. Accelerating new energy vehicle uptake in Chinese cities. Assessment of policies for private passenger cars in leading city markets / L. Jin, Y. Chu, X. Wang. Washington: International Council on Clean Transportation, 2023. 26 p.
60. Kudryavtseva O. V., Kurdin A. A. Prospects for low-carbon industrial policy: The case of Russia. Global Challenges of Climate Change. 2023. Vol. 2. Pp. 251–263. URL: <https://www.springerprofessional.de/en/prospects-for-low-carbon-industrial-policy-the-case-of-russia/23719704>
61. Росатом построит завод по производству литий-ионных ячеек и систем накопления энергии в Калининградской области // Рэнера. URL: <https://renera.ru/news/rosatompostroitzaod/> (дата обращения: 28.04.2023).
62. Топливо-энергетический комплекс // Официальный сайт Министерства развития инфраструктуры Калининградской области. URL: <https://infrastruktura.gov39.ru/activity/fuel.php> (дата обращения: 28.04.2023).
63. China // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/countries/china> (дата обращения: 28.04.2023).
64. How to get an EV subsidy in France // Wallbox. URL: <https://blog.wallbox.com/france-ev-incentives/> (дата обращения: 28.04.2023).
65. The ecological penalty // Platine Motors. URL: <https://www.platinemotors.com/en/le-malus-%C3%A9cologique> (дата обращения: 28.04.2023).

References

1. United Nations. Sustainable Transport Conference. *Fact sheet climate change*. https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/media_gstc/FACT_SHEET_Climate_Change.pdf
2. International Energy Agency. *Transport sector CO₂ emissions by mode in the Sustainable Development Scenario, 2000–2030*. <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/transport-sector-co2-emissions-by-mode-in-the-sustainable-development-scenario-2000-2030>
3. Government of the Netherlands. *Automobile transport: facts and figures. Is modern transport safe for peoples health and the environment?* (In Russ.). https://thepep.unecce.org/sites/default/files/2021-05/eMagazine%20Road%20transport%20facts%20and%20figures%20Russian%20version_updated%2017%20May%202021R.pdf
4. Holzwarth, S., Lah, O., Martin, E. et al. (2022). *Integration is key: the role of electric mobility for low-carbon and sustainable cities*. UN-Habitat.
5. Van Essen, H., van Wijngaarden, L., Schrotten, A., et al. (2019). *Handbook on the external costs of transport: Version 2019–1.1*. Delft: CE Delft.
6. Bibra, E. M., Connelly, E., Gorner, M. et al. (2021). *World Energy Outlook 2021*. Paris: International Energy Agency.
7. International Energy Agency. *Global EV Data Explorer*. <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/global-ev-data-explorer>
8. Bashmakov, I. (2023). *Russia's foreign trade, economic growth, and decarbonisation. Long-term vision*. Moscow: Center for energy efficiency – XXI.
9. Wappelhorst, S. (2021). *Update on government targets for phasing out new sales of internal combustion engine passenger cars*. Washington: International Council on Clean Transportation.
10. Bibra, E. M., Connelly, E., Dhir, S. et al. (2022). *World Energy Outlook 2022*. Paris: International Energy Agency.
11. Keegan, B. P. *Want to Be a Market Leader? The Time for ESG is Now, and EVs Will Help You Get There*. <https://www.merchantsfleet.com/industry-insights/want-to-be-a-market-leader-the-time-for-esg-is-now-and-evs-will-help-you-get-there/>
12. The Government of the Russian Federation. *Concept of production development and using electric automobile transport in the Russian Federation up to 2030*. (In Russ.). <http://static.government.ru/media/files/bW9wGZ2rDs3BkeZHf7ZsaxnlbJzQbJt.pdf>
13. Loboda, V. (2023, January 13). Market of new electric cars in Russia in 2022 stroke a record. *Autostat*. (In Russ.). <https://www.autostat.ru/news/53604/>
14. Alexandrov, D. (2023, January 12). Sales of new cars in Russia in 2022 fell by 59%. *Autonews*. (In Russ.). <https://www.autonews.ru/news/63bfd4a69a7947f4bc1fd826>
15. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Andrey Belousov held a strategic session on developing electric transport in Russia*. (In Russ.). https://www.economy.gov.ru/material/news/andrey_belousov_provel_strategicheskuyu_sessiyu_po_razvitiyu_elektrotransporta_v_rossii.html
16. Mingazov, S. (2023, February 27). The number of cars decreased for the first time in more than five Russian regions. *Forbes*. (In Russ.). <https://www.forbes.ru/biznes/485397-cislo-legkovyih-avtomobilej-vpervye-sokratilos-bolee-cem-v-pati-regionah-rossii>
17. Loboda, V. Russian regions with the largest park of electric cars became known. *Autostat*. (In Russ.). <https://www.autostat.ru/news/54079/>
18. Are you ready to buy an electric car in the next couple of years? *Drom*. (In Russ.). <https://www.drom.ru/poll.php?pollid=896>
19. Kurdin, A., Scriabina, V., Fedorenko, D., & Fedorov, S. (2022). Development of electric transport will require increasing electric power generation by 4.8 TWh. *Energy Trends*, 110, 1–17.
20. Maltseva A. (2021). Why an electric car is more eco-friendly than we are used to think. *Vedomosti*. (In Russ.). <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2021/09/30/888978-elektromobil-ekologichnee>
21. Official website of Evolute (Evolute i-Pro). (In Russ.). <https://www.evolute.ru/models/i-pro>
22. Official website of Lada (Lada Vesta Sport). (In Russ.). <https://www.lada.ru/cars/vesta/sport>
23. Timerkhanov, A. Sales of Evolute electric cars in February grew more than twice. *Autostat*. (In Russ.). <https://www.autostat.ru/news/54078/>
24. Liu, Z., Song, J., Kubal, J., et al. (2021). Comparing total cost of ownership of battery electric vehicles and internal combustion engine vehicles. *Energy Policy*, 158, 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112564>
25. De Clerck, Q., Van Lier, T., & Messagie, M. (2018). Total Cost for Society: A persona-based analysis of electric and conventional vehicles. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 64, 90–110. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2018.02.017>
26. Kumar, P., & Chakrabarty, S. (2020). Total Cost of Ownership Analysis of the Impact of Vehicle Usage on the Economic Viability of Electric Vehicles in India. *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*, 2674(11), 1–10. <https://doi.org/10.1177/0361198120947089>

27. Hasan, M. A., Frame, D. J., Chapman, R., & Archie, K. M. (2021). Costs and emissions: Comparing electric and petrol-powered cars in New Zealand. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 90, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2020.102671>
28. Waka Kotahi NZ Transport Agency. *Clean Car Discount overview*. <https://www.nzta.govt.nz/vehicles/clean-car-programme/clean-car-discount/overview/>
29. Danielis, R., Giansoldati, M., & Scorrano, M. (2019). Consumer- and society-oriented cost of ownership of electric and conventional cars in Italy. *Working Papers 19_3, SIET Società Italiana di Economia dei Trasporti e della Logistica*, 1–21. https://ideas.repec.org/p/sit/wpaper/19_3.html
30. Parker N., Breetz H. L., & Salon D. (2021). Who saves money buying electric vehicles? Heterogeneity in total cost of ownership. *Transportation Research Part D: Transport and Environment*, 96, 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.trd.2021.102893>
31. Breetz H. L., & Salon D. (2018). Do electric vehicles need subsidies? Ownership costs for conventional, hybrid, and electric vehicles in 14 U.S. cities. *Energy Policy*, 120, 238–249. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2018.05.038>
32. Litman, T. (2012). *Climate Change Emission Valuation for Transportation Economic Analysis*. Victoria Transport Policy Institute.
33. Sundqvist, T. (2004). What causes the disparity of electricity externality estimates? *Energy Policy*, 32, 1753–1766. [https://doi.org/10.1016/S0301-4215\(03\)00165-4](https://doi.org/10.1016/S0301-4215(03)00165-4)
34. Ankov, V. Average annual mileage of cars in Russia increased by 2.7 thousand km in 3 years – experts. *Interfax*. (In Russ.). <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/srednegodovoy-probeg-avtomobiley-v-rossii-za-3-goda-vyros-na-2-7-tys-km-eksperty>
35. Timerkhanov, A. (2021, January 10). What are the terms of owning a car in Russia? *Avtostat*. (In Russ.). <https://www.autostat.ru/news/46900/>
36. Official website of RNCB Bank. *Auto credit with a state support*. (In Russ.). <https://www.rncb.ru/>
37. Grashchenkova, V. How much does a car charging station cost?. *Tinkoff journal*. (In Russ.). <https://journal.tinkoff.ru/zaryadnaya-stanciya/>
38. Moscow Mayor official website. *Since the beginning of the year, owners of electric transport have parked free over 14.5 thousand times*. (In Russ.). https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/114119
39. Petrol prices and a map of fuel stations in Russia. *Benzin-price*. (In Russ.). https://www.benzin-price.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F
40. Official website of Mosenergosbyt. *Tariffs in Moscow*. (In Russ.). <https://www.mosenergosbyt.ru/individuals/tariffs-n-payments/tariffs-msk/>
41. Calculator for estimating the cost of owning a car. *Cena Auto*. (In Russ.). <https://cena-auto.ru/calculator/tco/>
42. Batteries must be changed too: What spare details do electric cars need? *Auto industry. RF*. (In Russ.). <https://ai-media.ru/news/batarejki-tozhe-menjat-nado-kakie-zapchasti-nuzhny-jelektromobiljam/>
43. Baraboshkina, A. V. (2023). Comparative assessment of competitiveness and external costs of electric car and car with internal combustion engine (on the example of Moscow). *Economics and Management*, 29(4), 423–434. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-423-434>
44. Tax calculator – Calculation of transport tax. *Official website of the Federal Tax Service*. (In Russ.). https://www.nalog.gov.ru/rn77/service/calc_transport/
45. *Tariffs and rules of payment in Moscow*. Moscow Mayor official website. (In Russ.). <https://parking.mos.ru/new/>
46. Schloter, L. (2022). Empirical analysis of the depreciation of electric vehicles compared to gasoline vehicles. *Transport Policy*, 126, 268–279. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2022.07.021>
47. Santos, G., & Rembalski, S. (2021). Do electric vehicles need subsidies in the UK? *Energy Policy*, 149, 1–27. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111890>
48. Lebeau, P., Macharis, C., & van Mierlo, J. (2019). How to improve the total cost of ownership of electric vehicles: An analysis of the light commercial vehicle segment. *World Electric Vehicle Journal*, 10(4), 1–15. <https://doi.org/10.3390/wevj10040090>
49. Aichberger, C., & Jungmeier, G. (2020). Environmental Life Cycle Impacts of Automotive Batteries Based on a Literature Review. *Energies*, 13(23), 1–27. <https://doi.org/10.3390/en13236345>
50. Verma, S., Dwivedi, G., & Verma, P. (2022). Life cycle assessment of electric vehicles in comparison to combustion engine vehicles: A review. *materialstoday proceedings*, 49, 217–222. <https://doi.org/10.1016/j.matpr.2021.01.666>
51. Tang, B., Xu, Y., & Wang, M. (2022). Life Cycle Assessment of Battery Electric and Internal Combustion Engine Vehicles Considering the Impact of Electricity Generation Mix: A Case Study in China. *Atmosphere*, 13(2), 1–23. <https://doi.org/10.3390/atmos13020252>
52. Transport & Environment. *How clean are electric cars?* <https://www.transportenvironment.org/discover/how-clean-are-electric-cars/>

53. Fueleconomy. gov. *Greenhouse Gas Emissions from Electric and Plug-In Hybrid Vehicles*. <https://www.fueleconomy.gov/feg/Find.do?action=bt2>
54. Kolpakov, A. Y., Galinger, A. A. (2020). Economic efficiency of the spread of electric vehicles and renewable energy sources in Russia. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 90, 1, 25–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086958732002005X>
55. United States Environmental Protection Agency. *Power Profiler*. <https://www.epa.gov/egrid/power-profiler/#/>
56. Evolute. *Launch of the production of electric vehicles Evolute*. (In Russ.). <https://evolute.ru/about/news/announcements/zapusk-proizvodstva-elektromobilej-evolute>
57. Posypanko, N., Baranov, M., & Kostyuk, R. (2020). *Energy storage systems in Russia: an injection of sustainable development*. Moscow: Vygon Consulting. (In Russ.).
58. Zlobin, A. The Ministry of Economic Development recommended regions to introduce tax incentives for electric vehicles. *Forbes*. (In Russ.). <https://www.forbes.ru/biznes/455293-minekonomrazvitia-rekomendovalo-regionam-vvodit-nalogovye-l-goty-dla-elektromobilej>
59. Jin, L., Chu, Y., & Wang, X. (2023). *Accelerating new energy vehicle uptake in Chinese cities. Assessment of policies for private passenger cars in leading city markets*. Washington: International Council on Clean Transportation.
60. Kudryavtseva, O. V., & Kurdin, A. A. (2023). *Prospects for low-carbon industrial policy: The case of Russia*. *Global Challenges of Climate Change*, 2, 251–263. <https://www.springerprofessional.de/en/prospects-for-low-carbon-industrial-policy-the-case-of-russia/23719704>
61. Renera. *Rosatom will build a plant for the production of lithium-ion cells and energy storage systems in the Kaliningrad Region*. (In Russ.). <https://renera.ru/news/rosatompostroitzavod/>
62. Ministry of Infrastructure Development of the Kaliningrad Region. *Fuel and Energy Complex*. (In Russ.). <https://infrastruktura.gov39.ru/activity/fuel.php>
63. International Energy Agency. *China*. <https://www.iea.org/countries/china>
64. Wallbox. *How to get an EV subsidy in France*. <https://blog.wallbox.com/france-ev-incentives/>
65. Platine Motors. *The ecological penalty*. <https://www.platinemotors.com/en/le-malus-%C3%A9cologique>

Вклад авторов

А. В. Барабошкина является главным исследователем; проводила обзор литературы; осуществляла расчеты в рамках предложенного ею подхода; интерпретировала результаты; подготовила рукопись.

О. В. Кудрявцева направляла исследование; дополняла и корректировала введение; интерпретировала результаты; корректировала рукопись.

The author's contributions

A. V. Baraboshkina is the chief researcher; she conducted a literature review; carried out calculations within the adopted approach; interpreted the results; prepared the manuscript.

O. V. Kudryavtseva coordinated the research; complemented and amended the introduction; interpreted the results; corrected the manuscript.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 28.04.2023

Дата принятия в печать / Accepted 30.05.2023

Научная статья

УДК 001.895:330.34:338.124.4:338.24

JEL: H12, O1, O3, O33, O38

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.289-306

А. А. НИКОНОВА¹

¹ Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, г. Москва, Россия

ОРИЕНТИРЫ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА, ПО АКАДЕМИКУ Д. С. ЛЬВОВУ

Никонова Алла Александровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук

E-mail: prettyal@cemi.rssi.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9115-3795>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAR-8177-2020>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2505-0803, AuthorID: 77659

Аннотация

Цель: определение вектора перемен для выхода России из кризиса и трансформации инновационной модели в контексте трендов четвертой научно-технической революции. Выявление внутренних системных проблем, обострившихся под влиянием санкций и препятствующих научно-технологическому развитию страны.

Методы: системный анализ явлений и процессов в научно-технологической и социально-экономической сфере выполнен на основе методологического подхода академика Д. С. Львова к изучению реформируемой России как предшественника системной экономической парадигмы, развиваемой под руководством члена-корреспондента РАН Г. Б. Клейнера.

Результаты: выявлен спад в экономике, науке и социальной сфере, как это предсказывал академик Д. С. Львов, если проблемы переходного периода не будут решены. Раскрыты существенные препятствия, мешающие как выходу страны из точки бифуркации, так и экономическому росту на основе интеллектуальных факторов и передовых технологий. Приведена статистика, демонстрирующая устаревание промышленного оборудования, сокращение инвестиций в экономику знаний, стагнацию инновационной деятельности организаций, усиление социальных диспропорций. На основе результатов анализа, выводов Д. С. Львова и других ученых и специалистов приведены ориентиры изменения модели научно-технического развития, ведущие направления в изменении государственной политики. Выводы и рекомендации касаются фундаментальных факторов не только модели научно-технического развития, но и экономической модели в целом.

Научная новизна: новый формат подхода к постановке проблемы научно-технологического развития РФ и решению через призму научного наследия Д. С. Львова. Актуализация положений его учения и обоснование релевантности их для современной экономической науки применительно к выявлению кризисной ситуации, аналогичной сегодняшней по масштабу и силе влияния, а также к определению направлений выхода из кризиса.

Практическая значимость: результаты исследования могут стать основой для расширения системы знаний в рамках постановки проблемы научно-технологического развития, а также быть использованы в практической деятельности органов государственной власти при разработке решений антикризисного управления экономикой.

Ключевые слова: региональная и отраслевая экономика, российская экономика, промышленность, оборудование, кадры, наука, образование, технологии, НИОКР

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

© Никонова А. А., 2023

© Nikonova A. A., 2023

Как цитировать статью: Никонова А. А. Ориентиры изменения модели научно-технологического развития России и выхода из кризиса, по академику Д. С. Львову // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 289–306.
DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.289-306

Scientific article

A. A. NIKONOVA¹

¹ Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**MILESTONES FOR CHANGING THE MODEL OF SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL
DEVELOPMENT OF RUSSIA AND OVERCOMING THE CRISIS,
BY ACADEMICIAN D. S. LVOV**

Alla A. Nikonova, Candidate of Sciences in Economics, Leading Researcher, Central Economics and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences
E-mail: prettyal@cemi.rssi.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9115-3795>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AAR-8177-2020>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 2505-0803, AuthorID: 77659

Abstract

Objective: to determine the vector of changes for Russia's recovery from the crisis and transformation of the innovation model in the context of trends of the 4th scientific and technological revolution. To this end, it is necessary to identify internal systemic problems that have worsened under the influence of sanctions and hinder the country's scientific and technological development.

Methods: the system analysis of phenomena and processes in the scientific, technological and socio-economic spheres is based on the methodological approach by Academician D. S. Lvov to the study of Russia under reforms as a precursor of the systemic economic paradigm developed under the guidance of G. B. Kleyner, a corresponding member of the Russian Academy of Sciences.

Results: a decline in the economy, science and social sphere has been revealed, as was predicted by Academician D. S. Lvov, in case the problems of the transition period are not solved. The essential obstacles are revealed, which hinder both the country leaving the bifurcation point and economic growth based on intellectual factors and advanced technologies. Statistics are presented demonstrating the obsolescence of industrial equipment, the reduced investment in the knowledge economy, the stagnation of innovative activity of organizations, and the worsening social imbalances. Based on the analysis results, the conclusions of D. S. Lvov and other scientists and specialists, guidelines are proposed for changing the model of scientific and technological development; the leading directions for changing the state policy are given. Conclusions and recommendations refer to the fundamental factors not only of the model of scientific and technological development, but also of the economic model as a whole.

Scientific novelty: consists in a new format of an approach to the formulation of the problem of scientific and technological development of the Russian Federation and its solution through the prism of D. S. Lvov's scientific heritage. Provisions of his teaching are actualized and their relevance for contemporary economy is substantiated in relation to identifying a crisis situation similar to the current one in scale and influence, as well as to determining the ways out of the crisis.

Practical significance: the results of the study can become the basis for expanding the system of knowledge within the problem of scientific and technological development, as well as be used in the practical activities of public authorities to develop solutions for crisis management of the economy.

Keywords: Regional and branch economics, Russian economy, Industry, Equipment, Personnel, Science, Education, Technology, R&D

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Nikonova, A. A. (2023). Milestones for changing the model of scientific-technological development of Russia and overcoming the crisis, by Academician D. S. Lvov. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 289–306. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.289-306

Введение

В 2022 г. Россия оказалась в очередной раз на перепутье в связи с серьезным геополитико-экономическим кризисом. Скорость выхода из кризиса, траектория движения страны и модель народнохозяйственной системы зависят от качества управляющих решений, как стратегических, так и тактических, способных вывести систему из точки бифуркации. Варианты решений разнообразны ввиду гетерогенности характеристик российской общественной системы, но ограничены исходным потенциалом, т. е. ресурсами и способностями использовать их продуктивно в секторах экономики, бизнеса, государства, социума. Кроме того, влияние внешних условий и факторов существенно определяет вектор перемен. Четвертая научно-техническая революция (далее – НТР), кризис, санкции против России выдвигают императивы изменения в политике, экономической модели и стратегических решениях в целом. Такие изменения следует проводить в соответствии с объективными обстоятельствами и научным пониманием проблемной ситуации и перспектив.

Ориентирами для изменений служат выводы из анализа проблемной ситуации, внутренних и внешних условий и факторов в соотнесении их с представлениями о будущем в голове ученого и практика. Опыт научно-практических изысканий, полученный академиком Д. С. Львовым в исследовании эффективности новой техники, разработке комплексной программы научно-технического прогресса [1], изучении институциональных изменений и эволюции экономических преобразований, позволил ему обозначить ориентиры для движения российской экономики, в том числе в части научно-технологического развития. Это предмет данного исследования.

Цель исследования – определить направления перемен для выхода из кризиса. С этой целью исследовать проблемную ситуацию в российской экономике как точку бифуркации, в которой тенденции четвертой НТР и масштабное геополитическое давление вынуждают Россию трансформировать экономическую модель, инновационную модель, научно-технологическую стратегию. В задачи исследования входит оценка с системных позиций Д. С. Львова внутренних проблем научно-технологического развития РФ, обострившихся под влиянием санкций.

Обзор литературы

Сейчас Россия сталкивается с большими трудностями в замене импортных полупроводников, фармацевтики, материалов, комплектующих, техники и оборудования для добывающих организаций, обрабатывающих производств, транспорта, связи, здравоохранения. Ограничен доступ к важнейшим технологиям [2], в то время как в Индустрии 4.0 применяются принципиально новые технологии и ускорены темпы обновления производств [3]. В России трудности могли быть меньше, если бы руководство страны приняло концепцию Д. С. Львова, сформулированную в виде экономического манифеста [4] о путях выхода России из кризиса рыночной перестройки. В манифесте содержится программа действий по всем секторам экономики и общества с опорой на потенциальные преимущества страны, богатые природные ресурсы, научные школы, высококвалифицированные кадры, способствующие выдвиганию России в ранг передовых стран.

С самого начала перехода к рынку Д. С. Львов предвидел угрозы технологической деградации и призывал не упускать возможности, которые дает стране эффективное управление техническим развитием [5]. В то же

время Д. С. Львов с коллегами обосновывал необходимость сочетать рыночные и централизованные методы управления научно-технологической сферой: она формирует интеллектуальный потенциал экономики [6, 7].

К 1970 г. уровень российской микроэлектроники соответствовал мировому уровню, а ряд изделий были уникальными и не имели аналогов, «что напрямую было связано с эффективностью отраслевой управленческой модели тех лет... централизованной системы управления» [8. С. 11]. По оценке Ж. Алферова, Россия была второй по всем компонентам производительных сил [8. С. 12]. Однако в начале перестройки отказалась от принятой программы развития российской электронной промышленности на базе инфраструктуры Зеленоградского кластера. В 1992 г. руководители страны избрали фактически курс на импортозависимость. Как вспоминал Б. Грибов, директор НИИ Особо чистых материалов: «Гайдар был у нас в Зеленограде и сказал: “Никакая микроэлектроника нам не нужна. Бог нам дал нефть и газ – мы все купим”... и выпустил постановление о прекращении финансирования»¹. Научно-производственные объединения с опытными заводами и КБ в Москве, Ленинграде, Воронеже, Новосибирске были фактически распущены. В итоге два судьбоносных решения – о копировании устаревшей модели *IBM* (1967) и развал централизованного планирования и управления электронной промышленностью с резким снижением финансирования в начале 1990-х гг. – привели к деградации российской электроники, весьма капиталоемкой индустрии, но определяющей технологический прогресс и конкурентоспособность страны. Здесь было не обойтись без государственных инвестиций и планирования.

По мере того как устаревала техническая база обрабатывающей промышленности, ресурсы перераспределялись в сторону топливно-энергетического комплекса, а высокотехнологичные и наукоемкие производства, «которые будут определять завтрашний день», потерпели «колоссальные провалы», как заключили Д. С. Львов [9. С. 10] и другие ведущие ученые [10–14].

Вместе с этим растеряны уникальные кадры. Человеческий потенциал также снизился вследствие низких доходов населения и вложений в образование, науку, здравоохранение, культуру, экономику знаний в целом, как показано в трудах [15–19]. Плоская шкала налогообложения способствует воспроизводству бедности [9. С. 10]. Она, наряду с низкой оценкой значимости трудового вклада ученых, изобретателей, инженеров, преподавателей, препятствует творческой активности, мотивации к росту производительности труда и инноваций [18].

При всем различии моделей, способов, механизмов развития – опережающего типа [20] или догоняющего [21] – объединяют их признанные в мировом сообществе базовые столпы гуманитарно-технологического развития [22, 23]: 1) человек и среда обитания; 2) материальное производство на основе цепочек системных связей как источник воспроизводства благ и производственных факторов [24–26]; 3) образование и наука в основе всех прогрессивных достижений [7].

С этих позиций очевидно, что ориентиры стратегических изменений затрагивают качество жизни; научно-образовательную сферу; модернизацию промышленности; государство, проводящее политику в интересах всех игроков. Все сферы тесно связаны между собой [15]. Они все в фокусе внимания Львова и являются объектом нашего анализа с целью актуализации его выводов в современной повестке суверенного научно-технологического развития РФ под давлением санкций [27. С. 7].

Методы исследования

В основе теории, применяемой для экономической модели, должно быть адекватное представление об объекте, современной экономике в ее ближнем и дальнем окружении, этого нет в сегодняшней модели роста/развития. Наблюдаемая разобщенность между хозяйствующими субъектами, между ними и управляющими структурами, между ведомственными органами в корне противоречит пониманию экономики, общества как

¹ «Нарисовали круг диаметром в километр». История проекта ЦИЭ – от грандиозного замысла до развалин. 27.05.2021. URL: <https://www.zelenograd.ru/story/istoriya-cie/> (дата обращения: 01.04.2023).

системы. В модели таких систем все компоненты должны функционировать в согласии, как в едином природном организме, путем сбалансированного обмена ресурсами и способностями между секторами. «Именно объединение в рамках разного бизнеса позволяет переносить ресурсы из одной сферы в другую и делать шаги в направлении научно-технологического развития» [9. С. 11]. Кроме того, в управлении развитием страны требуются руководители, способные «мыслить стратегически... решать стоящие перед нами проблемы... с использованием этого (народнохозяйственного) подхода» [9. С. 11].

Применение в данном исследовании положений системной экономической теории и системной экономической парадигмы [28] дает системное представление об анализируемых объектах во внутреннем разнообразии связанных элементов и взаимодействиях с внешним миром. В целях обоснования ориентиров научно-технологического развития аргументы академика Д. С. Львова подкрепляются результатами системного анализа секторов российской общественной системы: государства, бизнеса, экономических организаций, науки, социума, называемых опорными (по Львову), ключевыми (по Клейнеру). Ввиду ограниченности места в публикации приведены результаты, наиболее близко указывающие ориентиры научно-технологического развития РФ в сопряжении с точкой зрения Львова по этому поводу.

Институты формируют соединительную ткань между звеньями [21]. Для создания институтов и регулирующих механизмов требуется стратегия как система решений, вносящих существенные и необратимые изменения в объект планирования. Сама стратегия служит метаинститутом развития. Изменения модели научно-технологического развития касаются стратегических, фундаментальных факторов, носящих институциональный характер.

Результаты

Рыночный спусковой крючок запустил деиндустриализацию экономики, деинтеллектуализацию людей, опустошение исследовательских организаций: в одночасье наука стала невостребованной в новых условиях, лабораторное оборудование не обновлялось и устаревало, кадры преднамеренно регулярно сокращались и пополняли ряды челноков и торговцев.

Наиболее масштабное сокращение научно-производственного сектора осуществлено за первое десятилетие перестройки. Так, к 2000 г. персонал, занятый НИОКР, сократился более чем вдвое – до 45,7 % к уровню 1990 г. – и далее продолжил снижение². Численность исследователей сократилась на 65 % (1991–2020), в том числе на 30 тыс. чел. за период 2018–2020 гг.³, не только по собственному желанию, связанному в значительной степени с низкой оплатой труда. Ежегодное сокращение штатов в науке составляет 3–4 тыс. чел. Наиболее весомое снижение численности исследований наблюдалось в естественных и технических науках⁴, которые вносят существенный вклад в НТП.

Количество НИИ уменьшилось с 2 077 до 1 627, количество специализированных проектных и проектно-исследовательских организаций – с 495 до 13 (1992–2021)⁵. В сфере профессиональной, научной и технической деятельности степень износа фондов увеличилась с 43,5 до 49,1 % (2017–2022), она на 9 пп. выше, нежели в целом в экономике; индекс фондовооруженности в этом виде деятельности снизился с 110,4 до 105,7 за тот же период⁶.

Деинтеллектуализация производительных сил, труда и капитала, обусловлена абсолютизацией экономических критериев в хозяйственной деятельности и жизни людей. Деградация интеллекта выражена в «примитивизации поведения, интересов, потребностей, мировоззрения людей, включая представителей так называемой

² Наука России в цифрах: 2010. Москва: ЦИСН, 2010. С. 46.

³ Наука, инновации и технологии. Официальная статистика. Росстат. 31.08.2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 01.04.2023); РАН: за границу с 2012 года стало уезжать впятеро больше ученых. ТАСС. 20.04.2021. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/11198355> (дата обращения: 01.04.2023).

⁴ Российский статистический ежегодник. 2022. Стат. сб. Москва: Росстат, 2022. С. 499.

⁵ Наука, инновации и технологии. 2022. Указ соч.; Россия в цифрах. 2003. Крат. стат. сб. Москва: Росстат. 2003. С. 270.

⁶ Эффективность экономики России. Офиц. стат. Росстат. 05.04.2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186>

элиты, их знаний о мире, о себе, о технологиях и об экологии, которая приводит к растущей неадекватности человека и общества, в своих реакциях, окружающему миру – природе, социосфере и техносфере, экологическим проблемам, “вызовам” Истории (если прибегнуть к этому понятию Арнольда Джона Тойнби)⁷. Решения деинтеллектуализированных управленцев вызвали разрушение образования, прикладной и академической науки, проектных институтов, Вооруженных сил, ОПК, авиакосмического комплекса – всего того, что служит базисом устойчивости социально-экономической системы в период становления VI технологического уклада.

Снижена роль фундаментальных знаний в учебном процессе с переходом к ЕГЭ и Болонской системе с прицелом на выпуск «квалифицированных потребителей», в то время как Э. Тофлер связывает будущее целиком и полностью с полученным образованием [29. С. 432]. «Тестовый фетишизм» в школьном обучении не дает «научиться учиться» [29. С. 450], препятствует осмыслению получаемых знаний.

Закрытие предприятий и значительный спад промышленного производства привели к деиндустриализации экономики. В 1995 г. индекс промышленного производства снизился до 50 % к уровню 1990 г. и к 2002 г. поднялся только до 62 %; в машиностроении спад был намного глубже: 39 и 50 % соответственно. Загрузка оборудования в производстве металлорежущих станков и тракторов упала с 81 % в 1990 г. до 14 и 10 % к 2002 г. соответственно. Производство металлорежущих станков сократилось с 74,171 до 8,3 тыс. шт.; тракторов – с 214 до 15,2 тыс. шт. (1990–2001)⁸, к 2020 г. спад выпуска продолжился соответственно до 4,5 и 7,3 тыс. шт.⁹

В итоге удельный вес промышленности в ВВП сократился с 37,8 до 28,8 %; основных фондов – с 33,6 до 23,8 %; численности занятых – с 30,3 до 22,7 % (1990–2001)¹⁰. Численность промышленно-производственного персонала в промышленности сократилась с 20 998 тыс. чел. в 1990 г. до 12 976 тыс. чел. в 2002 г. и до 9 650,8 в 2020 г., в основном за счет сжатия обрабатывающего сектора: так, за период 1992–2002 гг. в машиностроении сокращение составило более чем 2 раза¹¹. Доля добавленной стоимости обрабатывающих видов деятельности в ВВП снизилась с 14,9 до 14,5 % (2010–2019)¹².

Технологическая сложность производства не повышается, судя по структуре экспорта и упрощению отдельных видов производств. Так, в машиностроении выпуск станков с ЧПУ упал с 16,741 тыс. шт. до 254 шт., выпуск автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки сократился более чем в 100 раз (1990–2001)¹³. Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств в товарном экспорте уменьшился с 11,4 % в 1998 г. до 6,6 % в 2021 г.¹⁴ Доля высокотехнологичной продукции в экспорте чрезвычайно низкая – 0,3 %, и она не растет; удельный вес хайтек в экспорте обрабатывающих производств вдвое ниже среднемирового уровня: 10 против 20 %; доля ИКТ в общем экспорте страны – 0,5 против 14,5 % в мире в среднем¹⁵.

Существующая структурная инвестиционная политика и низкая доля вложений в основной капитал приводят к физическому и моральному устареванию техники и оборудования. Физический объем инвестиций в основной капитал сократился к 1998 г. до 22 % к уровню 1990 г.; в 2020 г. он был не выше 75 %. Удельный вес обрабатывающих производств в инвестициях в основной капитал снизился с 15,6 до 14,7 % (2015–2020)¹⁶.

⁷ Субетто А. И. Деинтеллектуализация России – преступление либералов-реформаторов и российской капиталократии против будущего ее народов. Академия Тринитаризма. Эл. № 77-6567, публ. 16602, 30.06.2011. С. 1.

⁸ Промышленность России. 2002. Стат. сб. Москва; Росстат, 2002. С. 162, 205, 219; Россия в цифрах. 2003. Указ. соч. С. 179, 182, 189.

⁹ Россия в цифрах. 2021. Крат. стат. сб. Москва: Росстат, 2021. С. 132.

¹⁰ Промышленность России. 2002. Указ. соч. С. 17.

¹¹ Россия в цифрах. 2003. Указ. соч. С. 178, 189; Россия в цифрах. 2021. Указ. соч. С. 119, 121.

¹² Россия в цифрах, 2021. Указ. соч. С. 38.

¹³ Промышленность России. 2002. Указ. соч. С. 205.

¹⁴ Российский стат. еж-к. Стат. сб. Москва: Росстат, 2003. С. 638; Российский стат. еж-к. 2022. Указ. соч. С. 589.

¹⁵ Мировой банк. The World Bank. Data. 2023. URL: https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?end=2021&locations=RU&name_desc=true&start=2007; https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.ICTG.ZS.UN?end=2021&locations=RU&name_desc=true&start=2007 (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁶ Инвестиции в России. Стат. сб. Москва: Росстат, 2021. С. 40–41, 54.

Удельный вес нового промышленного оборудования резко сократился: с 35,5 % в 1980 г. до 16 % к концу 2020 г. (табл.). Напротив, за тот же период удельный вес оборудования в возрасте свыше 10 лет увеличился с 36 до 41 %. В 2021 г. средний возраст оборудования увеличился. Степень износа основных фондов выросла в высокотехнологичных видах деятельности и среднетехнологичных видах высокого уровня соответственно с 45,3 до 52,9 % и с 48 до 53,7 % (2017–2021) и к 2022 г. превысила на 5–6 пп. степень износа в видах деятельности более низкого уровня технологичности¹⁷.

Старые основные средства препятствуют внедрению новых производственных технологий. Причем Фомин и Ханин [30] убедительно показали занижение официальных статистических данных износа фондов из-за недостоверности данных оценки; альтернативный расчет уровня износа основных фондов показывает, что он в реальности выше почти на 15 пп. Объем основных фондов, потерянных за период 1991–2015 гг., в 5 раз превышает объем ВВП за 2015 г. Для его возмещения при значительно более высокой доле накопления, чем нынешняя норма, потребуется десяток лет [30. С. 31].

Возрастная структура производственного оборудования в промышленности (на конец года, в %)
Age structure of industrial equipment (by the end of year, %)

Возраст оборудования (лет) / Age of equipment (years)	Годы / Years																	
	1970	1980	1990	1995	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2010	2013	2015	2016	2017	2018	2019	2020
До 5 / Less than 5	40,8	35,5	29,4	10,1	4,1	4,7	5,7	6,7	7,8	8,6	15	15	15	15	15	15	14	16
5–10	30,0	28,7	28,3	29,8	20,1	10,6	7,6	5,8	4,9	5,1	22	24	28	28	30	29	32	32
10–15	14,0	15,6	16,5	22,0	25,6	25,5	23,2	20,0	16,4	12,3	26	24	24	21	20	21	20	20
15–20	6,9	9,5	10,8	15,0	18,6	21,0	21,9	22,6	22,7	22,5	14	16	15	14	13	10	11	10
Более 20 / More than 20	8,3	10,7	15,0	23,1	31,6	38,2	41,6	44,9	48,2	51,5	19	17	16	16	15	11	12	11
Средний возраст / Average age	8,42	9,47	10,8	14,3	16,09	18,7	19,4	20,1	20,7	21,2	14	13	11,5	12,3	11,8	10,2	10,7	10,3

Примечание: при помощи этой таблицы Д. С. Львов демонстрировал катастрофический упадок активной части основных фондов промышленности. Таблица обновлена автором на основе современных данных Росстата.

Источник: ИМЭМО РАН [31]; Д. С. Львов [32]; Росстат¹⁸.

Note: with this Table, D. S. Lvov demonstrated the catastrophic decline of the active part of industrial capital assets. The Table is update by the author based on modern Rosstat data.

Source: IMEMO RAS [31]; D. S. Lvov [32]; Rosstat.

Урон, который пришелся на интеллектуальный потенциал и обрабатывающую индустрию в период перестройки, представляет значительную угрозу еще и оттого, что он трудно восполняется и мало заботил высшую власть. Государственные органы отвернулись, по сути, от науки и модернизации промышленности, как будто бы не замечая растущие темпы НТР и мировые структурные сдвиги. Как заключил Львов, мы получили развал научного, трудового, технологического и производственного потенциала страны [4, 18, 19]. Впоследствии

¹⁷ Технологичное развитие отраслей экономики. Росстат. 21.10.2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 01.04.2023).

¹⁸ Инвестиции в России. 2017. Стат. сб. Москва: Росстат, 2017. С. 108; Промышленность России. 2005. Стат. сб. Москва: Росстат, 2005. С. 128; Промышленное производство в России. 2016. Стат. сб. Москва: Росстат, 2016. С. 127; Промышленное производство в России. 2021. Стат. сб. Москва: Росстат, 2021. С. 102.

не достигнуто ни одного рубежа, намечаемого научно-технологическими стратегиями [33], за исключением наукометрического показателя количества публикаций, не приблизившего нас к уровню технологий ведущих стран. Уровень инновационной активности организаций замер на отметке 10 %¹⁹.

Вложения в интеллектуальный потенциал представляются значимыми в четвертой НТР. Преимущества России в этой сфере несомненные, принимая во внимание высокий уровень квалификации занятых в экономике, сильные научные школы в области математики, физики, химии, инженерии. «Интеллектуальная рента превращается в фундаментальный источник социально-экономического развития страны. Это единственная, по-настоящему козырная карта, которой мы располагаем. Она либо будет пущена в ход в ближайшие десять-пятнадцать лет, либо за это время она обесценится до нуля», – предупреждал Львов [4. С. 27].

В качестве ориентира для усиления финансирования науки Львов ссылался на кратный рост затрат на НИОКР в США и многих других странах в отличие от крайне низких расходов на эти цели в РФ и приводил желательный темп роста внутренних затрат на НИОКР от ВВП: «Жизненно необходим заблаговременный рост расходов на науку и НИОКР. В качестве норматива на период до 2010 г. следует определить уровень внутренних затрат на науку не менее 1,6–2 % ВВП (а в случае ускоренного развития наукоемких производств, определяющих спрос на результаты НИОКР, – 2,2–3 %)» [34. С. 62]. НИОКР создают задел долгосрочных преимуществ. «Если мы этого не сделаем, то все разговоры о стратегии являются пустым делом» [9. С. 12]. Этого до сих пор не сделано.

В 2012 г. вложения в науку предусмотрено довести до уровня 1,77 % от ВВП к 2015 г.²⁰ Впоследствии рубеж неоднократно пересмотрен: «до уровня индустриально развитых стран»²¹ (а это в среднем 2,5 % от ВВП); до уровня не менее 2 % от ВВП (т. е. до среднего уровня в мире, включая Африку). Даже более низкие целевые индикаторы научно-технологической стратегии, принятой в 2016 г., не выполняются; они отодвинуты на более дальний срок в Указе Президента РФ от 15.03.2021²².

В итоге за период 2006–2021 гг. разрыв между РФ и США в затратах на НИОКР от ВВП вырос с 1,5 до 2,5 пп. (рис. 1).

Кроме того, в 2016 г. вложения в НИОКР стали связывать с экономическим эффектом: «Финансирование осуществляется в зависимости от роста эффективности сферы науки, технологий и инноваций... Поэтапное увеличение затрат на исследования и разработки должно зависеть также от результативности российских организаций, осуществляющих исследования и разработки»²³. Хотя за десятилетие до принятия таких решений Львов рекомендовал не распространять рыночные отношения на научно-образовательный сектор, поскольку в фундаментальной науке и образовании как сфере общественно полезной деятельности, «которая не входит в круг рыночных отношений... издержки растут быстрее цен, что неизбежно делает ее с экономической точки зрения убыточной. И если в этой важной для общества сфере будут использоваться чисто рыночные механизмы, то она просто прекратит существование» [34. С. 64]. Несмотря на это, попытки перевести эту сферу на рыночные рельсы продолжались, они привели к снижению ее функционала и способности содействовать росту человеческого потенциала, включая интеллект, таланты, физическое и моральное здоровье. Возник нездоровый дух формализма, меркантильности в отношениях между людьми и отношении к делу.

¹⁹ Наука, инновации и технологии. 2022. Указ. соч.

²⁰ О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599. П. 1(г). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (дата обращения: 01.04.2023).

²¹ Проект «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года». Фонд «Центр стратегических разработок» по заданию Минобрнауки РФ. 05.05.2016. С. 101. URL: http://sntr-rf.ru/upload/iblock/4c6/СНТР%2005.05.2016_редакция%2022.pdf (дата обращения: 25.12.2020).

²² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. П. 48. В ред. Указа Президента РФ от 15.03.2021 № 143. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 01.04.2023).

²³ О Стратегии научно-технологического развития, 2021. Указ. соч. П. 48.

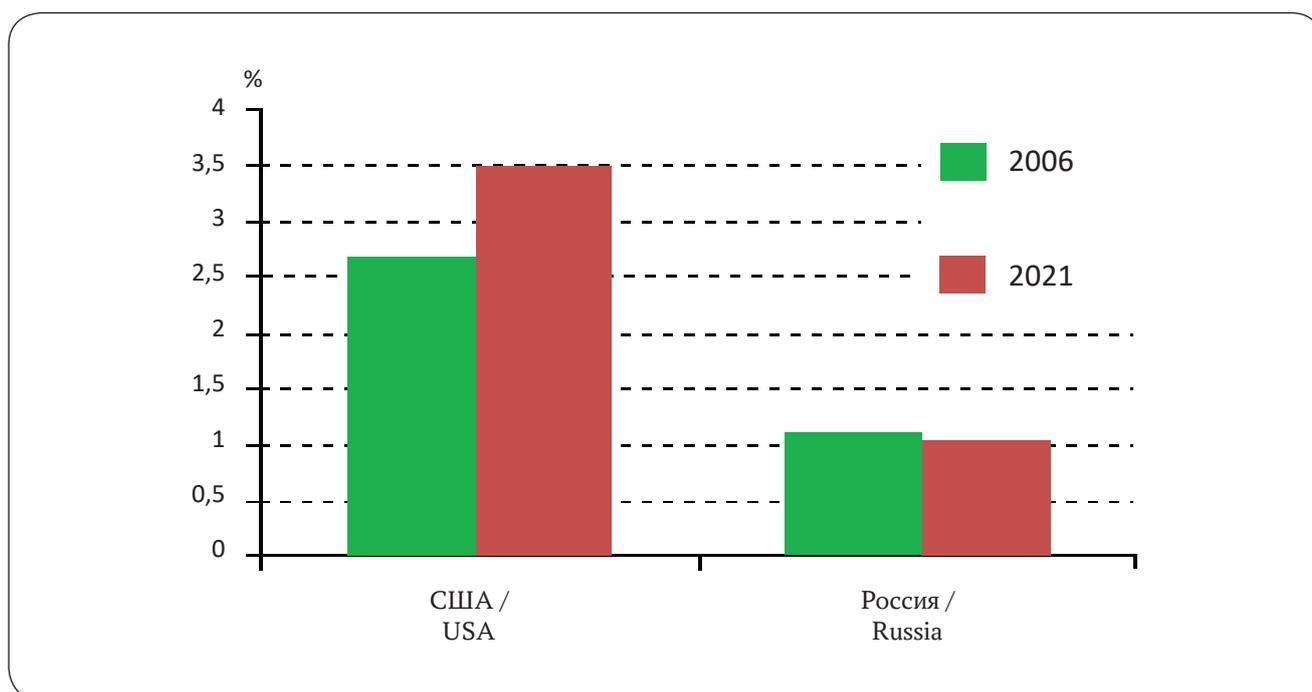

Рис. 1. Внутренние затраты на НИОКР в РФ и США (2006, 2021)

Примечание: США – 2020 г.; Россия – 2021 г.

Источник: построено по данным ОЭСР, Росстата²⁴.

Fig. 1. Internal expenditures for R&D in Russia and the USA (2006, 2021)

Note: USA – 2020; Russia – 2021.

Source: based on the data of OECD, Rosstat.

На фоне усилившейся общей неопределенности внутренней экономической ситуации эти и другие факторы вызвали негативные тренды снижения патентной активности отечественных изобретателей, роста технологического отставания России.

Во всех странах высококвалифицированные кадры, ученые, специалисты рассматриваются как ведущий ресурс современной модели технологичной экономики [17, 35–39]. Кроме того, они «хранители духовных и культурных ценностей народа», Львов называл такие силы России «опорным слоем нации» [4. С. 14–15], на который можно рассчитывать в решении задач экономического возрождения и научно-технологического развития страны: «На лидерство в современном мире могут претендовать страны с высоким уровнем образования населения. Мы долгое время занимали в этой сфере передовые позиции, а теперь сдаем их». Потеря передовых позиций в подготовке высококлассных специалистов, которую зафиксировал Львов в 2002 г. [19. С. 5], связана с недостатком вложений в человека. Так, в 1960 г. удельный вес государственных расходов на образование в России был выше, чем во всем мире, к 2020 г. он стал, напротив, ниже, чем в ведущих странах и в мире в среднем, включая самые отсталые страны (рис. 2).

²⁴ Технологическое развитие отраслей экономики. Офиц. стат. Росстат. 31.08.2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189>; (дата обращения: 01.04.2023) OECD data. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 01.04.2023).

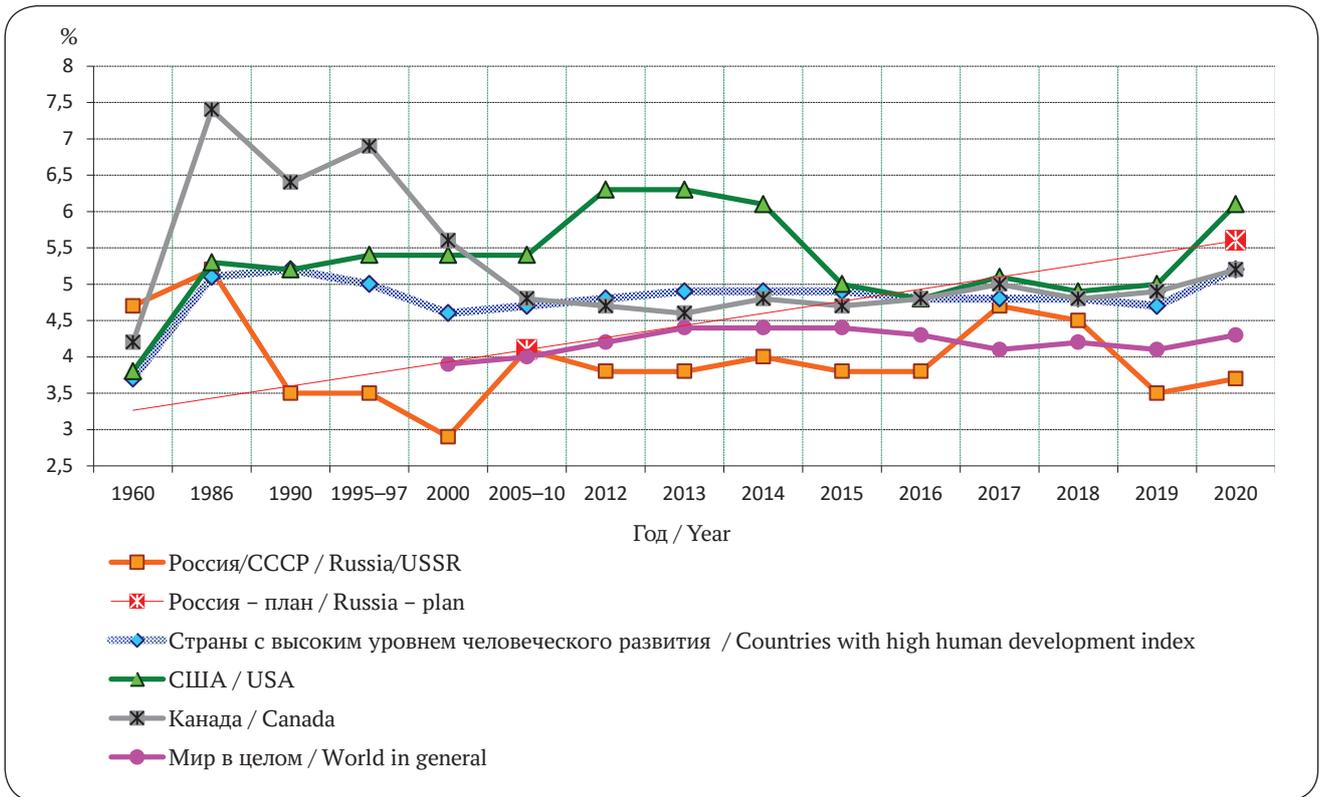

Рис. 2. Удельный вес госрасходов на образование от ВВП в странах (1960–2020), %

Источник: разработано по данным Правительства РФ; Росстата, ООН, Мирового банка²⁵

Fig. 2. Unit weight of state expenditures for education in GDP in countries (1960–2020), %

Source: developed by the data of the Russian Government; Rosstat, UNO, World Bank

Значимость образования и профобучения для роста зарплаты и производительности была подтверждена к моменту перестройки в РФ [36]. Российская образовательная система создавала весомое превосходство России, так как давала выпускникам способность мыслить шире предмета специализации и адаптировать полученные знания наиболее эффективно под изменчивые реалии. Однако с самого начала перехода России к рынку началась коммерциализация образования, введена Болонская схема обучения вместо отлично зарекомендовавшей себя классической советской системы подготовки специалистов. Учебные курсы переориентировались с формирования всесторонне развитых творческих людей, готовых к решению нестандартных задач, на производство «квалифицированных потребителей» и узких специалистов, владеющих ограниченным набором знаний и навыков. Эти негативные тенденции, наряду с низким признанием обществом значимости преподавательского труда в виде его оплаты, привели к снижению качества образования.

²⁵ Доклад о человеческом развитии 2013. ПРООН. Москва: Весь мир, 2013. С. 162–165. URL: https://planipolis.iiep.unesco.org/sites/default/files/ressources/russian_federation_nhdr_2013-rus.pdf (дата обращения: 01.04.2023); Российский статистический ежегодник. 2022. Указ. соч. С. 189; Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. Правительство РФ. URL: <https://ac.gov.ru/files/attachment/4843.pdf> (дата обращения: 01.04.2023); Human Development Report 1990. UNDP. NY, Oxford: Oxford University Press, 1990. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-1990> (дата обращения: 01.04.2023); Human Development Report 2000. NY, Oxford: Oxford University Press, 2000. URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2000>. P. 214–217 (дата обращения: 01.04.2023); The World Bank. DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/health-nutrition-and-population-statistics/Series/SE.XPD.TOTL.GD.ZS> (дата обращения: 01.04.2023).

Выпадение звена профтехобразования на фоне миграции и демографической ямы вызвало дефицит квалифицированных кадров рабочих специальностей.

Снижение доходов и рост дифференциации населения отозвались негативно на качестве жизни, росте апатии, суицида, безразличия граждан, социального надлома, как отмечал Д. С. Львов [18. С. 675–676; 19. С. 14–15], но меры властей не решали эту проблему [16]. На счету непродуманного реформирования здравоохранения лежит немало преждевременных смертей россиян.

Обсуждение

Вложения в человека, затраты на экономику знаний – чрезвычайно дорогостоящие мероприятия, здесь не обойтись без государства, его целенаправленной структурной политики. По выводу Львова, «...но иначе нет и не может быть инновационной экономики, независимого государства, способного к динамичному саморазвитию в современной геополитической и мирохозяйственной обстановке. Сравнительно легко восполнить потерю части экономического потенциала, но нельзя рассчитывать на это, когда речь идет о фундаментальной науке, системе общего и профессионального образования, в целом системе воспроизводства интеллектуальной элиты и высококвалифицированных кадров. В этом суть дела: мы либо «оседлаем» творческий фактор (шансы тут еще сохраняются), либо окажемся одним из главных фигурантов «мирового подполья», деструктивного геополитического, угрожающего существованию и самой России, и всего мира» [4. С. 15].

Все случилось в точности так, как и предвидел Д. С. Львов: это следовало из результатов системного анализа российской экономики, полученных им к 2003 г. Коренные причины носят системный характер, одна из них – дисфункция управляющей системы. По мнению Львова, «...не мнимая дефицитность ресурсной базы, а реальная ущербность нынешней системы управления народным хозяйством служит главным препятствием для перехода к устойчивому и быстрому экономическому росту» [19. С. 5].

Провал страны по всем существенным факторам, рассмотренным выше, предопределил проблемную ситуацию в экономике в 2014 г., сразу после ужесточения санкций. Отдельные мероприятия по импортозамещению начиная с 2014 г. не могли поменять экономику решительно без системной перестройки стратегий, институтов, механизмов регулирования. Углубление кризисной ситуации в 2022 г., после введения беспрецедентных ограничений на российский экспорт сырья и доступ к капиталу, новым технологиям, НИОКР, привело Россию к точке бифуркации, выход из которой зависит от качества управляющих решений, как стратегических, так и тактических.

По нашему мнению, возможны два базовых направления изменений: стратегия фундаментальной перестройки общественной системы, в том числе экономики, и локальные изменения, тактика импортозамещения – соответственно, две разные программы действий и два механизма реализации (рис. 3).

Оба варианта – крайние, в реалиях могут быть комбинации вариантов. Суть в том, что так или иначе требуются кардинальные изменения экономической модели, без этого трудно выйти на траекторию устойчивого развития, принимая во внимание серьезные вызовы четвертой НТР. Поскольку текущее положение экономики требует притока иностранных материалов, оборудования, деталей, комплектующих и других компонентов, замещение импорта представляется вынужденным оперативным решением в тактических целях – поддерживать непрерывный производственный цикл. В таких условиях можно говорить о сочетании тактики импортозамещения и сущностных перемен в модели и стратегии научно-технологического развития, реализуемого на основе согласования генетического и нормативного подходов, как это было сделано в Комплексном прогнозе научно-технического прогресса [1. С. 225].

Поясним на примере, каким образом сущностные изменения в ключевых секторах общественной системы могут и должны произойти для того, чтобы применять передовые технологии, которыми страна не располагает в данное время в нужной степени. Допустим, экономическая организация нуждается в определенных технологиях или программном обеспечении (далее – ПО). Тогда она обращается к сотрудничеству с партнерами в поиске их, например, к вендору, обладающему разными решениями в сфере ПО. Если таковых нет в наличии в России, требуется создать их; для этого, скорее всего, возникнет необходимость в новых знаниях, принимая

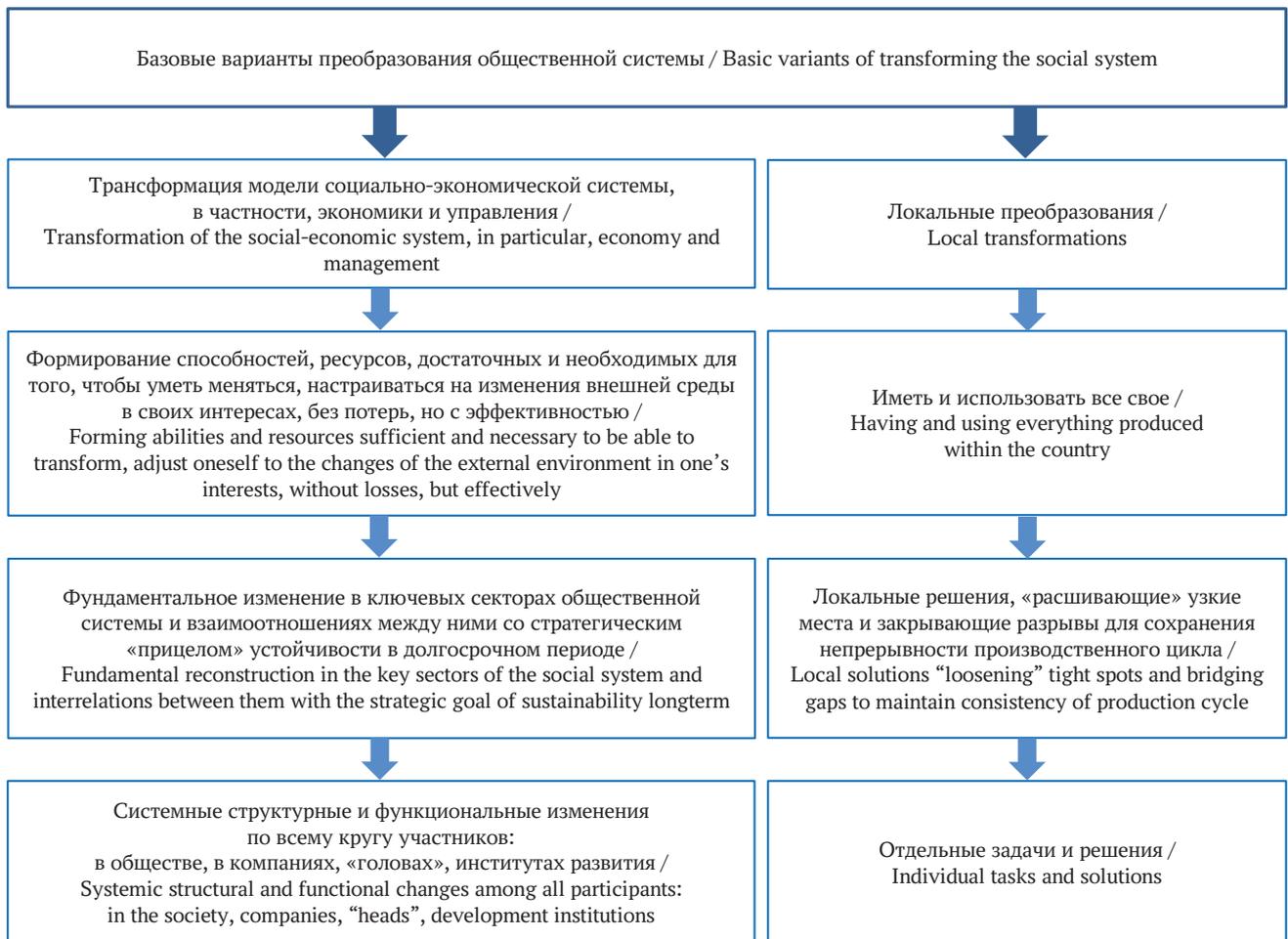

Рис. 3. Стратегия фундаментальной перестройки экономики и тактика импортозамещения

Источник: составлено автором.

Fig. 3. Strategy of fundamental reconstruction of economy and tactics of import substitution

Source: compiled by the autor.

во внимание тренды усложнения технологий. Тогда нужно взаимодействовать с научно-образовательным сектором в целях выполнения НИОКР и обучения пользователей. При этом может потребоваться открытие новых специальностей, а значит, нормативное установление программ и финансирование со стороны Минобрнауки России и финансовых органов. Государственные структуры подбирают подходящие инструменты регулирования, способствующие привлечению финансов российских организаций и вовлечению во внедрение и распространение новой технологии/ПО. К примеру, регуляторные воздействия, стимулирующие объединение бюджетов нескольких экономических субъектов, ослабляют финансовые ограничения и таким путем могут содействовать лучшему технологическому решению и в более короткие сроки. В итоге практическое решение задачи – восполнить нехватку какой-либо технологии – способствует по цепной связи серьезным переменам в каждом из сопряженных секторов: производственных компаниях [40], научных и учебных организациях, законодательстве и регулировании, финансах, а также в окружении каждого из субъектов общественной системы, вовлеченных в этот процесс (рис. 4).

Никонова А. А. Ориентиры изменения модели научно-технологического развития России и выхода из кризиса, по академику Д. С. Львову
Nikonova A. A. Milestones for changing the model of scientific-technological development of Russia and overcoming the crisis, by Academician D. S. Lvov

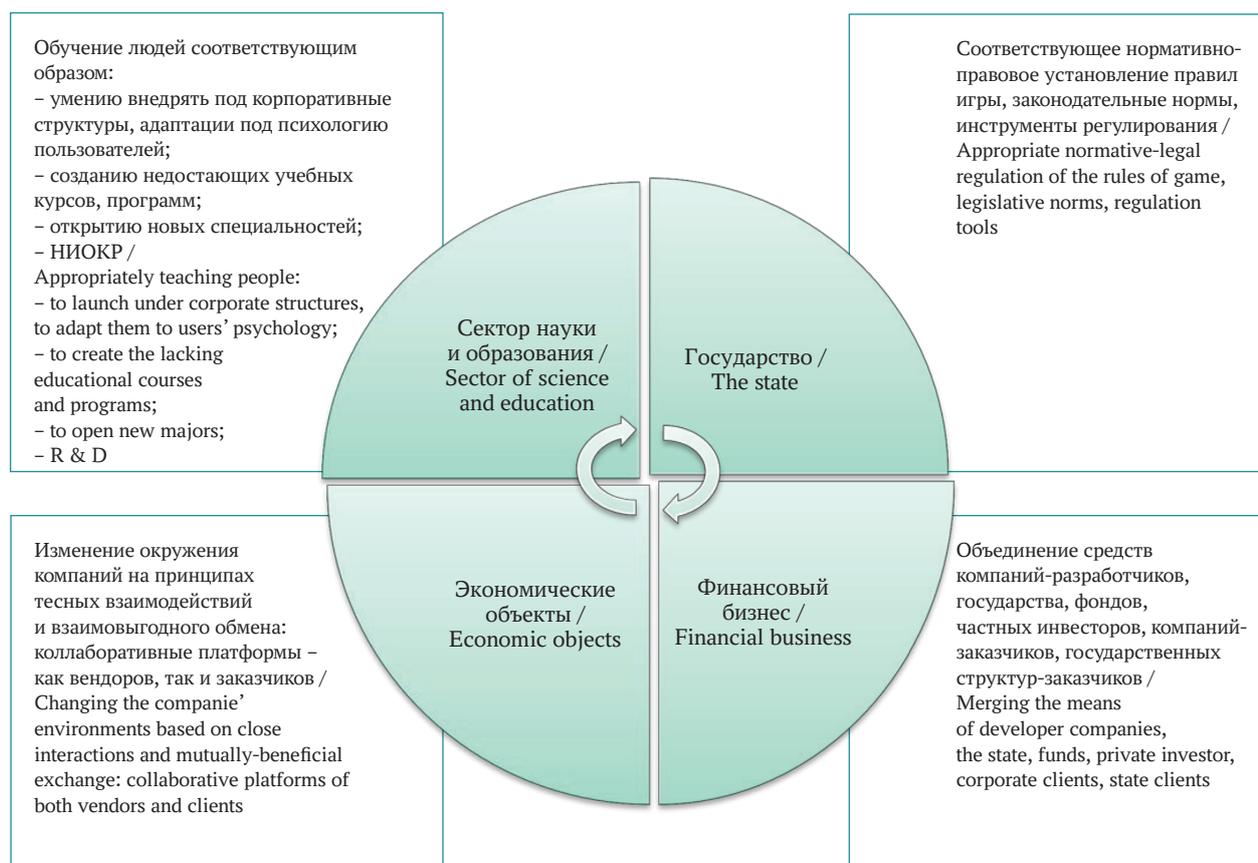

Рис. 4. Взаимодействие между ключевыми секторами в совместном решении технологической задачи

Источник: разработано автором.

Fig. 4. Interaction between the key sectors in jointly solving a technological task

Source: developed by the author.

Как можно видеть на рис. 4, изменения, которые должны произойти для решения технологических задач в целях усиления технологической обеспеченности страны, апеллируют к фундаментальным факторам не только модели научно-технологического развития, но и экономической модели в целом. Они требуют ее системной трансформации – фактически перемен в экономических отношениях между предпринимателями, экономическими организациями, научными и образовательными организациями, государственными структурами.

Заключение

Логика общественных процессов, результаты эмпирического анализа, а также выводы Д. С. Львова и других авторитетных исследователей показывают: в целях устойчивого развития экономики требуется: 1) промышленность, основанная на интеллектуальных факторах, передовых технологиях, знаниях [41]; 2) сильная наука и образование, формирующие интеллектуальный потенциал адекватно императивам 4-й НТР; 3) поддержка человеческого развития во всех его аспектах. Это базовые ориентиры стратегии страны и оперативных решений. В условиях геополитико-экономического кризиса важно объединить усилия, ресурсы и способности всех игроков путем заинтересованности в результатах совместной деятельности. Востребованы *сетевые принципы* взаимодействий акторов, сетевые структуры, связывающие науку, образование, производство

и способствующие созданию знаний, открытий и передаче их в экономику. Такие коллаборации могут быть реализованы в результате взаимовыгодного сотрудничества при помощи координатора, в функции которого входит также методическое руководство [1. С. 228]. В этих целях требуются адекватные новым реалиям правила игры, активные инновационные проекты бизнеса, проектные институты, системная подготовка инженерных кадров, владеющих знаниями экономики, маркетинга, современных технологий; индикативное планирование и координация игроков. Выводы соотносятся с рекомендациями по результатам обстоятельных расчетов и аналитических данных, представленных в монографии, подготовленной под редакцией Д. Р. Белоусова и И. Э. Фролова [27. С. 34–35, 79–108]. В целях диффузии технологий и инноваций, как установлено на примере бразильской экономики в работе Enrique с соавт. [42], полезно создавать всевозможные коллаборативные формы, например, консорциумы, платформы [43], а также научно-производственные кластеры с привлекательным льготным режимом. Такие формы способствуют формированию экосреды для инновационных компаний и инновационных экосистем [44]. Для создания их необходима благоприятствующая экономическая и институциональная среда, но таковой нет в РФ.

В этой связи можно согласиться с выводом Д. С. Львова о причинах «вопиющего несоответствия» между богатством природных ресурсов и технологическим отставанием России – «причины... надо искать прежде всего в пороках действующего экономического механизма» [19. С. 5; 45].

В связи с этим перемены в базовом устройстве экономики нужно сосредоточить на изменении фундаментальных институциональных факторов, от которых напрямую зависит согласование отношений и, следовательно, взаимодействий между всеми акторами общественной системы. В основе управления, согласования и консолидации деятельности – адекватная оценка трудового вклада каждого участника и система распределения/перераспределения доходов в интересах всех игроков. Это задачи на перспективу, решение их необходимо для выхода РФ, ее экономики из точки бифуркации на траекторию движения в направлении устойчивого гуманитарно-технологического развития.

Список литературы

1. Варшавский А. Е. Необходимость восстановления системы индикативного планирования – использования опыта разработки комплексной программы научно-технического прогресса // Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем. Санкт-Петербург: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2021. С. 220–229.
2. Russian Risk: Transactions with Russian Banks and Exports to Russia Create Greatest Exposure under New U.S. Ukraine-Related Sanctions / R. Whitten, J. Blanquart, L. C. Mays, F. K. Merchant // National Law Review. 2022. Vol. XII., № 56. URL: <https://www.natlawreview.com/article/russian-risk-transactions-russian-banks-and-exports-to-russia-create-greatest> (дата обращения: 04.10.2022).
3. Past, present and future of Industry 4.0. A systematic literature review and research agenda proposal / Y. Liao, F. Deschamps, E. D. F. R. Loures, L. F. P. Ramos // International Journal of Production Research. 2017. Vol. 55, № 12. Pp. 3609–3629.
4. Львов Д. С. Будущее российской экономики. Экономический манифест // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 5–31.
5. Львов Д. С. Эффективное управление техническим развитием. Москва: Экономика, 1990.
6. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / Д. С. Львов, С. Ю. Глазьев, Г. Г. Фетисов. Москва: Наука, 1992.
7. Mohd Mudzar N. M., Chew K. W. Change in Labour Force Skillset for the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review // International Journal of Technology. 2022. Vol. 13, № 5. P. 969. DOI: <https://doi.org/10.14716/ijtech.v13i5.5875>
8. Шпак В. В. Формирование организационно-управленческой модели реализации «Стратегии развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года» // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3(449). Экономические науки. Вып. 72. С. 10–23. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10302>
9. Львов Д. С. Новая промышленная политика России // Экономическая наука современной России. 2007. № 3. С. 9–12.
10. Варшавский А. Е. Актуальные проблемы реиндустриализации и импортозамещения // Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире (ПНО-VI): сборник материалов VI Межд. конгресса / под общ. ред. С. Д. Бодрунова. Санкт-Петербург: Институт нового индустриального развития имени С. Ю. Витте, 2020. С. 133–146.

11. Возможности технологической модернизации российской экономики / Н. И. Комков, Т. Х. Усманова, В. В. Сутягин // Проблемы прогнозирования. 2021. № 6(189). С. 84–94. DOI: <https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-84-94>
12. Толкачев С. А. Структурные изменения в российской промышленности за «пятилетку санкций» // Проблемы и перспективы развития промышленности России: сборник материалов VII Междунар. научно-практ. конф. «Промышленность России сквозь призму национальных проектов» / под ред. А. В. Быстрова. Москва: РУСАЙНС, 2020. С. 341–348.
13. Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Национальная промышленная компетентность и глобальные цепочки стоимости: методологический инструментарий макроэкономического анализа // Экономическое возрождение России. 2021. № 2(68). С. 40–52. DOI: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-2-68-40-52>
14. Фролов И. Э. Оценка развития российского высокотехнологичного комплекса в условиях низкой инфляции и ограниченности господдержки // Проблемы прогнозирования. 2019. № 4. С. 3–15.
15. Аганбегян А. Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 3. С. 17–22.
16. Варшавский А. Е. Чрезмерное неравенство: проблемы и риски // Экономика как объект междисциплинарных исследований: сборник матер. IV Междунар. политэкономического конгресса (МПЭК-IV) / под общ. ред. С. Д. Бодрунова, А. В. Бузгалина. Москва: Культурная революция, 2020. С. 42–55.
17. Глазьев С. Ю. Человеческий потенциал как главный фактор экономического роста в новом мирохозяйственном укладе // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 238, № 6. С. 157–164. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-238-6-157-164>
18. Львов Д. С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России. Доклад, прочитанный в Президиуме РАН // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73, № 8. С. 675–697.
19. Львов Д. С. Какая экономика нужна России // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2003. № 1(20). С. 5–17.
20. Глазьев С. Ю. О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 66–70. DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-66-70>
21. Полтерович В. М. О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. 2007. № 3. С. 17–23.
22. Иванов В. В. Глобализация 4.0: предпосылки и перспективы // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 195–200. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-195-200>
23. The trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration / W. Steffen, W. Broadgate, L. Deutsch, O. Gaffney, C. Ludwig // The Anthropocene Review. 2015. № 2. Pp. 81–98. DOI: <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
24. Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century // SSRN. 2004. November. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.617544>
25. Rodrik D. Unconditional Convergence in Manufacturing // Quarterly Journal of Economics. 2013. Vol. 128, № 1. Pp. 165–204.
26. Rodrik D. New Technologies, Global Value Chains, and the Developing Economies // Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series. № 1. Oxford, United Kingdom: University of Oxford, 2018. 28 p.
27. О долгосрочном научно-технологическом развитии России: монография / под ред. Д. Р. Белоусова, И. Э. Фролова. Москва: Динамик принт, 2022. 168 с.
28. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития. Москва: Научная библиотека, 2021. 746 с.
29. Тоффлер Э. Шок будущего: пер. с англ. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004. 557 с.
30. Фомин Д. А., Ханин Г. И. Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–32.
31. Инвестиции в России: тенденции, проблемы, пути решения с учетом зарубежной практики / научн. рук. чл.-корр. РАН А. А. Дынкин, Я. А. Рекитар, Ю. В. Куренков. Москва: ИМЭМО РАН, 2000.
32. Львов Д. С. Экономика России: прорыв в XXI век // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 4.
33. Красильникова Е. В., Никонова А. А. Итоги исполнения первого этапа научно-технологической стратегии России // Стратегическое планирование и развитие предприятий: сб. докладов участников секционных заседаний XXI Всеросс. симпозиума. Москва, 10–11 ноября 2020 г. Секция 5. Москва: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 695–699.
34. Львов Д. С. Управление научно-техническим развитием // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 3. С. 59–65.
35. Blank R. For a Competitive Economy, We Need a Skilled Workforce // Issues in Science and Technology. October 1, 2021. URL: <https://issues.org/competitive-economy-skilled-workforce-blank/>
36. Mincer J., Higuchi Y. Wage structures and labor turnover in the United States and Japan // Journal of The Japanese and International Economies. 1988. № 2. Pp. 97–133. DOI: [https://doi.org/10.1016/0889-1583\(88\)90017-2](https://doi.org/10.1016/0889-1583(88)90017-2)

37. Quality-Adjusted Human Capital and Productivity Growth / I. M. Rabiul, J. B. Ang, J. B. Madsen // *Economic Inquiry*. 2014. Vol. 52, № 2. Pp. 757–777. DOI: <https://doi.org/10.1111/ecin.12052>
38. Walker I., Zhu Y. The Benefit of STEM Skills to Individuals, Society, and the Economy. Report to Royal Society’s Vision for Science and Mathematics. October 10th, 2013. URL: <https://royalsociety.org/~media/education/policy/vision/reports/ev-9-vision-research-report-20140624.pdf>
39. High-skilled Workforce and Productivity Growth: the Knowledge-based Economics Perspective / Y. Yusnandar, R. Masbar, B. S. Nazamuddin, A. Jamal // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 292. 1st Aceh Global Conference (AGC 2018). DOI: <https://doi.org/10.2991/agc-18.2019.81>
40. Porter M. E., Heppelmann J. E. How smart, connected products are transforming companies // *Harvard Business Review*. 2015. Vol. 93, № 10. Pp. 96–114.
41. Industry 4.0 technologies: Implementation patterns in manufacturing companies / A. Frank, L. Dalenogare, N. Ayala // *International Journal of Production Economics*. 2019. Vol. 210. Pp. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.004>
42. The use of ICT tools to support collaborative product development activities: evidences from Brazilian industry / D. V. Enrique, N. F. Ayala, M. J. D. R. F. Lima et al. // *Production*. 2018. Vol. 28. e20170099. DOI: <https://doi.org/10.1590/0103-6513.20170099>
43. Gawer A., Cusumano M. A. Industry platforms and ecosystem innovation // *Journal of Product Innovation Management*. 2014. Vol. 31, № 3. Pp. 417–433.
44. Adner R. Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy // *Journal of Management*. 2017. Vol. 43, № 1. January. Pp. 39–58.
45. Львов Д. С. Экономика России – путь в XXI век // *Социально-экономические реформы: региональный аспект*. 2002. № 4. С. 3–5.

References

1. Varshavsky, A. E. (2021). The need to restore an indicative planning system – applying the experience of developing a complex program of scientific-technical progress. In *Planning in market economy: reminiscences of the future* (pp. 220–229). Saint Petersburg: Institute for New Industrial Development named after S. Yu. Witte. (In Russ.).
2. Whitten, R., Blanquart, J., Mays, L. C., & Merchant, F. K. (2022). Russian Risk: Transactions with Russian Banks and Exports to Russia Create Greatest Exposure under New U.S. Ukraine-Related Sanctions. *National Law Review*, XII(56). <https://www.natlawreview.com/article/russian-risk-transactions-russian-banks-and-exports-to-russia-create-greatest>
3. Liao, Y., Deschamps, F., Loures, E. D. F. R., Ramos, L. F. P. (2017). Past, present and future of Industry 4.0. A systematic literature review and research agenda proposal. *International Journal of Production Research*, 55(12), 3609–3629.
4. Lvov, D. S. (1999). The future of the Russian economy. Economic manifesto. *Economics of Contemporary Russia*, 3, 5–31. (In Russ.).
5. Lvov, D. S. (1990). *Effective management of technical development*. Moscow: Economica. (In Russ.).
6. Lvov, D. S., Glazyev, S. Yu., & Fetisov, G. G. (1992). *Evolution of technical-economic systems: opportunities and boundaries of centralized regulation*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
7. Mohd Mudzar, N. M., Chew, K. W. (2022). Change in Labour Force Skillset for the Fourth Industrial Revolution: A Literature Review. *International Journal of Technology*, 13(5), 969. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v13i5.5875>
8. Shpak, V. V. (2021). Forming an organizational-managerial model of implementation of the “Strategy of development of the electronics industry of the Russian Federation up to 2030”. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 3(449). *Economic sciences*, 72, 10–23 (In Russ.). <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10302>
9. Lvov, D. S. (2007). New industrial policy of Russia. *Economic Science of Contemporary Russia*, 3, 9–12. (In Russ.).
10. Varshavsky, A. E. (2020). Topical issues of reindustrialization and import substitution. In S. D. Bodrunov (Ed.). *Production, science and education in the epoch of transformations: Russia in the [de]globalizing world (PNO-VI): collection of works of the 6th International Congress* (pp. 133–146). Saint Petersburg: Institute for New Industrial Development named after S. Yu. Witte. (In Russ.).
11. Komkov, N. I., Usmanova, T. Kh., & Sutyagin, V. V. (2021). Technology Modernization Opportunities in the Russian Economy. *Problemy Prognozirovaniya*, 6(189), 84–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/0868-6351-189-84-94>
12. Tolkachev, S. A. (2020). Structural changes in the Russian industry in the “five-year period of sanctions”. In A. V. Bystrov (Ed.). *Problems and prospects of the Russian industry development. Collection of works of the 7th International scientific-practical conference “Industry of Russia through the prism of national projects”* (pp. 341–348). Moscow: RUSAYNS. (In Russ.).
13. Tolkachev, S. A., & Teplyakov, A. Y. (2021). National industrial competency and global cost chains: methodological tools of macroeconomic analysis. *Economic Revival of Russia*, 2(68), 40–52. (In Russ.). <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-2-68-40-52>

14. Frolov, I. E. (2019). Assessment of the development of the Russia high-technology complex under low inflation and limited state support. *Problemy Prognozirovaniya*, 4, 3–15. (In Russ.).
15. Aganbegyan, A. G. (2017). Investments into capital assets and into human capital – two interrelated sources of social-economic growth. *Problemy Prognozirovaniya*, 3, 17–22. (In Russ.).
16. Varshavsky, A. E. (2020). Excessive inequality: problems and risks. In S. D. Bodrunov, A. V. Buzgalin (Eds.). *Economy as an object of interdisciplinary research: collection of works of the 4th International Congress for political economy (MPEK-IV)* (pp. 42–55). Moscow: Cultural Revolution. (In Russ.).
17. Glazyev, S. Y. (2022). Human potential as the main factor of economic growth in the new global economic order. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 238(6), 157–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-238-6-157-164>
18. Lvov, D. S. (2003). Prospects of longterm social-economic development of Russia. Report at the Presidium of RAS. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 73(8), 675–697. (In Russ.).
19. Lvov, D. S. (2003). What economy does Russia need?. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1(20), 5–17. (In Russ.).
20. Glaziev, S. Y. (2021). On the mechanisms of realizing the goals of Russia's national development in the context of changing technological and world economic structures. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 230(4), 66–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-66-70>
21. Polterovich, V. M. (2007). On the strategy of catching-up development for Russia. *Economics of Contemporary Russia*, 3, 17–23. (In Russ.).
22. Ivanov, V. V. (2022). Globalization 4.0: Background and Outcomes. *Voprosy Filosofii*, 8, 195–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-195-200>
23. Steffen, W., Broadgate, W., Deutsch, L., Gaffney, O., & Ludwig, C. (2015). The trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration. *The Anthropocene Review*, 2, 81–98. <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
24. Rodrik, D. (2004). Industrial Policy for the Twenty-First Century. SSRN, November. <https://doi.org/10.2139/ssrn.617544>
25. Rodrik, D. (2013). Unconditional Convergence in Manufacturing. *Quarterly Journal of Economics*, 128(1), 165–204.
26. Rodrik, D. (2018). New Technologies, Global Value Chains, and the Developing Economies. *Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series*, 1. Oxford, United Kingdom: University of Oxford.
27. Belousov, D. R., Frolov, I. E. (Eds.). (2022). *On the Long-Term Scientific and Technological Development of Russia: monograph*. Moscow: Dynamic print, 2022.
28. Kleiner, G. B. (2021). *Systemic economy: steps of development*. Moscow: Nauchnaya biblioteka.
29. Toffler, A. (2004). *Future shock*. Moscow: Izdatelstvo AST. (In Russ.).
30. Fomin, D. A., Khanin, G. I. (2017). Dynamics of capital assets in the Russian economy in post-Soviet period (1992–2015). *Problemy Prognozirovaniya*, 4, 21–32. (In Russ.).
31. Dynkin, A. A., Rekitar, Ya. A., & Kurenkov, Yu. V. (Eds.). (2000). *Investments in Russia: trends, problems, was of solution taking into account foreign practice*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.).
32. Lvov, D. S. (2001). Russian economy: breakthrough into the 21st century. *Problemy Teorii i Praktiki Upravleniya*, 4. (In Russ.).
33. Krasilnikova, E. V., & Nikonova, A. A. (2020). Results of executing the first stage of the scientific-technological strategy of Russia. In *Strategic planning and development of enterprises. Collection of reports of the participants of section meetings of the 21st All-Russia symposium*. Moscow, November 10–11, 2020. Section 5 (pp. 695–699). Moscow: CEMI RAS. (In Russ.).
34. Lvov, D. S. (2004). Management of scientific-technical development. *International Journal of Management Theory and Practice*, 3, 59–65. (In Russ.).
35. Blank, R. (2021, October 1). For a Competitive Economy, We Need a Skilled Workforce. *Issues in Science and Technology*. <https://issues.org/competitive-economy-skilled-workforce-blank/>
36. Mincer, J., & Higuchi, Y. (1988). Wage structures and labor turnover in the United States and Japan. *Journal of the Japanese and International Economies*, 2, 97–133. [https://doi.org/10.1016/0889-1583\(88\)90017-2](https://doi.org/10.1016/0889-1583(88)90017-2)
37. Rabiul, I. M., Ang, J. B., & Madsen, J. B. (2014). Quality-Adjusted Human Capital and Productivity Growth. *Economic Inquiry*, 52(2), 757–777. <https://doi.org/10.1111/ecin.12052>
38. Walker, I., & Zhu, Y. (2013, October 10). *The Benefit of STEM Skills to Individuals, Society, and the Economy. Report to Royal Society's Vision for Science and Mathematics*. <https://royalsociety.org/~media/education/policy/vision/reports/ev-9-vision-research-report-20140624.pdf>
39. Yusnandar, Y., Masbar, R., Nazamuddin, B. S., & Jamal, A. (2019). High-skilled Workforce and Productivity Growth: the Knowledge-based Economics Perspective. In *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: Proceedings of the 1st Aceh Global Conference (AGC 2018)*, 292. <https://doi.org/10.2991/agc-18.2019.81>

40. Porter, M. E., & Heppelmann, J. E. (2015). How smart, connected products are transforming companies. *Harvard Business Review*, 93(10), 96–114.
41. Frank, A., Dalenogare, L., & Ayala, N. (2019). Industry 4.0 technologies: Implementation patterns in manufacturing companies. *International Journal of Production Economics*, 210, <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2019.01.004>
42. Enrique, D. V., Ayala, N. F., Lima, M. J. D. R. F., Marodin, G. A., Gzara, L., & Frank, A. G. (2018). The use of ICT tools to support collaborative product development activities: evidences from Brazilian industry. *Production*, 28, e20170099. <https://doi.org/10.1590/0103-6513.20170099>
43. Gawer, A., & Cusumano, M. A. (2014). Industry platforms and ecosystem innovation. *Journal of Product Innovation Management*, 31(3), 417–433.
44. Adner, R. (2017). Ecosystem as Structure: An Actionable Construct for Strategy. *Journal of Management*, 43(1), 39–58.
45. Lvov, D. S. (2002). Russian economy – a way to the 21st century. *Sotsial'no-ehkonomicheskie reformy: regional'nyi aspekt*, 4, 3–5. (In Russ.).

Дата поступления / Received 03.04.2023

Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2023

ПОЗНАНИЕ

Габдуллина, Г. К.

Развитие методики оценки конкурентоспособности предприятий нефтеперерабатывающего комплекса / Г. К. Габдуллина, Джомая Джано. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 128 с.

Разработка научно обоснованного методического подхода к оценке конкурентоспособности предприятия, обладающего широкими возможностями для его дальнейшего практического применения, является сложной задачей, которую пытается решить большинство исследователей. Однако следует отметить, что на сегодняшний день в современной экономической литературе единого и универсального подхода к оценке уровня конкурентоспособности конкретного предприятия с учетом его специфики деятельности до сих пор не выработано.

Авторы считают, что теория и методология анализа конкурентоспособности предприятия должны учитывать особенности деятельности нефтеперерабатывающей отрасли, такие как вхождение предприятия в состав вертикально интегрированного комплекса, схема учета нефти, производственные мощности, характеристика перерабатываемой нефти, этап жизненного цикла. Поэтому в процессе анализа конкурентоспособности предприятия указанные факторы и условия развития должны получить количественную и качественную оценку, что будет служить основой для принятия управленческих решений.

Для преподавателей вузов и студентов экономических направлений вузов, а также специалистов и руководителей предприятий нефтеперерабатывающей отрасли. Может также использоваться в качестве дополнительного материала при изучении курсов «Экономический анализ», «Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия».

КРИПТОМИР И ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСЫ / CRYPTO-WORLD AND DIGITAL FINANCE

Редактор рубрики *Р. А. Григорьев* / Rubric editor *R. A. Grigoryev*

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.307-326

УДК 336:338.124.4:338.4(470+571):[578.834.1:616-036.21]

JEL: H12, G01, L, R1

М. Ю. МАЛКИНА¹,

Р. В. БАЛАКИН^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

² Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России, г. Москва, Россия

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ЭФФЕКТЫ ЗАРАЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИЧЕСКОГО ШОКА

Контактное лицо:

Малкина Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: mmuri@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 5055-0218, AuthorID: 375698

Родион Владимирович Балакин, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра налоговой политики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов России; Центра макро- и микроэкономики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

E-mail: rodion-balakin@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0494-9702>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8300-3828, AuthorID: 719724

Аннотация

Цель: идентификация наличия/отсутствия передачи финансового заражения между отраслями российской экономики в период пандемии 2020–2021 гг.

Методы: исследование основано на данных о межсессионной среднедневной доходности шести отраслевых индексов Российской торговой системы за период с 01.01.2019 по 23.02.2022. С помощью расчета скользящего коэффициента вариации для среднеотраслевого индекса Российской торговой системы и скользящего темпа прироста заражения

© Малкина М. Ю., Балакин Р. В., 2023

© Malkina M. Yu., Balakin R. V., 2023

коронавирусной инфекцией выделены три периода пандемического шока: краткосрочный (острая фаза пандемии), среднесрочный (охватывающий первую и вторую волны заражения) и долгосрочный (вплоть до объявления Россией СВО на Украине). Межотраслевое заражение идентифицировалось на основе усиления взаимосвязей между доходностью отраслевых активов с помощью анализа трех моментов распределения: скорректированного на гетероскедастичность коэффициента корреляции (теста Форбс – Ригобона), тестов на коасимметрию и кокуртозис распределения.

Результаты: получены оценки масштабов и направленности финансового заражения между отраслями российской экономики в период пандемии. Во-первых, они свидетельствуют об увеличении подтвержденных случаев межотраслевого заражения в среднесрочном и долгосрочном периодах, что говорит о «долгосрочном следе» пандемии. Во-вторых, количество заражений растет по мере перехода к более высоким моментам распределения. В-третьих, главные отрасли российской экономики (металлургия и нефтяная отрасль), вопреки ожиданиям, оказались в наименьшей степени связанными с другими отраслями российской экономики в период пандемии. Телекоммуникационная сфера продемонстрировала наибольшую склонность к передаче заражения. Вполне ожидаемым является вывод о наибольшей подверженности заражению потребительской сферы и торговли.

Научная новизна: впервые для российской экономики получены оценки межотраслевого финансового заражения в период пандемии, которые свидетельствуют о наличии как краткосрочных, так и долгосрочных эффектов пандемии, а также об усилении роли ряда отраслей (в частности, телекоммуникационной отрасли) в передаче заражения в период цифровизации экономики.

Практическая значимость: полученные данные могут быть полезными при управлении финансовой стабильностью отдельных отраслей в период кризисов пандемического типа.

Ключевые слова: криптомир и цифровые финансы, финансовое заражение, каналы передачи заражения финансовых рынков, отрасли российской экономики, пандемия COVID-19, взаимодействие

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00453, <https://rscf.ru/project/23-28-00453/>

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Малкина М. Ю., Балакин Р. В. Межотраслевые эффекты заражения в российской экономике под влиянием пандемического шока // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 307–326. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.307-326

Scientific article

M. Yu. MALKINA¹,

R. V. BALAKIN^{1,2}

¹ Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia

² Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

INTERSECTORAL CONTAGION EFFECTS IN THE RUSSIAN ECONOMY UNDER THE PANDEMIC SHOCK

Contact:

Marina Yu. Malkina, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Center for Macro- and Microeconomics, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky

E-mail: mmuri@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3152-3934>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/M-2681-2017>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 5055-0218, AuthorID: 375698

Rodion V. Balakin, Candidate of Sciences in Economics, Senior Researcher, Center for Taxation Policy, Scientific-research Financial Institute of the Russian Ministry of Finance, Center for Macro- and Microeconomics, National Research State University of Nizhny Novgorod named after N. I. Lobachevsky
E-mail: rodion-balakin@yandex.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0494-9702>
Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9715-2018>
eLIBRARY ID: SPIN-code: 8300-3828, AuthorID: 719724

Abstract

Objective: to identify the presence/absence of transmission of financial contagion between sectors of the Russian economy during the 2020-2021 pandemic.

Methods: the study is based on data on the inter-sessional average daily profitability of six industry indices of the Russian trading system for the period from 01.01.2019 to 23.02.2022. Using the calculation of the sliding coefficient of variation for the average industry index of the Russian trading system and the sliding growth rate of coronavirus infection, three periods of pandemic shock were identified: short-term (acute phase of the pandemic), medium-term (covering the first and second waves of infection), and long-term (up to the announcement of the Russian special military operation in Ukraine). Intersectoral contamination was identified on the basis of strengthening the relationships between the profitability of industry assets by analyzing three distribution points: the correlation coefficient adjusted for heteroscedasticity (Forbes-Rigobon test), tests for co-asymmetry and co-kurtosis of the distribution.

Results: estimates of the scale and direction of financial contagion between the Russian economic sectors during the pandemic were obtained. Firstly, they indicate an increase in confirmed cases of intersectoral contagion in the medium and long term, which indicates a “long-term trace” of the pandemic. Secondly, the number of contagions increases closer to higher distribution points. Thirdly, the main branches of the Russian economy (metallurgy and oil industry), contrary to expectations, turned out to be the least connected with other branches of the Russian economy during the pandemic. The telecommunications sector demonstrated the greatest propensity to transmit contagion. The conclusion about the consumer sphere and trade being the most exposed to contagion is rather expected.

Scientific novelty: for the first time, estimates of intersectoral financial contagion for the Russian economy during the pandemic have been obtained, which indicate the presence of both short-term and long-term effects of the pandemic, as well as the strengthened role of certain industries (in particular, the telecommunications industry) in the transmission of contagion under the economy digitalization.

Practical significance: the data obtained can be useful in managing the financial stability of individual industries during pandemic-type crises.

Keywords: Crypto-World and digital finance, Financial contagion, Transmission channels of financial markets contagion, Branches of the Russian economy, COVID-19 pandemic, Interaction

Financial Support: The research was performed with the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00453, <https://rscf.ru/project/23-28-00453/>

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Malkina, M. Yu., & Balakin, R. V. (2023). Intersectoral contagion effects in the Russian economy under the pandemic shock. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 307-326. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.307-326

Введение

Проблема финансового заражения стала предметом научных исследований после кризиса на азиатских фондовых рынках (1997–1998 гг.). В этот период ученые обнаружили передачу негативных импульсов между рынками разных стран и вскрыли уязвимость экономических систем к экономическим и финансовым по-

трясениям, вызванным событиями, происходящими даже в отдаленных уголках земного шара. Азиатский финансовый кризис, начавшийся в 1997 г., и российский кризис 1998 г. глубоко потрясли регион Латинской Америки. Это заражение произошло по нескольким каналам. Падение спроса в Азии способствовало снижению мировых цен на сырьевые товары, сократив экспортные доходы регионов, ориентированных на экспорт сырья, и подорвав государственные финансы ряда стран. Российская девальвация вызвала угрозу суверенного дефолта, что заставило инвесторов по всему миру более осторожно относиться к оценке рисков своих трансграничных активов [1]. Кроме того, на спреды облигаций стран Латинской Америки повлияли также изменения процентных ставок в США во второй половине 1990-х гг. [2].

В то время ученые пытались ответить на вопрос, почему некоторые финансовые кризисы оказываются заразными для других стран и почему некоторые страны с развивающимися рынками оказываются более уязвимыми к заражению, чем другие [3]. Исследователи пришли к выводу, что, помимо макроэкономического сходства экономик или торговых связей стран, важную, а иногда и определяющую роль в финансовом заражении играют переливы капитала (spillovers) через международные банковские центры [4].

В последующем интерес к проблеме заражения возобновился в связи с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг. Пришло понимание, что степень распространения заражения в значительной степени зависит от объема информации, доступной экономическим агентам, и характера ее интерпретации [5]. В этот период много внимания уделялось изучению влияния мирового финансового кризиса на локальные экономики [6].

Новый виток интереса к теме возник в период пандемии COVID-19. Изучая влияние крушения цен на нефть, падения фондовых активов и девальвации национальных валют в одних странах на другие, авторы приходили к противоречивым умозаключениям. Некоторые делали вывод, что пандемия COVID-19 вызвала более серьезные эффекты заражения и передачи рисков, чем мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. [7]. Другие писали о том, что во время пандемии COVID-19 взаимное влияние колебаний нефинансовых рынков и неопределенности цен на нефть существенно возросло, но не превысило уровня 2007 г. – начала глобального финансового кризиса [8]. Также отмечалось, что эффект заражения оказался существенно менее связанным с уровнем глобальной интеграции, например, азиатские рынки доказали большую подверженность заражению со стороны соседних стран – Японии и Китая [9].

За тридцатилетнюю историю теория финансового заражения обрела некоторую целостность и логическое единство. Появилось множество определений и интерпретаций финансового заражения. Учеными исследованы различные импульсы (первопричины), условия, факторы и каналы передачи заражения. Для диагностики, измерения и прогнозирования финансового заражения выработан целый комплекс продвинутых методов и моделей. Кроме межстранового (пространственного) заражения, которому были посвящены пионерные исследования, появилось немало статей, исследующих межрыночное и межотраслевое заражение. Наконец, финансовое заражение анализируется в контексте государственного регулирования экономики и использования его инструментов для нейтрализации или смягчения влияния негативных внешних импульсов на развитие национальных экономик.

Целью настоящего исследования является идентификация наличия/отсутствия передачи финансового заражения между отраслями российской экономики в период пандемии 2020–2021 гг. Реализация этой цели предполагает выполнение следующих задач: раскрытие теоретико-методологических основ процессов финансового заражения; обоснование базы исследования; выработка адекватных подходов к диагностике и измерению заражения (метода моментов распределения); установление с их помощью наличия, направленности и масштабов передачи финансового заражения между шестью основными отраслями российской экономики (нефтегазовой, металлургической и химической отраслями, производством потребительских товаров и розничной торговлей, отраслью телекоммуникаций и электроэнергетикой); объяснение полученных результатов особенностями пандемического кризиса и тенденциями развития российской экономики.

1. Обзор литературы

Согласно словарю Вебстера, заражение определяется как «болезнь, которая может передаваться быстро через прямой или косвенный контакт» [10]. Появление термина «финансовое заражение» было связано

с развитием так называемого эпидемиологического подхода в экономике и переносом известных подходов из сферы медицины в сферу экономики [11].

Исследователи, изучающие процессы интеграции финансовых рынков, разграничивают понятия «взаимосвязь» (*interdependence*), «совместное движение» (*co-movement*), «заражение» (*contagion*), «трансмиссия» (*transmission*) и «вторичный/побочный эффект» (*spillover*). Главными отличиями заражения от других типов финансового взаимодействия является то, что оно происходит за пределами фундаментальных связей и влияния обычных шоков. Заражение обязательно предполагает внешний импульс и происходит в кризисные времена [12].

В самом широком смысле финансовое заражение может определяться как ситуация, при которой шок на рынке одного актива влияет на цены на рынке другого актива [13]. В более узком смысле финансовое заражение – значительное усиление совместного движения цен и объемов на разных рынках при условии, что кризис произошел только на одном рынке или группе рынков. При этом акцент делается либо на географическом принципе – заражение происходит, если волатильность перетекает с финансовых рынков страны происхождения кризиса на финансовые рынки других стран, значительно увеличивая вероятность потрясений на них [14]. Либо исследуются причины самого заражения (совместное движение не может быть объяснено фундаментальными факторами, или канал передачи меняется после шока на одном рынке) [15].

Многие исследователи пишут о том, что речь должна идти именно о некотором «сдвиге» (*shift contagion*), т. е. средняя доходность одного рынка в зависимости от доходности других рынков при заражении должна вести себя иначе во время кризисов по сравнению со спокойными временами [16]. Отдельные исследователи делают акцент на том, что последствия должны быть немедленными – проявляться быстро и развиваться активно в течение нескольких часов или дней [17]. Для некоторых исследователей важен размер этого влияния, и заражением можно считать только значительное увеличение межрыночных сдвигов в период кризиса, которое превышает сдвиги в докризисный период [18]. При регрессионном моделировании заражение определяется как увеличение корреляции между остатками модели, которые не могут быть объяснены изменениями в общих факторах риска [19].

Отмечается важная роль глобализации в создании системной угрозы финансовой стабильности. Международная финансовая интеграция способствует росту уязвимости стран к заражению в период кризиса. Например, страны с низко капитализированными банковскими системами в большей степени зависят от притока внешних финансовых ресурсов и поэтому сильнее подвержены угрозе заражения по каналу банковской ликвидности [20]. Согласно работе Ozkan и Unsal [21], масштаб финансовых переливов из мировой экономики в национальную и открытость торговли являются ключевыми факторами, определяющими тяжесть финансового кризиса для национальной экономики. При этом региональная концентрация финансового заражения объясняется схожей чувствительностью стран одного региона к международным финансовым источникам (общий кредитор) и финансовой хрупкостью национальных систем (недостаточностью собственных резервов) [22]. В то же время следует учитывать, что более высокий уровень финансовой интеграции также способствует развитию внутренних рынков вовлеченных стран, укреплению корпоративной финансовой среды, накоплению капитала и технологическим инновациям, является ключевым фактором экономического роста [15], что в долгосрочном периоде уменьшает риски финансового заражения.

Непосредственным поводом к финансовому заражению может послужить девальвация валюты или объявление дефолта по суверенным долговым обязательствам, что приводит к снижению цен фондовых активов, резкому увеличению стоимости заимствований, нехватке международного капитала, падению производства [17]. Сопутствующими условиями финансового заражения ученые называют асимметрию информации, формирование ожиданий и стадный инстинкт [23]. Финансовое заражение может снижать выгоды от диверсификации инвестиционных портфелей и влиять на оценку богатства, что требует пересмотра подходов к управлению рисками [24]. Для разработки политики оптимизации инвестиционных портфелей в периоды финансовых потрясений необходимо четкое понимание источника и канала передачи возмущения, а также структуры национальной финансовой системы [18].

В широком смысле исследователи разграничивают два основных канала, по которым происходит заражение финансовых рынков: физическое воздействие и асимметрия информации [19]. Физические каналы

передачи заражения в основном связаны с взаимодействием стран по линии двух статей платежного баланса: счета движения капитала (финансовых активов) и счета текущих операций (основной частью которого является торговый баланс). Ряд авторов находят доказательства, что финансовое заражение распространяется в основном через каналы ликвидности и премии за риск, а не через корреляционно-информационный канал [25]. И что действие физических каналов со временем только усиливается: например, в 2000-х гг. оно было значительнее, чем в 1990-х гг. [26].

Информационные каналы передачи заражения изучаются с позиции гипотезы «тревожного звонка» (*wake-up-call*) [27] и особенностей поведения инвесторов на финансовом рынке [28], в том числе разных поведенческих аномалий [29]. Некоторые исследователи разграничивают два основных класса информационных каналов. Фундаментальный канал основан на анализе фундаментальных реальных и финансовых связей между экономиками. Канал социального обучения заключается в том, что агенты основывают свои решения на наблюдениях за действиями других агентов на зарубежных рынках [30]. Так, например, распространение потрясений после событий на рынке облигаций SAR в Гонконге в 1997 г. было следствием негативных настроений, вызванных обучением инвесторов, а не просто изменений фундаментальных показателей [31]. При этом идиосинкразические шоки, возникающие на одном рынке, могут передаваться другим рынкам как через межрыночное хеджирование макроэкономических рисков [13], так и по линии межрыночного восстановления балансов [32]. Даже при отсутствии других дефолтов проблемные, но не дефолтные учреждения передают заражение по каналам, отличным от канала платежеспособности. Слабость их баланса снижает стоимость их обязательств, тем самым негативно влияя на межбанковских кредиторов еще до наступления кредитного события [33].

Важной методологической проблемой является правильная диагностика заражения и измерение влияния шока в одной стране (на конкретном рынке или в конкретной отрасли) на другие страны (рынки, отрасли). Для диагностики и измерения заражения современные ученые предлагают целый арсенал подходов, методов и моделей:

1. *Корреляционный анализ*, основанный на сравнении коэффициентов корреляции двух активов до и после шока [34]. Степень заражения при корреляционном методе отражает совпадение экстремальных шоков доходности в странах внутри региона или между регионами [35]. При этом чаще всего используется тест К. Форбс и Р. Ригобона с коррекцией на гетероскедастичность доходности в период повышенной волатильности [36]. Д. Кенургиос и Д. Димитриу [37] основывают исследование заражения на расчете динамической условной корреляции в многомерной дробно-интеграционной модели асимметричной мощности *APARCH* (*multivariate fractional integration asymmetric power ARCH model*). Альтернативным является метод, основанный на непараметрической оценке межрыночной корреляции [38].

2. *Квантильная регрессия* также используется как инструмент для изучения совместных изменений характеристик распределения финансовых доходов, вызванных чрезвычайными потрясениями, что способствует дополнительному пониманию механизма распространения финансовых заражений и их нестабильности [39]. Применяя этот метод к доходности фондового рынка, некоторые ученые обнаруживают, что скачки неопределенности имеют мощный заразительный эффект, отличный от увеличения корреляции рынков [16]. В работе Ye с соавт. [40] предложены квантильные регрессионные модели с Марковскими переключениями для обнаружения взаимозависимости и передачи финансового заражения между рынками США и стран ЕС.

3. *Модели бинарного выбора типа probit и logit*, в которых начальным шоком является экстремальное значение индикатора спекулятивного давления. С их помощью выбираются «ведущие индикаторы», формируется простой набор индексов уязвимости системы к внешним или внутренним шокам [41]. Кроме того, биномиальная и мультиномиальная *logit*-модели могут использоваться как инструменты для разработки системы раннего предупреждения, например, банковских кризисов [42].

4. *Модели пространственной эконометрики* позволяют отразить механизмы передачи кризиса при явных динамически-пространственных предположениях. Согласно Villar Frexedas [43], метод может быть дополнен новой процедурой интегрирования, которая устойчива к основным эконометрическим проблемам финансовых временных рядов, в частности, к проблеме гетероскедастичности дисперсии. При этом также используются комбинированные методы. Например, в работе Amaral с соавт. [44] предложена пространственная *probit*-модель для оценки заражения банковских систем азиатских стран в период банковского кризиса 1990-х гг.

5. *Модели векторной авторегрессии (VAR) разных спецификаций.* Такой тип модели основан на анализе различий реагирования эндогенной переменной в докризисные и кризисные периоды, обнаружении импульсного отклика на шок. Это дает возможность идентифицировать сам факт заражения и количественно его измерить. Так, на основе построения VAR-моделей для рынков деривативов в Индии установлено, что товарные и фондовые рынки являются чистыми передатчиками волатильности, в то время как рынки облигаций, иностранной валюты и золота являются чистыми получателями волатильности [45]. Метод VAR-моделей также использовался для определения направления и размера перелива (*spillover*) риска между европейскими банками, учитывая их размер, географическое положение, источники дохода и системную значимость, и позволил установить важную роль крупных и системно значимых банков в генерировании значительного системного риска [46].

6. *Модели авторегрессионной условной гетероскедастичности (ARCH- и GARCH-модели) и их более продвинутые модификации.* С их помощью выявляется перелив волатильности с одного рынка на другой. Как правило, эти модели используются, чтобы установить факт передачи заражения с одного рынка на другой (например, с рынка США на африканские рынки [47]). Для изучения многомерных явлений строятся модели типа DCC-GARCH, которые также могут комбинироваться с расчетами динамических условных корреляций, построением генерализованных авторегрессий и моделей векторной коррекции ошибок (VECM) и др. [48]. Так, в работе Paskaleva и Stoykova [49] на основе построения моделей DCC-GARCH, TGARCH (пороговой (*threshold*) GARCH-модели) и авторегрессий (AR) исследовалась передача финансового заражения между фондовыми рынками Болгарии и ряда стран – членов ЕЭС, а также США в период глобального финансового кризиса 2008 г.

7. *Модели Марковских переключений (Markov regime-switching model)* используются для определения структурных разрывов в корреляции (*correlation breakdowns*) и позволяют выявить наличие множественных равновесий [14].

8. *Модели «копул»* – специальных функций, используемых для описания совместного распределения нескольких переменных. Этот метод позволяет соединить два направления исследований финансового заражения: финансовое заражение между финансовыми рынками и трансграничное заражение через внутренние рынки капитала глобальных банков [50]. В отличие от имитационных моделей, позволяющих выявить риски для одного конкретного рынка (например, рынка федеральных фондов) или одного конкретного финансового инструмента (например, кредитно-дефолтных свопов), метод «копул» позволяет оценить балансовые риски на основе большого среза финансовых компаний, включая все банковские холдинги, всех брокеров-дилеров и все страховые компании [51].

Отдельным вопросом теории финансовых заражений является межотраслевой аспект. Наиболее часто авторы изучают связи между реальным и финансовым секторами экономики [52], а также передачу заражения от того или иного глобализированного рынка (сырья, электроэнергии, металлов) другим отраслевым рынкам. Например, в работе Fijorek с соавт. [53] изучалась передача финансового заражения от банковского сектора к добывающей отрасли. Исследуя динамику распространения заражения между банковским, страховым и теневым банковским секторами, Franch с соавт. [54] обнаружили, что банковская система оказывается основным источником и передатчиком стресса, а банки и теневые банки сильно взаимосвязаны, при этом страховой сектор вносит меньший вклад в передачу стресса во все периоды, за исключением мирового финансового кризиса. В статье Li с соавт. [55] с помощью сетевого метода и оценки эффекта воздействия (*treatment effect*) изучалось заражение отраслей китайской экономики от распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

В настоящем исследовании с помощью метода К. Форбс и Р. Ригобона [36] и ряда сопутствующих тестов, на основе выделения периодов повышенной волатильности фондового рынка в условиях пандемии COVID-19 мы исследуем эффекты передачи заражения между основными отраслями российской экономики.

2. Методология исследования

Для получения оценок межотраслевых эффектов мы используем следующие три теста.

А. Тестирование заражения на основе сравнения коэффициентов корреляции

Как уже отмечалось в теоретической части статьи, одним из наиболее известных методов тестирования финансового заражения является сравнение корреляции доходности двух активов (обозначим эти активы

i и j , а их доходности r_i и r_j) в докризисный (x) и кризисный (y) периоды. Рост корреляции во время кризиса ($\rho_y > \rho_x$) может свидетельствовать о влиянии одного актива на другой и о переносе заражения из одной сферы в другую.

Согласно Форбс [56], для преодоления проблемы гетероскедастичности, коэффициент корреляции кризисного периода следует корректировать с учетом роста волатильности актива i , передающего заражение:

$$v_{y/x} = \frac{\rho_y}{\sqrt{1 + \left(\frac{\sigma_{y,i}^2}{\sigma_{x,i}^2} - 1\right) \cdot (1 - \rho_y^2)}}, \quad (1)$$

где ρ_y – коэффициент корреляции Пирсона для активов i и j в кризисный период y ; $\sigma_{x,i}^2$ и $\sigma_{y,i}^2$ – вариация (дисперсия) доходности актива i в докризисный и кризисный периоды соответственно.

Если скорректированная корреляция доходностей двух активов в кризисный период выше, чем в докризисный период, т. е. $v_{y/x} > \rho_x$, делается вывод о возможном заражении актива j активом i .

Для проверки нулевой гипотезы (о равенстве корреляций: $v_{y/x} = \rho_x$) рассчитывается тестовая статистика Форбс – Ригобона:

$$FR_1(i \rightarrow j) = \frac{\ln\left(\frac{1 + \tilde{v}_{y/x}}{1 - \hat{v}_{y/x}}\right) - \ln\left(\frac{1 + \hat{\rho}_x}{1 - \hat{\rho}_x}\right)}{2 \cdot \sqrt{\frac{1}{T_y - 3} + \frac{1}{T_x - 3}}}, \quad (2)$$

где T_x означает оценки, полученные на основе выборочных совокупностей, T_x и T_y – размер выборки (количество наблюдений) в докризисном и кризисном периодах соответственно.

Для принятия нулевой гипотезы FR_1 должно быть ниже критического значения стандартизованного параметра z при соответствующем уровне значимости α (при $\alpha = 0,05$; $z = 1,645$). Если же $FR_1 > z$, нулевая гипотеза отклоняется и делается вывод о возможном заражении.

Б. Тестирование заражения на основе совместной асимметрии распределения

Некоторые исследователи обнаружили, что корреляции доходностей отражают лишь первый момент распределения и поэтому не показывают всего масштаба заражения. Для полноценной картины необходимо рассчитывать более высокие моменты распределения. Так, Harvey и Siddique [57] предложили учитывать взаимодействие между первым и вторым моментами распределения, т. е. проводить тестирование на так называемую коасимметрию доходностей. В работе Fry с соавт. [58] представлен соответствующий тест (*coskewness test*), включающий два этапа:

1) расчет асимметричной ковариации двух активов отдельно для докризисного и кризисного периодов:

$$\hat{\Psi}_x(r_i^m, r_j^n) = \frac{1}{T_x} \sum_{t=1}^T \left(\frac{r_{i,t} - \hat{\mu}_i}{\hat{\sigma}_{x,i}} \right)^m \left(\frac{r_{j,t} - \hat{\mu}_j}{\hat{\sigma}_{x,j}} \right)^n, \quad (3)$$

$$\hat{\Psi}_y(r_i^m, r_j^n) = \frac{1}{T_y} \sum_{t=1}^T \left(\frac{r_{i,t} - \hat{\mu}_i}{\hat{\sigma}_{y,i}} \right)^m \left(\frac{r_{j,t} - \hat{\mu}_j}{\hat{\sigma}_{y,j}} \right)^n, \quad (4)$$

где $\hat{\mu}_i$ и $\hat{\mu}_j$ – оценка математического ожидания доходности активов i и j в соответствующем периоде; m и n – степени, соответствующие моментам распределения;

2) расчет тестовых статистик право- и левосторонней коасимметрии:

$$CS_1(i \rightarrow j; r_i^1, r_j^2) = \frac{\hat{\Psi}_y(r_i^1, r_j^2) - \hat{\Psi}_x(r_i^1, r_j^2)}{\sqrt{\frac{4 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^2 + 2}{T_y} + \frac{4 \cdot \hat{\rho}_x^2 + 2}{T_x}}}, \quad (5)$$

$$CS_2(i \rightarrow j; r_i^2, r_j^1) = \frac{\hat{\Psi}_y(r_i^2, r_j^1) - \hat{\Psi}_x(r_i^2, r_j^1)}{\sqrt{\frac{4 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^2 + 2}{T_y} + \frac{4 \cdot \hat{\rho}_x^2 + 2}{T_x}}}. \quad (6)$$

При нулевой гипотезе, свидетельствующей об отсутствии заражения, приведенная выше тестовая статистика имеет асимптотически нормальное распределение: $CS_1(i \rightarrow j), CS_2(i \rightarrow j) \xrightarrow{d} \chi^2$. Альтернативная гипотеза говорит о наличии заражения. Нулевая гипотеза отвергается, если тестовая статистика выше определяемого табличным путем критического значения, которое при уровне значимости $\alpha = 0,05$ равно 3,84. В таком случае делается вывод о передаче заражения от актива i активу j .

3. Тестирование заражения на основе совместного куртозиса распределения

В работе Hui и Chan [59] было предложено увеличить момент распределения еще на один уровень и в дополнение к совместной асимметрии рассчитывать кокуртозис (совместный эксцесс) как еще одно свидетельство заражения. Проведение данного теста (*co-kurtosis test*) также включает два этапа:

- 1) расчет асимметричной ковариации двух активов по формулам 3 и 4 для $m = 1$ и $n = 3$;
- 2) расчет тестовых статистик:

$$CK_1(i \rightarrow j; r_i^1, r_j^3) = \frac{\hat{\Psi}_y(r_i^1, r_j^3) - \hat{\Psi}_x(r_i^1, r_j^3)}{\sqrt{\frac{2 \cdot (7 + 13 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^2 - 8 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^4)}{T_y} + \frac{2 \cdot (7 + 13 \cdot \hat{\rho}_x^2 - 8 \cdot \hat{\rho}_x^4)}{T_x}}}, \quad (7)$$

$$CK_2(i \rightarrow j; r_i^3, r_j^1) = \frac{\hat{\Psi}_y(r_i^3, r_j^1) - \hat{\Psi}_x(r_i^3, r_j^1)}{\sqrt{\frac{2 \cdot (7 + 13 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^2 - 8 \cdot \hat{\nu}_{y/x}^4)}{T_y} + \frac{2 \cdot (7 + 13 \cdot \hat{\rho}_x^2 - 8 \cdot \hat{\rho}_x^4)}{T_x}}}. \quad (8)$$

При нулевой гипотезе, свидетельствующей об отсутствии заражения, приведенная выше тестовая статистика имеет асимптотически нормальное распределение: $CK_1(i \rightarrow j), CK_2(i \rightarrow j) \xrightarrow{d} \chi^2$. Альтернативная гипотеза говорит о наличии заражения. Она не отвергается, если тестовая статистика оказывается выше определяемого табличным путем критического значения, которое при уровне значимости $\alpha = 0,05$ равно 3,84.

Все расчеты проводились в среде *Microsoft Excel*.

В заключение этой части отметим, что впервые описанные выше методы для российской экономики были применены в работе Malkina и Ovcharov [60], где анализировалось влияние рынка нефти на заражение российских компаний в период воздействия пандемических и санкционных шоков. В настоящем исследовании мы используем эти методы для анализа межотраслевых эффектов заражения под влиянием пандемии *COVID-19*.

4. Данные и выбор периодов

Для исследования нами были выбраны данные по шести отраслевым индексам Российской торговой системы (далее – РТС):

1. Нефть и газ (*RTSOG*).
2. Металлы и добыча (*RTSMM*).
3. Потребительские товары и розничная торговля (*RTSCR*).
4. Телекоммуникации (*RTSTL*).
5. Химия и нефтехимия (*RTSch*).
6. Электроэнергетика (*RTSEU*).

В расчетах использовались данные о средненежных индексах по итогам торгов в РТС с 01.01.2019 по 23.02.2022 (до политического и экономического шока, вызванного военной операцией и введением масштабных санкций против России). На рис. 1 представлены временные ряды волатильности, рассчитанные на основе скользящего коэффициента вариации индексов за 10 смежных дат торгов:

$$CV = \frac{\tilde{\sigma}_{P_i}}{\tilde{\mu}_{P_i}}, \quad (9)$$

где $\tilde{\sigma}_{P_i}$ – скользящее среднее квадратическое отклонение индекса, $\tilde{\mu}_{P_i}$ – скользящее среднее значение индекса за тот же период.

Совместная динамика коэффициентов вариации разных индексов позволила четко разграничить допандемический период (01.01.2019 – 27.01.2020, $T_x = 267$) и пандемический период (28.01.2020 – 23.02.2022, $T_y = 526$). При этом границей разделения явился рост волатильности фондовых индексов выше медианы. Следует заметить, что эта волатильность начала повышаться еще до официального объявления пандемии: распространение коронавирусной инфекции сопровождалось ростом турбулентности фондовых рынков уже с конца января 2020 г. На основе такого же принципа (изменения в волатильности) внутри пандемического периода был выделен период первой (острой) фазы пандемии (28.01.2020 – 26.05.2020, $T_{y1} = 82$), когда наблюдался взлет волатильности фондовых индексов. Этот период, охватывающий четыре первых месяца пандемии, мы назовем краткосрочным. Также выделим среднесрочный пандемический период, охватывающий первую и вторую волны заражения (28.01.2020 – 26.01.2021, $T_{y2} = 251$). Наконец, долгосрочный пандемический период включает весь период пандемии вплоть до политического шока 24.02.2022 (28.01.2020 – 23.02.2022, $T_{y3} = 526$).

На рис. 2 показана связь скользящего среднего коэффициента вариации индексов РТС и скользящего темпа прироста заражения населения России коронавирусной инфекцией. Последний определялся на основе среднего количества новых случаев заражения за 10 смежных дат со сдвигом на одно наблюдение. Также на этом рисунке вертикальными пунктирными линиями разделены допандемический и три пандемических периода, в которые попадают одна или несколько новых волн заражения.

5. Результаты исследования

Для расчета дневной доходности индексов РТС мы использовали формулу:

$$r_{it} = \ln(P_{it}) - \ln(P_{it-1}), \quad (10)$$

где P_{it} и P_{it-1} – значение индекса в периоды t и $t-1$ соответственно.

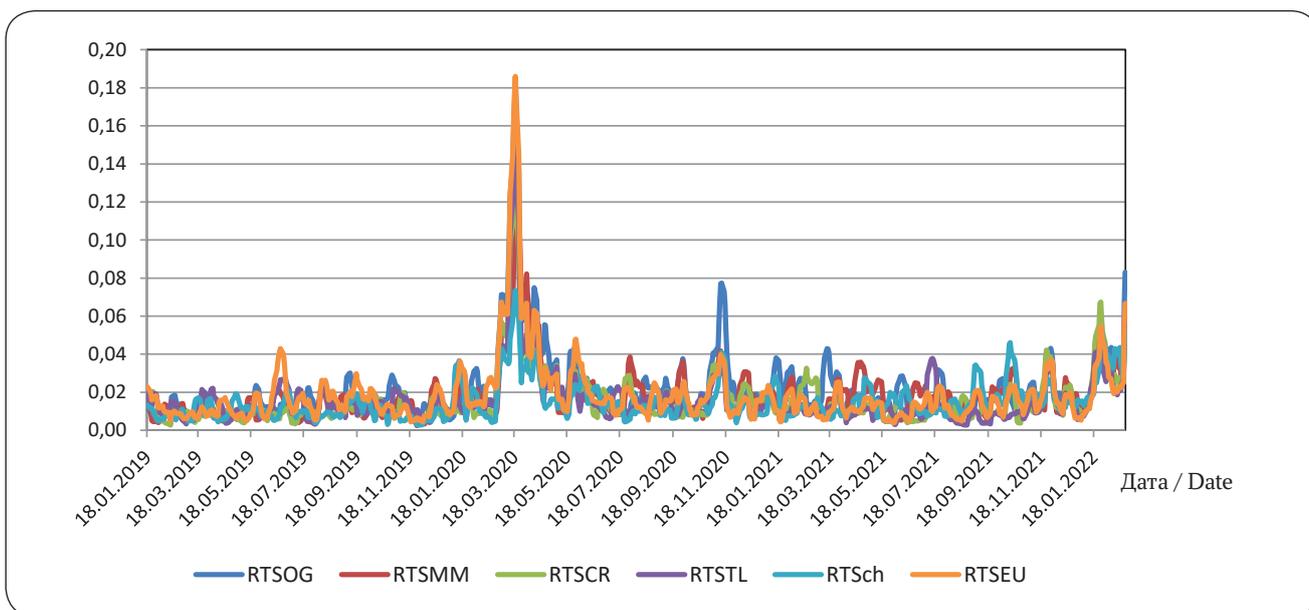

Рис. 1. Скользящий коэффициент вариации отраслевых индексов РТС

Источник: составлено авторами.

Fig. 1. Rolling variation coefficient of the Russian Trading System (RTS) sectoral indices

Source: compiled by the authors.

Рис. 2. Связь между средней волатильностью индексов РТС и темпом прироста заражения коронавирусом

Источник: составлено авторами.

Fig. 2. Relation between the average volatility of RTS indices and the growth rate of infection with coronavirus

Source: compiled by the authors.

В табл. 1 приведены основные описательные статистики доходностей отраслевых индексов в рассматриваемых периодах. Прежде всего они свидетельствуют о существенном снижении доходности отраслевых индексов РТС в краткосрочном пандемическом периоде (острой фазе пандемии) и выходе всех среднесрочных доходностей в отрицательную зону. В среднесрочном периоде наблюдался рост индексов и доходность выросла по сравнению с краткосрочным периодом пандемии. Что касается долгосрочного периода, по отдельным индексам наблюдался восстановительный рост (нефть и газ – *RTSOG*, химия и нефтехимия – *RTSch*), по другим – снижение.

Таблица 1 также свидетельствует о существенном росте волатильности доходности индексов (измеряемой стандартным отклонением) в краткосрочном пандемическом периоде по сравнению с допандемическим периодом. В среднесрочной перспективе вариация доходности снижалась для большинства индексов. В долгосрочном периоде это падение продолжилось. Исключение составляет индекс химии и нефтехимии (*RTSch*), волатильность доходности которого в долгосрочном пандемическом периоде оказалась несколько выше, чем в среднесрочном пандемическом периоде. При этом абсолютно по всем отраслевым индексам она оказалась выше, чем в допандемическом периоде.

Таблица 1

Основные описательные статистики доходностей отраслевых индексов РТС, %
Table 1. Main descriptive statistics of the profitability of RTS sectoral indices, %

Показатель / Indicator	<i>RTSOG</i>	<i>RTSMM</i>	<i>RTSCR</i>	<i>RTSTL</i>	<i>RTSch</i>	<i>RTSEU</i>
Допандемический период / Pre-pandemic period						
Математическое ожидание (μ) / Mathematical expectation (μ)	0,11	0,09	0,08	0,14	0,05	0,15
Стандартное отклонение (σ) / Standard deviation (σ)	1,05	0,85	0,82	1,06	0,82	1,04
Краткосрочный пандемический период / Short-term pandemic period						
Математическое ожидание (μ) / Mathematical expectation (μ)	-0,36	-0,08	-0,23	-0,14	-0,03	-0,18
Стандартное отклонение (σ) / Standard deviation (σ)	4,34	3,29	3,11	3,27	2,13	3,98
Среднесрочный пандемический период / Middle-term pandemic period						
Математическое ожидание (μ) / Mathematical expectation (μ)	-0,12	0,06	0,05	-0,05	0,01	-0,05
Стандартное отклонение (σ) / Standard deviation (σ)	2,91	2,29	2,08	2,16	1,57	2,59
Долгосрочный пандемический период / Long-term pandemic period						
Математическое ожидание (μ) / Mathematical expectation (μ)	-0,07	0,02	-0,03	-0,10	0,06	-0,10
Стандартное отклонение (σ) / Standard deviation (σ)	2,47	2,01	1,85	1,80	1,70	2,15

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

В табл. 2 представлены коэффициенты корреляции доходности отраслевых индексов РТС в допандемическом периоде (ρ_x). В табл. 3 показаны скорректированные коэффициенты корреляции ($v_{y/x}$), рассчитанные для краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного периодов с использованием формулы (1) (для трех указанных периодов они отделены в каждой ячейке таблицы сдвигами вниз и вправо). В тех случаях, когда скорректированные коэффициенты корреляции во время пандемии оказались выше, чем до нее, можно заподозрить наличие заражения. Соответствующие ячейки в табл. 3 закрашены серым цветом. Для тех случаев, когда коэффициенты корреляции в период пандемии оказались ниже, можно сделать вывод об отсутствии заражения. При этом направление заражения трактуется по линии $i \rightarrow j$. В дополнение табл. 3 содержит информацию о количестве подтверждаемых случаев заражения между отраслями в трех исследуемых периодах.

Предварительный анализ позволяет сделать вывод о неравномерности передачи заражения между отраслями во времени. Большее количество заражений (17) отмечается в среднесрочном периоде.

Таблица 2

Корреляции доходностей отраслевых индексов РТС в допандемическом периоде (ρ_x)

Table 2. Correlation of the profitability of RTS sectoral indices in pre-pandemic period (ρ_x)

RTSOG	0,633	0,573	0,571	0,491	0,614
0,633	RTSMM	0,590	0,506	0,488	0,606
0,573	0,590	RTSCR	0,543	0,431	0,607
0,571	0,506	0,543	RTSTL	0,429	0,592
0,491	0,488	0,431	0,429	RTSch	0,483
0,614	0,606	0,607	0,592	0,483	RTSEU

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 3

Скорректированные корреляции доходностей отраслевых индексов РТС ($v_{y/x}$) и количество заражений в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном пандемических периодах

Table 3. Adjusted correlations of the profitability of RTS sectoral indices ($v_{y/x}$) and the number of infections in short-term, middle-term and long-term pandemic periods

$i \rightarrow j$	Прием заражения / Receipt of infection						Количество случаев / Number of cases
Передача заражения / Transfer of infection	RTSOG	0,379	0,482	0,493	0,396	0,533	0
		0,456	0,518	0,545	0,463	0,595	0
		0,489	0,536	0,559	0,425	0,644	1
	0,404	RTSMM	0,394	0,406	0,427	0,414	0
	0,470		0,449	0,448	0,444	0,475	0
	0,489		0,463	0,475	0,428	0,531	0
	0,516	0,399	RTSCR	0,570	0,438	0,644	3
	0,555	0,469		0,615	0,471	0,647	3
	0,554	0,480		0,579	0,420	0,642	2
	0,608	0,486	0,649	RTSTL	0,487	0,648	4
0,664	0,549	0,696		0,558	0,710	5	
0,684	0,600	0,685		0,514	0,736	5	
0,569	0,574	0,580	0,553	RTSch	0,603	5	
0,605	0,569	0,577	0,582		0,606	5	
0,472	0,476	0,450	0,442		0,494	3	
0,563	0,415	0,639	0,564	0,455	RTSEU	1	
0,637	0,500	0,652	0,636	0,504		4	
0,692	0,580	0,673	0,666	0,493		4	
Количество случаев / Number of cases	2	1	3	2	2	3	13
	3	2	3	3	3	3	17
	2	1	3	3	2	4	15

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

В краткосрочном периоде основным источником заражения оказываются химия и нефтехимия (*RTSch*), а также отрасль телекоммуникаций (*RTSTL*). Главные реципиенты заражения – производство потребительских товаров и торговля (*RTSCR*), а также электроэнергетика (*RTSEU*). Неожиданным результатом является отсутствие влияния на другие отрасли со стороны нефтегазового сектора (*RTSOG*) и металлургии (*RTSMM*).

В среднесрочном периоде основные источники заражения (*RTSch* и *RTSTL*) сохраняются, и к ним добавляется энергетика (*RTSEU*). Заражение более равномерно распространяется на все отрасли, однако наименее подверженной заражению оказывается металлургия (*RTSMM*).

В долгосрочном периоде основными источниками заражения остаются телекоммуникационная сфера (*RTSTL*) и энергетика (*RTSEU*). Энергетика выступает и главным реципиентом заражения, а также к числу преемников заражения относятся производство потребительских товаров, торговля (*RTSCR*) и отрасль телекоммуникаций (*RTSTL*). Относительно независимо ведут себя нефтяная отрасль и особенно металлургия, хотя на них оказывают влияние отрасль телекоммуникаций и энергетика.

Далее в табл. 4 представлены статистики теста Форбс – Ригобона для оценки значимости найденных взаимосвязей в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном пандемических периодах. В таблице серым цветом закрашены ячейки, для которых $FR_1(i \rightarrow j) > z$, значит, нельзя отрицать наличие заражения по линии $i \rightarrow j$.

Таблица 4

Статистики теста Форбс – Ригобона FR_1 для доходностей отраслевых индексов РТС
(критическое значение $z = 1,645$ при уровне значимости $\alpha = 0,05$)
Table 4. Statistics of Forbes-Rigobon test FR_1 for the profitabilities of RTS sectoral indices
(critical value $z = 1.645$ at significance level $\alpha = 0.05$)

$i \rightarrow j$	Прием заражения / Receipt of infection						Количество случаев / Number of cases	
Передача заражения / Transfer of infection	<i>RTSOG</i>	-2,707	-0,989	-0,850	-0,920	-0,940	0	
		-2,875	-0,879	-0,442	-0,406	-0,333	0	
		-2,803	-0,707	-0,241	-1,107	0,656	0	
		<i>RTSMM</i>	-2,477	-2,040	-0,986	-0,611	-2,040	0
			-2,666	-2,191	-0,854	-0,647	-2,101	0
			-2,795	-2,335	-0,538	-1,008	-1,473	0
		<i>RTSCR</i>	-0,629	-1,986	0,300	0,073	0,474	0
			-0,302	-1,904	1,222	0,576	0,732	0
			-0,363	-2,046	0,682	-0,176	0,750	0
		<i>RTSTL</i>	0,433	-0,210	1,279	0,579	0,713	0
			1,690	0,676	2,830	1,940	2,348	4
			2,475	1,797	3,044	1,457	3,469	4
	<i>RTSch</i>	0,847	0,931	1,575	1,280	1,333	0	
		1,853	1,266	2,231	2,344	1,978	4	
		-0,320	-0,223	0,313	0,211	0,185	0	
	<i>RTSEU</i>	-0,603	-2,029	0,405	-0,326	-0,285	0	
		0,425	-1,721	0,833	0,802	0,311	0	
		1,819	-0,515	1,480	1,627	0,177	1	
Количество случаев / Number of cases	0	0	0	0	0	0	0	
	2	0	2	1	1	2	8	
	2	1	1	0	0	1	5	

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Результаты теста Форбс – Ригобона несколько отличаются от результатов, полученных при простом сравнении коэффициентов корреляции. Прежде всего они подтверждают меньшее количество заражений. Более того, в краткосрочном периоде ни одно из предполагаемых заражений не является статистически значимым. Снова наибольшее количество вариантов заражения оказывается в среднесрочном периоде. Наиболее агрессивными сферами являются химия и отрасль телекоммуникаций, наиболее чувствительными к заражению – нефтяная отрасль, потребительская сфера и торговля, электроэнергетика. Металлургия опять оказывается относительно независимой отраслью, она не подтверждает ни одного эпизода заражения других отраслей и сама проявляет чувствительность только к состоянию телекоммуникационной отрасли в долгосрочном периоде.

Таким образом, использование первого момента распределения (по линии взаимосвязи доходностей) подтверждает весьма умеренное и ограниченное (по направленности) заражение между отраслевыми секторами фондового рынка. Для получения более полноценной картины перейдем к анализу более высоких моментов распределения.

В табл. 5 и 6 приведены результаты теста на совместную асимметрию доходностей. Они отчетливо свидетельствуют в пользу большей вероятности передачи заражения по каналу асимметрии, нежели в рамках первого момента распределения (84 эпизода заражения по тесту CS_1 и 86 эпизодов по тесту CS_2 , против 13 по FR_1 – в сумме за три периода). Другое отличие состоит в том, что при анализе асимметрии с расширением периода исследования количество заражений растет (24 и 26 случаев в краткосрочном периоде, по 30 случаев в среднесрочном и долгосрочном периодах).

Таблица 5

Статистики 1-го теста на коасимметрию доходностей отраслевых индексов РТС
(*coskewness test* CS_1 ; критическое значение 3,84 при уровне значимости $\alpha = 0,05$)

Table 5. Statistics of coskewness test 1 of the profitabilities of RTS sectoral indices
(*coskewness test* CS_1 ; critical value 3.84 at significance level $\alpha = 0.05$)

$i \rightarrow j$	Прием заражения / Receipt of infection						Количество случаев / Number of cases	
Передача заражения / Transfer of infection	RTSOG	1,39	17,65	24,16	10,42	8,34	4	5
		7,36	64,93	72,04	18,19	37,14		
		27,23	104,68	117,12	40,90	85,10		
	RTSMM	1,91	7,04	13,35	12,56	6,43	4	5
		9,76	29,17	40,18	20,51	26,24		
		35,72	54,39	71,50	40,23	64,94		
	RTSCR	0,22	11,13	6,35	81,86	2,86	3	5
		3,98	32,56	21,39	160,41	14,68		
		18,34	61,45	54,61	159,12	78,76		
	RTSTL	13,35	2,76	16,05	17,08	17,34	4	5
		42,83	10,78	62,38	29,70	62,68		
		85,20	30,44	92,67	45,08	117,53		
RTSch	4,13	4,50	13,34	19,89	12,42	5	5	
	11,53	11,55	39,93	48,88	38,53			
	39,70	32,00	69,11	79,81	78,09			
RTSEU	6,61	3,52	16,34	17,76		4	5	
	27,53	13,83	67,71	21,34	33,94			
	67,44	38,77	108,68	111,60	53,47			
Количество случаев / Number of cases	3	2	5	5	5	4	24	
	5	5	5	5	5	5	30	
	5	5	5	5	5	5	30	

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Таблица 6

Статистики 2-го теста на коасимметрию доходностей отраслевых индексов РТС
(*coskewness test CS₂*; критическое значение 3,84 при уровне значимости $\alpha = 0,05$)

Table 6. Statistics of *coskewness test 1* of the profitabilities of RTS sectoral indices
(*coskewness test CS₂*; critical value 3.84 at significance level $\alpha = 0.05$)

$i \rightarrow j$	Прием заражения / Receipt of infection						Количество случаев / Number of cases
Передача заражения / Transfer of infection	RTSOG	1,95	8,26	15,04	4,90	6,82	4
		9,85	33,87	46,74	12,77	28,37	5
		35,72	70,52	90,62	40,49	69,09	5
	1,37	RTSMM	5,77	2,98	5,24	3,53	2
	7,30		20,67	11,56	12,60	14,06	5
	27,22	47,89	32,28	32,63	39,64	5	
	17,05	7,01	RTSCR	17,49	15,47	16,25	5
63,33	28,82	66,44		43,17	67,98	5	
103,82	54,03	97,87	70,00	110,38	5		
21,45	12,37	26,01	RTSTL	21,32	19,50	5	
66,01	37,49	85,59		49,80	64,50	5	
110,11	67,42	130,43	77,19	107,54	5		
8,77	10,81	12,96	15,94	RTSch	15,20	5	
16,43	18,80	24,61	29,15		31,48	5	
40,10	39,45	44,90	46,61	53,46	5		
8,08	6,43	14,60	18,97	14,51	RTSEU	5	
36,04	25,82	61,83	66,37	41,54		5	
83,06	63,53	114,54	121,96	78,11	5		
Количество случаев / Number of cases	4	4	5	4	5	4	26
	5	5	5	5	5	5	30
	5	5	5	5	5	5	30

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Лидером заражения других отраслей оказываются химия и нефтехимия (30 случаев в сумме для двух тестов коасимметрии). Далее следуют отрасль телекоммуникаций и энергетика (по 29 случаев). Наименее агрессивной снова оказывается металлургия (26 случаев). Главным реципиентом заражения выступают потребительская сфера, торговля и химическая отрасль (по 30 случаев), за ними следуют отрасль телекоммуникаций (29 случаев) и энергетика (28 случаев). Наименее заразными оказываются металлургия (26 случаев) и нефтяная отрасль (27 случаев).

Тестирование финансового заражения по линии более высокого момента распределения (кокуртозиса) привело к однозначному выводу о наличии заражения по всем взаимодействующим парам во всех периодах. Из-за отсутствия значимых различий конкретные значения тестов на совместный эксцесс в данной работе мы опускаем. Отметим лишь, что значения тестовых статистик снова оказываются меньше в краткосрочном периоде, чем в среднесрочном и долгосрочном периодах, что свидетельствует о долгосрочных последствиях пандемии. Тест на кокуртозис выявил в среднем меньшее по силе заражение от металлургии, химической и нефтяной отраслей. Наиболее масштабными носителями заражения выступают энергетика, отрасль телекоммуникаций, производство потребительских товаров и торговля. Наиболее мощным реципиентом заражения по линии третьего момента распределения оказывается энергетика, далее с большим отрывом идет отрасль телекоммуникаций. Химия и металлургия оказываются наименее восприимчивыми к заражению.

Выводы

В настоящее время концепция финансового заражения превратилась в самостоятельную, логически связанную область исследований со своими собственными теоретико-методологическими подходами. Опираясь на багаж накопленных знаний в данной области, в настоящей работе мы исследовали малоизученный аспект межотраслевого финансового заражения на примере передачи финансовых возмущений между основными отраслями российской экономики в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Для этого использовались данные о динамике доходности шести отраслевых индексов РТС. На основе расчета скользящих коэффициентов вариации индексов РТС и темпов прироста заражения населения коронавирусной инфекцией проведено разделение периода исследования на допандемический и три пандемических периода: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный. Использование трех типов тестов на моменты совместного распределения доходностей (основанных на расчетах коэффициентов корреляции с коррекцией на гетероскедастичность, коасимметрии и кокуртозиса) позволило оценить не только направленность, но и масштабы межотраслевого заражения в российской экономике в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах.

Исследование в целом подтвердило усиление взаимосвязи между отраслями российской экономики в период пандемии, причем наибольшее влияние оказалось в среднесрочном периоде. В то же время исследование привело к смешанным результатам. Вопреки распространенному мнению, главные отрасли российской экономики (нефтегазовая и металлургическая) оказались в меньшей степени связанными с другими отраслями. Сферой, в наибольшей степени склонной к передаче заражения, оказалась телекоммуникационная сфера. Это свидетельствует в пользу значимости цифровой экономики в современном мире, что особенно проявилось в условиях пандемии. Чистым источником заражения также оказалась химическая отрасль (для нее количество выходящих связей оказалось больше количества входящих). В то же время совершенно ожидаемым представляется результат о наибольшей подверженности заражению потребительской сферы. Эта сфера связана с доходами населения, которые зависят от ситуации в основных производственных отраслях. В условиях пандемии именно потребительская сфера оказалась наиболее уязвимой к пандемическому кризису: введение и отмена ограничений на мобильность населения, закрытие ряда бизнесов, временное поражение сферы услуг вызвало волны спада и ажиотажа на потребительском рынке, что не могло не повлиять на состояние соответствующего сегмента фондового рынка.

Таким образом, цель исследования достигнута – финансовое заражение отраслей российской экономики в период пандемии эмпирически подтверждено. Задачи исследования выполнены: на основе комплекса тестов на моменты распределения доходности отраслевых индексов РТС установлены направленность и масштаб заражения между отраслями российской экономики, специфические проявления межотраслевого заражения объяснены цифровизацией российской экономики и потребительскими эффектами пандемии.

Заметим, что проведенное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, примененный подход не учитывает лагов взаимодействия разных сфер. Для этого в будущем предполагается проведение теста Грейнджера на причинность, выявление направленности взаимодействия отраслей и расчет лаговых показателей корреляции, коасимметрии и кокуртозиса. Во-вторых, данный подход не объясняет механизмов влияния одного сектора на другой и не раскрывает каналов заражения. В-третьих, он не учитывает влияния разных отраслевых и макроэкономических факторов на доходность отраслевых индексов и поэтому может содержать проблему эндогенности. Для решения этих проблем требуется построение более продвинутых эконометрических моделей, речь о которых шла в теоретической части работы, его мы также оставляем на будущее. В целом проведенное исследование представляет вполне понятный и легко реализуемый на практике инструментарий для выявления взаимного заражения отраслей в периоды кризисов разного типа.

Список литературы / References

1. Gavin, M., & Hausmann, R. (1999). Preventing crisis and contagion: fiscal and financial dimensions. *IDB Working Paper*, 332, 13.

2. Bustillo, I., & Velloso, H. (2002). United States interest rates, Latin American debt and financial contagion. *CEPAL Review*, 78, 82–99.
3. Lowell, J. F., Neu, C., & Tong, D. (1998). *Financial Crises and Contagion in Emerging Market Countries*.
4. Van Rijckeghem, C., & Weder, B. (1999). Financial contagion: spillovers through banking centers. *Center for financial studies working paper, 1999/17*, 32.
5. Visentin, G., Battiston, S., & D'Errico, M. (2016). Rethinking financial contagion. *SSRN Electronic Journal*, 2831143.
6. Kilic, O., Chelikani, S., & Coe T. (2014). Financial crisis and contagion: the effects of the 2008 financial crisis on the Turkish financial sector. *International Journal of Applied Economics*, 11(2), 19–37.
7. Gunay, S., & Can, G. (2022). The source of financial contagion and spillovers: An evaluation of the covid-19 pandemic and the global financial crisis. *PLoS ONE*, 17(1), e0261835. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261835>
8. Apostolakis, G., Floros, C., Gkillas, K., & Wohar M. (2021). Financial stress, economic policy uncertainty, and oil price uncertainty. *Energy Economics*, 104, 105686.
9. Nguyen, T. N., Hoa, P., Nguyen, T. L., & McMillan, D. (2022). Financial contagion during global financial crisis and Covid-19 pandemic: the evidence from Dcc-Garch model. *Cogent Economics & Finance*, 10(1), 2051824–205
10. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged*. (2002). Springfield, Mass.: Merriam-Webster.
11. Marsiglio, S., Bucci, A., La Torre, D., & Liuzzi, D. (2019). Financial contagion and economic development: an epidemiological approach. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 162, 211–228.
12. Grigoryev, R. (2010). *The interdependence between stock markets of BRIC and developed countries and the impact of oil prices on this interdependence*. University of Portsmouth.
13. Kodres, L., & Pritsker, M. (1998). A rational expectations model of financial contagion. *Board of governors of the Federal Reserve Finance and Economics Discussion Series*, 98–48, 57.
14. Pericoli, M., & Sbracia, M. (2003). A primer on financial contagion. *Journal of Economic Surveys*, 17, 571–608.
15. Oprea, O.-R. (2017). Financial integration and financial contagion, a problem for financial stability?. *Journal of Public Administration, Finance and Law*, 11, 121–136.
16. Cominetta, M. (2016). Financial contagion: a new perspective (and a new test). *SSRN Electronic Journal*, 14, 34.
17. Reinhart, C., Kaminsky, G., & Vegh, C. (2003). The unholy trinity of financial contagion. *Journal of Economic Perspectives*, 17, 51–74.
18. Gajurel, D. P. (2015). *Essays on financial contagion and financial crises*: PhD thesis. University of Tasmania.
19. European Central Bank. (2005). *Financial stability review*.
20. OECD. Financial contagion in the era of globalised banking? (2012). *OECD Economics Department Policy Notes*, 14, 10.
21. Ozkan, F. G., & Unsal, D. F. (2012). Global financial crisis, financial contagion, and emerging markets. *IMF Working Paper*, 12/293, 39.
22. Caramazza, F., Ricci, L. A., & Salgado, R. M. (2000). Trade and financial contagion in currency crises. *IMF Working Papers*, 00(55), 46.
23. Cheung, L., Tam, C. S., & Szeto, J. (2009). Contagion of financial crises: a literature review of theoretical and empirical frameworks. *Hong Kong Monetary Authority*, 02/2009, 18.
24. Kyle, A. S., & Xiong, W. (2001). Contagion as a wealth effect. *Journal of Finance*, 56, 1401–1440.
25. Longstaff, F. (2010). The subprime credit crisis and contagion in financial markets. *Journal of Financial Economics*, 97, 436–450.
26. Didier, T., Mauro, P., & Schmukler, S. (2008). Vanishing financial contagion? *Journal of Policy Modeling*, 30(5), 24–48.
27. Ludwig, A. (2014). A unified approach to investigate pure and wake-up-call contagion: Evidence from the Eurozone's first financial crisis. *Journal of International Money and Finance*, 48, A, 125–146.
28. Yuan, Y., Wang, H., & Jin, X. (2022). Pandemic-driven financial contagion and investor behavior: Evidence from the COVID-19. *International Review of Financial Analysis*, 102315.
29. Da Gama Silva, P. V. J., Klotzle, M. C., Pinto, A. C. F., & Gomes, L. L. (2019). Herding behavior and contagion in the cryptocurrency market. *Journal of Behavioral and Experimental Finance*, 22, 41–50.
30. Treviño, I. (2020). Informational channels of financial contagion. *Econometrica*, 88, 297–335.
31. Basu, R. (2002). Financial contagion and investor "learning": an empirical investigation. *IMF Working Papers*, 02/218, 38.
32. Kodres, L., & Pritsker, M. (2002). A rational expectation model of financial contagion. *Journal of Finance*, 57, 769–799.
33. Battiston, S., di Iasio, G., Infante, L., & Pierobon, F. (2015). Capital and contagion in financial networks. *IFC Bulletins*, 39, 23.

34. Calvo, S. G., & Reinhart, C. M. (1996). Capital flows to Latin America: is there evidence of contagion effects? *World Bank Policy Research Working Paper*, 1619, 36.
35. Bae, K.-H., Karolyi, G., & Stulz, R. (2003). A new approach to measuring financial contagion. *Review of financial studies*, 16, 717–763.
36. Forbes, K., & Rigobon, R. (2002). No contagion, only interdependence: measuring stock market comovements. *Journal of Finance*, 57, 5, 2223–2261.
37. Kenourgios, D., & Dimitriou, D. (2015). Contagion of the Global Financial Crisis and the real economy: a regional analysis. *Economic Modelling*, 44, 283–293.
38. Li, F. (2009). Testing for financial contagion with applications to the Canadian banking system. *Bank of Canada Staff Working Papers*, 09-14, 47.
39. Baur, D., & Schulze, N. (2005). Coexceedances in financial markets – a quantile regression analysis of contagion. *Emerging Markets Review*, 6(1), 21–43.
40. Ye, W., Zhu, Y., Wu, Y., & Miao, B. (2016). Markov regime-switching quantile regression models and financial contagion detection. *Insurance: Mathematics and Economics*, 67, 21–26.
41. Jing, Z., Elhorst, J. P., Jacobs, J. P., & de Haan, J. (2018). The propagation of financial turbulence: interdependence, spillovers, and direct and indirect effects. *Empirical Economics*, 55, 169–192.
42. Caggiano, G., Calice, P., Leonida, L., & Kapetanios, G. (2016). Comparing logit-based early warning systems: Does the duration of systemic banking crises matter? *Journal of Empirical Finance*, 37, 104–116.
43. Villar Frexedas, Ó. (2015). *Crisis and financial contagion: new evidences and new methodological approach*: PhD Thesis. University of Barcelona.
44. Amaral, A., Abreu, M., & Mendes, V. (2014). The spatial Probit model - an application to the study of banking crises at the end of the 1990's. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 415, 251–260.
45. Roy, R. P., & Sinha Roy, S. (2017). Financial contagion and volatility spillover: an exploration into Indian commodity derivative market. *Economic Modelling*, 67(C), 368–380.
46. Andries, A., & Galasan, E. (2020). Measuring financial contagion and spillover effects with a state-dependent sensitivity value-at-risk model. *Risks*, 8, 5–25.
47. Aderajo, O. M., & Olaniran, O. D. (2021). Analysis of financial contagion in influential African stock markets. *Future Business Journal*, 7(1), 1–9.
48. Mollah, S., Zafirov, G., & Quoreshi, A. S. (2014). Financial market contagion during the global financial crisis. *Center for Innovation and Technology Research Electronic Working Paper Series*, 2014/05, 39.
49. Paskaleva, M., & Stoykova, A. (2021). Globalization effects on contagion risks in financial markets. *SHS Web of conferences "Globalization and its socio-economic consequences 2020"*, 92, 03021.
50. Radev, D. (2022). Economic crises and financial contagion. *Financial market contagion through the internal capital markets of global banks*.
51. Duarte, F., & Collin, J. (2019). Empirical network contagion for U.S. financial institutions. *Federal Reserve Bank of New York Staff Reports*, 826, 61.
52. Dungey, M., Luciani, M., Matei, M., & Verdas, D. (2015). Surfing through the GFC: Systemic risk in Australia. *Discussion Paper Series of Tasmanian School of Business and Economics University of Tasmania*, 2015-01, 19.
53. Fijorek, K., Jurkowska, A., & Jonek-Kowalska, I. (2021). Financial contagion between the financial and the mining industries – Empirical evidence based on the symmetric and asymmetric CoVaR approach. *Resources Policy*, 70, 101965.
54. Franch, F., Nocciola, L., & Vouldis, A. (2022). Temporal networks in the analysis of financial contagion. *ECB Working Paper*, 2667, 53.
55. Li, Z., Zhou, Q., Chen, M., & Liu, Q. (2021). The impact of COVID-19 on industry-related characteristics and risk contagion. *Finance Research Letters*, 39, 101931.
56. Forbes, K. J. (2012). The “Big C”: Identifying contagion. *NBER Working Paper Series*, 18465.
57. Harvey, C. R., & Siddique, A. (2000). Conditional skewness in asset pricing tests. *Journal of Finance*, 55(3), 1263–1295.
58. Fry, R., Martin, V. L., & Tang, C. (2010). A new class of tests of contagion with applications. *Journal of Business and Economic Statistics*, 28(3), 423–437.
59. Hui, E. C. M., & Chan, K. K. K. (2012). Are the global real estate markets contagious? *International Journal of Strategic Property Management*, 16(3), 219–235.
60. Malkina, M. Yu., & Ovcharov, A. O. (2022). Financial Contagion of Russian Companies from the Oil Market under the Influence of Sanctions and Pandemic Shock. *Financial Journal*, 14(4), 8–28. (In Russ.).

Вклад авторов

М. Ю. Малкина – разработка концепции статьи, описание методологии, сбор баз данных, проведение расчетов, анализ результатов, выводы, общее редактирование.

Р. В. Балакин – анализ теоретических подходов, обзор литературы, общее оформление.

The author's contributions

M. Yu. Malkina – developed the article concept, described the methodology, compiled databases, performed calculations, analyzed the results, made conclusions, performed general editing.

R. V. Balakin – analyzed theoretical approaches, reviewed literature, performed general article completion.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 16.04.2023

Дата принятия в печать / Accepted 28.05.2023

ПОЗНАНИЕ

Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022.

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 23 сентября в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2022, организуемого Кабинетом Министров Республики Татарстан под эгидой Правительства Российской Федерации.

Широкий круг рассмотренных на конференции теоретико-методологических и практикоориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов связан с приоритетами правового развития цифровых технологий, перспективами правового регулирования цифрового профилирования, экспериментальными и специальными правовыми режимами в сфере создания цифровых инноваций, интеллектуальными правами, трудовыми и связанными с ними отношениями, блокчейн-технологиями, криптовалютой, децентрализованными финансами в правовых реалиях, искусственным интеллектом, робототехникой и др.

Нашедшие отражение в сборнике идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341

УДК 343.9:336:004

Э. Л. СИДОРЕНКО¹

¹ Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России,
г. Москва, Россия

DEFI-ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Сидоренко Элина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел России

E-mail: 12011979@list.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3744-0382, AuthorID: 434856

Аннотация

Цель: разработка криминологической концепции *DeFi*-преступности и мер по ее сдерживанию.

Методы: диалектический материализм и основанные на нем общенаучные методы познания, используемые в отечественной криминологии.

Результаты: разработана криминологическая концепция *DeFi*-преступности как разновидности цифровой преступности, т. е. предложена новая частная криминологическая теория *DeFi*-преступности (*DeFi*-криминология) в структуре цифровой криминологии. Определены информационные факторы, влияющие на состояние, структуру и тенденции *DeFi*-преступности, и предложены меры по ее сдерживанию криминологическими и технологическими средствами.

Научная новизна: представленная работа является первым и единственным исследованием, проведенным в рамках цифровой криминологии, отражающим состояние, тенденции и структуру *DeFi*-преступности, раскрывающим основные причины, ее формирующие, а также описывающим варианты сдерживания этого вида цифровой преступности технологическими и криминологическими средствами.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в правоприменительной деятельности при оценке потенциальных угроз от *DeFi*-преступности и выработке мер по их снижению, в образовательной деятельности – в процессе преподавания курсов криминологии, киберкриминологии, цифровой криминологии, в научно-исследовательской деятельности – получения дополнительных знаний по отдельным видам *DeFi*-преступности: *DeFi*-кражам и *DeFi*-мошенничеству в процессе их дальнейшего исследования в рамках *DeFi*-криминологии.

Ключевые слова: криминология, киберкриминология, цифровая криминология, *DeFi*-криминология, преступность, цифровая преступность, предупреждение преступности, *DeFi*-преступность, децентрализованные финансы, *DeFi*-кража, *DeFi*-мошенничество.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Сидоренко Э. Л. *DeFi*-преступность: состояние, тенденции и криминологические модели // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 327–341. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341

© Сидоренко Э. Л., 2023

© Sidorenko E. L., 2023

Scientific article

E. L. SIDORENKO¹

¹ Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

DEFI-CRIME: CONDITION, TRENDS AND CRIMINOLOGICAL MODELS

Elina L. Sidorenko, Doctor of Law, Professor, Director of the Center for digital economy and financial innovations, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, MGIMO University

E-mail: 12011979@list.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4741-0184>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-9046-2015>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 3744-0382, AuthorID: 434856

Abstract

Objective: to develop a criminological concept of DeFi-crime and measures to deter it.

Methods: dialectical materialism and the general scientific methods of cognition based on it, used in the Russian criminology.

Results: a criminological concept of DeFi-crime as a type of digital crime was developed, i.e. a new specific criminological theory of DeFi-crime (DeFi-criminology) within the structure of digital criminology was proposed. The information factors influencing the DeFi-crime state, structure and trends were determined, and measures for its deterrence by criminological and technological means were proposed.

Scientific novelty: the presented work is the first and only study conducted within the framework of digital criminology, reflecting the state, trends and structure of DeFi-crime, revealing the main causes that form it, as well as describing options for deterring this type of digital crime by technological and criminological means.

Practical significance: the study results can be used in law enforcement activities when assessing potential threats from DeFi-crime and developing measures to reduce them; in educational activities – in the process of teaching courses in criminology, cybercriminology, digital criminology; in research activities – when obtaining additional knowledge on certain types of DeFi-crime: DeFi-theft and DeFi-fraud during their further research in DeFi-criminology.

Keywords: Criminology, Cybercriminology, Digital criminology, DeFi-criminology, Crime, Digital crime, Crime prevention, DeFi-crime, Decentralized finance, DeFi-theft, DeFi-fraud

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Sidorenko, E. L. (2023). Defi-crime: condition, trends and criminological models. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 327–341. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.327-341

Введение

Развитие новых финансовых технологий заметно повлияло на состояние, структуру и динамику преступности, вызвав к жизни ранее не встречавшиеся формы противоправной деятельности. И хотя правоохранительные органы указывают на некоторое снижение уровня преступности в сфере информационных технологий¹, на практике этот спад оборачивается ростом латентной цифровой преступности. К сожалению, правоохранительная система оказалась не готова к выявлению и расследованию преступлений в цифровой сфере. В числе причин можно назвать и недостаточность знаний о технических особенностях совершаемых деяний, и отсутствие криминалистических моделей расследования цифровых финансовых преступлений,

¹ Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852/> (дата обращения: 20.03.2023).

и рассогласованную позицию государств и международных организаций в вопросах регулирования новых финансовых инструментов.

Одним из самых латентных и вместе с тем стремительно растущих сегментов цифровой преступности стали посягательства, совершаемые с использованием децентрализованных финансов (*DeFi*-преступность). Децентрализованные финансы (*DeFi*) как продукт блокчейн-технологий появились в 2018–2019 гг., но уже в 2021 г. их капитализация достигла невероятных показателей. Как отмечается в докладе Банка России, за период с января 2019 г. по март 2022 г. она возросла, по одним источникам, с 1 до 77 млрд долл. США, по другим – до 200 млрд долл. США [1].

По данным зарубежных статистических агентств, по состоянию на апрель 2023 г. рынок *DeFi* составил 77,29 млрд долларов США при общем количестве пользователей 6,68 млн человек². Рост популярности *DeFi* объясняется как самой технологией распределенного реестра и разнообразием возможных цифровых проектов, так и уникальной структурой отношений между пользователями. Фактически *DeFi* представляют собой новую философию финансов, исключая вертикальный контроль и посредников. Пользователи свободны в своей финансовой деятельности, а децентрализованные финансы лишь помогают выбрать оптимальную клиентскую стратегию. Популярность *DeFi* среди пользователей объясняется анонимностью расчетов, отсутствием географических привязок, ощущением самостоятельности и возможности получения более высокой доходности, в том числе за счет спекуляций на волатильности криптоактивов и др. [1, 2].

В наиболее общих чертах децентрализованные финансы представляют собой блокчейн-приложения, использование которых невозможно без смарт-контракта с внедренным в него протоколом.

Отличительной чертой *DeFi* является то, что отношения между сторонами строятся по принципу горизонтальных связей *P2P*, а операции осуществляются в автоматическом режиме в соответствии с протоколом контракта. Горизонтальный характер отношений предполагает, что каждый пользователь самостоятелен в своих решениях и в полном объеме отвечает за сохранность собственных средств. *DeFi* исключают и наличие внешнего регулятора в виде национального банка или финансовой организации.

Система децентрализованных финансов включает в себя ряд важных, не имеющих аналогов в традиционной финансовой системе элементов:

- стейблкоины – блокчейн-активы, стоимость которых привязана к фиатным валютам или биржевым товарам;
- децентрализованные криптокошельки – специальные программы, позволяющие пользователям хранить, учитывать и отчуждать криптовалюту и иные блокчейн-активы и обеспечивать доступ к ним при помощи публичного и приватного ключа – криптографического кода;
- межсетевые мосты – технологии, обеспечивающие передачу информации от одной сети блокчейна к другой;
- платформы взаимного кредитования – проекты финансирования, где сторонами выступают физические лица без участия банков и кредитных организаций;
- децентрализованные криптобиржи (*Decentralized Exchange, DEX*) – цифровые площадки купли-продажи криптовалюты *P2P* при помощи протоколов смарт-контрактов. Фактически это площадки-посредники между пользователями для оборота активов по принципу однорангового обменника;
- сервисы страхования – децентрализованные проекты, где страхователем выступает не компания, а пользователи, которые предоставляют свои средства в пул ликвидности сервиса. При этом страховая премия зависит от актива, вероятности рисков, протокола смарт-контракта и других факторов;
- сервисы управления – программы, позволяющие участвовать в принятии решений относительно будущего проекта на основании наличия токена управления (*governance tokens*);

² Decentralized Finance (DeFi) – statistics & facts. URL: <https://www.statista.com/topics/8444/decentralized-finance-defi/> (дата обращения: 20.03.2023).

– агрегаторы – программы, собирающие сведения из других *DeFi*-сервисов и предоставляющие пользователям наиболее выгодные возможности;

– платформы ликвидного скейтинга – проекты, в рамках которых пользователи «замораживают» свои активы в специальном контракте, а затем получают пассивный доход за то, что удостоверяют транзакции в сети;

– оракулы – это своеобразные агенты, которые подтверждают наступление конкретных юридических фактов из внешней среды и передают эти данные в смарт-контракт. Показательно то, что для самого *DeFi*-сервиса оракулы являются внешним участником. Обращение к ним обычно «зашивается» в смарт-контракт, и только через это взаимодействие обеспечивается их работа в децентрализованной системе [3].

Особая архитектура *DeFi* расширяет горизонты понимания цифровых отношений и их форматов, но вместе с тем таит в себе ряд рисков технического, экономического и правового характера. Вопрос о рисках *DeFi*-сервисов в современной доктрине является одним из самых обсуждаемых.

В числе основных рисков децентрализованных финансов исследователи называют: уязвимости *DeFi*-протоколов [4]; высокую волатильность монет [5]; сложное устройство межсетевых мостов [6], формат отношений *P2P* между участниками экосистемы [7], отсутствие четкого взаимодействия между централизованными и децентрализованными финансами [8] и др.

Интерес представляет работа С. Каура, С. Синха и др. [9]. Авторы не ограничиваются перечислением отдельных уязвимостей *DeFi*, а предлагают многофакторный анализ рисков этой технологии. В числе ключевых уязвимостей они называют:

- операционные риски (потери закрытых ключей, риски обновления, управления и компонуемости);
- технические риски (риски смарт-контрактов, риски майнеров, транзакционные риски и риски оракулов);
- финансовые уязвимости (риски ликвидности, рыночные и кредитные риски);
- правовые и нормативные риски (отсутствие регулирования либо избыточная регламентация) [9].

Перечисленные выше факторы негативно влияют на общий криминологический фонд использования *DeFi*-сервисов: технологические уязвимости позволяют с легкостью обходить защиту и организовывать массированные кибератаки, которые будут описаны ниже, а отсутствие правового регулирования фактически нивелирует все меры оперативного и процессуального сдерживания *DeFi*-преступности.

На правовых рисках новых технологий как факторе воспроизводства криминальной активности хотелось бы остановиться особо. Сегодня *DeFi*-сервисы не имеют однозначного правового статуса во многом из-за непонимания того, что должно выступать ключевым идентификационным критерием: технология, смарт-контракт, продуктовая сфера, правовые риски либо особый правовой статус участников правоотношений. Развитие *DeFi* обострило и дискуссию о том, какой из принципов должен быть положен в основу правового регулирования: технологически нейтральный или технологически релевантный подход [3].

Фактически децентрализованные финансы в России и зарубежных странах находятся вне закона. С одной стороны, точечное и очень осторожное регулирование технологии распределенного реестра практически не затрагивает сущностных характеристик *DeFi*-сервисов и не может упорядочить отношения между пользователями.

С другой – использование продуктового принципа регулирования – «те же риски, те же правила» – затрудняется тем, что существующие между сторонами отношения регулируются в формате *peer-to-peer* (*P2P*), а это, как известно, исключает применение к *DeFi* традиционного регулирования страхования, кредитования, построенного на принципах *B2P*.

Пробельность правового регулирования *DeFi* и техническая уязвимость кода предопределяют стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием децентрализованных финансов. Устойчивость моделей преступлений, единство детерминационного комплекса и мотивационной составляющей позволяют говорить о формировании принципиально нового криминологического феномена – *DeFi*-преступности.

В рамках настоящего исследования ее можно определить как устойчивое криминологическое явление, совокупность преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных сервисов (бирж, платформ взаимного кредитования, страхования, управления, ликвидного стейкинга и др.) с использованием стейблкоинов,

децентрализованных криптокошельков, межсетевых мостов и (или) оракулов. *DeFi*-преступность технологически связана с развитием распределенных реестров, и ключевым фактором ее воспроизводства являются уязвимости децентрализованных финансов.

Как и любой другой сегмент преступности, *DeFi*-преступность имеет ряд устойчивых признаков и свойств, выраженных в состоянии, структуре и динамике посягательств.

В настоящее время как никогда важно не только обозначить предметные границы *DeFi*-преступности как нового криминологического явления, но и показать тенденции ее развития и сформировать правильный запрос практики на выявление, анализ и предупреждение данных преступлений.

Именно поэтому в рамках настоящего исследования будут последовательно рассмотрены и решены следующие вопросы:

- оценка основных криминологических трендов *DeFi*-преступности;
- рассмотрение видов *DeFi*-преступности с выделением моделей криминальной активности в сфере децентрализованных финансов;
- определение ключевых задач предупреждения этого сегмента цифровой преступности без привязки к проблемам квалификации преступлений.

В основу настоящей работы положен объемный теоретический и статистический материал. Эмпирическую базу исследования составила аналитика международных организаций. Проанализированы доклады Банка международных расчетов [10], ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег – *Financial Action Task Force, FATF*) [11], Международной комиссии по ценным бумагам (*IOSCO*) [12], Совета по финансовой стабильности [13], отчет Всемирного экономического форума [14] и другие, изучены материалы крупных экспертных центров (*Chainalysis* [15], юридического колледжа Американского университета [16] и др.), проработан доклад Банка России «Децентрализованные финансы» [1], изучены работы отечественных и зарубежных исследователей, а также материалы судебной практики.

Результаты исследования

Состояние и динамика *DeFi*-преступности

Согласно зарубежным исследованиям, в 2022 г. каждый второй мошеннический проект в сфере оборота криптовалюты был связан с *DeFi*. Это объясняется в первую очередь ажиотажем вокруг сектора. Только в 2021 г. с протоколов *DeFi* было украдено около 2,7 млрд долларов США³. В целом темпы прироста *DeFi*-хищений в 2022 г. в 13 раз превысили показатели 2021 г., а *DeFi*-легализации – в 19 раз⁴. По данным аналитиков *Chainalysis*, в 2022 г. у криптовалютных компаний украли около 3 млрд долларов США посредством взлома платформ децентрализованных финансов (*DeFi*)⁵.

Интересные данные о масштабах и динамике *DeFi*-преступности представлены в докладе *Crystal Blockchain*⁶. В нем, в частности, отмечается, что за годы существования децентрализованных финансов произошел 231 взлом *DeFi*, 135 крупных хакерских *DeFi*-атак и 95 мошенничеств. Ущерб от преступлений совокупно составил 16,7 млрд долларов (более 4,5 млрд долларов в результате хакерских атак, около 7,5 млрд долларов с помощью мошенничества и более 4,81 млрд долларов с помощью взломов кода *DeFi*).

³ The 2022 Crypto Crime Report Original data and research into cryptocurrency-based crime. URL: <https://go.chainalysis.com/rs/503-FAP-074/images/Crypto-Crime-Report-2022.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Там же.

⁵ The 2023 Crypto Crime Report. Everything you need to know about cryptocurrency-based crime. URL: https://ohmyswift.ru/Crypto_Crime_Report_2023.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Crypto & DeFi Security Breaches, Fraud & Scams Report. Discover the largest hacks, scams and security breaches involving crypto and DeFi that have taken place since 2011. URL: <https://crystalblockchain.com/security-breaches-and-fraud-involving-crypto/> (дата обращения: 20.03.2023).

Если в 2019 г. самым прибыльным считался взлом централизованных криптовалютных бирж, то в 2022 г. соотношение централизованных и децентрализованных площадок обмена криптовалюты составляет 1 : 13⁷.

В новом докладе Министерства финансов США также отмечена тревожная динамика роста *DeFi*-преступности⁸. Преступники, как правило, используют уязвимости в режимах регулирования, надзора и правоприменения в сфере ПОД/ФТ.

В 2022 г. ущерб от криптопреступлений составил 13,76 млрд долларов США. Из них: отмывание денег – 7,33 млрд долларов США, кибератаки/эксплойты – 3,6 млрд долларов США, финансовые пирамиды – 1 млрд долларов США и мошенничество – 830 млн долларов США⁹. При этом наиболее уязвимыми для совершения преступлений были *DeFi*-сервисы и особенно межсетевые мосты. Так, только взлом моста принес преступникам 1,89 млрд долларов в 2022 г.

Анализ большого массива статистических и научных данных позволил выделить ряд устойчивых тенденций развития *DeFi*-преступности:

- постепенно очерчивается криминальная специализация преступников. Если ранее на *DeFi* совершались атаки с целью демонстрации уязвимости системы, то уже в 2022 г. стало увеличиваться число высокоорганизованных преступлений четкой направленности;

- основными видами криминальной специализации *DeFi*-преступников являются кража цифровых активов, мошенничество, легализация преступных доходов и др.;

- увеличивается материальный ущерб от преступных посягательств на *DeFi*-сервисы. Так, в 2022 г. такие преступления причинили ущерб в размере 32,6 млн долларов, что вдвое превысило показатели 2021 г.;

- наряду с ростом ущерба снижается общее количество взломов. В 2022 г. кибератаки повторялись в среднем раз в четыре дня, а годом ранее – один раз в три дня, что является лишним свидетельством ориентации преступников на совершение высокоорганизованных посягательств;

- изменяются и представления об уязвимости используемых технологий. Если ранее лидером по количеству сбоев была технология *Ethereum*, то в настоящее время – *Binance Smart Chain (BSC)*;

- самыми уязвимыми для преступных посягательств были и остаются межсетевые мосты (*chain hopping*), которые позволяют пользователям обмениваться информацией между различными блокчейнами. По экспертным оценкам, в 2022 г. из этих сервисов было украдено более 1,2 млрд долларов – почти 70 % от всех взломов. Это вдвое больше, чем в 2021 г., когда было похищено 640 млн долларов¹⁰;

- современная *DeFi*-преступность демонстрирует высокую адаптивность и гибкость к изменяющимся условиям. В случаях активного противодействия со стороны государственных органов и международных организаций преступники достаточно быстро меняют направление своей деятельности.

В качестве примера можно привести последствия ограничительной политики в отношении *DeFi*-сервиса *Tornado Cash*. Усложнение превентивных механизмов привело к тому, что хакеры в течение месяца изменили свою специализацию и занялись легализацией преступных доходов. В итоге за октябрь 2022 г. преступниками через межсетевые мосты было легализовано более 295 млн долларов США¹¹;

- существенно осложнились способы совершения преступлений. Сегодня преступники не ограничиваются использованием одноранговых технологий, а выстраивают цепочки движения денежных средств не только в рамках *DeFi*-пространства, но и с использованием централизованных финансовых блокчейн-институтов. Взлом криптовалютного кошелька сопровождается переводом похищенных средств через межсетевые мосты

⁷ Там же.

⁸ Illicit Finance Risk Assessment of Decentralized Finance. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/DeFi-Risk-Full-Review.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

⁹ Доклад исследовательской фирмы Beosin EagleEye. URL: https://beosin.com/resources/Global_Web3_Security_Report_2022.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁰ Top Five DeFi Crime Trends of 2022. Crypto Theft Fraud Mixers DeFi Investigations and Reporting. URL: <https://hub.elliptic.co/analysis/top-five-defi-crime-trends-of-2022> (дата обращения: 20.03.2023).

¹¹ Там же.

в другие блокчейны, дроблением и направлением на централизованные криптовалютные биржи и прочим, что существенно снижает возможности правоохранительных органов в части выявления и расследования *DeFi*-преступлений.

Виды *DeFi*-преступлений и криминологические модели их совершения

Кража криптоактивов. Согласно современным исследованиям, этот вид *DeFi*-преступности лидирует как по количеству взломов, так и причиненному ущербу. Так, по данным казначейства США, в 2022 г. злоумышленники украли у владельцев виртуальных активов миллиарды долларов США¹². Причина роста этих преступлений связана с повышенным интересом инвесторов к децентрализованным финансам, открытый характер услуг и уязвимости межсетевых коммуникаций.

Как правило, преступники прибегают к следующим способам краж криптовалюты в *DeFi*-сервисах:

– модель флеш-кредита (*flashloan*, или мгновенного кредита). Мгновенные кредиты – это необеспеченные займы цифровых активов без ограничений по заимствованиям, при которых пользователь занимает средства и возвращает их в одной и той же транзакции. Если пользователь не может погасить кредит, смарт-контракт отменяет транзакцию и возвращает деньги кредитору. Мгновенные кредиты позволяют должникам оперативно получить необходимые средства для краткосрочных операций на крипторынке.

Схема движения средств такова: провайдер мгновенного кредита передает запрошенные активы пользователю; пользователь использует заемные средства в работе с другими смарт-контрактами, после завершения операций он возвращает активы провайдеру мгновенных кредитов, если пользователь вернул недостаточно средств, провайдер немедленно отменяет транзакцию¹³.

В рамках мгновенных кредитов преступник, как правило, использует приток привлеченных средств для манипулирования ценами на криптоактивы через различные *DeFi*-сервисы. Его конечной целью является получение доступа к управлению смарт-контрактом или протоколом с дальнейшим изменением кода и выводом ликвидности.

Возможна также ситуация, когда лицо манипулирует базовым кодом контракта и размещает в системе запись транзакции о возврате кредита, в то время как он либо погашен частично, либо не погашен вовсе.

Приведем несколько ярких примеров использования этой модели хищения криптоактивов.

В 2020 г. платформа децентрализованного финансирования *Cheese Bank* понесла убытки в размере 3,3 млн долларов в результате использования мгновенных кредитов. Преступники брали заем, обменивали средства на другие активы, депонировали их и повторно брали заем на еще большее количество токенов. Тем самым они манипулировали ценой определенного токена на одной бирже¹⁴.

В апреле 2020 г. хакер украл цифровые активы на сумму 25 млн долларов США у *Lendf.Me*. Он использовал уязвимость повторного входа, чтобы манипулировать внутренней записью *Lendf.Me* о залоге. Преступник сначала внес значительную сумму актива *imBTC* в качестве залога, впоследствии инициировал еще один депозит *imBTC*, но в рамках обратного вызова и до фактического перевода *imBTC* снял свой первоначальный депозит *imBTC*. В протоколе блокчейна залоговый баланс злоумышленника увеличился до 25 млн долларов США, после чего он вывел ликвидность через *DeFi*-обменник. Под давлением властей преступник вернул средства¹⁵.

¹² Illicit Finance Risk Assessment of Decentralized Finance. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/DeFi-Risk-Full-Review.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

¹³ DeFi flash loans explained. A brief explanation of what flash loans are, how they impact the crypto ecosystem, and ways to prevent flash loan attacks. URL: <https://www.moonpay.com/learn/defi/defi-flash-loans> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁴ Cheese Bank's multi-million-dollar hack explained by security firm URL: <https://cointelegraph.com/news/cheese-bank-s-multi-million-dollar-hack-explained-by-security-firm> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁵ How the dForce hacker used reentrancy to steal 25 million. URL: <https://quantstamp.com/blog/how-the-dforce-hacker-used-reentrancy-to-steal-25-million> (дата обращения: 20.03.2023).

Представляет интерес и случай хищения 55 млн долларов США с *DeFi*-платформы для заимствования/кредитования и маржинальной торговли *BZx*. Лица получили кредит в размере 10 млн долларов в криптоактивах через экспресс-кредит, не внося при этом залога. Затем они провели эти средства через несколько протоколов *DeFi*. По сообщениям руководства организации, причиной стало раскрытие закрытого ключа к адресу с криптоактивами¹⁶;

– модель «эксплойта кода». Экспloit (англ. *exploit* – «эксплуатировать») кода представляет собой программу, использующую уязвимости *DeFi*-сервисов для совершения атак. С целью совершения хищения криптоактивов преступники находят уязвимости в смарт-контрактах и с их помощью выводят денежные средства с кошельков пользователей. В отдельных случаях они прибегают к совместному использованию эксплойтов и торговых ботов.

Так, в 2020 г. хакер украл криптовалютные активы на сумму около 24 млн долларов из службы децентрализованных финансов (*DeFi*) *Harvest Finance*. Он инвестировал большое количество криптовалютных активов в сервис, а затем использовал криптографический экспloit, чтобы перекачать средства платформы на свои кошельки. *DeFi*-сервис признал, что атака произошла из-за уязвимости системы¹⁷.

В ноябре 2022 г. *DeFi*-компания *Solend* пострадала от эксплойта в отношении оракулов ценообразования. Ее совокупные потери составили 1,26 млн долларов. Экспloit был нацелен на стейблкоины *Hubble (USDH)* и затронул кредитные пулы *Stable, Coin98* и *Kamino*¹⁸.

В октябре 2022 г. *Mango Markets* – *DeFi*-компания взаимного кредитования и трейдинга на базе блокчейна Солана – потеряла более 100 млн долларов из-за эксплойта, который манипулировал ценой *MNGO*¹⁹;

– модель хакинга. Хакинг в *DeFi*-сервисах представляет собой противоправную модификацию либо смарт-контракта, либо его протокола.

В *DeFi*-отрасли прослеживается закономерность: чем дольше работает сервис, тем он безопаснее ввиду того, что разработчики сами устраняют программные ошибки.

Наибольшее количество хакинга в *DeFi* наблюдается при использовании межсетевых мостов. Они держат у себя большое количество токенов, при этом их протоколы, как правило, открыты. С одной стороны, открытость доказывает честность организаторов и отсутствие у них мошеннических намерений. С другой – подобрать ключи к протоколам таких сервисов гораздо проще, чем к защищенным криптобиржам. Все это обеспечивает блокчейн-мостам наивысший риск взлома и кражи. По оценкам экспертов, в результате 13 атак в августе 2022 г. злоумышленники похитили из межсетевых мостов криптовалюту на сумму \$2 млрд, что составляет 69 % всех украденных криптоактивов в 2022 г.²⁰ За один только октябрь 2022 г. было взломано три моста и украдено почти 600 млн долларов²¹.

***DeFi*-мошенничество.** Мошенничество в сфере децентрализованных финансов демонстрирует тревожную динамику роста во многом из-за увеличения капитализации *DeFi* и повышения их инвестиционной привлекательности.

¹⁶ Around the Block #3: analysis on the bZx attack, DeFi vulnerabilities, the state of debit cards in crypto, and other crypto news. URL: https://www.coinbase.com/blog/around-the-block-analysis-on-the-bzx-attack-defi-vulnerabilities-the-state-of-debit-cards-in?__cf_chl_f_tk=.SdMzsbVHjA7w_VpmcsHIsGYrHqiuMLOd6CBbJjBKhc-1673089889-0-gaNycGzNCdE (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁷ Home Tech Security Hacker steals \$24 million from cryptocurrency service «Harvest Finance». URL: <https://www.zdnet.com/article/hacker-steals-24-million-from-cryptocurrency-service-harvest-finance/> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁸ DeFi Protocol Solend Struck by \$1.26M Oracle Exploit URL: <https://www.coindesk.com/business/2022/11/02/defi-protocol-solend-struck-by-126m-oracle-exploit/> (дата обращения: 20.03.2023).

¹⁹ Solana-Based Decentralized Finance Platform Mango Hit by \$100 Million Exploit. URL: <https://www.coindesk.com/business/2022/10/11/breaking-news-solana-based-decentralized-finance-platform-mango-hit-by-potential-100-million-exploit/> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁰ Chainalysis says \$2 bln stolen in cross-chain bridge hacks this year, more expected. URL: <https://forkast.news/chainalysis-2-blncross-chain-bridge-hacks-rogue/> (дата обращения: 20.03.2023).

²¹ China's Judicial Blockchain Platform Used to Store Evidence Sees 18% More Activity. URL: <https://tokenist.com/chinas-judicial-blockchain-platform-used-to-store-evidence-sees-18-more-activity/> (дата обращения: 20.03.2023).

По данным ФБР США, в 2021 г. общее количество жалоб, связанных с криптоактивами, сократилось примерно на 3 %, но при этом сумма убытков от мошенничества увеличилась на 600 %, с 246 млн долларов в 2020 г. до 1,6 млрд долларов США в 2021 г.²²

Как правило, преступники используют следующие способы совершения мошенничеств:

– модель привлечения инвестиций в *DeFi*-проект. Мошенники вносят средства в пул ликвидности, привлекают новых инвесторов, увеличивают цену виртуального актива, погашают обязательства перед инвесторами первой очереди за счет вкладчиков второй очереди, а потом выводят активы при помощи вредоносного кодирования смарт-контракта.

Ярким примером финансовой *DeFi*-пирамиды является проект *Terra* с использованием токенов *Luna (LUNA)* и *TerraUSD (UST)*. Автор проекта До Квон предложил покупателям *Terra* передать ему токены по договору займа под 20 % годовых. За несколько месяцев проект собрал 15 млрд долларов США. Когда инвесторы усомнились в надежности проекта, на рынке началось беспокойство и отток инвестиций. В итоге инвесторы потеряли деньги, а в отношении До Квона было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества²³.

Еще один пример финансовой пирамиды приводится в докладе Казначейства США. В июне 2022 г. гражданину Вьетнама Ле Ань Туану предъявили обвинение в совершении мошенничества с использованием электронных средств связи. Туан с соучастниками создал проект *Daller Ape Club*, который продавал *NFT* в виде различных мультяшных фигурок. После того как фигурки были проданы, он завершил проект, удалил его веб-сайт и вывел деньги инвесторов²⁴;

– модель инвестирования на мошеннической инвестиционной платформе. На протяжении некоторого времени лица демонстрируют успешность инвестирования на платформе, привлекают новых пользователей и повышают доходность. Затем они предлагают разместить криптоактивы в новый прибыльный проект через приложение кошелька виртуальных активов, используют уязвимости кошелька и получают доступ ко всем привлеченным средствам.

Легализация преступных доходов с использованием *DeFi*. В настоящее время отмывание преступных доходов в *DeFi* является одним из этапов преступной деятельности, связанной с хищением криптоактивов.

DeFi-сервисы используются преступниками для запутывания транзакций перемещения и дробления преступных доходов и др.

Можно выделить несколько основных моделей легализации доходов в *DeFi*:

– модель использования децентрализованных бирж. Популярность данного способа легализации связана с тем, что децентрализованные биржи, в отличие от централизованных, не подпадают под контроль ФАТФ. Но вместе с тем они позволяют при желании отследить все транзакции, поскольку последние отражаются не в реестре биржи, а в смарт-контрактах. Чаще всего преступники прибегают к одновременному использованию децентрализованных бирж и миксеров. Преступные доходы размещаются на децентрализованных кошельках, затем обмениваются на биржах на другие токены. Последние депонируются на централизованных биржах и конвертируются в фиатную валюту;

– модель использования межсетевых мостов. Преступник отправляет криминальные токены на межсетевой мост и получает новые цифровые монеты. Позднее он обменивает их на стейблкоины *DeFi*, а их, в свою очередь, конвертирует на бирже. В случае применения данной модели внимание правоохранителей должен

²² FBI, 2021 Internet Crime Report, (2021). URL: https://www.ic3.gov/Media/PDF/AnnualReport/2021_IC3Report.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

²³ Kerner at Blockchain Coinvestors says Terra was a Ponzi strategy. URL: <https://forkast.news/kerner-terra-ponzi-strategy-blockchain-coinvestors/> (дата обращения: 20.03.2023); Is Terra LUNA a Ponzi Scheme? How to Buy Terra LUNA 2022. URL: <https://www.analyticsinsight.net/is-terra-luna-a-ponzi-scheme-how-to-buy-terra-luna-2022/> (дата обращения: 20.03.2023); Is Terra LUNA an Archetype of Ponzi Schemes? The Answer Lies in Its Timeline. URL: <https://cryptonews.net/editorial/analytics/is-terra-luna-an-archetype-of-ponzi-schemes-the-answer-lies-in-its-timeline/> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁴ Illicit Finance Risk Assessment of Decentralized Finance. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/136/DeFi-Risk-Full-Review.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

вызывать тот факт, что лицо часто получает токены с адресов, связанных с межсетевыми мостами, и не может объяснить причину этих транзакций.

Известен случай, когда один межсетевой мост использовался для отмывания доходов от программ-вымогателей, полученных от более чем 13 криминальных сервисов [17];

– модель использования *DeFi*-миксеров. Лицо получает преступным путем некоторые цифровые активы, отправляет их на адрес криптовалютного миксера и получает «чистые» токены, после чего переводит их на централизованную или децентрализованную биржу и конвертирует в фиатную валюту. В рамках рискориентированного подхода на такую схему легализации могут указывать: частое получение клиентом биржи входящих переводов от децентрализованных миксеров, совершение частых переводов с участием миксеров. В настоящее время преступники не ограничиваются миксерами, а дополняют схемы использованием децентрализованных обменных площадок, покупкой *NFT* и других криптоактивов.

В рамках настоящего исследования *DeFi*-преступность рассматривается как совокупность преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных сервисов (бирж, платформ взаимного кредитования, страхования, управления, ликвидного стейкинга и др.) с использованием стейблкоинов, децентрализованных криптокошельков, межсетевых мостов и (или) оракулов. Мы намеренно оставляем за рамками исследования посягательства, опосредованно связанные с *DeFi*, но технологически не привязанные к этим сервисам.

По этому основанию к числу *DeFi*-преступлений сложно отнести вымогательство с использованием децентрализованных сервисов, поскольку сегодня вирусы-вымогатели существуют преимущественно в централизованных сервисах, а *DeFi* используются исключительно для перевода средств и запутывания цепочек транзакций.

Трудно отнести к рассматриваемому сегменту преступности и незаконный оборот наркотиков, поскольку сбыт наркотических средств, психотропных веществ и иных запрещенных предметов осуществляется в Даркнете и, как правило, не предполагает использование блокчейна. Равно как и в вымогательстве, *DeFi* используются здесь преимущественно для придания доходам легального характера.

Меры уголовно-правовой превенции *DeFi*-преступности

Вопрос об уголовно-правовой превенции преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных финансов, в настоящее время не только не решен, но и должным образом не поставлен. Во многом это объясняется тем, что ни в России, ни в мире не проработан правовой статус *DeFi*-сервисов и не предложены алгоритмы квалификации преступлений, совершаемых с использованием этой технологии.

С некоторой долей условности можно говорить о наличии двух методологических подходов к правовому регулированию децентрализованных финансов, которые априори определяют тактическую направленность уголовной политики:

– технологически нейтральный подход. Он предполагает, что децентрализованные сервисы должны регулироваться в зависимости от того, какой продукт они представляют: «схожая деятельность – схожие риски – схожее регулирование»;

– технологически релевантный подход, напротив, ориентирован на максимальный учет технологических особенностей сервисов при максимально осторожных оценках самой возможности правового регулирования. Условно этот подход можно назвать «моделью регулирования Интернета», когда на начальных этапах он практически не регламентировался, а по мере «созревания» технологий под нормативный контроль стали попадать его отдельные продукты и проявления.

Если на начальных этапах появления *DeFi* большинство специалистов предпочитали второй подход, то в связи с развитием децентрализованной преступности все чаще обосновывается необходимость технологически нейтральной позиции.

В частности, Комиссия по биржам и ценным бумагам США (*SEC*) в 2023 г. открыто заявила о том, что регулирование ценных бумаг должно быть в полной мере распространено и на *DeFi*-сервисы, а децентрализованные криптовалютные биржи должны быть приравнены к традиционным биржам ценных бумаг.

Это предложение привело к горячей дискуссии. В Интернете было обнародовано письмо в адрес Комиссии, в котором авторы отметили опасность проецирования права ценных бумаг на новый децентрализованный сектор и необходимость выработки специальных правил. SEC намерены изучить эти доводы, но пока их позиция остается прежней²⁵. О нецелесообразности разработки специальных правил для *DeFi*-сферы говорится и в аналитическом отчете Министерства финансов США²⁶.

Менее категоричной является позиция европейского регулятора. В регламенте Европейского союза о рынках криптоактивов (*MiCA*), принятом Европейским парламентом 20 апреля 2023 г., не регулируются такие новые тренды, как децентрализованные финансы, *NFT* и оракулы. По мнению экспертов, все эти новые явления либо уже имеют регулирование, как в случае с секьюрити-токенами, либо обладают такими специфическими особенностями, что необходимо проводить их дальнейший анализ для настройки нормативно-правовой базы²⁷.

Интересную позицию по данному вопросу занимает ФАТФ. В Путевых правилах (*Travel Rules*) он подчеркивает, что финансовое регулирование не распространяется на программное обеспечение децентрализованных сервисов, а применяется к лицам, которые сохраняют контроль или достаточное влияние на протокол *DeFi*, предоставляющий услуги в сфере цифровых финансов²⁸. Особенно это касается сервисов, имеющих элементы централизации. В частности, в Руководстве ФАТФ по цифровым активам 2021 г. определено, что создатели, владельцы, операторы и другие лица, сохраняющие контроль или влияние в протоколах *DeFi*, даже если эти механизмы кажутся децентрализованными, могут подпадать под определение *VASP* (компаний, оказывающих услуги в сфере цифровых активов), если они предоставляют услуги *VASP* или активно содействуют им²⁹.

Применительно к предупреждению *DeFi*-преступлений важно не только понимать, каков статус децентрализованных финансов, но и четко устанавливать субъекта уголовной ответственности. В этой связи интерес представляет позиция ФАТФ, согласно которой в качестве лица, несущего ответственность за преступления в сфере децентрализованных финансов, следует рассматривать владельца или оператора платформы. Таковыми могут признаваться лица, имеющие контроль или достаточное влияние на активы или работу протокола *DeFi*, а также осуществляющие деловые отношения между ними и пользователями, даже если эти связи строятся на основе смарт-контрактов или протоколов голосования. Если же речь идет об индивидуальном держателе токена, он, по мнению ФАТФ, не несет ответственности, если не осуществляет контроль или достаточное влияние на деятельность *VASP*.

С целью предупреждения преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных финансов, ФАТФ предлагает более детально подходить к структуре сервиса. Если у *DeFi*-предприятия нет централизации и ответственного лица, государство может потребовать, чтобы регулируемый *VASP* участвовал в деятельности, связанной с механизмом *DeFi*, и отвечал за минимизацию рисков такого *DeFi*-сервиса³⁰.

Что же касается Российской Федерации, то и законодательные, и правоохранительные органы оказались не готовы к росту *DeFi*-преступности. Не ставя целью исследования анализ уголовно-правовых проблем

²⁵ SEC Reopens Comment Period for Proposed Amendments to Exchange Act Rule 3b-16 and Provides Supplemental Information. URL: <https://www.sec.gov/news/press-release/2023-77> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁶ DeFi Must Comply With Anti-Money Laundering Rules, US Says. URL: <https://news.bloomberglaw.com/banking-law/defi-needs-to-comply-with-anti-money-laundering-rules-us-says> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁷ EU Markets in Cryptoassets (MiCA) Regulation: What is it and why does it matter? URL: <https://www.bbva.com/en/innovation/eu-markets-in-cryptoassets-mica-regulation-what-is-it-and-why-does-it-matter/> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁸ FATF (2022), Targeted Update on Implementation of the FATF Standards on Virtual Assets/VASPs, FATF, Paris, France. URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/Targeted-Update-Implementation-FATF%20Standards-Virtual%20Assets-VASPs.pdf.coredownload.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).

²⁹ Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. URL.: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.03.2023).

³⁰ URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-virtual-assets-2021.html> (дата обращения: 20.03.2023).

квалификации преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных технологий, ограничимся лишь основными направлениями уголовно-правовой политики в этой сфере с обозначением ключевых проблем и задач.

Начать следует с того, что в российском законодательстве нет не только определения *DeFi*, но и приемлемой трактовки стейблкоинов, сетевых мостов, оракулов и др. Ученые высказывают различные точки зрения относительно легализации *DeFi*: от отрицания важности и полезности их регулирования до отождествления токенов *DeFi*-сервисов с криптовалютой и цифровыми правами [18, 19]. Но, как показывает практика, уголовно-правовая природа *DeFi*-преступлений имеет более сложную природу.

Следует начать с того, что ни в УК РФ, ни в судебной практике не выработаны сколько-нибудь приемлемые представления о том, что такое децентрализованные системы и каким образом могут быть определены входящие в них компоненты. В частности, отсутствует понимание оракулов и межсетевых мостов, нет четкой градации между криптовалютой и стейблкоинами, отсутствует алгоритм квалификации преступлений, связанных с администрированием криминальных децентрализованных сервисов [20–22].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» содержится широкое понимание компьютерной информации как сведений, которые могут находиться в запоминающем устройстве электронно-вычислительных машин и в других компьютерных устройствах либо на любых внешних электронных носителях (дисках, в том числе жестких дисках-накопителях, флеш-картах и т. п.) в форме, доступной восприятию компьютерного устройства, и (или) передаваться по каналам электрической связи. При таком подходе сведения, содержащиеся в децентрализованных сервисах, могут подпадать под регулирование гл. 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» и рассматриваться в качестве предмета преступного посягательства.

Иначе наука и правоприменитель подходит к квалификации преступлений, предметом которых является криптовалюта, стейблкоин или иной криптоактив, обладающий стоимостью [23–29].

В настоящее время практика осторожно, но последовательно вырабатывает подход к признанию криптоактивов предметом хищений и других экономических преступлений. Начало этому процессу положило определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2020 г. № 7У-10543/2020. Суд указал, что размер похищенной криптовалюты может быть установлен на основании заключения эксперта, а сама криптовалюта является предметом хищения³¹. Это решение послужило началом формирования практики квалификации отдельных *DeFi*-преступлений по статьям гл. 21 и 22 УК РФ «Преступления против собственности».

Фактически можно говорить о том, что в России формируются два алгоритма квалификации преступлений, совершаемых в сфере децентрализованных финансов:

- если криптоактивы выступают предметом преступного посягательства против собственности, деяние квалифицируется по соответствующей статье гл. 21 УК РФ;
- если же *DeFi*-технологии выступают способом совершения преступлений, это подпадает под признак использования информационно-телекоммуникационных технологий.

Заключение

DeFi-преступность находится на начальном этапе своего развития, но уже обладает рядом устойчивых признаков, позволяющих рассматривать ее как относительно самостоятельное криминологическое явление. Ее выделяют четкая криминальная специализация преступников, техногенный характер преступлений, высокая степень технологической мимикрии, гибкость и адаптивность способов совершения посягательств, а равно постоянно растущий ущерб от посягательств при сокращении числа потенциальных потерпевших.

³¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2020 г. № 7У-10543/2020 [77-1839/2020].

Основными направлениями развития нового сегмента преступности являются *DeFi*-кражи, *DeFi*-мошенничества и легализация преступных доходов с использованием децентрализованных технологий.

В рамках разработки мер уголовно-правового противодействия *DeFi*-преступности приоритетное значение отдается технологически нейтральному направлению, позволяющему квалифицировать преступление, основываясь на продуктовой принадлежности сервиса, а не на его технологической природе. В рамках настоящего подхода принципиально важным являются следующие вопросы: кто осуществляет операционное управление сервисом, какими полномочиями обладает подписант *DeFi*-протокола и какие из совершенных действий могли охватываться его умыслом.

Список литературы

1. Децентрализованные финансы: информационно-аналитический доклад Банка России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/141992/report_07112022.pdf
2. Алешина А. В., Булгаков А. Л. Воздействие финансовых технологий и децентрализованных финансов (DeFi) на угрозы инфраструктуре национальной экономики // Финансовые рынки и банки. 2023. № 1. С. 121–125.
3. Сидоренко Э. Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // Lex Russica (Русский закон). 2023. № 76(3). С. 87–99. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099>
4. Carter N., Jeng L. DeFi Protocol Risks: The Paradox of DeFi // SSRN Scholarly Paper. 2021. № 3866699. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3866699>
5. The decentralized financial crisis / L. Gudgeon, D. Perez, D. Harz, A. Gervais, B. Livshits // In 2020 crypto valley conference on blockchain technology (CVCBT). IEEE, 2020. Pp. 1–15.
6. Factors Affecting the Adoption of Electronic Marketplaces: A Fuzzy AHP Analysis / H. Fu, Y. Ho, R.C.Y. Chen, T. Chang, P. Chien // International Journal of Operations & Production Management. 2006. № 26(12). С. 1301–1324. DOI: <https://doi.org/10.1108/01443570610710560>
7. Blockchain Smart Contracts: Applications, Challenges, and Future Trends / S. N. Khan, F. Loukil, C. Ghedira-Guegan, E. Benkhelifa, A. Bani-Hani // Peer-to-Peer Networking and Applications. 2021. № 14(5). С. 2901–2925. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12083-021-01127-0>
8. Ozili P. K. Decentralized finance research and developments around the world // J. Bank. Financ. Technol. 2022. № 6. С. 117–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42786-022-00044-x>
9. Risk analysis in decentralized finance (DeFi): a fuzzy-AHP approach / S. Kaur, S. Singh, S. Gupta et al. // Risk Manag. 2023. № 25(13). DOI: <https://doi.org/10.1057/s41283-023-00118-0>
10. Non-Bank Financial Intermediaries and Financial Stability / S. Aramonte, A. Schimpf, Hyun Song Shin // CEPR Discussion Paper No. DP16962. 2022. January. URL: <https://ssrn.com/abstract=4026868>
11. Financial Action Task Force. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers. FATF. Paris, 2021. URL: www.fatf-gafi.org
12. IOSCO Decentralized Finance Report. Report of the Board of IOSCO. URL: <https://www.dirittobancario.it/wp-content/uploads/2022/03/IOSCO-decentralized-finance-report.pdf>
13. Assessment of Risks to Financial Stability from Crypto-assets, February. Financial Stability Board // FSB. 2022. URL: fsb.org
14. International Monetary Fund's global financial stability report October 2021: COVID-19, Crypto, and Climate: Navigating Challenging Transitions. URL: www.elibrary.imf.org
15. Crypto Crime Report. Chainalysis. 2022. URL: chainalysis.com.
16. Hilary J. Allen. DeFi: Shadow Banking 2.0? // American University Washington College of Law Research Paper. № 2022-02.
17. The State of Cross-Chain Crime // Elliptic. 2022, October 4. Pp. 26–27. URL: <https://www.elliptic.co/resources/state-of-cross-chain-crimereport>.
18. Криворучко С. В., Понаморенко В. Е. Тенденции международной практики контроля за оборотом цифровых активов в контексте политики ПОД/ФТ и антикоррупционной политики // Банковское право. 2023. № 1. С. 68–76.
19. Эволюция криптоэкономики и последние тренды децентрализованных финансов / А. Журавлев, Ю. Брисов, Р. Янковский, А. Левашенко // Банковское обозрение. 2020. № 10. С. 32–35.
20. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С. В. Иванцов, Э. Л. Сидоренко, Б. А. Спасенников и др. // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–93.
21. Макарова О. А., Макаров А. Д. Состояние и перспективы развития цифрового законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. № 15(1). С. 5–14. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.5-14>

22. Перов В. А. Проблемные вопросы, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2020. № 7. С. 20–22.
23. Пинкевич Т. В. Проблемы уголовно-правового противодействия преступной деятельности с использованием криптовалют // Юрист-Правовед. 2020. № 4. С. 45–48.
24. Русскевич Е. А. Неправомерный доступ к компьютерной информации: теория и судебная практика // Судья. 2018. № 10. С. 46–49.
25. Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.106.125>
26. Сидоренко Э. Л. Криминологические риски оборота криптовалюты // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 6. С. 147–154.
27. Сидоренко Э. Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // Общество и право. 2016. № 2. С. 147–155.
28. Хисамова З. И. Использование цифровой платежной инфраструктуры для легализации преступных доходов: основные тренды // Russian Journal of Economics and Law. 2022. № 16(2). С. 370–378. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.370-378>

References

1. *Decentralized finance: information-analytical report of the Bank of Russia.* (2022). (In Russ.). https://cbr.ru/Content/Document/File/141992/report_07112022.pdf
2. Aleshina, A. V., & Bulgakov, A. L. (2023). The impact of financial technologies and decentralized finance (DeFi) on threats to the infrastructure of the national economy. *Finansovye rynki i banki*, 1, 121–125. (In Russ.).
3. Sidorenko, E. L. (2023). Legal Status of Decentralized Finance: Towards the Articulation of Issue. *Lex Russica*, 76(3), 87–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099>
4. Carter, N., & Jeng, L. (2021). DeFi Protocol Risks: The Paradox of DeFi. *SSRN Scholarly Paper*, 3866699. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3866699>
5. Gudgeon, L., Perez, D., Harz, D., Gervais, A., & Livshits, B. (2020). The decentralized financial crisis. In *2020 crypto valley conference on blockchain technology (CVCBT)* (pp. 1–15). IEEE.
6. Fu, H., Ho, Y., Chen, R.C.Y., Chang, T., & Chien, P. (2006). Factors Affecting the Adoption of Electronic Marketplaces: A Fuzzy AHP Analysis. *International Journal of Operations & Production Management*, 26(12), 1301–1324. <https://doi.org/10.1108/01443570610710560>
7. Khan, S. N., Loukil, F., Ghedira-Guegan, C., Benkhelifa, E., & Bani-Hani, A. (2021). Blockchain Smart Contracts: Applications, Challenges, and Future Trends. *Peer-to-Peer Networking and Applications*, 14(5), 2901–2925. <https://doi.org/10.1007/s12083-021-01127-0>
8. Ozili, P. K. (2022). Decentralized finance research and developments around the world. *J Bank Financ Technol*, 6, 117–133. <https://doi.org/10.1007/s42786-022-00044-x>
9. Saeed, N., Cullinane, K., Gekara, V. et al. (2021). Reconfiguring maritime networks due to the Belt and Road Initiative: impact on bilateral trade flows. *Marit Econ Logist*, 23, 381–400. <https://doi.org/10.1057/s41278-021-0019>
10. Aramonte, S., Schrimpf, A., & Shin, H. S. (2022, January). Non-Bank Financial Intermediaries and Financial Stability. *CEPR Discussion Paper No. DP16962*. <https://ssrn.com/abstract=4026868>
11. Financial Action Task Force. (2021). *Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*. FATF, Paris. www.fatf-gafi.org
12. *IOSCO Decentralized Finance Report. Report of the Board of IOSCO.* <https://www.dirittobancario.it/wp-content/uploads/2022/03/IOSCO-decentralized-finance-report.pdf>
13. Assessment of Risks to Financial Stability from Crypto-assets, February. Financial Stability Board. (2022). FSB. [fsb.org](https://www.fsb.org)
14. *International Monetary Fund's global financial stability report October 2021: COVID-19, Crypto, and Climate: Navigating Challenging Transitions.* www.elibrary.imf.org
15. Crypto Crime Report. (2022). Chainalysis. chainalysis.com.
16. Hilary, J. Allen. (2022). DeFi: Shadow Banking 2.0? *American University Washington College of Law Research Paper No. 2022-02*.
17. The State of Cross-Chain Crime. (2022, October 4) (pp. 26–27). *Elliptic*. <https://www.elliptic.co/resources/state-of-cross-chain-crimereport>
18. Krivoruchko, S. V., & Ponamorenko, V. E. (2023). Tendencies of the International Practice of Control over Circulation of Digital Assets within the Framework of the AML/CTF Policy and the Anti-Corruption Policy. *Banking Law*, 1, 68–76. (In Russ.).

19. Zhuravlev, A., Brisov, Yu., Yankovsky, R., & Levashenko, A. (2020). Evolution of cryptoeconomics and the recent trends of decentralized finance. *Banking review*, 10, 32–35. (In Russ.).
20. Ivantsov, S. V., Sidorenko, E. L., Spasennikov, B. A., Berezkin, Yu. M., & Sukhodolov, Ya. A. (2019). Cryptocurrency-related crimes: key criminological trends. *Russian Journal of Criminology*, 13(1), 85–93. (In Russ.).
21. Makarova, O. A., & Makarov, A. D. (2021). Status and prospects of digital legislation development. *Actual Problems of Economics and Law*, 15(1), 5–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.1.5-14>
22. Perov, V. A. (2020). Challenging issues arising in the investigation of criminal cases on crimes committed with the use of cryptocurrency. *Rossiiskii sledovatel'*, 7, 20–22. (In Russ.).
23. Pinkevich, T. V. (2020). Issues of the criminal-legal counteraction to criminal activity using cryptocurrency. *Yurist-Pravoved*, 4, 45–48. (In Russ.).
24. Russkevich, E. A. (2018). Illegal access to computer information: theory and practice. *Sud'ya*, 10, 46–49. (In Russ.).
25. Russkevich, E. A., & Malygin, I. I. (2021) Crimes Related to Cryptocurrencies: Features of Qualification. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 3, 106–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.3.106.125>
26. Sidorenko, E. L. (2017). Criminological Risks of Crypto Currency Turnover. *Economica. Nalogi. Pravo*, 10(6), 147–154. (In Russ.).
27. Sidorenko, E. L. (2016). Cryptocurrency as a new legal phenomenon. *Society and Law*, 2, 147–155. (In Russ.).
28. Khisamova, Z. I. (2022). Using a digital payment infrastructure for criminal incomes legalization: main trends. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 370–378. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.370-378>

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

Дата поступления / Received 20.04.2023

Дата принятия в печать / Accepted 02.06.2023

ПОЗНАНИЕ

Полторыхина, С. В.

Инновационное развитие и цифровая трансформация регионов России /

С. В. Полторыхина. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 156 с.

В монографии рассмотрены особенности развития регионов в условиях меняющейся экономической системы, стремительного внедрения инноваций и перехода к цифровой экономике. Проводится обзор мирового и российского опыта стимулирования регионального социально-экономического развития, а также результатов государственной политики по стимулированию инновационной активности. На основе анализа формируются рекомендации по модернизации инновационной политики государства и методов ее оценки.

Адресована как специалистам, чья научная или практическая деятельность связана с региональным развитием, инвестициями и инновациями, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами регионального инновационного развития.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ / THEORETICAL-HISTORIC LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики А. Г. Никитин / Rubric editor A. G. Nikitin

Научная статья

10.21202/2782-2923.2023.2.342-366

УДК 06.068:342:349.2(470+571)

П. А. КАБАНОВ¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

МОНИТОРИНГ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАГРАДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ. ЧАСТЬ 2

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент,
директор НИИ противодействия коррупции, Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5342-0391, AuthorID: 333638

Аннотация

Цель: оценка состояния правового регулирования наградных отношений в субъектах Российской Федерации и выработка мер по его систематизации и совершенствованию.

Методы: основными методами проведенного исследования являются общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, экстраполяция и основанные на них частнопроводимые методы познания наградных отношений, используемые в отечественной теории права и государства.

Результаты: анализ более чем 500 нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации показал, что в отдельных регионах к имеющимся комплексным законам о наградах приняты специальные законы, регулирующие учреждение региональных парламентских наград, а также наград региональных государственных органов власти; что в большинстве субъектов Российской Федерации государственные (республиканские, краевые, областные, окружные, городские) премии регулируются вне комплексного наградного законодательства, но в рамках поощрительного права, собственным законодательством о региональных премиях и/или подзаконными нормативными правовыми актами региональных высших органов государственной власти; что в отдельных российских регионах имеются специальные законы, учреждающие одновременно не только государственные премии субъекта Российской Федерации, но и государственные стипендии. Территориальные рамки исследования ограничены Российской Федерацией по состоянию на 30 сентября 2022 г., до вхождения в ее состав Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в которых учреждены собственные региональные награды. Временные рамки мониторингового исследования ограничены периодом с 1991 года по 10 февраля 2023 г.

Научная новизна: впервые в российской юридической науке проведено мониторинговое исследование наградного права всех субъектов Российской Федерации, позволяющее оценить качество правового регулирования наградных отношений в российских регионах и при необходимости совершенствовать систему региональных наград и иных поощрений за позитивное правомерное поведение.

© Кабанов П. А., 2023

© Kabanov P. A., 2023

Практическая значимость: полученные результаты могут быть использованы в правотворческой деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации при совершенствовании регионального наградного законодательства, учреждению официальных региональных наград и систематизации правового регулирования наградных отношений. Выводы проведенного исследования позволяют устранить имеющиеся противоречия между нормами наградного права и нормами иных нормативных правовых актов.

Ключевые слова: теоретико-исторические правовые науки, награда, региональная награда, почетное звание, правовое регулирование, наградное право, мониторинг наградного права, поощрительное право

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Кабанов П. А. Мониторинг правового регулирования наградных отношений в российских регионах. Часть 2 // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 342–366. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.342-366

Scientific article

P. A. KABANOV¹

¹ Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

MONITORING OF LEGAL REGULATION OF AWARD RELATIONS IN THE RUSSIAN REGIONS. PART 2

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
E-mail: kabanovp@mail.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2964-004X>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/D-7776-2015>
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5342-0391, AuthorID: 333638

Abstract

Objective: to assess the state of legal regulation of award relations in the Russian Federation subjects and to develop measures for its systematization and improvement.

Methods: the main methods of the conducted research are general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, comparison, extrapolation, and specific-legal methods of cognition of award relations based on them, used in the Russian theory of law and the state.

Results: an analysis of more than 500 regulatory legal acts of the constituent entities of the Russian Federation has shown that in some regions special laws were adopted in addition to the existing comprehensive laws on awards, which regulate the establishment of regional parliamentary awards, as well as awards of regional state authorities; that in most of the Russian Federation subjects, state (republican, regional, district, municipal) awards are regulated outside the comprehensive award legislation, but within the framework of incentive law, by their own legislation on regional awards and/or by-laws of the regional state authorities; that in some Russian regions there are special laws establishing simultaneously not only state awards of the Russian Federation subject, but also state scholarships.

The territorial scope of the study is limited to the Russian Federation as of September 30, 2022, before the Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, Zaporozhye and Kherson regions, which established their regional awards, became part of it. The time frames of the monitoring study are limited to the period from 1991 to February 10, 2023.

Scientific novelty: for the first time in Russian legal science, a monitoring study of the award law of all subjects of the Russian Federation was conducted, which allows assessing the quality of legal regulation of award relations in the Russian regions and, if necessary, improving the system of regional awards and other incentives for positive lawful behavior.

Practical significance: the results obtained can be used in the law-making activities of state authorities of the Russian Federation subjects in improving regional award legislation, establishing official regional awards and systematizing the legal regulation of award relations. The conclusions of the conducted research enable to eliminate contradictions between the norms of award law and the norms of other regulatory legal acts.

Keywords: Theoretical-historic legal sciences, Award, Regional award, Honorary title, Legal regulation, Award law, Monitoring of award law, Incentive law

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Kabanov, P. A. (2023). Monitoring of legal regulation of award relations in the Russian regions. Part 2. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 342–366. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.342-366

Часть 2. Наградное законодательство субъектов Российской Федерации – основной элемент региональной наградной системы: общее, особенное и уникальное. Проведенный нами мониторинг регионального законодательства о наградах показал, что оно различно по объему и предмету правового регулирования. Можно условно выделить несколько видов региональных законов, регулирующих наградные отношения. Во-первых, базовые или комплексные законы, регулирующие учреждение всех региональных наград и организацию наградной системы в субъекте Российской Федерации. Во-вторых, законы, регулирующие учреждение конкретного вида региональных наград (знаков отличия либо почетных званий). В-третьих, законы, регулирующие учреждение и применение отдельной региональной награды за определенный вид заслуг.

К комплексным (базовым) законам, регулирующим учреждение региональных наград, организации и функционирование наградной системы в субъекте Российской Федерации, следует отнести:

– республиканские законы (Кабардино-Балкарской Республики¹, республик Адыгея², Алтай³, Башкортостан⁴, Бурятия⁵, Дагестан⁶, Ингушетия⁷, Калмыкия⁸, Карелия⁹, Коми¹⁰, Крым¹¹, Марий Эл¹²,

¹ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 15.07.1999 № 29-РЗ (в ред. от 29.12.2017 № 51-РЗ) «О государственных наградах Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 1999, 20 июля.

² Закон Республики Адыгея от 04.08.2021 № 478 «О Государственных наградах Республики Адыгея» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2021. № 8, август.

³ Закон Республики Алтай от 18.10.2005 № 73-РЗ (в ред. от 01.12.2021 № 71-РЗ) «О государственных наградах Республики Алтай» // Звезда Алтая. 2005. 8 ноября.

⁴ Закон Республики Башкортостан от 30.12.2005 № 271-з (в ред. от 03.12.2019 № 174-з) «О государственных наградах и почетных званиях Республики Башкортостан» // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2006. № 5(227). Ст. 226

⁵ Закон Республики Бурятия от 13.07.2009 № 910-IV (в ред. от 07.10.2021 № 1670-VI) «О государственных наградах Республики Бурятия» // Бурятия. 2009, 14 июля.

⁶ Закон Республики Дагестан от 02.10.1995 № 6 (в ред. от 26.06.2021 № 44) «О государственных наградах Республики Дагестан» // Дагестанская правда. 1995, 5 октября.

⁷ Закон Республики Ингушетия от 10.12.1997 № 18-РЗ (в ред. от 05.07.2021 № 39-РЗ) «О государственных наградах Республики Ингушетия» // Ингушетия. 1997, 21 декабря.

⁸ Закон Республики Калмыкия от 03.11.2011 № 294-IV-3 (в ред. от 12.03.2021 № 154-VI-3) «О государственных наградах Республики Калмыкия» // Хальмг унн. 2011, 9 ноября.

⁹ Закон Республики Карелия от 26.07.1994 № 3-ЗРК (в ред. от 29.10.2021 № 2617-ЗРК) «О государственных наградах Республики Карелия» // Карелия. 1996, 11 июля.

¹⁰ Закон Республики Коми от 01.03.2011 № 17-РЗ (в ред. от 17.05.2021 № 30-РЗ) «О наградах и поощрениях в Республике Коми» // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2011. № 6. Ст. 111.

¹¹ Закон Республики Крым от 17.07.2014 № 34-ЗРК (в ред. от 12.08.2021 № 207-ЗРК/2021) «О государственных наградах Республики Крым» // Крымские известия. 2014, 24 июля.

¹² Закон Республики Марий Эл от 31.05.1994 № 96-III (в ред. от 02.11.2020 № 38-3) «О государственных наградах Республики Марий Эл» // Марийская правда. 2002, 12 июня.

Мордовия¹⁵, Саха (Якутия)¹⁴, Северная Осетия – Алания¹⁵, Татарстан¹⁶, Тыва¹⁷, Хакасия¹⁸, Удмуртской¹⁹, Чувашской²⁰ республик);

– законы городов федерального значения (Москвы²¹, Санкт-Петербурга²² и Севастополя²³);

– краевые законы (Алтайский²⁴, Забайкальский²⁵, Камчатский²⁶, Красноярский²⁷, Пермский²⁸, Приморский²⁹, Ставропольский³⁰ и Хабаровский³¹ края);

¹⁵ Закон Республики Мордовия от 31.03.2022 № 8-З «О государственных наградах Республики Мордовия» // Известия Мордовии. 2022, 1 апреля.

¹⁴ Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2004 135/1-3 № 275-III (в ред. от 18.04.2022 2460-3 № 837-VI) «О государственных наградах Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2004, 8 июля.

¹⁵ Закон Республики Северная Осетия – Алания от 15.08.2007 № 38-ПЗ (в ред. от 09.01.2019 № 2-ПЗ) «О государственных наградах Республики Северная Осетия – Алания» // Северная Осетия. 2007, 6 сентября.

¹⁶ Закон Республики Татарстан от 10.10.2011 № 74-ЗРТ (в ред. от 27.12.2021 № 106-ЗРТ) «О государственных наградах Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2011. № 10. Ст. 1216.

¹⁷ Закон Республики Тыва от 02.08.2021 № 743-ЗРТ (в ред. от 28.02.2022 № 800-ЗРТ) «О государственных наградах Республики Тыва» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.08.2021.

¹⁸ Закон Республики Хакасия от 06.07.2001 № 37 (в ред. от 21.12.2020 № 97-ЗРХ) «О государственных наградах Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. 2001, 13 июля.

¹⁹ Закон Удмуртской Республики от 03.05.2001 № 22-ПЗ (в ред. от 01.07.2015 № 35-ПЗ) «О государственных наградах Удмуртской Республики и почетных званиях Удмуртской Республики» // Известия Удмуртской Республики. 2001, 4 мая.

²⁰ Закон Чувашской Республики от 12.04.2005 № 15 (в ред. от 20.12.2019 № 89) «О государственных наградах Чувашской Республики» // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2005. № 3. Ст. 115.

²¹ Закон г. Москвы от 05.09.2001 № 38 (в ред. от 23.03.2022 № 4) «О наградах и почетных званиях города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 10. Ст. 166.

²² Закон Санкт-Петербурга от 11.07.2019 № 424-102 «О наградах и иных формах поощрения в Санкт-Петербурге» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>, 16.07.2019.

²³ Закон города Севастополя от 19.04.2017 № 336-ЗС (в ред. от 16.07.2020 № 590-ЗС) «О наградах города Севастополя» // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. URL: <http://sevzakon.ru>, 19.04.2017.

²⁴ Закон Алтайского края от 12.12.2006 № 135-ЗС (в ред. от 08.09.2021 № 87-ЗС) «О наградах Алтайского края» // Алтайская правда. 2006, 20 декабря.

²⁵ Закон Забайкальского края от 18.02.2009 № 131-ЗЗК (в ред. от 02.03.2022 № 2050-ЗЗК) «О наградах в Забайкальском крае» // Забайкальский рабочий. 2009, 25 февраля.

²⁶ Закон Камчатского края от 06.05.2019 № 323 (в ред. от 29.11.2021 № 11) «О наградах Камчатского края» // Официальные ведомости. 2019, 30 мая.

²⁷ Закон Красноярского края от 09.12.2010 № 11-5435 (в ред. от 09.12.2021 № 2-272) «О системе наград Красноярского края» // Наш Красноярский край. 2010, 17 декабря.

²⁸ Закон Пермского края от 08.12.2013 № 270-ПК (в ред. от 01.10.2018 № 280-ПК) «О наградах Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2013. № 49.

²⁹ Закон Приморского края от 04.06.2014 № 436-КЗ (в ред. от 26.04.2022 № 84-КЗ) «О наградах Приморского края» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2018. № 58. С. 4–43.

³⁰ Закон Ставропольского края от 30.07.2014 № 78-кз (в ред. от 04.02.2022 № 7-кз) «О наградах в Ставропольском крае» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 2014. № 33. Ст. 10973.

³¹ Закон Хабаровского края от 30.01.2013 № 258 (в ред. от 10.11.2021 № 246) «О наградах Хабаровского края» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2013. № 1.

– областные законы (Амурской⁵², Архангельской⁵³, Астраханской⁵⁴, Белгородской⁵⁵, Брянской⁵⁶, Владимирской⁵⁷, Волгоградской⁵⁸, Воронежской⁵⁹, Ивановской⁴⁰, Иркутской⁴¹, Калининградской⁴², Кемеровской⁴³, Костромской⁴⁴, Курганской⁴⁵, Курской⁴⁶, Московской⁴⁷, Мурманской⁴⁸, Нижегородской⁴⁹, Новгородской⁵⁰, Новосибирской⁵¹, Омской⁵², Оренбургской⁵³, Орловской⁵⁴, Пензенской⁵⁵, Псковской⁵⁶,

⁵² Закон Амурской области от 08.09.2021 № 805-ОЗ (в ред. от 26.08.2022 № 138-ОЗ) «О наградах и иных формах поощрения в Амурской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 13.09.2021.

⁵³ Закон Архангельской области от 23.09.2008 № 567-29-ОЗ (в ред. от 20.12.2022 № 659-40-ОЗ) «О наградах в Архангельской области» // Волна. 2008, 21 октября.

⁵⁴ Закон Астраханской области от 11.03.2014 № 8/2014-ОЗ (в ред. от 31.03.2021 № 20/2021-ОЗ) «О наградах и иных знаках отличия Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2014. № 13.

⁵⁵ Закон Белгородской области от 16.07.2012 № 124 (в ред. от 21.12.2021 № 139) «О наградах Белгородской области» // Белгородские известия. 2012, 20 июля.

⁵⁶ Закон Брянской области от 27.11.2000 № 61-3 (в ред. от 01.11.2021 № 93-3) «О почетных званиях Брянской области и наградах высших органов государственной власти Брянской области» // Брянские известия. 2000, 20 декабря.

⁵⁷ Закон Владимирской области от 07.11.2016 № 126-ОЗ (в ред. от 03.08.2021 № 78-ОЗ) «О наградах Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2016, 12 ноября.

⁵⁸ Закон Волгоградской области от 28.12.2022 № 131-ОД «О наградах Волгоградской области» // Волгоградская правда. 2023, 13 января.

⁵⁹ Закон Воронежской области от 07.07.2006 № 70-ОЗ (в ред. от 13.07.2020 № 77-ОЗ) «О наградах Воронежской области» // Коммуна. 2006, 13 июля.

⁴⁰ Закон Ивановской области от 02.12.2014 № 101-ОЗ (в ред. от 30.05.2016 № 32-ОЗ) «О наградах в Ивановской области» // Собрание законодательства Ивановской области. 2014. № 48(717).

⁴¹ Закон Иркутской области от 24.12.2010 № 141-ОЗ (в ред. от 29.11.2021 № 112-ОЗ) «О наградах Иркутской области и почетных званиях Иркутской области» // Областная. 2010, 29 декабря.

⁴² Уставный закон Калининградской области от 05.07.2017 № 91 (в ред. от 22.12.2020 № 498) «О наградах Калининградской области» // Калининградская правда. 2017, 13 июля.

⁴³ Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 32-ОЗ (в ред. от 29.10.2021 № 106-ОЗ) «О наградах» // Кузбасс. 2005, 18 февраля.

⁴⁴ Закон Костромской области от 06.07.2009 № 500-4-ЗКО (в ред. от 24.02.2021 № 57-7-ЗКО) «О наградах и почетных званиях Костромской области» // СП – нормативные документы. 2009. № 29.

⁴⁵ Закон Курганской области от 10.11.2008 № 406 (в ред. от 03.11.2021 № 123) «О почетном звании Курганской области, наградах Курганской области, премиях Курганской области и иных видах поощрений» // Новый мир. 2008, 18 ноября.

⁴⁶ Закон Курской области от 17.12.2020 № 114-ЗКО (в ред. от 10.12.2021 № 118-ЗКО) «О наградах Курской области» // Курская правда. 2020, 22 декабря.

⁴⁷ Закон Московской области от 24.07.2014 № 104/2014-ОЗ (в ред. от 27.05.2021 № 90/2021-ОЗ) «О наградах Московской области» // Ежедневные новости. Подмосковье. 2014, 8 августа.

⁴⁸ Закон Мурманской области от 20.12.2001 № 318-01-ЗМО (в ред. от 26.04.2022 № 2756-01-ЗМО) «О наградах и премиях Мурманской области» // Ведомости Мурманской областной Думы: Информационный бюллетень. 2008. № 91. С. 184–193.

⁴⁹ Закон Нижегородской области от 21.04.2003 № 28-3 (в ред. от 10.09.2021 № 110-3) «О наградах и премиях Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2003, 25 апреля.

⁵⁰ Областной закон Новгородской области от 01.09.2014 № 600-ОЗ (в ред. от 01.10.2018 № 297-ОЗ) «О наградах и иных поощрениях Новгородской области» // Новгородские ведомости. 2014, 5 сентября.

⁵¹ Закон Новосибирской области от 27.12.2002 № 85-ОЗ (в ред. от 14.07.2021 № 99-ОЗ) «О наградах Новосибирской области» // Советская Сибирь. 2003, 23 января.

⁵² Закон Омской области от 01.03.2004 № 512-ОЗ (в ред. от 28.05.2021 № 2394-ОЗ) «О государственных наградах Омской области, наградах высших органов государственной власти Омской области и почетных званиях Омской области» // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. 2004. № 1(38). Ст. 2144.

⁵³ Закон Оренбургской области от 17.12.2010 № 4118/948-IV-ОЗ (в ред. от 29.06.2021 № 2932/801-VI-ОЗ) «О наградах Оренбургской области и наградах органов государственной власти Оренбургской области» // Южный Урал. 2010, 30 декабря.

⁵⁴ Закон Орловской области от 31.01.2013 № 1455-ОЗ (в ред. от 06.04.2015 № 1767-ОЗ) «О наградах в Орловской области» // Орловская правда. 2013, 5 февраля.

⁵⁵ Закон Пензенской области от 29.07.2022 № 3852-ЗПО (в ред. от 25.11.2022 № 3911-ЗПО) «О наградах Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 2022, 3 августа.

⁵⁶ Закон Псковской области от 07.11.2018 № 1891-ОЗ (в ред. от 29.12.2021 № 2234-ОЗ) «О наградах Псковской области» // Псковская правда. 2018, 9 ноября.

Рязанской⁵⁷, Ростовской⁵⁸, Самарской⁵⁹, Саратовской⁶⁰, Свердловской⁶¹, Смоленской⁶², Тамбовской⁶³, Тверской⁶⁴, Томской⁶⁵, Тульской⁶⁶, Тюменской⁶⁷, Ульяновской⁶⁸, Челябинской⁶⁹ и Ярославской⁷⁰ областей);

– законы автономных образований (Еврейской автономной области⁷¹, Ненецкого⁷², Ханты-Мансийского⁷³, Чукотского⁷⁴ и Ямало-Ненецкого⁷⁵ автономных округов).

Проведенный нами мониторинг правового регулирования наградного законодательства показал, что из всей совокупности субъектов Российской Федерации в 75, или 88,2 %, имеются комплексные (базовые) законы, регулирующие весь спектр наградных отношений, а в 10 регионах наградные отношения регулируются различными по статусу и предмету правового регулирования нормативными правовыми актами.

В отдельных субъектах Российской Федерации, где система наградных отношений не выстроена, можно обнаружить законы, регулирующие учреждение конкретного вида региональных наград. Чаще всего такими законами являются региональные законы, а иногда и подзаконные акты об учреждении региональных почетных званий. Этими законами регулируются вопросы награждения населенных пунктов почетными званиями за трудовую, воинскую или иную доблесть (славу). В зависимости от сферы проявления заслуг существуют

⁵⁷ Закон Рязанской области от 10.09.2009 № 111-ОЗ (в ред. от 12.05.2021 № 23-ОЗ) «О наградах Рязанской области» // Рязанские ведомости. 2009, 16 сентября.

⁵⁸ Областной закон Ростовской области от 01.08.2011 № 639-ЗС (в ред. от 01.12.2021 № 623-ЗС) «О наградах Ростовской области» // Наше время. 2011, 2 августа.

⁵⁹ Закон Самарской области от 09.10.2001 № 61-ГД (в ред. от 16.11.2020 № 123-ГД) «О наградах в Самарской области» // Самарские известия. 2011, 11 октября.

⁶⁰ Закон Саратовской области от 26.10.1999 № 51-ЗСО (в ред. от 02.06.2021 № 61-ЗСО) «О почетных званиях Саратовской области и наградах государственных органов Саратовской области» // Саратовские вести. 1999, 16 декабря.

⁶¹ Областной закон от 19.04.1999 № 5-ОЗ (в ред. от 28.06.2019 № 52-ОЗ) «О наградах, почетных званиях Свердловской области и наградах высших органов государственной власти Свердловской области» // Областная газета. 1999, 21 апреля.

⁶² Закон Смоленской области от 27.11.2003 № 87-з (в ред. от 25.06.2020 № 93-з) «О наградах и почетных званиях Смоленской области» // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2003. № 1. С. 150.

⁶³ Закон Тамбовской области от 31.05.2021 № 635-З (в ред. от 27.12.2022 № 231-З) «О наградах и премиях Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. 2021, 8 июня.

⁶⁴ Закон Тверской области от 14.03.2003 № 13-ЗО (в ред. от 22.12.2021 № 76-ЗО) «О наградах и поощрениях в Тверской области» // Тверские ведомости. 2003. 21–27 марта.

⁶⁵ Закон Томской области от 14.07.1998 № 13-ОЗ (ред. от 12.04.2022 № 23-ОЗ) «О наградах и почетном звании в Томской области» // Официальные ведомости Государственной Думы Томской области. (сборник нормативных правовых актов). 1998. Июль – август. № 5(27).

⁶⁶ Закон Тульской области от 16.07.2012 № 1777-ЗТО (в ред. от 04.05.2022 № 27-ЗТО) «О наградах Тульской области» // Тульские известия. 2012, 19 июля.

⁶⁷ Закон Тюменской области от 15.02.1999 № 82 (в ред. от 29.10.2020 № 75) «О наградах и почетных званиях Тюменской области» // Тюменские известия. 1999, 4 марта.

⁶⁸ Закон Ульяновской области от 20.12.2022 № 143-ЗО «О наградах Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2022, 27 декабря.

⁶⁹ Закон Челябинской области от 25.12.2003 № 214-ЗО (в ред. от 23.06.2021 № 379-ЗО) «О наградах Челябинской области» // Южноуральская панорама. 2004, 15 января.

⁷⁰ Закон Ярославской области от 06.05.2010 № 11-з (в ред. от 19.12.2018 № 75-з) «О наградах» // Документ-Регион. 2010, 12 мая.

⁷¹ Закон Еврейской автономной области от 16.12.2015 № 849-ОЗ (в ред. от 24.02.2021 № 697-ОЗ) «О наградах Еврейской автономной области» // Биробиджанская звезда. 2016, 15 января.

⁷² Закон Ненецкого автономного округа от 01.07.2008 № 36-ОЗ (в ред. от 15.06.2020 № 188-ОЗ) «О наградах и почетных званиях Ненецкого автономного округа» // Сборник нормативных правовых актов Ненецкого автономного округа. 2008. № 29.

⁷³ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 27.11.2015 № 125-оз (в ред. от 25.11.2021 № 90-оз) «О наградах и почетных званиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // Новости Югры. 2015, 29 декабря.

⁷⁴ Закон Чукотского автономного округа от 05.05.1999 № 24-ОЗ (в ред. от 06.11.2018 № 61-ОЗ) «О наградах Чукотского автономного округа» // Ведомости. 1999, 4 июня.

⁷⁵ Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 08.10.2010 № 99-ЗАО (в ред. от 04.04.2022 № 22-ОЗ) «О наградах и почетных званиях в Ямало-Ненецком автономном округе» // Красный Север. 2010, 14 октября.

комплексные региональные законы об учреждении почетных званий населенных пунктов либо законы, регулирующие отдельное направление заслуг. Примером комплексного закона можно признать областной закон Новгородской области «О почетных званиях населенных пунктов Новгородской области», которым, с учетом исторических традиций, предусмотрено установление следующих наименований почетных званий:

- почетное звание Новгородской области «Край партизанской славы»;
- почетное звание Новгородской области «Город партизанской славы»;
- почетное звание Новгородской области «Город воинской доблести»;
- почетное звание Новгородской области «Населенный пункт воинской доблести»;
- почетное звание Новгородской области «Населенный пункт трудовой доблести»⁷⁶.

В других субъектах Российской Федерации отдельными региональными законами о почетных званиях населенных пунктов учреждены почетные звания: «Населенный пункт воинской доблести»⁷⁷, «Населенный пункт партизанской славы»⁷⁸, «Край партизанской славы»⁷⁹, «Населенный пункт трудовой славы», «Город трудовой славы» или «Поселок трудовой славы»⁸⁰, «Город военно-исторического наследия», «Населенный пункт военно-истори-

⁷⁶ Областной закон Новгородской области от 30.12.2020 № 667-ОЗ (в ред. от 04.05.2022 № 100-ОЗ) «О почетных званиях населенных пунктов Новгородской области» // Новгородские ведомости. 2020, 30 декабря.

⁷⁷ Закон Воронежской области от 31.07.2014 № 100-ОЗ «О почетном звании Воронежской области «Населенный пункт воинской доблести» // Молодой коммунар. 2014, 1 августа; Закон Калужской области от 01.07.2013 № 445-ОЗ (в ред. от 17.06.2020 № 611-ОЗ) «О почетных званиях Калужской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Весть документы. 2013, 5 июля; Закон Московской области от 17.04.2015 № 57/2015-ОЗ (в ред. от 29.10.2019 № 215/2019-ОЗ) «О почетном звании Московской области «Населенный пункт воинской доблести» // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2015, 23 апреля; Закон Орловской области от 06.04.2015 № 1766-ОЗ (в ред. от 02.11.2021 № 2675-ОЗ) «О почетном звании Орловской области «Населенный пункт воинской доблести» // Орловская правда. 2015, 7 апреля; Закон Рязанской области от 19.03.2015 № 8-ОЗ (в ред. от 05.08.2015 № 61-ОЗ) «О почетных званиях Рязанской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Рязанские ведомости. 2015, 21 марта; Закон Республики Калмыкия от 04.03.2020 № 94-VI-3 «О почетном звании Республики Калмыкия «Населенный пункт воинской доблести» // Хальмг унн. 2020, 7 марта; Закон Краснодарского края от 21.12.2018 № 3941-КЗ (в ред. от 08.06.2020 № 4303-КЗ) «О почетных званиях населенных пунктов Краснодарского края» // Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <http://admkrai.krasnodar.ru>, 24.12.2018; Областной закон Ростовской области от 01.03.2017 № 1012-ЗС «О почетных званиях Ростовской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Собрание правовых актов Ростовской области. 2017. № 3 (часть I). Ст. 255; Закон Красноярского края от 05.11.2015 № 9-3792 «О специальном статусе «Населенный пункт воинской доблести» поселка Диксон» // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2015. № 46(726); Закон Республики Крым от 02.07.2019 № 626-ЗРК/2019 «О почетном звании Республики Крым «Населенный пункт воинской доблести» // Крымские известия. 2019, 13 июля; Закон Приморского края от 30.07.2019 № 547-КЗ (с изм. от 05.10.2020 № 899-КЗ) «О почетных званиях Приморского края «Город воинской доблести», «населенный пункт воинской доблести» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2019. № 101. С. 30–34; Закон Тверской области от 15.08.2016 № 62-ЗО (в ред. от 17.04.2017 № 20-ЗО) «О почетном звании Тверской области «Город воинской доблести» // Тверские ведомости. 2016, 17–23 августа; Закон Тульской области от 28.05.2015 № 2312-ЗТО (в ред. от 26.10.2015 № 2368-ЗТО) «О почетных званиях Тульской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Сборник правовых актов Тульской области и иной официальной информации. URL: <http://npatula.ru>, 29.05.2015; Областной закон Ленинградской области от 15.12.2016 № 95-оз (в ред. от 03.11.2020 № 112-оз) «О почетных званиях Ленинградской области «Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. URL: <http://www.lenobl.ru>, 16.12.2016; Закон Липецкой области от 29.04.2015 № 403-ОЗ (в ред. от 21.06.2021 № 559-ОЗ) «О почетных званиях Липецкой области «Населенный пункт воинской доблести», «Рубеж воинской доблести» // Липецкая газета. 2015, 13 мая; Закон Курской области от 23.12.2022 № 167-ЗКО «О почетном звании Курской области «Населенный пункт воинской доблести» // Курская правда. 2022, 27 декабря.

⁷⁸ Закон Брянской области от 08.10.2010 № 73-3 (в ред. от 05.07.2012 № 42-3) «О почетных званиях Брянской области «Город партизанской славы», «Поселок партизанской славы», «Село партизанской славы», «Населенный пункт партизанской славы» // Официальная Брянщина. 2010, 12 октября.

⁷⁹ Закон Псковской области от 09.10.2017 № 1798-ОЗ (в ред. от 28.12.2018 № 1922-ОЗ) «О почетном звании Псковской области «Край партизанской славы» // Псковская правда. 2017, 20 октября.

⁸⁰ Закон Костромской области от 22.05.2018 № 379-6-ЗКО (в ред. от 21.05.2021 № 92-7-ЗКО) «О почетном звании Костромской области «Населенный пункт трудовой славы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru, 24.05.2018; Закон Тамбовской области от 25.12.2020 № 582-З «О почетном звании Тамбовской области «Населенный пункт

ческого наследия»⁸¹, «Город трудовой и боевой славы»⁸², «Город трудовой доблести и воинской славы»⁸³. Перечень почетных званий населенных пунктов продолжает расширяться. Например, в Мурманской области законодателями, помимо традиционных региональных почетных званий («Город воинской доблести», «Населенный пункт воинской доблести» и «Рубеж воинской доблести»), учреждены новые областные почетные звания «Город морской доблести», «Населенный пункт морской доблести» и «Населенный пункт летной доблести»⁸⁴. В отдельных субъектах Российской Федерации учреждение почетных званий населенным пунктам устанавливается нормативными актами высших органов исполнительной власти⁸⁵. Иногда в субъектах Российской Федерации происходит замена почетного звания на другие виды наград населенных пунктов. Например, в Хабаровском крае губернатором учрежден Почетный знак Губернатора Хабаровского края «Город трудовой славы» для награждения им за вклад городов Хабаровского края в победу в Великой Отечественной войне, восстановление разрушенного войной народного хозяйства, развитие промышленного и оборонного потенциала России, а также их достижений в области социально-экономического развития⁸⁶.

К числу региональных почетных званий, учреждаемых региональными законами о почетных званиях, относятся почетные звания для организаций. Таким региональным почетным званием для организаций являются почетные звания: Калужской области «Трудовая слава Калужской области»⁸⁷ и Ульяновской области «Организация трудовой славы»⁸⁸. Уникальным выглядит учреждение Президентом Республики Татарстан республиканского почетного звания «Предприятие трудовой доблести. 1941–1945 гг.»⁸⁹, которое не предусмотрено республиканским законодательством о наградах и является наградой высшего должностного лица этого субъекта Российской Федерации. Учреждение и присвоение почетных званий субъектов Российской Федерации населенным пунктам и организациям является частью региональной наградной системы, поэтому

трудовой славы» // Тамбовская жизнь. 2020, 29 декабря; Закон Тульской области от 30.05.2013 № 1946-ЗТО «О почетном звании Тульской области «Город трудовой славы» // Тульские известия. 2013, 31 мая; Закон Кировской области от 12.03.2012 № 123-ЗО «О почетном звании Кировской области «Город трудовой славы» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2012. № 2(140). Ст. 4900; Закон Оренбургской области от 15.05.2012 № 844/236-V-ОЗ (в ред. от 12.11.2013 № 1862/564-V-ОЗ) «О почетном звании Оренбургской области «Город трудовой славы» // Оренбуржье. 2012. 24 мая; Закон Саратовской области от 22.04.2015 № 37-ЗСО (в ред. от 09.12.2015 № 166-ЗСО) «О почетном звании Саратовской области «Город трудовой славы» // Сайт электронного периодического издания «Новости Саратовской губернии». URL: <http://www.sarnovosti.ru>, 22.04.2015; Закон Ульяновской области от 26.03.2014 № 31-ЗО (в ред. от 02.12.2015 № 173-ЗО) «О званиях Ульяновской области «Город трудовой славы» и «Поселок трудовой славы» // Ульяновская правда. 2014, 1 апреля; Закон Омской области от 27.04.2015 № 1735-ОЗ «О почетном звании Омской области «Город трудовой славы» // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. 2015. Июль. № 2(90). Ст. 5539.

⁸¹ Закон Ставропольского края от 11.07.2018 № 55-кз (в ред. от 12.05.2021 № 38-кз) «О почетных званиях населенных пунктов Ставропольского края» // Ставропольская правда. 2018, 17 июля.

⁸² Закон Самарской области от 01.09.2016 № 106-ГД «О почетном звании Самарской области «Город трудовой и боевой славы» // Волжская коммуна. 2016, 6 сентября.

⁸³ Закон Кемеровской области от 02.04.2019 № 18-ОЗ (в ред. от 08.02.2021 № 17-ОЗ) «О почетном звании Кузбасса «Город трудовой доблести и воинской славы» // Кузбасс. 2019, 9 апреля.

⁸⁴ Закон Мурманской области от 09.06.2021 № 2647-01-ЗМО «О почетных званиях Мурманской области» // Мурманский вестник. 2021, 18 июня. С. 7.

⁸⁵ Указ Президента Удмуртской Республики от 24.11.2011 № 237 «Об утверждении Положения о почетном звании «Город трудовой славы» // Известия Удмуртской Республики. 2011, 29 ноября.

⁸⁶ Постановление Губернатора Хабаровского края от 20.05.2013 № 37 (в ред. от 27.01.2020 № 2) «О Почетном знаке Губернатора Хабаровского края «Город трудовой славы» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2013. № 5 (часть II).

⁸⁷ Закон Калужской области от 01.07.2013 № 446-ОЗ (в ред. от 27.06.2019 № 490-ОЗ) «О почетном звании организаций, расположенных на территории Калужской области» // Весть документы. 2013, 5 июля.

⁸⁸ Закон Ульяновской области от 04.03.2014 № 26-ЗО (в ред. от 06.04.2016 № 49-ЗО) «О звании Ульяновской области «Организация трудовой славы» // Ульяновская правда. 2014, 11 марта.

⁸⁹ Указ Президента Республики Татарстан от 12.04.2022 № УП-266 «О республиканском звании «Предприятие трудовой доблести. 1941–1945 гг.» // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: <http://pravo.tatarstan.ru>, 13.04.2022.

необходимо, чтобы эти почетные звания закреплялись в комплексном региональном наградном законодательстве, даже если учреждены высшими органами исполнительной власти региона в качестве собственных наград.

Особое место в региональной системе наград имеют почетные звания по профессиям и/или отраслям (сферам) жизнедеятельности (экономика, образование, культура, искусство, спорт и т. д.). Для стимулирования эффективности профессиональной деятельности специальными региональными законами о почетных званиях учреждаются региональные почетные звания по профессии⁹⁰ и/или почетные звания за достижения в определенных сферах жизнедеятельности⁹¹.

Уникальным видом регионального почетного звания, учрежденного законом, было почетное звание Алтайского края «Заслуженный коллектив самодеятельного художественного творчества Алтайского края», которым награждались творческие коллективы за высокие достижения и мастерство в сфере художественного творчества, за активную деятельность, направленную на развитие культуры и искусства Алтайского края⁹². Близкие по целям региональные награды были учреждены в Санкт-Петербурге: звания «Народный коллектив любительского художественного творчества» и «Образцовый детский коллектив художественного творчества»⁹³, которые следует отнести к наградам правительства Санкт-Петербурга.

Выделяется из общего массива регионального законодательства о почетных званиях закон Кемеровской области «О присвоении Губернатору Кемеровской области А. М. Тулееву почетного звания «Народный губернатор»⁹⁴. Необычным выглядит не только наименование областного закона, но и присваиваемое региональное почетное звание, которое не было предусмотрено базовым законом Кемеровской области «О наградах»⁹⁵. При этом к почетному званию была учреждена награда – орден к почетному званию «Народный губернатор», – не предусмотренная законом о наградах, с предоставлением небывалых по щедрости социальных льгот после выхода упомянутого губернатора в отставку. После принятия этого регионального закона законодатели Кемеровской области даже не внесли упоминания о нем в специальный региональный закон о наградах.

⁹⁰ Закон Калужской области от 20.10.2003 № 252-ОЗ (в ред. от 23.03.2021 № 76-ОЗ) «О почетных званиях Калужской области» // Весть. 2003. 28 октября; Закон Кировской области от 10.06.2015 № 548-ЗО (в ред. от 27.07.2020 № 385-ЗО) «О почетных званиях Кировской области» // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области. 2015. № 4(160). Ст. 5770; Областной закон Новгородской области от 31.08.2015 № 805-ОЗ (в ред. от 01.11.2021 № 19-ОЗ) «О почетных званиях Новгородской области» // Новгородские ведомости. 2015, 4 сентября; Закон Пензенской области от 30.06.2009 № 1764-ЗПО (в ред. от 15.04.2022 № 3820-ЗПО) «О почетных званиях Пензенской области» // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. 2009. № 16 (часть 1). С. 136; Закон Республики Хакасия от 04.03.2002 № 5 (в ред. от 11.04.2016 № 25-ЗРХ) «О почетных званиях Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. 2002. 15 марта; Закон Магаданской области от 03.03.2016 № 1996-ОЗ (в ред. от 03.03.2017 № 2141-ОЗ) «О почетных званиях в Магаданской области» // Магаданская правда. 2016, 15 марта; Закон Амурской области от 08.09.2021 № 806-ОЗ (в ред. от 25.11.2021 № 40-ОЗ) «О профессиональных почетных званиях Амурской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 13.09.2021.

⁹¹ Закон Сахалинской области от 11.04.2017 № 25-ЗО (в ред. от 13.12.2018 № 78-ЗО) «О почетных званиях Сахалинской области в сферах образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, физической культуры и спорта» // Губернские ведомости. 2017, 14 апреля; Закон Сахалинской области от 02.11.2021 № 95-ЗО «О почетных званиях Сахалинской области в сфере экономики» // Губернские ведомости. 2021, 10 ноября; Закон Иркутской области от 07.03.2012 № 3-ОЗ (в ред. от 24.12.2015 № 140-ОЗ) «О почетных спортивных званиях по национальным видам спорта, развивающимся в Иркутской области» // Областная. 2012, 19 марта.

⁹² Закон Алтайского края от 14.06.2007 № 58-ЗС (в ред. от 10.02.2020 № 7-ЗС) «О почетном звании Алтайского края «Заслуженный коллектив самодеятельного художественного творчества Алтайского края» // Алтайская правда. 2007, 23 июня. (Утратил силу с 01.01.2022 в связи с принятием Закона Алтайского края от 01.12.2021 № 110-ЗС «О внесении изменений в закон Алтайского края «О премиях Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества» и признании утратившими силу отдельных законов Алтайского края» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.12.2021).

⁹³ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 12.04.2022 № 322 «О наградах Правительства Санкт-Петербурга – звании «Народный коллектив любительского художественного творчества» и звании «Образцовый детский коллектив художественного творчества» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>, 14.04.2022.

⁹⁴ Закон Кемеровской области от 27.12.2011 № 157-ОЗ (в ред. от 08.10.2015 № 79-ОЗ) «О присвоении Губернатору Кемеровской области А. М. Тулееву почетного звания «Народный губернатор» // Кузбасс. 2011, 30 декабря.

⁹⁵ Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 32-ОЗ (в ред. от 15.12.2020 № 157-ОЗ) «О наградах» // Кузбасс. 2005, 18 февраля.

Нетрадиционным для большинства субъектов Российской Федерации выглядит наименование региональной парламентской награды – почетного звания «Почетный Председатель Народного Собрания Республики Дагестан»⁹⁶.

Проведенное нами исследование показало, что в отдельных субъектах Российской Федерации учреждение каждого регионального почетного звания по профессии регулируется специальными законами либо подзаконными актами. Учреждение каждого регионального почетного звания по профессии предусмотрено законодательством Волгоградской⁹⁷, Ленинградской⁹⁸ и Свердловской⁹⁹ областей, Красноярского¹⁰⁰ и Пермского краев¹⁰¹. При наличии закона о наградах Алтайского края, с причислением к наградам профессиональных почетных званий края¹⁰², в этом субъекте Российской Федерации специальным законом было предусмотрено учреждение специального почетного профессионального звания «Народный мастер Алтайского края»¹⁰³. В настоящее время это почетное звание возвращено в наградную систему Алтайского края, но уже в качестве конкурсной награды¹⁰⁴. Аналогичное почетное звание имеется в наградном законодательстве республик Карелия¹⁰⁵, Коми¹⁰⁶,

⁹⁶ Постановление Народного Собрания Республики Дагестан от 13.09.2019 № 921-VI НС (в ред. от 31.10.2019 № 965-VI НС) «Об установлении почетного звания «Почетный Председатель Народного Собрания Республики Дагестан» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Дагестан. URL: <http://pravo.e-dag.ru>, 03.10.2019.

⁹⁷ Закон Волгоградской области от 31.12.2010 № 2144-ОД (в ред. от 17.07.2020 № 64-ОД) «О почетном звании «Заслуженный педагог Волгоградской области» // Волгоградская правда. 2011, 19 января.

⁹⁸ Областной закон Ленинградской области от 20.06.2018 № 61-оз (в ред. от 16.03.2020 № 25-оз) «О почетном звании Ленинградской области «Почетный спасатель Ленинградской области» // Вести. 2018, 6 июля; Областной закон Ленинградской области от 16.07.2019 № 62-оз «О почетном звании Ленинградской области «Почетный работник агропромышленного комплекса Ленинградской области» // Вести. 2019, 18 октября; Областной закон Ленинградской области от 14.11.2018 № 117-оз «О почетном звании Ленинградской области «Почетный работник средств массовой информации Ленинградской области» // Вести. 2018, 21 декабря; Областной закон Ленинградской области от 21.12.2010 № 80-оз (в ред. от 06.05.2016 № 34-з) «О звании «Почетный учитель Ленинградской области» // Вести. 2010, 25 декабря; Областной закон Ленинградской области от 12.07.2021 № 99-оз «О почетном звании Ленинградской области «Почетный работник связи и информации Ленинградской области» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. URL: <http://www.lenobl.ru>, 12.07.2021. Областной закон Ленинградской области от 13.05.2021 № 59-оз «О почетном звании Ленинградской области «Почетный работник транспорта Ленинградской области» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. URL: <http://www.lenobl.ru>, 13.05.2021; Областной закон Ленинградской области от 15.03.2021 № 22-оз «О почетном звании Ленинградской области «Почетный работник здравоохранения Ленинградской области» // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. URL: <http://www.lenobl.ru>, 15.03.2021 и др.

⁹⁹ Закон Свердловской области от 21.12.2018 № 164-ОЗ «О почетном звании Свердловской области «Заслуженный предприниматель Свердловской области» // Областная газета. 2018, 25 декабря.

¹⁰⁰ Закон Красноярского края от 04.03.2003 № 5-911 (в ред. от 05.07.2018 № 5-1855) «О почетном краевом звании «Заслуженный работник физической культуры и спорта Красноярского края» // Красноярский рабочий. 2003, 25 марта.

¹⁰¹ Закон Пермского края от 30.07.2008 № 283-ПК (в ред. от 05.03.2021 № 618-ПК) «О почетном звании «Народный мастер Пермского края» // Собрание законодательства Пермского края. 2008. № 9.

¹⁰² Закон Алтайского края от 12.12.2006 № 135-ЗС (в ред. от 07.12.2017 № 97-ЗС) «О наградах Алтайского края» // Алтайская правда. 2006, 20 декабря.

¹⁰³ Закон Алтайского края от 06.11.2009 № 78-ЗС (в ред. от 04.12.2013 № 84-ЗС) «О почетном звании Алтайского края «Народный мастер Алтайского края» // Алтайская правда. 2009.14 ноября. (Утратил силу с 01.01.2022 в связи с принятием Закона Алтайского края от 01.12.2021 № 110-ЗС «О внесении изменений в закон Алтайского края «О премиях Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества» и признании утратившими силу отдельных законов Алтайского края» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.12.2021).

¹⁰⁴ Указ Губернатора Алтайского края от 29.04.2022 № 61 «О звании «Народный мастер Алтайского края» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 29.04.2022

¹⁰⁵ Закон Республики Карелия от 26.07.1994 № 3-ЗРК (в ред. от 08.11.2022 № 2762-ЗРК) «О государственных наградах Республики Карелия» // Карелия. 1996, 11 июля.

¹⁰⁶ Закон Республики Коми от 01.03.2011 № 17-ПЗ (в ред. от 04.07.2022 № 40-ПЗ) «О наградах и поощрениях в Республике Коми» // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2011. № 6. Ст. 111.

Алтай¹⁰⁷, Тыва¹⁰⁸ и Хакасия¹⁰⁹, а также Пермского края¹¹⁰. При этом в некоторых законах субъектов Российской Федерации и наградах указываются лишь одно, два или три вида почетных звания по профессии «почетный», «заслуженный» и «народный». Высшей степенью признания заслуг считается присвоение почетного звания «народный». В то же время имеются и нетрадиционные почетные звания. Например, наградным законодательством Камчатского края установлены два почетных звания по профессии, не встречающиеся в других регионах, – это почетные звания Камчатского края «Знатный рыбак Камчатки» и «Знатный оленевод Камчатки»¹¹¹. Универсальное региональное почетное звание – «Почетный работник» – учреждено наградным законодательством Ульяновской области¹¹². Близкое к этому региональное почетное звание, именуемое «Заслуженный работник Республики Коми», имеется в Республике Коми, оно выше по статусу, чем республиканские профессиональные почетные звания с приставкой «почетный»¹¹³. Иногда в качестве регионального почетного звания используется термин «отличник». Например, законом Магаданской области «О почетных званиях в Магаданской области» учреждено почетное звание «Отличник государственной гражданской службы Магаданской области»¹¹⁴.

Региональные почетные профессиональные звания Липецкой области учреждаются постановлениями Липецкого областного Совета депутатов¹¹⁵, а в Брянской области – постановлениями Брянской областной Думы¹¹⁶. В то же время аналогичные региональные почетные звания Краснодарского края учреждаются постановлениями главы администрации (губернатора) Краснодарского края¹¹⁷. В Вологодской области региональные почетные

¹⁰⁷ Закон Республики Алтай от 18.10.2005 № 73-ПЗ (в ред. от 01.12.2021 № 71-ПЗ) «О государственных наградах Республики Алтай» // Звезда Алтая. 2005, 8 ноября.

¹⁰⁸ Закон Республики Тыва от 24.12.1992 № 388 (в ред. от 21.11.2022 № 870-ЗРТ) «О государственных наградах Республики Тыва» // Тувинская правда. 1993, 2 марта.

¹⁰⁹ Закон Республики Хакасия от 04.03.2002 № 5 (в ред. от 11.04.2016 № 25-ЗРХ) «О почетных званиях Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. 2002, 15 марта.

¹¹⁰ Закон Пермского края от 30.07.2008 № 283-ПК «О почетном звании «Народный мастер Пермского края» // Собрание законодательства Пермского края. 2008. № 9.

¹¹¹ Закон Камчатского края от 06.05.2019 № 323 (в ред. от 29.11.2021 № 11) «О наградах Камчатского края» // Официальные ведомости. 2019, 30 мая.

¹¹² Закон Ульяновской области от 20.12.2022 № 143-ЗО «О наградах Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2022, 27 декабря.

¹¹³ Закон Республики Коми от 01.03.2011 № 17-ПЗ (в ред. от 04.07.2022 № 40-ПЗ) «О наградах и поощрениях в Республике Коми» // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. 2011. № 6. Ст. 111.

¹¹⁴ Закон Магаданской области от 03.03.2016 № 1996-ОЗ (в ред. от 28.07.2022 № 2725-ОЗ) «О почетных званиях в Магаданской области» // Магаданская правда. 2016, 15 марта.

¹¹⁵ Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 27.04.2016 № 1464-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный работник здравоохранения Липецкой области» // Липецкая газета. 2016, 6 мая; Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 25.04.2018 № 523-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный работник сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Липецкой области» // Липецкая газета. 2018, 4 мая; Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 20.04.2017 № 233-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный работник торговли Липецкой области» // Липецкая газета. 2017, 28 апреля; Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 01.08.2019 № 895-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный работник средств массовой информации Липецкой области» // Липецкая газета. 2019, 7 августа; Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 01.10.2020 № 1331-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный художник Липецкой области» // Липецкая газета. 2020, 6 октября; Постановление Липецкого областного Совета депутатов от 14.04.2022 № 295-пс «Об учреждении почетного звания «Заслуженный строитель Липецкой области» // Липецкая газета. 2022, 19 апреля и др.

¹¹⁶ Постановление Брянской областной Думы от 25.02.2021 № 7-512 «Об учреждении почетного звания Брянской области «Заслуженный врач Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.03.2021; Постановление Брянской областной Думы от 21.02.2017 № 6-833 (в ред. от 27.02.2020 № 7-189) «Об учреждении почетного звания Брянской области «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22.02.2017; Постановление Брянской областной Думы от 23.06.2021 № 7-634 (в ред. от 24.02.2022 № 7-847) «Об учреждении почетного звания Брянской области «Заслуженный эколог Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 25.06.2021 и др.

¹¹⁷ Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 05.05.2009 № 345 (в ред. от 03.12.2020 № 791) «Об учреждении почетного звания «Заслуженный работник сельского хозяйства Кубани» // Кубанские новости. 2009, 19 мая; Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 10.06.2008 № 547 (в ред. от 06.02.2020 № 63)

профессиональные звания учреждаются постановлениями губернатора Вологодской области¹¹⁸, а в Чеченской Республике – указами высшего должностного лица органов государственной власти этого субъекта Российской Федерации¹¹⁹. Необычным выглядит правовое регулирование почетных званий по профессии в Архангельской области, исчерпывающий перечень которых (24 наименования) закреплен региональным наградным законодательством не в качестве высших областных наград, а лишь в качестве отраслевых званий – ведомственных наград¹²⁰. В Калининградской области законодательно закреплен за почетными званиями по профессии статус высших региональных наград¹²¹, но их наименование и порядок учреждения делегированы губернатору этого региона, который учредил следующие почетные звания: «Доброволец Калининградской области»¹²², «Заслуженный работник культуры Калининградской области»¹²³, «Почетный строитель Калининградской области»¹²⁴, «Почетный работник сельского хозяйства Калининградской области»¹²⁵ и «Почетный работник рыбного хозяйства Калининградской области»¹²⁶. В отдельных субъектах Российской Федерации почетные звания по профессии не входят в систему высших региональных наград, хотя и учреждаются уполномоченными на то государственными органами или их должностными лицами (г. Санкт-Петербург¹²⁷, Кемеровская¹²⁸

«Об учреждении почетного звания «Заслуженный спасатель Кубани» // Кубанские новости. 2008, 3 июля; Постановление главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 27.05.2013 № 532 (в ред. от 20.08.2019 № 547) «Об учреждении почетного звания «Заслуженный эколог Кубани» // Официальный сайт администрации Краснодарского края. URL: <http://admkrasnodar.ru>, 29.05.2013 и др.

¹¹⁸ Постановление Губернатора Вологодской области от 29.07.2020 № 190 «Об учреждении почетного звания области «Почетный пожарный Вологодской области» // Красный Север. 2020, 8 августа; Постановление Губернатора Вологодской области от 23.03.2020 № 64 (в ред. от 14.10.2021 № 187) «Об учреждении Почетного звания области «Заслуженный работник культуры Вологодской области» // Красный Север. 2020, 28 марта; Постановление Губернатора Вологодской области от 18.05.2020 № 128 (в ред. от 26.01.2022 № 10) «Об учреждении почетного звания «Лучший наставник Вологодчины в сфере образования» // Красный Север. 2020, 23 мая.

¹¹⁹ Указ Главы Администрации Чеченской Республики от 11.03.2001 № 19 «О почетных званиях работникам культуры и искусств Чеченской Республики»; Указ Главы Администрации Чеченской Республики от 15.04.2002 № 18 «О почетном звании «Заслуженный деятель науки Чеченской Республики» // Документы получены из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.04.2022).

¹²⁰ Закон Архангельской области от 23.09.2008 № 567-29-ОЗ (в ред. от 20.12.2022 № 659-40-ОЗ) «О наградах в Архангельской области» // Волна. 2008, 21 октября.

¹²¹ Уставный закон Калининградской области от 05.07.2017 № 91 (в ред. от 26.12.2022 № 188) «О наградах Калининградской области» // Калининградская правда. 2017, 13 июля.

¹²² Указ Губернатора Калининградской области от 19.11.2018 № 184 (в ред. от 24.12.2020 № 118) «О почетном звании Калининградской области «Доброволец Калининградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 26.11.2018.

¹²³ Указ Губернатора Калининградской области от 16.02.2016 № 25 (в ред. от 03.06.2020 № 42) «О почетном звании Калининградской области «Заслуженный работник культуры Калининградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.02.2016.

¹²⁴ Указ Губернатора Калининградской области от 24.07.2015 № 104 (в ред. от 06.02.2020 № 6) «О почетном звании Калининградской области «Почетный строитель Калининградской области» // Калининградская правда. 2015, 14 августа.

¹²⁵ Указ Губернатора Калининградской области от 19.10.2016 № 116 (в ред. от 29.10.2019 № 86) «О почетном звании Калининградской области «Почетный работник сельского хозяйства Калининградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 27.10.2016.

¹²⁶ Указ Губернатора Калининградской области от 15.12.2015 № 172 (в ред. от 29.10.2019 № 85) «О почетном звании Калининградской области «Почетный работник рыбного хозяйства Калининградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 21.12.2015.

¹²⁷ Постановление Губернатора Санкт-Петербурга от 12.07.2022 № 53-пг «О наградах Губернатора Санкт-Петербурга» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>, 14.07.2022.

¹²⁸ Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 26.08.2022 № 572 «Об учреждении награды Правительства Кемеровской области – Кузбасса – звания «Заслуженный финансист Кузбасса» // Официальный сайт «Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области – Кузбасса». URL: <http://bulleten-kuzbass.ru/>, 26.08.2022; Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 17.06.2021 № 350 «Об учреждении награды Правительства Кемеровской области – Кузбасса – звания «Заслуженный шахтер Кузбасса» // Официальный сайт «Электронный бюллетень Правительства Кемеровской области – Кузбасса». URL: <http://bulleten-kuzbass.ru/>, 18.06.2021 и др.

и Орловская¹²⁹ области). Безусловно, необходимо в региональном законодательстве закрепить единый подход к определению места почетных званий по профессии в системе высших наград субъекта Российской Федерации, а не включать их в иные группы (губернаторских, правительственных или ведомственных) наград. В тех же субъектах Российской Федерации, в которых отсутствуют почетные звания по профессии, например во Владимирской, Смоленской, Томской, Тульской и Ярославской областях, необходимо включить их в систему высших региональных наград.

Проведенный нами анализ региональных нормативных правовых актов показал, что одним из самых распространенных почетных званий, устанавливаемых специальным региональным законодательством, является почетное звание «Почетный гражданин». В базовом региональном наградном законодательстве учреждение почетного звания «Почетный гражданин», «Почетный гражданин – защитник Отечества»¹³⁰ или «Почетный житель»¹³¹ предусмотрено 59 раз, а в 26 субъектах Российской Федерации региональными законами либо иными нормативными правовыми актами учреждено это почетное звание и установлен порядок его присвоения. Только в двенадцати субъектах Российской Федерации (Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, республики Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Карелия, Марий Эл, Татарстан, Тыва, Краснодарский край, Астраханская и Вологодская области) региональным наградным законодательством не учреждено регионального почетного звания «Почетный гражданин» или близкого ему по содержанию почетного звания. Необходимо отметить, что в процессе проведения специальной военной операции, проводимой на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Украины, в приграничных регионах появилось новое звание «Почетный житель приграничья»¹³². В связи с широкой распространенностью учреждения региональных почетных званий «Почетный гражданин» этому званию посвящено значительное количество исследований [55. С. 126–128; 56. С. 11–16; 57. С. 140–150; 58. С. 266–281].

Региональное наградное и иное законодательство устанавливает и некоторые другие почетные звания. Наиболее распространенным из них является региональное почетное звание «Ветеран труда»¹³³ либо региональное звание «Ветеран труда»¹³⁴, иногда предусматривающее не только социальные льготы и выплаты, но

¹²⁹ Постановление Правительства Орловской области от 24.06.2015 № 296 «О звании «Почетный лесник Орловской области» // Государственная специализированная информационная система «Портал Орловской области – публичный информационный центр». URL: <http://orel-region.ru>, 25.06.2015; Постановление Правительства Орловской области от 24.06.2015 № 283 «О звании «Почетный работник культуры Орловской области» // Государственная специализированная информационная система «Портал Орловской области – публичный информационный центр». URL: <http://orel-region.ru>, 25.06.2015 и др.

¹³⁰ Закон Смоленской области от 27.11.2003 № 87-з (в ред. от 25.10.2018 № 104-з) «О наградах и почетных званиях Смоленской области» // Вестник Смоленской областной Думы и Администрации Смоленской области. 2003. № 1. С. 150.

¹³¹ Закон Камчатского края от 06.05.2019 № 323 «О наградах Камчатского края» // Официальные ведомости. 2019, 30 мая.

¹³² Закон Курской области от 10.11.2022 № 100-ЗКО «О мерах социальной поддержки граждан, проживающих в муниципальных образованиях Курской области, полностью или частично расположенных на приграничной территории в пределах Государственной границы Российской Федерации с Украиной» // Курская правда. 2022, 17 ноября.

¹³³ Закон Пензенской области от 30.11.2012 № 2307-ЗПО (в ред. от 24.11.2021 № 3758-ЗПО) «О почетном звании Пензенской области «Ветеран труда Пензенской области» // Пензенские губернские ведомости. 2012, 30 ноября. С. 9; Закон Новосибирской области от 25.07.2003 № 127-ОЗ (в ред. от 25.12.2018 № 336-ОЗ) «О почетном звании «Ветеран труда Новосибирской области» // Советская Сибирь. 2003, 2 августа; Закон Республики Алтай от 11.10.2004 № 42-РЗ (в ред. от 03.10.2018 № 53-РЗ) «О ветеранах труда Республики Алтай» // Сборник законодательства Республики Алтай. 2004. № 20(26). Сентябрь. С. 3.

¹³⁴ Закон Омской области от 16.10.2007 № 961-ОЗ (в ред. от 28.05.2015 № 1752-ОЗ) «О звании «Ветеран Омской области» // Ведомости Законодательного Собрания Омской области. 2007. Октябрь. № 4(53). Ч. II. Ст. 3438; Закон Амурской области от 10.11.2008 № 121-ОЗ (в ред. от 02.02.2022 № 66-ОЗ) «О звании «Ветеран труда Амурской области» // Амурская правда. 2008, 11 ноября; Закон Сахалинской области от 21.12.2006 № 117-ЗО (в ред. от 16.07.2021 № 57-ЗО) «О звании «Ветеран труда Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2006, 23 декабря. Закон Костромской области от 08.06.2006 № 32-4-ЗКО (в ред. от 20.09.2018 № 444-6-ЗКО) «О звании «Ветеран труда Костромской области» // СП – нормативные документы. 2006, 28 августа; Закон Орловской области от 03.12.2007 № 720-ОЗ (в ред. от 05.03.2019 № 2325-ОЗ) «О звании «Ветеран труда Орловской области» // Орловская правда. 2007, 8 декабря; Закон Смоленской области от 29.03.2010 № 10-з (в ред. от 26.11.2020 № 146-з) «О звании «Ветеран труда Смоленской области» // Смоленская газета. 2010, 1 апреля; Закон Тамбовской области от 29.12.2014 № 491-З (в ред. от 30.09.2020 № 527-З) «О звании «Ветеран труда Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. 2014, 31 декабря.

и награждение специальными региональными наградами. Например, в Ульяновской области к почетному званию предоставляется знак «Ветеран труда»¹³⁵, а в Чукотском автономном округе – *нагрудный знак* «Ветеран труда»¹³⁶. Вручение к званию «Ветеран труда» нагрудного знака предусмотрено в Пермском крае¹³⁷, Иркутской¹³⁸, Кировской¹³⁹, Магаданской¹⁴⁰, Мурманской¹⁴¹ и Томской¹⁴² областях. Только законом Республики Бурятия «О ветеранах труда Республики Бурятия» к почетному званию «Ветеран труда Республики Бурятия» полагается вручение специального *нагрудного знака* «Трудовая доблесть»¹⁴³. Имеются случаи установления к региональному званию «Ветеран труда» специального регионального *почетного знака* «Ветеран труда»¹⁴⁴.

В качестве необычного, но самостоятельного вида почетного звания, установленного законодательством о наградах, можно выделить *почетное звание* Ивановской области «Лауреат премии Ивановской области «Женщина года»¹⁴⁵. Региональное *почетное звание* «Лауреат премии» предусмотрено региональным наградным законодательством и других субъектов Российской Федерации. Например, законом Нижегородской области «О наградах и премиях Нижегородской области» учреждено *почетное звание* Нижегородской области «Лауреат премии Минина и Пожарского»¹⁴⁶, а законом Кемеровской области «О наградах» – два почетных звания: «Лауреат премии Кузбасса» и «Лауреат премии Губернатора Кузбасса «Прорыв в будущее»¹⁴⁷. Почетное звание «Лауреат Премии Чукотского автономного округа» учреждено законом Чукотского автономного округа «О на-

Закон Архангельской области от 12.11.1997 № 51-12-ОЗ (в ред. от 02.11.2020 № 318-20-ОЗ) «О присвоении звания “Ветеран труда Архангельской области” отдельным категориям граждан» // Волна. 1997. 9 декабря; Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 24-ЗС (а ред. от 02.11.2018 № 67-ЗС) «О присвоении званий «Ветеран труда», «Ветеран труда Алтайского края» // Алтайская правда. 2005, 21 апреля.

¹³⁵ Закон Ульяновской области от 09.01.2008 № 10-ЗО (в ред. от 02.04.2021 № 17-ЗО) «О звании «Ветеран труда Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2008, 16 января.

¹³⁶ Закон Чукотского автономного округа от 05.05.1999 № 24-ОЗ (в ред. от 27.10.2021 № 60-ОЗ) «О наградах Чукотского автономного округа» // Ведомости. 1999, 4 июня.

¹³⁷ Закон Пермского края от 20.12.2012 № 146-ПК (в ред. от 21.04.2020 № 532-ПК) «О ветеранах труда Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2012. № 51; Приказ Министерства социального развития Пермского края от 06.05.2014 № СЭД-33-01-03-177 «Об утверждении Порядка проведения церемонии вручения удостоверения и нагрудного знака «Ветеран труда Пермского края» // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края. 2014. № 20.

¹³⁸ Закон Иркутской области от 13.07.2018 № 72-ОЗ (в ред. от 29.11.2021 № 112-ОЗ) «О ветеранах труда Иркутской области» // Областная. 2018, 27 июля.

¹³⁹ Постановление Правительства Кировской области от 05.09.2022 № 482-П «Об учреждении нагрудного знака «Ветеран труда» // Официальный информационный сайт Правительства Кировской области. URL: <http://kirovreg.ru>, 05.09.2022.

¹⁴⁰ Закон Магаданской области от 12.01.2004 № 412-ОЗ (в ред. от 02.11.2021 № 2631-ОЗ) «О ветеранах труда Магаданской области» // Магаданская правда. 2004, 20 января.

¹⁴¹ Закон Мурманской области от 26.10.2007 № 895-01-ЗМО (в ред. от 18.04.2022 № 301-ПП) «О ветеранах труда Мурманской области» // Мурманский вестник. 2007, 1 ноября. С. 5.

¹⁴² Закон Томской области от 07.12.2007 № 260-ОЗ (в ред. от 04.10.2018 № 105-ОЗ) «О ветеранах труда Томской области» // Томские новости. 2007, 13 декабря.

¹⁴³ Закон Республики Бурятия от 13.10.2011 № 2291-IV (в ред. от 30.04.2021 № 1527-VI) «О ветеранах труда Республики Бурятия» // Бурятия. 2011, 19 октября.

¹⁴⁴ Областной закон Ленинградской области от 15.11.2007 № 164-оз (в ред. от 24.12.2020 № 152-оз) «О ветеранах труда Ленинградской области» // Вестник Правительства Ленинградской области. 2007. № 76; Постановление Правительства Ленинградской области от 24.10.2008 № 324 (в ред. от 30.12.2021 № 934) «Об утверждении формы и описания почетного знака «Ветеран труда Ленинградской области» и формы и описания удостоверения к почетному знаку «Ветеран труда Ленинградской области» // Вестник Правительства Ленинградской области. 2008. № 68.

¹⁴⁵ Закон Ивановской области от 02.12.2014 № 101-ОЗ (в ред. от 30.05.2016 № 32-ОЗ) «О наградах в Ивановской области» // Собрание законодательства Ивановской области. 2014. № 48(717).

¹⁴⁶ Закон Нижегородской области от 21.04.2003 № 28-З (в ред. от 10.09.2021 № 110-З) «О наградах и премиях Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2003, 25 апреля.

¹⁴⁷ Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 32-ОЗ (в ред. от 29.10.2021 № 106-ОЗ) «О наградах» // Кузбасс. 2005, 18 февраля.

градах Чукотского автономного округа»¹⁴⁸. В качестве самостоятельного регионального почетного звания, не предусмотренного региональным наградным законодательством, можно выделить учреждение почетного звания Ингушской Республики «Меценат года»¹⁴⁹. В череде региональных почетных званий можно различить специальные почетные звания «Почетный донор Амурской области»¹⁵⁰ и «Заслуженный донор Иркутской области»¹⁵¹, учрежденные как наградным законодательством, так и иным региональным законодательством. Например, звание «Почетный донор Магаданской области» учреждено ч. 2 ст. 4 закона Магаданской области «О донорстве крови и ее компонентов на территории Магаданской области»¹⁵².

В качестве комплексного закона, регулирующего вопросы награждения одним видом официальных высших наград субъекта Российской Федерации, можно рассматривать закон Кировской области «О почетных знаках Кировской области», которым учреждены семь почетных знаков Кировской области: «За заслуги перед Кировской областью»; «За милосердие и благотворительность»; «Надежда Кировской области»; «За безупречную государственную службу»; «За безупречную муниципальную службу»; «Доблесть и усердие» и «Педагогическая слава»¹⁵³.

Проведенный нами анализ регионального законодательства, регулирующего награждать отношения в субъектах Российской Федерации, показал, что в отдельных регионах к имеющимся комплексным законам о наградах приняты специальные законы, регулирующие учреждение региональных парламентских наград¹⁵⁴, а также наград региональных государственных органов власти. Например, законом Еврейской автономной области «О наградах и иных видах поощрений государственных органов Еврейской автономной области» предусмотрено учреждение региональных парламентских наград, наград губернатора и правительства Еврейской автономной области, а также региональных ведомственных наград¹⁵⁵. Хотя по общему правилу в регионах могут быть учреждены награды главы субъекта Российской Федерации, парламентские награды субъекта Российской Федерации, правительственные награды субъекта Российской Федерации и ведомственные награды субъекта Российской Федерации подзаконными нормативными правовыми актами соответствующих региональных органов власти.

Система наград субъектов Российской Федерации: общее и особенное. Особую ценность в комплексном базовом региональном наградном законодательстве имеет закрепление классификации региональных наград на виды. Наиболее распространенным основанием классификации региональным законодателем предусмотрена иерархическая значимость вида награды.

Высшим видом наград субъектов Российской Федерации являются государственные (республиканские, краевые, областные, окружные, городские) награды, учрежденные уполномоченными на то региональными

¹⁴⁸ Закон Чукотского автономного округа от 05.05.1999 № 24-ОЗ (в ред. от 04.04.2022 № 22-ОЗ) «О наградах Чукотского автономного округа» // Ведомости. 1999, 4 июня.

¹⁴⁹ Указ Главы Республики Ингушетия от 22.03.2013 № 59 «Об учреждении почетного звания «Меценат года» // Документ получен из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁵⁰ Закон Амурской области от 08.09.2021 № 805-ОЗ (в ред. от 26.08.2022 № 138-ОЗ) «О наградах и иных формах поощрения в Амурской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 13.09.2021.

¹⁵¹ Закон Иркутской области от 24.12.2010 № 141-ОЗ (в ред. от 29.09.2022 № 72-ОЗ) «О наградах Иркутской области и почетных званиях Иркутской области» // Областная. 2010. 29 декабря.

¹⁵² Закон Магаданской области от 27.12.2013 № 1692-ОЗ (в ред. от 29.12.2022 № 2784-ОЗ) «О донорстве крови и ее компонентов на территории Магаданской области» // Магаданская правда. 2013, 31 декабря.

¹⁵³ Закон Кировской области от 08.10.2007 № 170-ЗО (в ред. от 03.10.2019 № 293-ЗО) «О почетных знаках Кировской области» // Вятский край. 2007, 17 октября.

¹⁵⁴ Закон Республики Саха (Якутия) от 15.12.2010 880-3 № 669-IV (в ред. от 29.03.2021 2334-3 № 579-VI) «О наградах Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2010, 31 декабря.

¹⁵⁵ Закон Еврейской автономной области от 28.04.2004 № 282-ОЗ (в ред. от 02.12.2021 № 39-ОЗ) «О наградах и иных видах поощрений государственных органов Еврейской автономной области» // Собрание законодательства Еврейской автономной области. 2004. № 3. Ст. 0330.

органами государственной власти. Вторыми по значимости выступают награды государственных органов субъектов Российской Федерации:

- а) награды главы субъекта Российской Федерации;
- б) награды законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации (региональные парламентские награды);
- в) награды правительства субъекта Российской Федерации (региональные правительственные награды);
- г) награды иных государственных органов субъекта Российской Федерации (региональные ведомственные награды).

Именно таким образом закреплена иерархия наград в законе города Санкт-Петербурга «О наградах и иных формах поощрения в Санкт-Петербурге»¹⁵⁶. Хотя встречаются региональные законы о наградах, в которых все виды региональных наград и поощрений смешиваются и именуется региональными наградами, в то время как положение о них устанавливается актами региональных органов власти, и награждение ими осуществляется теми же органами. Например, законом города Москвы «О наградах и почетных званиях города Москвы» установлено, что наградами города Москвы являются:

- знак отличия «За заслуги перед Москвой»;
- знак отличия «За безупречную службу городу Москве»;
- почетный знак «За заслуги в развитии законодательства и парламентаризма»;
- почетный знак «Родительская слава города Москвы»;
- почетный знак «Заслуженный учитель города Москвы»;
- почетный знак «Заслуженный врач города Москвы»;
- почетная грамота Московской городской Думы;
- благодарность Московской городской Думы;
- почетная грамота Правительства Москвы;
- премии города Москвы;
- благодарность Мэра Москвы¹⁵⁷.

Судя по описанию заслуг, основаниям для награждения и особенностям процедуры награждения, очевидно, что отдельные награды, предусмотренные этим законом, следует отнести к городским парламентским наградам (почетный знак «За заслуги в развитии законодательства и парламентаризма», почетная грамота Московской городской Думы и благодарность Московской городской Думы), к городским наградам правительства Москвы (почетный знак «Родительская слава города Москвы» и почетная грамота Правительства Москвы), к наградам Мэра Москвы (премии города Москвы и благодарность Мэра Москвы). Аналогичное смешение различных по своему статусу видов региональных наград наблюдается в законе города Севастополя «О наградах города Севастополя»¹⁵⁸.

Наиболее часто среди государственных (республиканских, краевых, областных, окружных) региональных наград устанавливается иерархическая значимость наград: от высшей награды к низшей. Наиболее часто высшими наградами субъектов Российской Федерации учреждаются:

- ордена субъектов Российской Федерации;
- медали субъектов Российской Федерации;
- знаки (знаки отличия, почетные, нагрудные, памятные знаки) субъектов Российской Федерации;
- почетные звания субъектов Российской Федерации;

¹⁵⁶ Закон Санкт-Петербурга от 11.07.2019 № 424-102 «О наградах и иных формах поощрения в Санкт-Петербурге» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://www.gov.spb.ru>, 16.07.2019.

¹⁵⁷ Закон г. Москвы от 05.09.2001 № 38 (в ред. от 23.03.2022 № 4) «О наградах и почетных званиях города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 10. Ст. 166.

¹⁵⁸ Закон города Севастополя от 19.04.2017 № 336-ЗС (в ред. от 16.07.2020 № 590-ЗС) «О наградах города Севастополя» // Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. URL: <http://sevzakon.ru>, 19.04.2017.

- почетные грамоты, грамоты, дипломы, благодарности и благодарственные письма субъектов Российской Федерации (руководителей субъектов Российской Федерации);
- государственные премии (премии) и стипендии субъектов Российской Федерации;
- иные виды наград субъектов Российской Федерации.

Проведенный нами мониторинг наградного законодательства субъектов Российской Федерации показал, что на 10 февраля 2023 г. – региональные государственные награды распределились по видам следующим образом:

- в 34 субъектах Российской Федерации учреждено 58 орденов;
- в 52 субъектах Российской Федерации учреждены 192 медали, в том числе памятные и юбилейные;
- в 67 субъектах Российской Федерации учреждены 311 знаков отличия (почетные, памятные, нагрудные и юбилейные), не включая знаки к почетным званиям и региональным премиям и конкурсам;
- в 80 субъектах Российской Федерации учреждены почетные звания;
- в 45 субъектах Российской Федерации учреждены почетные грамоты (грамоты);
- в 9 субъектах Российской Федерации учреждены благодарности (благодарственные письма);
- в 4 субъектах Российской Федерации учреждены почетные дипломы (дипломы);
- в 19 субъектах Российской Федерации учреждены государственные премии;
- в 2 субъектах Российской Федерации (Забайкальский край и город Севастополь) учреждены стипендии.

Проведенное нами мониторинговое исследование показало, что в большинстве субъектов Российской Федерации государственные (республиканские, краевые, областные, окружные, городские) премии регулируются вне комплексного наградного законодательства, но в рамках поощрительного права, собственным законодательством о региональных премиях¹⁵⁹ и/или подзаконными нормативными правовыми актами региональных высших органов государственной власти¹⁶⁰.

В отдельных субъектах Российской Федерации государственные стипендии, являясь средством материального стимулирования (поощрения) обучающихся и иных лиц, вне рамок комплексного наградного законодательства, учреждаются специальными региональными законами о стипендиях¹⁶¹.

¹⁵⁹ Закон Тульской области от 05.01.2003 № 362-ЗТО (в ред. от 27.09.2018 № 68-ЗТО) «Об учреждении премий Тульской области в сфере науки и техники» // Тульские известия. 2003, 9 января; Закон Республики Карелия от 31.12.1999 № 386-ЗРК (в ред. от 14.05.2007 № 1077-ЗРК) «О премиях Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы» // Карелия. 2000, 7 января; Закон Вологодской области от 10.02.2008 № 1749-ОЗ (в ред. от 02.06.2016 № 3949-ОЗ) «О премиях Вологодской области» // Красный Север. 2008, 12 февраля; Закон Калининградской области от 16.06.2006 № 18 «О премиях Калининградской области» // Комсомольская правда в Калининграде. 2006, 27 июня; Закон Волгоградской области от 13.06.2007 № 1486-ОД (в ред. от 25.05.2017 № 45-ОД) «О государственных премиях Волгоградской области в сфере литературы, искусства, архитектуры и культурно-просветительной деятельности» // Волгоградская правда. 2007, 20 июня; Закон Волгоградской области от 20.05.2005 № 1064-ОД (в ред. от 03.06.2015 № 80-ОД) «О премиях Волгоградской области в сфере науки и техники» // Волгоградская правда. 2005, 1 июня. Закон Пермского края от 12.05.2006 № 7-КЗ (в ред. от 20.03.2020 № 523-ПК) «О премиях Пермского края в сфере культуры и искусства» // Бюллетень Законодательного Собрания и администрации Пермской области. 2006. № 6; Закон Республики Хакасия от 26.03.2003 № 15 (в ред. от 16.12.2013 № 113-ЗРХ) «О Государственной премии Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова» // Вестник Хакасии. 2003, 14 апреля и др.

¹⁶⁰ Постановление Губернатора Костромской области от 12.08.2008 № 288 (в ред. от 07.12.2020 № 273) «Об областных премиях в сфере культуры и искусства» // СП – нормативные документы. 2008, 22 августа; Постановление Губернатора Мурманской области от 11.12.2015 № 146-ПГ «Об утверждении Положения о премиях Мурманской области» // Электронный бюллетень Правительства Мурманской области. URL: <http://www.gov-murman.ru>, 14.12.2015; Указ Главы Республики Адыгея от 19.03.2019 № 32 (в ред. от 19.09.2019 № 114) «О некоторых вопросах присуждения Государственных премий Республики Адыгея в области науки, литературы и искусства» // Собрание законодательства Республики Адыгея. 2019. № 3. Март; Указ Главы Республики Башкортостан от 15.04.2022 № УГ-207 «О Государственных премиях Республики Башкортостан в области науки и техники» // Официальный интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан. URL: <http://www.npa.bashkortostan.ru>, 19.04.2022.

¹⁶¹ Закон Республики Карелия от 04.06.2014 № 1792-ЗРК (в ред. от 20.03.2019 № 2354-ЗРК) «Об именных стипендиях Республики Карелия обучающимся по основным профессиональным образовательным программам» // Собрание законодательства Республики Карелия. 2014. № 6. Ст. 939; Закон Краснодарского края от 26.12.2008 № 1637-КЗ (в ред. от 11.02.2020 № 4217-КЗ) «О стипендии Краснодарского края для тренеров чемпионов и призеров Олимпийских, Паралимпийских и Сурдлимпийских игр» // Кубанские

Как показало проведенное нами мониторинговое исследование, в отдельных российских регионах имеются специальные законы, учреждающие одновременно не только государственные премии субъекта Российской Федерации, но и государственные стипендии¹⁶².

Уникальными для высших региональных государственных наград выглядят две награды: ценный подарок Камчатского края и почетные штандарты губернаторов Нижегородской и Волгоградской областей. При этом в отдельных российских регионах почетный штандарт главы субъекта Российской Федерации, как правило, является не государственной наградой, а наградой высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, в соответствии с положением о нем. Такой статус почетный штандарт имеет во Владимирской¹⁶³, Кемеровской¹⁶⁴, Нижегородской¹⁶⁵, Сахалинской¹⁶⁶ и Саратовской¹⁶⁷ областях. В Московской области учрежден знак Правительства Московской области «Штандарт Славы»¹⁶⁸.

В наградном законодательстве Камчатского края ценные подарки в качестве региональных наград могут использовать губернатор Камчатского края (награда высшего должностного лица) и Законодательное Собрание Камчатского края (парламентская награда)¹⁶⁹. Ценный подарок как предмет правового регулирования в рамках регионального наградного права указан в законодательстве Республики Крым. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 33 закона Республики Крым «О государственных наградах Республики Крым» к знакам отличия Государственного Совета Республики Крым (региональным парламентским наградам) относится ценный подарок Председателя Государственного Совета Республики Крым¹⁷⁰. В соответствии со ст. 26.4 Закона Забайкальского края «О наградах Забайкальского края» Законодательное собрание Забайкальского края утверждает в качестве парламентской награды памятный (ценный) подарок¹⁷¹. Статьей 11 Закона Архангельской области «О наградах в Архангельской области» в качестве награды высшего должностного лица органов исполнительной власти региона предусмотрено вручение именных часов Губернатора Архангельской области¹⁷².

новости. 2008, 31 декабря; Закон Краснодарского края от 05.05.2004 № 689-КЗ (в ред. от 11.02.2020 № 4217-КЗ) «О стипендии Краснодарского края для чемпионов и призеров Олимпийских, Паралимпийских и Сурдлимпийских игр» // Кубанские новости. 2004, 15 мая; Закон Амурской области от 16.02.2005 № 441-ОЗ (в ред. от 03.09.2020 № 571-ОЗ) «О государственных стипендиях в Амурской области» // Амурская правда. 2005, 19 февраля; Закон Сахалинской области от 23.06.2003 № 410 (в ред. от 25.12.2015 № 127-ЗО) «Об именных стипендиях Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2003, 27 июня и др.

¹⁶² Закон Республики Бурятия от 12.10.2009 № 1051-IV (в ред. от 30.04.2021 № 1512-VI) «О премиях и стипендиях Республики Бурятия» // Бурятия. 2009, 14 октября.

¹⁶³ Указ Губернатора Владимирской области от 24.03.2017 № 29 (в ред. от 20.02.2021 № 31) «О штандарте Губернатора области» // Владимирские ведомости. 2017, 25 марта.

¹⁶⁴ Постановление Совета народных депутатов Кемеровской области от 26.06.2002 № 1593 «О штандарте Губернатора Кемеровской области и почетном штандарте Губернатора Кемеровской области» // Законодательный вестник Совета народных депутатов Кемеровской области. 2002. № 7, июль – август.

¹⁶⁵ Указ Губернатора Нижегородской области от 22.06.2007 № 35 (в ред. от 06.03.2017 № 21) «Об утверждении Положения о Почетном штандарте Губернатора Нижегородской области» // Нижегородская правда. 2007, 28 июня.

¹⁶⁶ Указ Губернатора Сахалинской области от 29.05.2019 № 24 «О Почетном штандарте Губернатора Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2019, 10 июля.

¹⁶⁷ Постановление Губернатора Саратовской области от 09.04.1998 № 200 (в ред. от 23.11.2018 № 536) «Об учреждении переходящего штандарта Губернатора Саратовской области» // Документ получен из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 24.04.2022).

¹⁶⁸ Постановление Правительства Московской области от 24.03.2005 № 188/9 «Об учреждении знака Правительства Московской области «Штандарт Славы» // Информационный вестник Правительства Московской области. 2005. № 4.

¹⁶⁹ Закон Камчатского края от 06.05.2019 № 323 (в ред. от 29.11.2021 № 11) «О наградах Камчатского края» // Официальные ведомости. 2019, 30 мая.

¹⁷⁰ Закон Республики Крым от 17.07.2014 № 34-ЗРК (в ред. от 11.04.2022 № 265-ЗРК/2022) «О государственных наградах Республики Крым» // Крымские известия. 2014, 24 июля.

¹⁷¹ Закон Забайкальского края от 18.02.2009 № 131-ЗЗК (в ред. от 02.03.2022 № 2050-ЗЗК) «О наградах в Забайкальском крае» // Забайкальский рабочий. 2009, 25 февраля.

¹⁷² Закон Архангельской области от 23.09.2008 № 567-29-ОЗ (в ред. от 21.12.2020 № 355-22-ОЗ) «О наградах в Архангельской области» // Волна. 2008, 21 октября.

По состоянию на 10 февраля 2023 г. в тринадцати субъектах Российской Федерации учреждены государственные награды, в наименовании которых используется слово «герой» и/или производное от него словосочетание «мать-героиня». Этими субъектами являются:

- Республика Тыва, где установлены сразу два почетных звания: звание «Герой Труда Республики Тыва» и звание «Мать-героиня Республики Тыва»¹⁷³;
- Кемеровская область – Кузбасс, где учреждено высшее почетное звание «Герой Кузбасса»¹⁷⁴;
- Тамбовская область, где установлен в качестве областной награды нагрудный знак «Герой Труда Тамбовской области»¹⁷⁵;
- Брянская область, в которой учреждено почетное звание Брянской области «Герой Труда Брянской области»¹⁷⁶;
- Республика Калмыкия, в которой имеется высшая степень отличия – звание «Герой Калмыкии»¹⁷⁷;
- Краснодарский край, где учреждены две медали – «Герой Кубани»¹⁷⁸ и «Герой труда Кубани»¹⁷⁹;
- Республика Северная Осетия – Алания установила звание «Герой труда Осетии» и почетное звание «Мать-героиня Республики Северная Осетия – Алания»¹⁸⁰;
- Ставропольский край имеет учрежденную региональным наградным законодательством медаль «Герой труда Ставрополья»¹⁸¹;
- Республика Саха (Якутия) учредила знак «Мать-героиня»¹⁸²;
- Республика Коми учредила высшее республиканское высшее почетное звание «Герой труда Республики Коми»¹⁸³;
- Приморский край учредил Знак особого отличия Приморского края «Герой Приморья»¹⁸⁴;

¹⁷³ Закон Республики Тыва от 02.08.2021 № 743-ЗРТ (в ред. от 28.02.2022 № 800-ЗРТ) «О государственных наградах Республики Тыва» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 02.08.2021.

¹⁷⁴ Закон Кемеровской области от 14.02.2005 № 32-ОЗ (в ред. от 29.10.2021 № 106-ОЗ) «О наградах» // Кузбасс. 2005, 18 февраля.

¹⁷⁵ Закон Тамбовской области от 31.05.2021 № 635-З (в ред. от 27.12.2022 № 231-З) «О наградах и премиях Тамбовской области» // Тамбовская жизнь. 2021, 8 июня.

¹⁷⁶ Постановление Брянской областной Думы от 31.03.2022 № 7-872 (в ред. от 08.11.2022 № 7-1058) «Об учреждении почетного звания Брянской области «Герой Труда Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 01.04.2022.

¹⁷⁷ Закон Республики Калмыкия от 03.11.2011 № 294-IV-З (в ред. от 12.03.2021 № 154-VI-З) «О государственных наградах Республики Калмыкия» // Хальмг унн. 2011, 9 ноября.

¹⁷⁸ Постановление Главы администрации Краснодарского края от 15 марта 2013 года № 237 «Об учреждении медали «Герой Кубани» // Документ получен из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.05.2022).

¹⁷⁹ Постановление Главы администрации Краснодарского края от 23 июня 2002 г. № 803 «Об учреждении медали «Герой труда Кубани» // Документ получен из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 08.05.2022).

¹⁸⁰ Закон Республики Северная Осетия – Алания от 15.08.2007 № 38-ПЗ (в ред. от 09.01.2019 № 2-ПЗ) «О государственных наградах Республики Северная Осетия – Алания» // Северная Осетия. 2007, 6 сентября.

¹⁸¹ Закон Ставропольского края от 30.07.2014 № 78-кз (в ред. от 04.02.2022 № 7-кз) «О наградах в Ставропольском крае» // Сборник законов и других правовых актов Ставропольского края. 2014. № 33. Ст. 10973.

¹⁸² Закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2004 135/1-3 № 275-III (в ред. от 18.04.2022 2460-3 № 837-VI) «О государственных наградах Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 2004, 8 июля.

¹⁸³ Закон Республики Коми от 17.05.2021 № 30-ПЗ «О внесении изменений в некоторые законы Республики Коми по вопросам совершенствования наград и поощрений в Республике Коми» // Перечень правовых актов, принятых органами государственной власти Республики Коми, иной официальной информации. URL: <http://www.law.rkomi.ru>, 17.05.2021.

¹⁸⁴ Закон Приморского края от 04.06.2014 № 436-КЗ (в ред. от 26.01.2023 № 283-КЗ) «О наградах Приморского края» // Приморская газета. 2014, 16 июня.

– в Ханты-Мансийском автономном округе учрежден знак Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Герой Югры»¹⁸⁵;

– в Чеченской Республике учреждено звание Героя Чеченской Республики¹⁸⁶.

Следует отметить, что правовой статус героев субъектов Российской Федерации различен, как и статус учрежденных этими регионами наград. В одних случаях это региональное почетное звание, в других – это региональная награда – медаль либо региональный знак отличия. В связи с этим становится очевидным, что необходимо проведение самостоятельных исследований правового положения лиц, удостоенных региональных наград героев субъектов Российской Федерации.

Выводы

Проведенное нами мониторинговое сравнительно-правовое исследование регионального наградного законодательства и подзаконных нормативных правовых актов по регулированию наградных отношений в субъектах Российской Федерации позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, правовое регулирование наградных отношений – это конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации по учреждению и применению собственных высших и иных региональных государственных (республиканских, краевых, областных, городских и окружных) наград в целях поощрения позитивной социальной активности физических лиц и их коллективов, а также юридических лиц и муниципальных образований. Однако не во всех российских регионах правовое регулирование наградных отношений унифицировано и систематизировано.

Во-вторых, в большинстве субъектов Российской Федерации принято базовое наградное законодательство, регулирующее широкий круг наградных отношений по учреждению и применению высших государственных наград субъектов Российской Федерации, а в отдельных случаях и региональных наград органов государственной власти. В отдельных субъектах Российской Федерации каждый вид государственной награды учреждается специальным законом или иным нормативным правовым актом высших органов государственной власти, регулирующим как учреждение региональных наград, так и процедурные вопросы награждения ими. Встречаются случаи, когда наградные отношения в регионе одновременно регулируются различными видами отраслевого законодательства. Например, законодательством, направленным на правовое регулирование отдельных сфер жизнедеятельности (образования, культуры, благотворительности, меценатства, донорства и т. д.) учреждаются отдельные виды региональных наград, что нередко приводит к несогласованности между базовым наградным законодательством и отраслевым законодательством об учреждении этих наград.

В-третьих, основными видами государственных наград субъектов Российской Федерации являются: орден, медали, знаки отличия (почетные, нагрудные, памятные, юбилейные знаки), почетные звания, почетные грамоты (грамоты), почетные дипломы (дипломы), почетные штандарты, благодарности, благодарственные письма, государственные премии, государственные стипендии и ценные подарки. Иерархия этих видов региональных наград, в силу специфики формирования наградного права субъектов Российской Федерации, не отличается однообразием. Это наиболее ярко просматривается на правовом статусе региональных почетных званий по профессиям, когда в одних регионах эти звания являются разновидностью высших наград субъекта Российской Федерации, а в других их статус понижен до уровня награды главы региона, правительственной или ведомственной награды.

В-четвертых, в большинстве субъектов Российской Федерации наградные отношения регулируются различными по своей юридической силе нормативными правовыми актами без формирования единой

¹⁸⁵ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 07.12.2022 № 150-оз «О внесении изменений в Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «О наградах и почетных званиях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 07.12.2022.

¹⁸⁶ Указ Главы Чеченской Республики от 31.10.2022 № 214 «Об установлении звания Героя Чеченской Республики и учреждении знака особого отличия – медали «Герой Чеченской Республики» // Вести республики. 2022, 5 ноября.

многоуровневой региональной системы наградного права. Лишь только в отдельных российских регионах все государственные награды регулируются одним нормативным актом с установлением иерархии наград, единых требований к заслугам награждаемых лиц и процедурам награждения региональными наградами.

В-пятых, в значительной доле субъектов Российской Федерации требуются систематизация и гармонизация наградного и иного отраслевого законодательства, а также подзаконных нормативных правовых актов с установлением иерархической связи между государственными наградами и региональными наградами органов государственной власти, а также иными средствами стимулирования позитивной активности.

В-шестых, в целях единства наградной политики субъектов Российской Федерации необходимо установить обязательное требование к учреждению высших региональных государственных наград – только путем принятия регионального закона, с одновременным или последующим внесением изменений и дополнений в базовый региональный закон, регулирующий систему наградных отношений. Это позволит сохранить целостность правового регулирования наградных отношений субъектов Российской Федерации и позволит если не полностью исключить, то хотя бы существенно снизить его противоречивость.

Список литературы

1. Винокуров В. А. Конституционно-правовые основы регулирования наград государства в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2010. 515 с.
2. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России: телеологические и аксиологические основания правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 568 с.
3. Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 171 с.
4. Винокуров В. А. Государственное наградное право: монография. Москва: Издательство Московского университета, 2014. 608 с.
5. Винокуров В. А. Система государственных наград Российской Федерации: история, современность и перспективы развития: монография. Москва: Изд-во РАНХиГС, 2012. 248 с.
6. Трофимов Е. В. Наградное дело в Российской Федерации: административно-правовое исследование: монография. Санкт-Петербург: Лема, 2013. 352 с.
7. Кокурина О. Ю. Государственные награды в России: вопросы теории и практики. Москва, 2015. 512 с.
8. Щербинина Л. Ф., Юдкин А. В. Законодательство о поощрениях: вопросы теории и практики: монография. Тула: Российская правовая акад. М-ва юстиции Российской Федерации, 2010. 106 с.
9. Кокурина О. Ю. Награды Российской Федерации за труд // Административное право и процесс. 2014. № 1. С. 54–60.
10. Кокурина О. Ю. Государственные награды как правовой механизм стимулирования социальной активности граждан // Вестник академии права и управления. 2011. № 24. С. 103–110.
11. Романовская О. В. Правовой режим наград Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7, № 1(25). С. 17–22.
12. Чистяков А. В. Государственные награды как фактор активизации донорского движения в России // Управленческое консультирование. 2021. № 9(153). С. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-121-127>
13. Кокурина О. Ю. Ведомственные награды как объект нормотворчества федеральных органов исполнительной власти // Инновации в гражданской авиации. 2019. Т. 4, № 2. С. 12–18.
14. Шугрина Е. С. Наградная политика: виды наград для муниципального уровня // Правоприменение. 2020. Т. 4, № 2. С. 85–98.
15. Сердобинцева Е. В. Сфера государственных наград как объект конституционно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2009. № 5(68). С. 112–114.
16. Сердобинцева Е. В. Наградная система Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 177–181.
17. Петров А. Я. Государственные награды по российскому праву // Образование и право. 2020. № 8. С. 84–89.
18. Бубнова И. А. Награды как ценностные императивы государства и общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 93–102.
19. Винокуров В. А. Изменения в системе государственных наград Российской Федерации в 2019–2021 годах // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2021. № 5–6 (188–189). С. 52–57.

20. Нигметзянов А. А. К вопросу о понятии конституционной обязанности государства пожаловать награду // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 8. С. 106–110.
21. Трофимов Е. В. Понятие и особенности наград // *Вестник*: Проблемы общества и политики. 2013. № 2. С. 23–67. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.2.391>
22. Капусткин А. С. Награды публичной власти для вузовских работников // Юридическое образование и наука. 2021. № 6. С. 41–44.
23. Гриб В. В. Общественные (корпоративные) награды в сфере высшего образования как правовое явление: актуальное состояние и перспективы развития // Юридический мир. 2021. № 4. С. 43–46.
24. Винокуров В. А. Система государственных наград Российской Федерации: регламентация последних лет // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 20–24.
25. Государственные награды в области здравоохранения (отечественный и мировой опыт) / И. С. Самохин, Н. С. Ерохова, Л. Ж. Караванова, Е. В. Нагорнова // Вопросы истории. 2022. № 1–1. С. 63–77.
26. Борисов Д. Н. Наградная «система» современного казачества России // Гербовый курьер. 2023. № 1(2). С. 105–109.
27. Провалинский Д. И. Награды как форма реализации правовых стимулов // Юридическая мысль. 2015. № 4(90). С. 60–66.
28. Трофимов Е. В. Наградное право (общая часть): электрон. учеб. пособие. Санкт-Петербург: СЗФ РПА Минюста России, 2014. 1186 Кб. 173 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № гос. регистрации 0321501021.
29. Трофимов Е. В. Наградное право (процессуальная часть): электрон. учеб. пособие. Санкт-Петербург: СЗФ РПА Минюста России, 2014. 1231 Кб. 213 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № гос. регистрации 0321402138.28.
30. Якушев В. А. Правовое регулирование института наград в полиции России: учебное пособие. Москва: Юрайт, 2022. 99 с.
31. Якушев В. А. Правовое регулирование института наград в полиции России: учебное пособие. Москва: Юрайт, 2021. 99 с.
32. Белоцеркович Д. В. Административно-правовое регулирование государственных наград субъектов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 17 с.
33. Нигметзянов А. А. Конституционно-правовые основы наградных отношений в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019. 214 с.
34. Белоцеркович Д. В., Полянский И. А. Государственные награды субъектов Российской Федерации (административно-правовое регулирование): монография. Хабаровск: Магеллан, 2007. 180 с.
35. Трофимов Е. В. Награды субъектов Российской Федерации (система и правовое регулирование). Хабаровск, 2008. 784 с.
36. Винокуров В. А. Государственные награды субъектов Российской Федерации – атрибут государственности // Юридическая мысль. 2007. № 5. С. 29–35.
37. Белоцеркович Д. В. Формы государственных наград субъектов Российской Федерации // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 3(77). С. 160–164.
38. Кокурина О. Ю. Региональные награды в наградном институте Российской Федерации // Армия и общество. 2013. № 5. С. 98–103.
39. Нигметзянов А. А. Государственные награды Республики Татарстан: правовой статус и регулирование // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 16–18.
40. Нигметзянов А. А. Почетные грамоты и почетные звания как виды государственных наград республик // Бизнес в законе. 2011. № 3. С. 34–36.
41. Белоцеркович Д. В. Государственные награды субъектов Российской Федерации (система наград и порядок наградного производства) // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2015. № 6(80). С. 158–165.
42. Малый А. Ф., Нигметзянов А. А. Государственная награда как атрибут государственности субъекта Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 5. С. 92–98.
43. Кабанов П. А. Почетная грамота избирательной комиссии субъекта Российской Федерации: ее статус и место в системе ведомственных наград // Избирательное право. 2020. № 2(42). С. 7–15.
44. Винокуров В. А., Маруков А. Ф. Награды высших органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Юридическая мысль. 2008. № 1(45). С. 49–64.
45. Трофимов Е. В. Государственные награды субъектов Российской Федерации // *Вестник*: Вопросы права и политики. 2013. № 1. С. 1–147. DOI: <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.1.430>
46. Трофимов Е. В. Формы государственных наград субъектов Российской Федерации: классификация и тенденции правового регулирования // Право и политика. 2008. № 4. С. 1011–1016.

47. Кабанов П. А. Знаки отличия избирательных комиссий субъектов Российской Федерации как особый вид региональных ведомственных наград: правовое регулирование и вопросы его совершенствования // *Избирательное право*. 2020. № 1(41). С. 27–46.
48. Вязьмитинов М. Н. Собственные награды субъектов Российской Федерации // *Проблемы социально-экономического, политического и культурного развития России: сборник научных трудов / под ред. С. В. Осипова, Т. В. Петуховой*. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2008. С. 30–38.
49. Белоцеркович Д. В. Типология наградных систем субъектов Российской Федерации // *Ученые заметки ТОГУ*. 2015. Т. 6, № 3. С. 55–60.
50. Сахиева Р. А. Законодательство о государственных наградах Республики Татарстан // *Вестник Евразийской академии административных наук*. 2018. № 3(44). С. 68–71.
51. Нигметзянов А. А. Развитие наградного законодательства в республиках Российской Федерации // *Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия*. 2020. Т. 16. С. 93–106.
52. Трофимов Е. В. Формы государственных наград субъектов Российской Федерации: классификация и тенденции // *Право и политика*. 2008. № 4. С. 1011–1016.
53. Трофимов Е. В. Характер нормативно-правового регулирования и консолидации наградных систем субъектов Российской Федерации // *Юридический мир*. 2011. № 11. С. 33–36.
54. Винокуров В. А., Маруков А. Ф. Награды высших органов государственной власти субъектов Российской Федерации // *Юридическая мысль*. 2008. № 1. С. 49–63.
55. Стерхова М. И., Фастовец Л. А. К вопросу об институте почетного гражданства в России // *Инновационная наука*. 2015. № 8–2(8). С. 126–128.
56. Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Северной Осетии // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова*. 2016. № 1. С. 11–16.
57. Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Кузбасса // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 31. С. 140–150.
58. Акуленко И. В. Почетное гражданство в истории Москвы // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2017. Т. 4, № 3. С. 266–281.

References

1. Vinokurov, V. A. (2010). *Constitutional-legal bases of regulating state awards in the Russian Federation*: Doctoral (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
2. Kokurina, O. Yu. (2015). *State awards in Russia: teleological and axiological bases of legal regulation*: Doctoral (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
3. Duehl, V. M. (2005). *State awards in the Russian law: problems of theory and practice*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
4. Vinokurov, V. A. (2014). *State award law*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
5. Vinokurov, V. A. (2012). *System of state awards of the Russian Federation: history, modernity and prospects of development*. Moscow: Izd-vo RANKhIGS. (In Russ.).
6. Trofimov, E. V. (2013). *Awards institution in the Russian Federation: administrative-legal research*. Saint Petersburg: Lema (In Russ.).
7. Kokurina, O. Yu. (2015). *State awards in the Russia: issues of theory and practice*. Moscow. (In Russ.).
8. Shcherbinina, L. F., & Yudkin, A. V. (2010). *Legislation on incentives: issues of theory and practice*. Tula: RLA of the Ministry of Justice of Russia. (In Russ.).
9. Kokurina, O. Yu. (2014). Awards of the Russian Federation for labor. *Administrativnoe pravo i protsess*, 1, 54–60. (In Russ.).
10. Kokurina, O. Yu. (2011). State awards as a legal mechanism of stimulating social activity of citizens. *Vestnik Akademii Prava i Upravleniya*, 24, 103–110. (In Russ.).
11. Romanovskaya, O. V. (2019). Legal regime of awards in the Russian Federation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 7(1), 17–22. (In Russ.).
12. Chistyakov, A. V. (2021). State Awards as a Factor of Activation of the Donor Movement in Russia. *Administrative Consulting*, 9, 121–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-9-121-127>
13. Kokurina, O. Yu. (2019). Departmental awards as an object of law-making of federal executive bodies. *Innovatsii v grazhdanskoj aviatsii*, 4(2), 12–18. (In Russ.).
14. Shugrina, E. S. (2020). Award policy: types of awards for the municipal authorities. *Law Enforcement Review*, 4(2), 85–98. (In Russ.).

15. Serdobintseva, E. V. (2009). Sphere of state awards as an object of constitutional-legal regulation. *Rossiiskii juridicheskii zhurnal*, 5(68), 112–114. (In Russ.).
16. Serdobintseva, E. V. (2010). Awards system of the Russian Federation. *Rossiiskii juridicheskii zhurnal*, 2, 177–181. (In Russ.).
17. Petrov, A. Ya. (2020). State Awards in Russian Law. *Education and Law*, 8, 84–89. (In Russ.).
18. Bubnova, I. A. (2019). Awards as Value Imperatives of a State and Society. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Jazykoznanije*, 18(3), 93–102. (In Russ.).
19. Vinokurov, V. A. (2021). Changes in the system of state awards of the Russian Federation in 2019–2021. *Representative power – 21st century*, 5–6 (188–189), 52–57. (In Russ.).
20. Nigmatzyanov, A. A. (2018). To the question of the concept of the constitutional duty of the state to award. *Gumanitarnye, sotsial'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 8, 106–110. (In Russ.).
21. Trofimov, E. V. (2013). Definition and Special Aspects of Awards. *Sociodynamics*, 2, 23–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.2.391>
22. Kapustkin, A. S. (2021). Awards of public authorities for university staff. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*, 6, 41–44. (In Russ.).
23. Grib, V. V. (2021). Public (corporate) awards in the higher education systems as a legal phenomenon: actual status and prospects of development. *Yuridicheskii mir*, 4, 43–46. (In Russ.).
24. Vinokurov, V. A. (2022). System of state awards of the Russian Federation: regulation of the recent years. *Konstitutsionoe i munitsipal'noe pravo*, 5, 20–24. (In Russ.).
25. Samokhin, I. S., Erokhova, N. S., Karavanova, L. Zh., & Nagornova, E. V. (2022). State awards in healthcare (Russian and global experience). *Voprosy istorii*, 1–1, 63–77. (In Russ.).
26. Borisov, D. N. (2023). Award “system” of the modern Cossacks in Russia. *Gerbovyi kur'er*, 1(2), 105–109. (In Russ.).
27. Provalinskii, D. I. (2015). Awards as a form of legal incentives implementation. *Yuridicheskaya mysl*, 4(90), 60–66. (In Russ.).
28. Trofimov, E. V. (2014). *Award law (general part):* electronic tutorial. Saint Petersburg: SZF RPA Minyusta Rossii, 2014. 1186 Kb. 173 s. 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM). № gos. registratsii 0321501021.
29. Trofimov, E. V. (2014). *Award law (procedural part):* electronic tutorial. Saint Petersburg: SZF RPA Minyusta Rossii, 2014. 1231 Kb. 213 s. 1 ehlektron. opt. disk (CD-ROM). № gos. registratsii 0321402138.28.
30. Yakushev, V. A. (2022). *Legal regulation of the institute of awards in the Russian police:* tutorial. Moscow: Yurait (In Russ.).
31. Yakushev, V. A. (2021). *Legal regulation of the institute of awards in the Russian police:* tutorial. Moscow: Yurait (In Russ.).
32. Belotserkovich, D. V. (2007). *Administrative-legal regulation of the state awards of the Russian Federation subjects:* abstract of a PhD (Law) thesis. Moscow: (In Russ.).
33. Nigmatzyanov, A. A. (2019). *Constitutional-legal bases of award relations in the Russian Federation subjects:* PhD (Law) thesis. Kazan (In Russ.).
34. Belotserkovich, D. V., & Polyanskii, I. A. (2007). *State awards of the Russian Federation subjects (administrative-legal regulation).* Khabarovsk: Magellan (In Russ.).
35. Trofimov, E. V. (2008). *Awards of the Russian Federation subjects (system and legal regulation).* Khabarovsk. (In Russ.).
36. Vinokurov, V. A. (2007). State awards of the Russian Federation subjects as an attribute of statehood. *Yuridicheskaya mysl*, 5, 29–35. (In Russ.).
37. Belotserkovich, D. V. (2015). Forms of state awards of the Russian Federation subjects. *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ehkonomiki i prava*, 3(77), 160–164. (In Russ.).
38. Kokurina, O. Yu. (2013). Regional awards in the award institution of the Russian Federation. *Armiya i obshchestvo*, 5, 98–103. (In Russ.).
39. Nigmatzyanov, A. A. (2012). State rewards of the Republic of Tatarstan: legal status and regulation. *Gaps in Russian Legislation*, 2, 16–18. (In Russ.).
40. Nigmatzyanov, A. A. (2011). Letters of Honor and honorary titles as types of state awards of the republics. *Biznes v zakone*, 3, 34–36. (In Russ.).
41. Belotserkovich, D. V. (2015). State awards of the Russian Federation subjects (system of awards and order of awarding). *Vestnik Khabarovskoi gosudarstvennoi akademii ehkonomiki i prava*, 6(80), 158–165. (In Russ.).
42. Maly, A. F., & Nigmatzyanov, A. A. (2018). State Award as an Attribute of Statehood of the Federation Subject. *Bulletin of the volga region Institute of Administration*, 18(5), 92–98. (In Russ.).
43. Kabanov, P. A. (2020). Letter of Honor of an election commission of a Russian Federation subject: its status and place in the system of departmental awards. *Izбирательное право*, 2(42), 7–15. (In Russ.).
44. Vinokurov, V. A., & Marukov, A. F. (2008). Awards of the supreme state authorities of the Russian Federation subjects. *Yuridicheskaya mysl*, 1(45), 49–64. (In Russ.).

45. Trofimov, E. V. (2013). State awards of Russian regions. *Legal Studies*, 1, 1–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.1.430>
46. Trofimov, E. V. (2008). Forms of state awards of the Russian Federation subjects: classification and trends of legal regulation. *Law and Politics*, 4, 1011–1016. (In Russ.).
47. Kabanov, P. A. (2020). Honorary signs of election commissions of the Russian Federation subjects as a special type of regional departmental awards: legal regulation and issues of its improvement. *Izbitatelnoe pravo*, 1(41), 27–46. (In Russ.).
48. Vyazmitinov, M. N. (2008). Own awards of the Russian Federation subjects. In S. V. Osipov, T. V. Petukhova (Eds.). *Issues of social-economic, political and cultural development of Russia: collection of scientific works* (pp. 30–38). Ulyanovsk: Ulyanovskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. (In Russ.).
49. Belotserkovich, D. V. (2015). Types of premium of subjects of the Russian Federation. *Scientists notes PNU*, 6(3), 55–60. (In Russ.).
50. Sakhieva, R. A. (2018). Legislation on state awards of the Republic of Tatarstan. *Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences*, 3(44), 68–71. (In Russ.).
51. Nigmatzyanov, A. A. (2020). Development of award law in the republics of the Russian Federation. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya*, 16, 93–106. (In Russ.).
52. Trofimov, E. V. (2008). Forms of state awards of the Russian Federation subjects: classification and trends. *Law and Politics*, 4, 1011–1016. (In Russ.).
53. Trofimov, E. V. (2011). Character of normative-legal regulation and consolidation of award systems of the Russian Federation subjects. *Yuridicheskii mir*, 11, 33–36. (In Russ.).
54. Vinokurov, V. A., Marukov, A. F. (2008). Awards of the supreme state authorities of the Russian Federation subjects. *Yuridicheskaya mysl*, 1, 49–63. (In Russ.).
55. Sterkhova, M. I., Fastovets, L. A. (2015). On the institute of honorary citizenship in Russia. *Innovatsionnaya nauka*, 8–2(8), 126–128. (In Russ.).
56. Akulenko, I. V. (2016). Honorary citizenship in the history of North Ossetia. *Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 1, 11–16. (In Russ.).
57. Akulenko, I. V. (2015). Honorary citizenship in the history of Kuzbass. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 31, 140–150. (In Russ.).
58. Akulenko, I. V. (2017). Honorary citizenship in the history of Moscow. *RUDN Journal of Public Administration*, 4(3), 266–281. (In Russ.).

Конфликт интересов: автор является членом редколлегии журнала Russian Journal of Economics and Law. Статья прошла рецензирование на общих основаниях.

Conflict of Interest: the author is a member of the Editorial Board of the Russian Journal of Economics and Law. The article has been reviewed on the usual terms.

Дата поступления / Received 15.01.2023
Дата принятия в печать / Accepted 21.02.2023

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ / CRIMINAL-LEGAL SCIENCES

Редактор рубрики *И. И. Бикеев* / Rubric editor *I. I. Bikeev*

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.367-384

УДК 343.9:328.185:347.19(470+571)

И. А. ДАММ¹,

В. В. КОСТРЫКИНА¹

¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

ТИПОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ В АСПЕКТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Контактное лицо:

Дамм Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой деликтологии и криминологии Юридического института, Сибирский федеральный университет

E-mail: idamm@sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6286-374X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6433-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 2137-8772, AuthorID: 659804

Кострыкина Виктория Витальевна, старший преподаватель кафедры деликтологии и криминологии Юридического института, Сибирский федеральный университет

E-mail: vkostrykina@sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9874-9308>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/GQH-0857-2022>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8980-0274, AuthorID: 1103644

Аннотация

Цель: осуществление типологизации организаций в аспекте противодействия коррупции на основе обобщения подходов к пониманию организаций и выделению их разновидностей в системе научного знания.

Методы: общенаучный метод диалектического познания, а также ряд частнонаучных методов, таких как юридический, системно-структурный, формально-логический и др.

Результаты: значимым препятствием в построении системы противодействия коррупции в организациях выступает отсутствие фундаментальных междотраслевых научных исследований, ранжирующих организации в зависимости от степени влияния их деятельности на состояние национальной безопасности. Типологизация организаций в аспекте противодействия коррупции имеет важное методологическое значение, поскольку позволяет заложить

© Дамм И. А., Кострыкина В. В., 2023

© Damm I. A., Kostrykina, V. V., 2023

основные научно-практические подходы к обеспечению антикоррупционной деятельности в зависимости от степени коррупциогенной опасности таких организаций. Обобщение подходов к пониманию организаций и выделению их разновидностей позволило установить доминирование гражданского права в познании организаций. Вместе с тем классификации организаций, используемые в данной отрасли права, не позволяют достичь цели настоящего исследования. В связи с этим в рамках настоящей работы актуализирована необходимость междисциплинарного научного познания сущностных характеристик организаций, проблематизировано выделение признаков для типологизации организаций, предложена рабочая типология организаций в аспекте противодействия коррупции. Последующее научное познание коррупционных проявлений и механизмов их воспроизводства в деятельности различных типов организаций позволит вскрыть резервы антикоррупционной деятельности и обеспечить системный уровневый подход в ее обеспечении.

Научная новизна: в работе обосновывается необходимость осуществления типологизации организаций во взаимосвязи с влиянием их коррупциогенности на безопасность общества и государства для построения уровневой системы противодействия коррупции в организациях различного типа.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы при определении направлений совершенствования государственной политики в области противодействия коррупции, а также антикоррупционной деятельности организаций.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, коррупция, организации, публичные организации, публичные юридические лица, частный сектор, противодействие коррупции, типологизация, коррупционная преступность

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Дамм И. А., Кострыкина В. В. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 367–384. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.367-384

Scientific article

I. A. DAMM¹,

V. V. KOSTRYKINA¹

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

TYPOLOGY OF ORGANIZATIONS IN THE ASPECT OF CORRUPTION COUNTERACTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Contact:

Irina A. Damm, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Department of Delictology and Criminology, Institute of Law, Siberian Federal University
E-mail: idamm@sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6286-374X>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-6433-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 2137-8772, AuthorID: 659804

Viktoria V. Kostrykina, Senior Lecturer of the Department of Delictology and Criminology, Institute of Law, Siberian Federal University

E-mail: vkostrykina@sfu-kras.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9874-9308>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/GQH-0857-2022>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8980-0274, AuthorID: 1103644

Abstract

Objective: to perform typologization of organizations in the aspect of counteracting corruption based on generalization of approaches to understanding organizations and highlighting their types in the system of scientific knowledge.

Methods: general scientific method of dialectical cognition, as well as a number of specific scientific methods, such as legal, systemic-structural, formal-logical, etc.

Results: a significant obstacle in building a system of corruption counteraction in organizations is the lack of fundamental intersectoral scientific research ranking organizations depending on the degree of influence of their activities on national security. The typologization of organizations in the aspect of corruption counteraction is of great methodological importance, since it allows establishing the basic scientific and practical approaches to ensuring anti-corruption activities, depending on the degree of corruption-related danger of such organizations. Generalization of approaches to the understanding of organizations and the identification of their varieties allowed establishing the dominance of civil law in the knowledge of organizations. At the same time, the classifications of organizations used in this branch of law do not enable to achieve the goal of this study. In this regard, within the framework of this work, the need for interdisciplinary scientific knowledge of the essential characteristics of organizations is actualized, the identification of signs for the typologization of organizations is problematized, and a working typology of organizations in the aspect of combating corruption is proposed. The further scientific cognition of corruption manifestations and mechanisms of their reproduction in the activities of various types of organizations will make it possible to reveal the reserves of anti-corruption activities and provide a systematic multilevel approach in their implementation.

Scientific novelty: the paper substantiates the need for typologization of organizations in interconnection with the influence of their corruptiogeny on the security of society and the state to build a multilevel system of counteracting corruption in organizations of various types.

Practical significance: the research results can be used in determining the directions for improving state policy in the field of corruption counteraction, as well as anticorruption activity of organizations.

Keywords: Criminal-Legal Sciences, Corruption, Organizations, Public organizations, Public legal persons, Private sector, Corruption counteraction, Typologization, Corruption crime

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Damm, I. A., & Kostrykina, V. V. (2023). Typology of organizations in the aspect of corruption counteraction in the Russian Federation. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 367–384. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.367-384

Введение

В повседневной жизни человек регулярно взаимодействует с различными по своей правовой природе и правовой форме организациями. Бытовые, транспортные, жилищно-коммунальные, туристические, правовые, банковские, научно-исследовательские услуги, а также услуги связи, торговли и прочие, предоставляемые организациями, образуют сложную систему по созданию безопасных и комфортных условий для удовлетворения потребностей личности и общества. В свою очередь, деятельность государственных корпораций, государственных компаний, государственных и муниципальных учреждений обеспечивает удовлетворение важных социальных потребностей, имеющих значение для устойчивого развития общества и государства.

Организации осуществляют свою деятельность в различных сферах жизни общества: социальной, экономической, политической, духовной, а также в сфере обеспечения безопасности и правопорядка. Особую опасность для развития общества и государства в названных сферах представляет коррупция, негативные последствия которой приводят к деформации функционирования соответствующих систем.

Важную роль в обеспечении жизнедеятельности общества играют организации социальной сферы. Коррупционные деформации названной сферы обслуживания населения негативно отражаются на качестве

жизни граждан, приводят к повышению напряженности в обществе, а также подрыву доверия граждан к реализуемой государственной социальной политике. Как отмечает А. В. Полукаров, «бесплатные социально востребованные услуги в сфере здравоохранения, образования, физической культуры и спорта оказываются большому количеству граждан за вознаграждения, что является незаконным. Тем самым коррупция последовательно и системно вытесняет граждан из бесплатной системы предоставления тех или иных социальных услуг» [1. С. 7].

Коррупция представляет собой основу криминализации экономических отношений, приходит к выводу Ю. Г. Наумов [2. С. 4]. В научной литературе отмечается, что, осознавая неизбежность предоставления подкупа за решение различных вопросов в пользу заинтересованных лиц, представители компаний вынуждены включать такие коррупционные издержки в стоимость различных товаров, работ и услуг [3. С. 79–80; 4. С. 190]. «Ежедневно каждый россиянин платит коррупционный налог, скрытый в цене на продукты питания и товары первой необходимости, проезд в транспорте, коммунальные услуги, строительство жилья и дорог, услуги медицины и образовательной сферы» [5. С. 158]. В такой ситуации «коррупция непосредственно влияет на рост цен на товары и услуги, существенно стимулирует рост теневой экономики», – полагает В. А. Номоконов [6. С. 62].

Коррупционные проявления наблюдаются и в деятельности организаций, функционирующих в сфере духовных отношений. Информация о коррупции в религиозных, благотворительных, патриотических и иных аналогичных организациях периодически появляется в средствах массовой информации. И, несмотря на то, что коррупционные деяния в рассматриваемых организациях связаны, как правило, с осуществлением ими хозяйственной деятельности, а также нецелевым использованием финансовых ресурсов, последствия таких деяний крайне негативны. Названные виды организаций должны выступать своего рода нравственными ориентирами для общества, носителями культуры и духовных ценностей. По этой причине даже единичные проявления коррупции в их деятельности особенно остро воспринимаются в общественном сознании.

Коррупция в деятельности политических организаций, а также организаций, работающих в сфере обеспечения безопасности и правопорядка, представляет угрозу национальной безопасности. По мнению П. А. Кабанова, «в результате распространения парламентской коррупции происходит разрушение правосознания граждан, формируется пренебрежительное отношение к действующему законодательству, провоцируется социальная и политическая напряженность, что производит самодетерминацию или самовоспроизводство коррупции во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в политической сфере жизни общества» [7. С. 80].

Особое внимание в специальной литературе уделяется деятельности коммерческих организаций, направленной на незаконное финансовое обеспечение избирательных кампаний различного уровня [8, 9]. Как отмечает Е. А. Акунченко, активное участие представителей финансово-промышленных групп в теневом финансировании субъектов избирательного процесса «не только нарушает права политических конкурентов, не имеющих соизмеримой материальной поддержки, но и создает основу для воспроизводства последующего коррупционного лоббирования и иных форм коррупционных отношений в рамках деятельности вновь избранных органов народного представительства и выборных должностных лиц» [10. С. 86–87]. В иностранных исследованиях также отмечается, что корпорации обычно участвуют в политических кампаниях и пытаются оказать воздействие на законодателей, чтобы добиться режима наибольшего благоприятствования [11].

Особое место в структуре коррупционных отношений занимают транснациональные организации. В. В. Бабурин, Л. Р. Клебанов и О. А. Кузнецова отмечают, что «коррупционная преступность транснациональных корпораций представляет собой особо опасный вид преступной деятельности, посягающей на интересы суверенных государств» [12. С. 338]. Транснациональная коррупция, по мнению А. Л. Репецкой, «проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения возможности вести или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране либо получать какое-либо неправомерное преимущество» [13. С. 243]. Кроме того, «коррупция тесно связана с транснациональной организованной преступностью и играет важную вспомогательную роль для таких видов организованной преступной деятельности, как незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, незаконная торговля, торговля людьми,

контрабанда нелегальных мигрантов, легализация преступных доходов», полагают Ю. П. Гармаев, Э. А. Иванов и С. А. Маркунцов [14. С. 261].

Организации выступают многофункциональными субъектами коррупционных отношений, общественная опасность коррупционной деятельности которых представляется недооцененной. Организации представляют собой значимый резерв в механизме воспроизводства коррупционных проявлений в различных сферах. Особенность коррупции в деятельности организаций обусловлена тем, что непосредственное обеспечение жизнедеятельности общества и государства осуществляют различные по своей организационно-правовой форме организации. Именно с организациями, а не государственными органами граждане ежедневно взаимодействуют по многочисленным бытовым и иным вопросам. По данным Росстата¹, общее количество зарегистрированных коммерческих и некоммерческих организаций по состоянию на 1 января 2023 г. составило 3 285 118, из них: коммерческих корпоративных организаций – 2 599 251; некоммерческих корпоративных организаций – 288 893; коммерческих унитарных организаций – 10 490; некоммерческих унитарных организаций – 305 556.

Деформации деятельности организаций, обусловленные коррупцией, приводят к крайне негативным последствиям, поскольку базовые потребности личности и общества удовлетворяются не в полном объеме. В свою очередь, неудовлетворенность получаемыми услугами приводит к росту социальной напряженности и при достижении критической массы может стать угрозой национальной безопасности.

В современной России основные усилия государства направлены на противодействие коррупции в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Организации вошли в орбиту государственной политики в сфере противодействия коррупции сравнительно недавно. В декабре 2012 г. в Федеральный закон «О противодействии коррупции» введена ст. 13.3, обязывающая организации принимать меры по предупреждению коррупции. Данная статья содержит также перечень предупредительных мер, которые могут реализовываться в организации. В целях оказания методической помощи организациям разработаны и размещены в открытом доступе на официальном сайте Министерства труда и социальной политики РФ соответствующие рекомендации: по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции²; по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд³; по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации⁴ и др.

Таким образом, в Российской Федерации на уровне законодательства о противодействии коррупции заложена правовая основа предупреждения коррупции в организациях, а на уровне уполномоченных ведомств предложены рекомендации по внедрению соответствующих мер. Вместе с тем коррупционные риски и ответственность причиняемого вреда от коррупционных проявлений в деятельности организаций, обеспечивающих обороноспособность государства, и организаций, оказывающих услуги по ремонту и пошиву одежды, различны. Соответственно, объем и содержание антикоррупционных требований к деятельности организаций должны быть соразмерны потенциальным коррупционным угрозам и возможному ущербу, причиняемому как самой организации, так и интересам общества и государства.

¹ Количество организаций по данным государственной регистрации с 2017 г. по видам экономической деятельности и организационно-правовым формам на 1 января 2023 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Kol-vo_Org_01-10-2022.xlsx (дата обращения: 27.04.2023).

² Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/015/0> (дата обращения: 27.04.2023).

³ Методические рекомендации по выявлению и минимизации коррупционных рисков при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-16-src-1603018608.1133.docx> (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации // Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Ministry-0-106-src-1568817604.7941.pdf> (дата обращения: 27.04.2023).

В связи с этим особую актуальность приобретает типологизация массива существующих организаций с учетом их организационно-правовой формы, целей создания, источников финансирования и иных значимых параметров для последующей разработки научно обоснованной многоуровневой системы противодействия коррупции в их деятельности.

Результаты проведенного исследования

Системный подход к познанию коррупции как негативного социального явления и способов ее предупреждения обусловил повышение научного интереса к коррупционным проявлениям в деятельности организаций. Данной проблеме посвящены труды многих зарубежных авторов [11; 15–22]. Значимый вклад в исследование различных аспектов коррупции в организациях и ее предупреждения, в том числе уголовно-правовыми средствами, также внесли отечественные специалисты: В. В. Астанин [23, 24], В. К. Ботнев [25], Б. В. Волженкин [26], Ю. П. Гармаев [27], А. С. Горелик [28], Л. В. Иногамова-Хегай [29], Э. А. Иванов [27, 30], С. К. Илий [31], Н. А. Лопашенко [32], С. А. Маркунцов [27], В. И. Михайлов [33], Ю. В. Трунцевский [34], Т. Я. Хабриева [35], Г. Н. Хлупина [28], И. В. Шишко [28], С. Н. Швердяев [36], Н. В. Шедрин [37], П. С. Яни [38] и др.

Отдельные аспекты противодействия коррупции в организациях стали предметом ряда диссертационных исследований: Г. С. Гончаренко «Коммерческий подкуп: уголовно-правовой и криминологический аспекты» [39], Р. Н. Гулакова «Криминологическая характеристика преступлений, связанных с теневой экономикой» [40], С. Д. Красноусова «Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие» [41], М. А. Молчановой «Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях» [42], Т. А. Некрасовой «Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение» [43], А. В. Полукарова «Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия коррупции в сфере здравоохранения» [44], С. В. Плохова «Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей» [45], С. Ю. Суйкова «Административно-правовые аспекты предупреждения коррупции в нефинансовой сфере российской экономики: на примере коммерческих корпоративных организаций» [46], Л. П. Тумаркиной «Уголовная ответственность за коммерческий подкуп» [47], А. М. Шунаева «Механизмы противодействия коррупционной угрозе в коммерческом секторе экономики» [48], Э. С. Шишмиловой «Преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование» [49], Е. С. Шалыгиной «Коммерческий подкуп: уголовно-правовые и криминологические аспекты» [5], С. В. Юхачева «Общие вопросы статуса юридических лиц публичного права» [50] и др.

Названные работы позволили сформировать основные подходы к пониманию особенностей коррупции в организациях, а также способы ее предупреждения. Вместе с тем фундаментальных научных исследований специфики коррупционных проявлений в деятельности организаций различных типов и видов во взаимосвязи с познанием рисков возникновения угроз национальной безопасности не осуществлялось.

В доктрине, а также на уровне политических актов пока не сформировалась концепция противодействия коррупции в организациях. Сложившаяся ситуация обусловлена недостаточным уровнем теоретического осмысления закономерностей воспроизводства коррупции в деятельности организаций в зависимости от их организационно-правовой формы, целей создания, источников финансирования и иных значимых параметров.

Перспективным направлением научных исследований противодействия коррупции в организациях является их типологизация. Как метод научного познания типология достаточно часто используется в гуманитарных науках, в том числе в науках юридического цикла. Вместе с тем содержание данного метода находится на стадии активного научного определения. Сказанное, впрочем, не снижает методологической значимости и познавательного потенциала типологии. Как отмечает А.-К. И. Забулионите, под термином «тип» кроется целый спектр смыслов и понятий (концептов), выросших из разных историко-философских корней и методологических традиций. Типологический метод всегда погружен в целую систему философских предпосылок

[51. С. 7]. В. А. Григорян приходит к выводу, что типологическая процедура предполагает выделение определенных типов, устойчивых образований, общностей в рамках изучаемого целого. Типология может быть заранее осуществлена на основании предварительного теоретического рассмотрения или на базе анализа, группировки исследуемых признаков. Типологическая процедура предполагает не только количественное измерение различий между выделенными типами, но и качественное описание каждого из них [52. С. 167–168]. В основе типологии, по мнению Ю. М. Антоняна, лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа [53. С. 15].

Типологизация организаций в аспекте противодействия коррупции пока еще не становилась предметом научных исследований, поскольку на начальном этапе своего развития современная система противодействия коррупции в Российской Федерации имела векторную направленность на государственное и муниципальное управление. Вместе с тем в аспекте обеспечения национальной безопасности все чаще стала проявляться необходимость использования комплексного подхода в вопросах противодействия коррупции, когда антикоррупционная деятельность должна системно и последовательно осуществляться во всех социально значимых сферах.

Многообразие потребностей личности, общества и государства обуславливает востребованность различных по своей природе, организационно-правовой форме, масштабам и сферам деятельности организаций. Разнородные организации выступают неотъемлемым участником отношений в таких традиционных сферах существования коррупции, как государственное и муниципальное управление, избирательный процесс, публичные закупки, образование, здравоохранение. В названных сферах в одной группе отношений организации могут выступать объектом управления, а в другой – уже субъектом управления. Именно организации в механизме коррупционных отношений могут представлять сторону как активного, так и пассивного подкупа. При этом стороной активного подкупа организации выступают во взаимоотношениях с государственными и муниципальными органами. В свою очередь, стороной пассивного подкупа организации чаще выступают в отношениях внутри организации, а также во взаимоотношениях между собой.

Термин «организация» достаточно часто используется в научно-практическом и законодательном обороте. В справочных источниках рассматриваемое понятие раскрывается в следующих значениях: 1) строение, устройство системы; 2) составляющая процесса управления, суть которой – координация действий отдельных элементов, достижение функционирования ее частей; 3) форма объединения людей для их совместной деятельности в рамках определенной структуры; система, призванная выполнять заданные функции, решать определенный круг задач (например, предприятие, банк, институт, школа и др.) [54. С. 114].

В научной и учебной социально-экономической литературе организации исследуются в различных аспектах. В качестве объекта управления под организацией понимается «группа людей, деятельность которых сознательно координируется для достижения общей цели, представляющая собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов и особое единство с внешним окружением. Для нее характерна целенаправленность функционирования и развития» [55. С. 16–17]. Являясь объектом управления, организация выступает также как «социальный институт с известным статусом и рассматривается как стационарный объект – это предприятие, фирма, учреждение, объединение, учебное заведение, орган власти и т. д.» [56. С. 14]. С позиций системного подхода организация – это «социальная и экономическая целостность, которая направлена на достижение поставленной цели, построенная как специально структурированная и координированная система, предназначенная для выполнения определенной деятельности» [57. С. 90]. Представленные социально-экономические аспекты понимания организации позволяют выявить в природе организации значимые характерные черты – это структурированная целостность, направленная на достижение определенного результата.

В правовой научной литературе понятие «организация» как самостоятельная научная категория практически не исследуется, что обусловлено рядом обстоятельств. Правовое регулирование деятельности организаций осуществляется преимущественно отраслью гражданского права. В свою очередь, в Гражданском кодексе РФ понятие «организация» в качестве самостоятельного не раскрывается. Вместе с тем, для того чтобы стать самостоятельным участником гражданско-правовых отношений, организация должна получить

в установленном порядке статус юридического лица. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РФ, «юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде».

Важное методологическое значение для целей настоящей работы имеет классификация юридических лиц. Как следует из положений ч. 1 ст. 50 Гражданского кодекса РФ, юридические лица подразделяются на *коммерческие организации*, которые преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, и *некоммерческие организации* – не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками. При этом отдельно закрепляется, что некоммерческие организации могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям (ч. 4 ст. 50 Гражданского кодекса РФ).

Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, хозяйственных партнерств, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий (ч. 2 ст. 50 Гражданского кодекса РФ).

В свою очередь, организационно-правовые формы некоммерческих организаций разнообразнее и включают в себя потребительские кооперативы, политические партии, профессиональные союзы, нотариальные палаты, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации, религиозные организации, государственные корпорации, публично-правовые компании и др. (ч. 3 ст. 50 Гражданского кодекса РФ). Как следует из положений ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях», такие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

В научной литературе можно встретить различные классификации юридических лиц. Например, в зависимости от цели их создания и деятельности [58. С. 120], характера прав учредителей (участников) юридического лица на его имущество [59. С. 143], осуществления или неосуществления предпринимательской деятельности [60. С. 143], по признаку государственности [61. С. 56–57] и др. В своем исследовании В. В. Долинская указывает, что законом закреплены четыре классификации юридических лиц: по правам учредителей (участников); по основной цели деятельности; по организационно-правовой форме и их группам; по наличию участников и права участия (членства), корпоративных прав и обязанностей у учредителей), раскрывая особенности и указывая на недостатки предложенной классификации. Кроме того, названный автор также акцентирует свое внимание на классификации юридических лиц по правовому основанию имущественной обособленности (организации-собственники и организации-несобственники), а также в зависимости от формы собственности (государственная (муниципальная) и частная) [62. С. 84; 63. С. 17].

А. Я. Курбатов отмечает, что «по законодательно закрепленным классификациям юридических лиц есть ряд проблем. К их числу относится деление юридических лиц: на коммерческие и некоммерческие; корпоративные и унитарные; по организационно-правовым формам; на отдельные разновидности. К числу доктринальных классификаций можно отнести деление юридических лиц по правам учредителей (участников, акционеров, членов) на имущество юридического лица; основаниям возникновения статуса участников, акционеров, членов; наличию публичных функций; виду правоспособности» [64. С. 9].

В свою очередь, А. И. Иванчак выделяет юридических лиц в зависимости от того, чьи интересы преследуются в ходе осуществления хозяйственной деятельности, а именно: 1) частные, созданные на основе норм Гражданского кодекса РФ по воле учредителей и выражающие частные интересы; 2) публичные, созданные

на основе актов публичной власти и выражающие интересы создавшего их органа власти, но в качестве участника гражданского (имущественного) оборота приравненные к юридическим лицам частного права (государственные и муниципальные образования и созданные ими предприятия и учреждения) [65. С. 82].

Не менее важным для целей настоящего исследования является выделение юридических лиц *частного права* и юридических лиц *публичного права*. По мнению В. В. Долинской, основными критериями их соотношения «обычно выступают характер правового акта, послужившего основанием их возникновения, специфические цели создания, функции, порядок финансирования» [66. С. 13–14]. В. Е. Чиркин для разграничения указанных видов юридических лиц предложил следующую группу признаков: 1) разные цели и задачи (деятельность юридических лиц частного права направлена на извлечение прибыли, коммерческую деятельность, такие лица обладают «частным интересом», а юридические лица публичного права функционируют с целью удовлетворения «публичного, общественного интереса»); 2) разная юридическая сущность (например, юридическое лицо частного права не вправе заниматься публичным управлением, оно для этого не приспособлено); 3) различие в правовой обособленности собственности и имущества; 4) неодинаковый характер связи с публичной властью (юридическое лицо частного права отделено от публично-властных отношений, оно не участвует в их формировании, его сфера – хозяйственная деятельность, результатом которой является прибыль, юридические лица публичного права в различной степени связаны с публичной властью разного уровня); 5) обладание нормоустановительными правовыми полномочиями (юридические лица публичного права, в отличие от юридических лиц частного права, могут принимать обязывающие правовые акты; могут пользоваться распорядительными полномочиями в отношении неподчиненных им лиц, не входящих в их состав, и др.) и др. [67. С. 11–13; 68. С. 94–97]. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «в отличие от юридических лиц частного права юридические лица публичного права в основном обладают не общей, а специальной правоспособностью. Неодинаковы их организационные модели и субъектный состав. Так, имеет свои особенности штатный состав в органах и учреждениях публичной власти; отличается и организация общественных объединений, основанных на равноправии их членов, вне зависимости от внесенного ими капитала» [69. С. 11].

А. В. Турбанов полагает, что большинство предметных исследований по вопросу «юридического лица публичного права» сводятся к тому, что такое юридическое лицо наделено публичными функциями, что и является главным отличительным признаком [70. С. 80–82]. О. Ю. Юсков под юридическими лицами публичного права предлагает понимать «организации, которые наряду с гражданской правосубъектностью обладают еще и публично-властными полномочиями, что отличает их от обыкновенных юридических лиц (или юридических лиц частного права)» [71. С. 110].

Следует отметить, что выделение в качестве ключевого признака «публично-властных полномочий» разделяют далеко не все исследователи. В частности, по мнению А. В. Винницкого, «базовым отличительным признаком юридических лиц публичного права выступает наделение их отдельными государственными, муниципальными или иными общественно значимыми функциями, которые могут осуществляться не только посредством властно-распорядительных полномочий, но и путем обслуживания частных лиц (например, Фонд «Сколково», Госкомпания «Автодор»). По мнению названного автора, главное значение имеет общественная польза от реализации возложенных на лицо публичных функций, иные же признаки имеют характер вторичный [72. С. 84]. В этой же связи Н. В. Васильева отмечает, что «публичность» – понятие многоаспектное, его нельзя сводить только к принадлежности государству и муниципальным образованиям. «Публичность связана с направленностью на обеспечение публичного интереса, под которым необходимо понимать интерес социальной общности, признанный государством и обеспеченный правом» [73. С. 55].

К юридическим лицам публичного права А. Я. Курбатов относит наделенные статусом юридического лица государственные и муниципальные органы для участия в имущественном обороте, а также юридические лица, создаваемые государством для выполнения отдельных публичных функций (Центральный банк РФ, публично-правовые компании, государственные корпорации, саморегулируемые организации, нотариальные и адвокатские палаты) [64. С. 11].

Проведенное обобщение подходов к пониманию организаций в гражданском праве позволяет сделать вывод о том, что данный термин выступает операциональным и тесно связан с категорией «юридическое лицо». Вместе с тем содержащиеся в Гражданском кодексе РФ классификации юридических лиц, а также выделяемые в научной литературе виды организаций удовлетворяют отраслевые потребности гражданского права, но не способствуют достижению цели настоящего исследования. В свою очередь, важное значение имеют выделение и краткая характеристика коммерческих и некоммерческих организаций, а также прослеживаемая тенденция обособления и разграничения юридических лиц частного и публичного права.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» в качестве родовой категории используется понятие «организация», содержание которого не раскрывается. Как уже отмечалось выше, в названный закон включена ст. 13.3 «Обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции». В развитие положений указанной нормы Министерством труда и социальной защиты РФ предложены Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, в которых под организацией понимается «любое юридическое лицо независимо от формы собственности, организационно-правовой формы и отраслевой принадлежности».

Анализ положений Федерального закона «О противодействии коррупции» позволяет сделать вывод о том, что в целях противодействия коррупции в названном законе осуществлена группировка организаций применительно к закреплению антикоррупционных стандартов поведения. Так, в ст. 11.1 устанавливается специальный перечень антикоррупционных обязанностей, запретов и ограничений в отношении:

- служащих Центрального банка РФ;
- работников, замещающих должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;
- работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;
- лиц, замещающих должности финансового уполномоченного, руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного.

Таким образом, в законодательстве о противодействии коррупции в отношении организаций установлено общее требование принятия мер по предупреждению коррупции и предложены рекомендации по перечню таких мер. При этом в отношении работников организаций, осуществляющих публичные функции, установлена специальная регламентация антикоррупционных стандартов поведения. Сложившееся положение также позволяет выявить тенденцию установления разного объема антикоррупционных мер, закрепляемых в отношении организаций в зависимости от выполнения ими публичных функций. Вместе с тем комплексный организационно-правовой подход к антикоррупционному государственному воздействию на организации в зависимости от характера и степени их коррупциогенности пока еще не сформирован. Следует отметить, что в научно-практических работах, посвященных противодействию коррупции в бизнесе, предлагается дифференцировать перечень антикоррупционных мер в отношении хозяйствующих субъектов с учетом формы бизнеса (малый, средний, крупный), смягчив и упростив реализацию таких мер для субъектов малого бизнеса [35. С. 93].

Представленные подходы к пониманию и классификации организаций, а также особенности правового регулирования вопросов противодействия коррупции в их деятельности позволяют предложить для научного обсуждения в качестве рабочей гипотезы значимые для типологизации признаки, а также выделяемые с использованием названных признаков типы организаций.

В основу типологизации организаций представляется возможным включить следующие группы признаков: 1) сфера деятельности; 2) цели и виды деятельности; 3) участие государства в создании и (или) финансировании организации; 4) характер и степень влияния деятельности организации на состояние национальной безопасности.

Сфера деятельности характеризует осуществление организацией своей деятельности в частных или публичных общественных отношениях, различных секторах экономики.

Цели и виды деятельности связаны с удовлетворением публичных или частных нужд и интересов, а также характеризуются направленностью деятельности организации на извлечение прибыли (коммерческие организации), а равно отсутствием такой направленности в качестве основной цели деятельности (некоммерческие организации).

Участие государства в создании и (или) финансировании организации свидетельствует об осуществлении организацией своей деятельности для обеспечения публичных нужд и интересов.

Характер и степень влияния деятельности организации на состояние национальной безопасности отражает содержание и значимость видов деятельности организации для обеспечения безопасности общества и государства, масштабы деятельности организации (местной, региональной, межрегиональной, общероссийской, транснациональной).

Совокупность указанных выше групп признаков в различных сочетаниях и функциональных связях позволяет выделить следующие типы организаций в аспекте противодействия коррупции:

- публичные;
- публично-частные;
- частно-публичные;
- частные.

Публичные организации осуществляют свою деятельность в публичной сфере общественных отношений, которая направлена на удовлетворение публичных нужд и интересов в государственном и муниципальном управлении, а также обеспечение национальной безопасности. К числу таковых следует отнести органы, действующие от имени публично-правовых образований и имеющие статус юридического лица, а также организации военно-промышленного комплекса и иные организации, деятельность которых непосредственно связана с обеспечением публичного управления и национальной безопасности государства.

Публично-частные организации осуществляют свою деятельность преимущественно в публичной сфере общественных отношений. Они создаются, как правило, в виде некоммерческих организаций, которые могут финансироваться за счет государства. Такие организации вправе осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами и служит достижению целей, ради которых они созданы. Организации данного типа создаются для удовлетворения публичных нужд в сфере образования, здравоохранения, культуры, транспорта и других, а также иных социально значимых потребностей общества и государства. Функционирование таких организаций напрямую не связано с обеспечением национальной безопасности, однако коррупциогенность их деятельности может создавать угрозу для национальной безопасности. К числу таких организаций относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, публично-правовые компании, государственные корпорации, государственные компании, федеральные государственные автономные учреждения, федеральные государственные бюджетные учреждения и др.

Частно-публичные организации осуществляют свою деятельность преимущественно в частной сфере общественных отношений. Деятельность таких организаций осуществляется, как правило, без цели извлечения прибыли как основного направления деятельности. Такие организации могут создаваться и финансироваться с участием государства, однако в основе их деятельности лежит удовлетворение не публичных нужд и интересов, а потребностей определенных общественных групп в достижении социальных, экономических, духовных и иных целей. Например, союзы (ассоциации) кредитных кооперативов, торгово-промышленные палаты, некоммерческие партнерства, саморегулируемые организации, объединения (ассоциации и союзы) благотворительных организаций, благотворительные фонды, общественные движения и др.

Частные организации осуществляют свою деятельность в частном секторе экономики. Они создаются с целью извлечения прибыли с последующим фактическим распределением таковой между ее участниками. Деятельность частных организаций направлена на удовлетворение частных, а не публичных нужд и интересов. Однако они могут осуществлять виды деятельности, направленные на удовлетворение публичных нужд и интересов, что приведет к изменению их типа в структуре предложенной типологии. К таким организациям преимущественно относятся акционерные общества (в том числе публичные), общества с ограниченной

ответственностью, крестьянские (фермерские) хозяйства, полные товарищества, товарищества на вере (командитные товарищества), производственные кооперативы и др.

Отдельного рассмотрения требует отнесение к перечисленным выше типам таких организаций, как политические партии, религиозные организации, адвокатские палаты и различные адвокатские образования, нотариальные палаты и конторы, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов РФ и др. С одной стороны, такие организации не преследуют в качестве основной цели систематическое извлечение прибыли, а направлены на удовлетворение личных потребностей физических и юридических лиц, обеспечение и защиту частных интересов, а также публичное выражение мнения граждан по различным социально значимым вопросам. С другой – деятельность таких организаций в масштабах государства имеет важное значение и может повлиять на состояние национальной безопасности. Например, незаконное финансирование политических партий в период организации и проведения выборов «открывает широкие возможности для активного использования “грязных” избирательных технологий. Полученное при этом конкурентное преимущество создает основу для прихода к власти коррумпированных лиц, осуществляющих продвижение интересов своих жертвователей в процессе законотворческой и правоприменительной деятельности» [8. С. 685]. В связи с этим названные организации могут быть отнесены к числу публично-частных.

Отметим, что набор конститутивных признаков предложенных типов организаций, характеризующих качественное отличие одних от других, нуждается в дополнительном обосновании. В дальнейшем предложенный концептуальный подход может стать основой для решения одной из значимых теоретико-прикладных задач, направленных на научное обеспечение антикоррупционной деятельности. Следует также отметить, что дифференциация антикоррупционного воздействия на организации требует познания не только сущностных характеристик типов организаций, но также формирования устойчивого понятийно-категориального аппарата, раскрывающего содержание таких значимых категорий, как «публичная организация», «публичная функция», «публичный интерес», «публичные нужды», «публично-частная организация», «частно-публичная организация», «частная организация», «публичное должностное лицо» и «лицо, выполняющее публичные функции».

Выводы

Коррупция представляет собой сложное системное явление, которое непрерывно развивается и приспособляется под усложняющиеся условия своего существования, в том числе под различные по своей направленности антикоррупционные меры. Известно, что системные проблемы, порождаемые коррупционными проявлениями, требуют системных решений. При этом усиление антикоррупционной деятельности в направлении предупреждения коррупции в публичном секторе не принесет качественных изменений без целенаправленного воздействия на организации, представляющие собой резервы коррупционной активности.

Современное государство – это сложный механизм обеспечения различных по своей природе потребностей личности, общества и государства. Ключевую роль в удовлетворении таких потребностей играют различные организации, осуществляющие свою деятельность в многообразных организационно-правовых формах как в частном, так и публичном секторах экономики.

Цели, задачи, масштабы и виды деятельности, организационно-правовые формы, ресурсное обеспечение, а также влияние на состояние национальной безопасности организаций настолько различно, что предъявление к ним общих требований принятия мер по предупреждению коррупции не соответствует принципу научной обоснованности антикоррупционной деятельности. В свою очередь, значимым препятствием в построении системы противодействия коррупции в организациях выступает отсутствие фундаментальных междотраслевых научных исследований, ранжирующих организации в зависимости от степени влияния их деятельности на состояние национальной безопасности. Типологизация организаций в аспекте противодействия коррупции имеет важное методологическое значение, поскольку позволяет заложить основные научно-практические подходы к обеспечению антикоррупционной деятельности в зависимости от степени коррупциогенной опасности таких организаций.

Обобщение подходов к пониманию организаций и выделению их разновидностей позволило установить доминирование гражданского права в познании организаций. Вместе с тем классификации организаций, используемые в данной отрасли права, не позволяют достичь цели настоящего исследования. В связи с этим в рамках данной работы актуализирована необходимость междисциплинарного научного познания существенных характеристик организаций, проблематизировано выделение признаков для типологизации организаций, предложена рабочая типология организаций в аспекте противодействия коррупции.

Последующее научное познание коррупционных проявлений и механизмов их воспроизводства в деятельности различных типов организаций позволит вскрыть резервы антикоррупционной деятельности и обеспечить системный уровневый подход в ее обеспечении.

Список литературы

1. Полукаров А. В. Административно-правовое регулирование противодействия коррупции в социальной сфере: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020. 594 с.
2. Наумов Ю. Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции: дис. ... д-ра экон. наук. Москва, 2014. 325 с.
3. Комаров В. Ф., Морозова Н. А. Коррупция как аспект явления «фиаско рыночного механизма» // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16, № 1. С. 79–80.
4. Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2014. 393 с.
5. Шалыгина Е. С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. 257 с.
6. Номоконов В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 61–67.
7. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: монография. Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2004. 174 с.
8. Антикоррупционный потенциал запрета на финансирование избирательных кампаний в деятельности коммерческих организаций / Е. А. Акунченко, И. А. Дамм, В. В. Кострыкина, П. В. Тепляшин // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 5. С. 680–692. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
9. Кострыкина В. В. Запрет на незаконное финансирование политической деятельности как антикоррупционный стандарт поведения в бизнесе // Сибирский антропологический журнал. 2022. Т. 6, № 2. С. 198–205. DOI: <https://doi.org/10.31804/2542-1816-2022-6-2-198-205>
10. Акунченко Е. А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации: монография. Москва: Проспект, 2020. 232 с.
11. Nyberg D. Corporations, Politics, and Democracy: Corporate political activities as political corruption // Organization Theory. 2021. Vol. 2, № 1. DOI: <https://doi.org/10.1177/2631787720982618>
12. Транснациональные корпорации как субъекты коррупционной преступности / В. В. Бабурин, Л. Р. Клебанов, О. А. Кузнецова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4. С. 334–338. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2021-4-83-334-338>
13. Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2001. 388 с.
14. Междисциплинарный подход к формированию системы антикоррупционного комплаенса в Российской Федерации / Ю. П. Гармаев, Э. А. Иванов, С. А. Маркунцов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 3. С. 260–276.
15. Albanese J. S. Why Corruption is the Largest Problem in the World // International Criminology. 2022. № 2. Pp. 103–110. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43576-022-00060-3>
16. Corruption in international business: A review and research agenda / S. Bahoo, I. Alon, A. Paltrinieri // International Business Review. 2020. Vol. 29, № 4. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2019.101660>
17. Caldeira M., Dufloth S. C. A lei das estatais e as diretrizes internacionais: convergências para o estado da arte em integridade, compliance e anticorrupção // Cadernos EBAPE.BR. 2021. № 19 (spe). Pp. 675–688. DOI: <https://doi.org/10.1590/1679-395120200140>
18. Changwony F. K., Kyiu A. K. Business strategies and corruption in small- and medium-sized enterprises: The impact of business group affiliation, external auditing, and international standards certification // Business Strategy and the Environment. 2023. Jan. Pp. 1–27. DOI: <https://doi.org/10.1002/bse.3333>

19. Societal Inequality, Corruption and Relation-Based Inequality in Organizations / S. Hudson, H. V. González-Gómez, C. Claasen // Journal of Business Ethics. 2022. Vol. 181. № 3. Pp. 789–809. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-021-04957-3>
20. The anti-corruption compliance models in a multinational company: A single case study / N. Moscariello, M. Pizzo, G. Ricciardi et al. // Business Strategy and the Environment. 2022. Nov. Pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1002/bse.3331>
21. Nowak C. Compliance in the Public Sector in the Light of the Guidelines of the Central Anti-Corruption Bureau as a Means to Overcome Impossibility in Preventing Corruption // Krytyka Prawa. Niezależne Studia nad Prawem. 2021. Vol. 13. № 2. Pp. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.7206/kp.2080-1084.446>
22. Sartor M. A., Beamish P. W. Private Sector Corruption, Public Sector Corruption and the Organizational Structure of Foreign Subsidiaries // Journal of Business Ethics. 2020. № 167. Pp. 725–744. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04148-1>
23. Астанин В. В. Профилактика коррупционных правонарушений в организациях, контролируемых госкорпорациями: практическое пособие. Москва: Юстицинформ, 2019. 264 с.
24. Астанин В. В. О развитии антикоррупционной мировой политики в контексте борьбы с подкупом в частной сфере // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 49–51.
25. Ботнев В. К. Сущность, причины и последствия деловой коррупции в Российской Федерации // Государственная служба. 2014. № 5. С. 47–50.
26. Волженкин Б. В. Служебные преступления: учебно-практическое пособие. Москва: Юрист, 2000. 367 с.
27. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты: монография / Ю. П. Гармаев, Э. А. Иванов, С. А. Маркунцов. Москва: ИД «Юриспруденция», 2020. 240 с.
28. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях: монография / А. С. Горелик, И. В. Шишко, Г. Н. Хлупина. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1998. 200 с.
29. Иногамова-Хегай Л. В. Английский законодательный опыт противодействия коррупции в частном секторе // Международное публичное и частное право. 2022. № 1. С. 36–38.
30. Иванов Э. А. Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС: монография. Москва: Юриспруденция, 2015. 136 с.
31. Илий С. К. Предупреждение коррупции в организациях и учреждениях органами прокуратуры // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 2. С. 90–95.
32. Лопашенко Н. А. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. 2013. № 5. С. 83–88.
33. Михайлов В. И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // Lex russica. 2017. № 6. С. 85–100. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.085-100>
34. Трунцевский Ю. В. Методика оценки коррупционного риска в сфере частного бизнеса (индекса риска делового взяточничества) // Безопасность бизнеса. 2016. № 5. С. 33–40.
35. Противодействие коррупции в сфере бизнеса: научно-практическое пособие / отв. ред. Т. Я. Хабриева, О. С. Капинус. Москва: ИД «Юриспруденция», 2020. 255 с.
36. Шевердяев С. Н. Проблемы противодействия муниципальной коррупции, затрагивающей предпринимателей // Право и экономика. 2017. № 10. С. 5–14.
37. Щедрин Н. В., Востоков А. А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 58–61.
38. Яни П. С. Экономические и служебные преступления. Москва: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. 201 с.
39. Гончаренко Г. С. Коммерческий подкуп: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 212 с.
40. Гулаков Р. Н. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с теневой экономикой: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. 233 с.
41. Красноусов С. Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе: понятие и противодействие: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2012. 237 с.
42. Молчанова М. А. Деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции в коммерческих организациях: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2022. 266 с.
43. Некрасова Т. А. Коррупционная преступность в коммерческих организациях: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 161 с.
44. Полукаров А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия коррупции в сфере здравоохранения: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. 225 с.

45. Плохов С. В. Противодействие коррупционной преступности в социальной сфере: на примере здравоохранения и образования Волгоградской и Саратовской областей: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 278 с.
46. Суйков С. Ю. Административно-правовые аспекты предупреждения коррупции в нефинансовой сфере российской экономики: на примере коммерческих корпоративных организаций: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 196 с.
47. Тумаркина Л. П. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 155 с.
48. Шунаев А. М. Механизмы противодействия коррупционной угрозе в коммерческом секторе экономики: дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2021. 178 с.
49. Шимшилова Э. С. Преступления коррупционной направленности, совершаемые в коммерческих организациях: уголовно-правовое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 161 с.
50. Юхачев С. В. Коррупция как экономические отношения социума: дис. ... д-ра экон. наук. Тамбов, 2010. 291 с.
51. Забулионите А.-К. И. Тип и типологический метод в философии культуры: дис. ... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2000. 154 с.
52. Григорян В. А. Криминологическое исследование: понятие и процедура проведения // Lex Russica. 2007. № 1. С. 160–173.
53. Личность преступника и профилактика преступлений: монография / под ред. Ю. М. Антоняна. Москва: Проспект, 2017. 224 с.
54. Намятова Л. Е. Термины рыночной экономики: современный словарь-справочник делового человека. Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2012. 198 с.
55. Семиков В. Л. Теория организации: учебник. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2003. 220 с.
56. Теория организации: учебник / О. В. Русецкая, Л. А. Трофимова, Е. В. Песоцкая. Москва: Юрайт, 2014. 391 с.
57. Кальницкая И. В. Концептуальные основы исследования организации как объекта управления // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 41. С. 89–93.
58. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. Москва: Статут, 2017. 511 с.
59. Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136–166. DOI: <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166>
60. Гутников О. В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128–163. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.2.128.163>
61. Гражданское право: учебник / под ред. С. А. Степанова. Москва: Проспект, 2020. 448 с.
62. Долинская В. В. Новеллы Гражданского кодекса РФ о юридических лицах // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. 2016. № 3. С. 77–86.
63. Долинская В. В. Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 13–22.
64. Курбатов А. Я. Классификации юридических лиц: проблемы и потери // Хозяйство и право. 2020. № 11. С. 9–13.
65. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации. Общая часть: учебник. Москва: Статут, 2018. 271 с.
66. Долинская В. В. Взаимодействие частного и публичного права как системное направление развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-1-7-19>
67. Чиркин В. Е. Публичный и частный интересы юридических лиц, выполняющих публичные функции // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 9–16.
68. Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 87–101.
69. Хабриева Т. Я. Современные подходы к классификации юридических лиц. К 90-летию юбилею В. Е. Чиркина // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 5–16. DOI: <https://doi.org/10.12737/5770>
70. Турбанов А. В. Агентство по страхованию вкладов – юридическое лицо публичного права // Очерки конституционной экономики: сборник статей / под ред. Г. А. Гаджиева. Москва: Юстицинформ, 2010. С. 66–82.
71. Усков О. Ю. Юридические лица публичного права: понятие и виды / О. Ю. Усков // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 101–111.
72. Винницкий А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 81–90.
73. Васильева Н. В. Публичные доходы в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: монография. Москва: Норма, 2019. 304 с.

References

1. Polukarov, A. V. (2020). *Administrative-legal regulation of corruption counteraction in social sphere*: doctoral (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
2. Naumov, Yu. G. (2014). *Theory and methodology of struggling against institutional corruption*: doctoral (Economics) thesis. Moscow. (In Russ.).
3. Komarov, V. F., & Morozova, N. A. (2016). Corruption as aspect of the phenomenon “Fiasco of the market mechanism”. *World of Economics and Management*, 16(1), 79–80. (In Russ.).
4. Shedii, M. V. (2014). *Corruption as a social phenomenon: sociological analysis*: doctoral (Sociology) thesis. Moscow. (In Russ.).
5. Shalygina E. S. (2010). *Commercial bribery: criminal-legal and criminological aspects*: PhD (Law) thesis. Chelyabinsk. (In Russ.).
6. Nomokonov, V. A. (2013). Corruption in Russia: social consequences and features of causes. *Actual Problems of Economics and Law*, 4, 61–67. (In Russ.).
7. Kabanov, P. A. (2004). *Political corruption in Russia: notion, essence, causes, prevention*: monograph. Nizhnekamsk: Nizhnekamskii filial MGEHI. (In Russ.).
8. Akunchenko, E. A., Damm, I. A., Kostrykina, V. V., & Teplyashin, P. V. (2021). Anti-corruption potential of prohibiting the financing of election campaigns by commercial organizations. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 14(5), 680–692. (In Russ.). <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0751>
9. Kostrykina, V. V. (2022). Banning illegal political financing as an anti-corruption standard of business conduct. *Siberian Journal of Anthropology*, 6(2), 198–205. (In Russ.).
10. Akunchenko, E. A. (2020). *Corruption crime in the election process of the Russian Federation*: monograph. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
11. Nyberg, D. (2021). Corporations, politics, and democracy: corporate political activities as political corruption. *Organization Theory*, 2(1). <https://doi.org/10.1177/2631787720982618>
12. Baburin, V. V., Klebanov, L. R., & Kuznetsova, O. A. (2021). Transnational Corporations as Subjects of Crimes of Corruption. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 4, 334–338. (In Russ.).
13. Repetskaya, A. L. (2001). *Transnational organized crime*: doctoral (Law) thesis. Irkutsk. (In Russ.).
14. Garmaev, Yu. P., Ivanov, E. A., & Markuntsov, S. A. (2020). Interdisciplinary approach to the development of the anti-corruption compliance concept in the Russian Federation. *Proceedings of Voronezh state university. Series Law*, 3, 260–276. (In Russ.).
15. Albanese, J. S. (2022). Why Corruption is the Largest Problem in the World. *International Criminology*, 2, 103–110. <https://doi.org/10.1007/s43576-022-00060-3>
16. Bahoo, S., Alon, I., & Paltrinieri, A. (2020). Corruption in international business: A review and research agenda. *International Business Review*, 29(4). <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2019.101660>
17. Caldeira, M., & Duflath, S. C. (2021). A lei das estatais e as diretrizes internacionais: convergências para o estado da arte em integridade, compliance e anticorrupção. *Cadernos EBAPE.BR*, 19(spe), 675–688. <https://doi.org/10.1590/1679-395120200140>
18. Changwony, F. K., & Kyiu, A. K. (2023). Business strategies and corruption in small- and medium-sized enterprises: The impact of business group affiliation, external auditing, and international standards certification. *Business Strategy and the Environment*, Jan, 1–27. <https://doi.org/10.1002/bse.3333>
19. Hudson, S., González-Gómez, H. V., & Claasen, C. (2022). Societal inequality, corruption and relation-based inequality in organizations. *Journal of Business Ethics*, 181(3), 789–809. <https://doi.org/10.1007/s10551-021-04957-3>
20. Moscariello, N., Pizzo, M., Ricciardi, G. et al. (2022, November). The anti-corruption compliance models in a multinational company: A single case study. *Business Strategy and the Environment*, Nov., 1–11. <https://doi.org/10.1002/bse.3331>
21. Nowak, C. (2021). Compliance in the public sector in the light of the guidelines of the Central Anti-corruption Bureau as a means to overcome impossibility in preventing corruption. *Krytyka Prawa. Niezależne Studia nad Prawem*, 13(2), 18–28. <https://doi.org/10.7206/kp.2080-1084.446>
22. Sartor, M. A., & Beamish, P. W. (2020). Private sector corruption, public sector corruption and the organizational structure of foreign subsidiaries. *Journal of Business Ethics*, 167, 725–744. <https://doi.org/10.1007/s10551-019-04148-1>
23. Astanin, V. V. (2019). *Prophylaxis of corruption offences in organizations controlled by public corporations*: practical tutorial. Moscow: Yustitsinform. (In Russ.).
24. Astanin, V. V. (2012). On the development of global anti-corruption policy in the context of struggling against bribery in the private sector. *Rossiiskaya yustitsiya*, 4, 49–51. (In Russ.).
25. Botnev, V. (2014). Essence of the causes and consequences of business corruption in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 5, 47–50. (In Russ.).

26. Volzhenkin, B. V. (2000). *Crime of officials: academic-practical tutorial*. Moscow: Yurist. (In Russ.).
27. Garmaev, Yu. P., Ivanov, E. A., & Markuntsov, S. A. (2020). *Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects*: monograph. Moscow: ID "Yurisprudentsiya". (In Russ.).
28. Gorelik, A. S., Shishko, I. V., & Khlopina, G. N. (1998). *Crimes in the sphere of economic activity and against official interests in commercial and other organizations*: monograph. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.).
29. Inogamova-Khegay, L. V. (2022). English legislative experience of combating corruption in the private sector. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 1, 36–38. (In Russ.).
30. Ivanov, E. A. (2015). *Anti-corruption compliance control in BRICS states*: monograph. Moscow: Yurisprudentsiya. (In Russ.).
31. Ilii, S. K. (2018). Prevention of corruption in organizations and establishments by Prosecutor's Office bodies. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, 2, 90–95. (In Russ.).
32. Lopashenko, N. A. (2013). On certain problems of understanding and interpreting bribery and commercial bribery (qualification issues). *Ugolovnoe pravo*, 5, 83–88. (In Russ.).
33. Mikhailov, V. I. (2017). Commercial Bribery and Payoffs: Directions of Legislative Development. *Lex Russica*, 6, 85–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.127.6.085-100>
34. Truntsevsky, Yu. V. (2016). Methods of assessing corruption risk in private business (Index of business bribery risk). *Bezopasnost biznesa*, 5, 33–40. (In Russ.).
35. Khabrieva, T. Ya., & Kapinus, O. S. (Eds.). (2020). *Struggling against corruption in business sphere: scientific-practical tutorial*. Moscow: ID "Yurisprudentsiya". (In Russ.).
36. Sheverdyayev, S. N. (2017). Problems of counteracting municipal corruption related to entrepreneurs. *Pravo i ekonomika*, 10, 5–14. (In Russ.).
37. Shchedrin, N. V., Vostokov, A. A. (2009). Criminal liability of legal persons or other measures of criminal-legal character in relation to organizations. *Ugolovnoe pravo*, 1, 58–61. (In Russ.).
38. Yani, P. S. (1997). *Economic and official crimes*. Moscow: Biznes-shkola "Intel-sinteZ". (In Russ.).
39. Goncharenko, G. S. (2002). *Commercial bribery: criminal-legal and criminological aspects*: PhD (Law) thesis. Rostov-on-Don. (In Russ.).
40. Gulakov, R. N. (2018). *Criminological characteristics of crimes related to shadow economy*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
41. Krasnousov, S. D. (2012). *Commercial bribery as a form of corruption in private sector: notion and counteraction*: PhD (Law) thesis. Krasnoyarsk. (In Russ.).
42. Molchanova, M. A. (2022). *Activity of law enforcement bodies on counteracting corruption in commercial organizations*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
43. Nekrasova, T. A. (2014). *Corruption crimes in commercial organizations: criminological characteristics and prevention*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
44. Polukarov, A. V. (2013). Criminal-legal and criminological measures of counteracting corruption in the sphere of healthcare: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
45. Plokhov S. V. (2013). *Counteracting corruption crimes in the social sphere: by the example of healthcare and education in Volgograd and Saratov oblasts*: PhD (Law) thesis. Saratov. (In Russ.).
46. Suikov, S. Yu. (2017). *Administrative-legal aspects of preventing corruption in non-financial sphere of the Russian economy: by the example of commercial corporate organizations*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
47. Tumarkina, L. P. (2007). *Criminal liability for commercial bribery*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
48. Shunaev, A. M. (2021). *Mechanisms of struggling against the threat of corruption in the commercial sector of economy*: PhD (Economics) thesis. Saint Petersburg. (In Russ.).
49. Shimshilova, E. S. (2019). *Corruption crimes committed in commercial organizations: criminal-legal and comparative-legal research*: PhD (Law) thesis. Moscow. (In Russ.).
50. Yukhachev, S. V. (2010). *Corruption as economic relations of the society*: doctoral (Economics) thesis. Tambov. (In Russ.).
51. Zabulionite, A.-K. I. (2000). *Type and typological method in the philosophy of culture*: PhD (Philosophy) thesis. Saint Petersburg. (In Russ.).
52. Grigoryan, V. A. (2007). Criminological research: notion and procedure. *Lex Russica*, 1, 160–173. (In Russ.).
53. Antonyan, Yu. M. (2017). *Personality of a criminal and prevention of crimes*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
54. Namyatova, L. E. (2012). *Terminology of market economy: contemporary dictionary – reference book of a businessperson*. Yekaterinburg: Uralskii federalnyi universitet im. pervogo Prezidenta Rossii B. N. Eltsina. (In Russ.).
55. Semikov, V. L. (2003). *Theory of organization*. Moscow: Akademiya GPS MCHS Rossii. (In Russ.).
56. Rusetskaya, O. V., Trofimova, L. A., & Pesotskaya, E. V. (2014). *Theory of organization*. Moscow: Yurait. (In Russ.).

57. Kalnitskaya, I. V. (2009). Conceptual bases of organization research as an object of management. *Regional Economics: Theory and Practice*, 41, 89–93. (In Russ.).
58. Gongalo, B. M. (Ed.) (2017). *Civil law* (in 2 vol. Vol. 1). Moscow: Statut. (In Russ.).
59. Sukhanov, E. A. (2022). Comments on articles 48, 50 of the Civil code of the Russian Federation. *Civil Law Review*, 1, 136–166. (In Russ.). <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2022-22-1-136-166>
60. Gutnikov, O. V. (2022). Classification of legal entities in modern corporate law: organizational forms and criteria for their differentiation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 15(2), 128–163. (In Russ.).
61. Stepanov, S. A. (Ed.) (2020). *Civil law*. Moscow: Prospekt. (In Russ.).
62. Dolinskaya, V. V. (2016). Novellas of the Civil Code of the Russian Federation on legal persons. *Sovremennye tendentsii razvitiya grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva i praktiki ego primeneniya*, 3, 77–86. (In Russ.).
63. Dolinskaya, V. V. (2016). Organizational-legal forms of economical activity: system and new regulation. *Journal of Russian Law*, 1, 13–22. (In Russ.).
64. Kurbatov, A. Ya. (2020). Classification of legal persons: problems and losses. *Khozyaistvo i Pravo*, 11, 9–13. (In Russ.).
65. Ivanchak, A. I. (2018). *Civil law of the Russian Federation. General part*. Moscow: Statut. (In Russ.).
66. Dolinskaya, V. V. (2020). Interaction of private and public law as a systemic direction of development. *Bulletin MSRU. Series: Jurisprudence*, 1, 7–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2020-1-7-19>
67. Chirkin, V. E. (2013). Public and private interests of legal persons executing public functions. *Journal of Russian Law*, 1, 9–16. (In Russ.).
68. Chirkin, V. E. (2010). On the notion and classification of legal persons of public law. *Journal of Russian Law*, 6, 87–101. (In Russ.).
69. Khabrieva, T. Ya. (2014). Modern Approaches to Classification of Legal Persons (to the 90th Anniversary of V. E. Chirkin). *Journal of Russian Law*, 10, 5–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/5770>
70. Turbanov, A. V. (2010). Agency for deposit insurance – a legal person of public law. In G. A. Gadzhiev (Ed.). *Sketches on constitutional economy: collection of works* (pp. 66–82). Moscow: Yustitsinform. (In Russ.).
71. Uskov, O. Yu. (2010). Legal persons of public law: notion and types. *Journal of Russian Law*, 6, 101–111. (In Russ.).
72. Vinnitskii, A. V. (2011). On the need to legislatively stipulate the institute of legal persons of public law. *Journal of Russian Law*, 5, 81–90. (In Russ.).
73. Vasileva, N. V. (2019). *Public income in the Russian Federation: financial-legal aspect*. Moscow: Norma. (In Russ.).

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 27.04.2023
Дата принятия в печать / Accepted 30.05.2023

Scientific article

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.385-395

УДК 343.265:343.8:343.911(595)

S. SYAMSULANG¹,

M. HUZAINI²

¹ HELP University, Kuala Lumpur, Malaysia

² University of Malaya, Kuala Lumpur, Malaysia

DOES THE PAROLE PROGRAM AFFECT RECIDIVISM? QUALITATIVE ANALYSIS IN MALAYSIA

Contact:

Syamsulang Sarifuddin, Lecturer, Faculty of Business, Economics and Accounting (FBEA), HELP University

E-mail: syamsulang.s@help.edu.my

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3808-4305>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-3687-2014>

Scopus Author ID: 56411987200

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=iMtGtpIAAAA&hl=en>

Muhammad Huzaini bin Yaakub, Graduate Researcher, Academy of Islamic Studies, University of Malaya

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8825-5531>

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=sgrgShcAAAA&hl=en&oi=sra>

Abstract

Objective: the objective of this study is to identify the critical factors that present challenges and opportunities for parolees in Malaysia to avoid committing repeated crimes and reduce recidivism.

Methods: the study employs a qualitative approach, using face-to-face interviews with prison officers in the state of Pahang, Malaysia, to gather data. Content analysis is used to analyse the data and identify the critical factors for parole activities in Malaysia.

Results: the study identified five crucial factors that affect parole activities in Malaysia: individuals, families, communities, private institutions, and government policies. Individuals refer to the characteristics and behavior of the parolee, while families and communities relate to the support and involvement of the parolee's family and community in the rehabilitation process. Private institutions, such as Intermediate Houses and Corporate Smart Internship (CSI), can provide support and resources for parolees, and effective government policies and practices can ensure successful reintegration into society. Further studies could investigate the specific ways in which these factors influence parole activities in Malaysia and explore best practices for reducing recidivism rates.

Scientific novelty: this study contributes to the literature on parole activities in Malaysia by identifying critical factors that can impact the success of the parole system in reducing recidivism. The study provides valuable insights into the challenges and opportunities faced by parolees in Malaysia.

Practical significance: the findings of this study can be used by the Malaysian Prisons Department to develop effective strategies and policies to reduce recidivism rates and improve the success of the parole system. The study can also be used by other countries with similar parole systems to identify critical factors that impact the success of their parole programs.

Keywords: Criminal-legal sciences, Parole, Recidivism, Prison Economy, Correctional Management, Correctional Education

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

© Syamsulang S., Huzaini M., 2023

© Сиамсуланг С., Хузаини М., 2023

For citation: Syamsulang, S., & Huzaini, M. (2023). Does the Parole Program affect Recidivism? Qualitative Analysis in Malaysia. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 385–395. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.385-395

Научная статья

С. СИАМСУЛАНГ¹,

М. ХУЗАИНИ²

¹ Университет HELP, г. Куала-Лумпур, Малайзия

² Малайский университет, г. Куала-Лумпур, Малайзия

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММЫ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ НА УРОВЕНЬ РЕЦИДИВИЗМА. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ В МАЛАЙЗИИ

Контактное лицо:

Сиаксуланг Сарифуддин, преподаватель, факультет бизнеса, экономики и бухучета, Университет HELP

E-mail: syamsulang.s@help.edu.my

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3808-4305>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/P-3687-2014>

Scopus Author ID: 56411987200

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=iMtGtpIAAAAJ&hl=en>

Мухаммад Хузаини бин Якуб, аспирант-исследователь, Академия исламских исследований, Малайский университет

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8825-5531>

Google Scholar: <https://scholar.google.com/citations?user=sgrgShcAAAAJ&hl=en&oi=sra>

Аннотация

Цель: выявление важнейших факторов, определяющих проблемы и возможности условно-досрочно освобожденных в Малайзии с целью снижения уровня рецидивизма.

Методы: в работе используется качественный подход, в рамках которого сбор данных осуществлялся путем очных бесед с сотрудниками исправительных учреждений в штате Паханг (Малайзия). С помощью метода контент-анализа проводился анализ данных и определялись критические факторы деятельности по условно-досрочному освобождению (далее – УДО) в Малайзии.

Результаты: в ходе исследования определены пять ключевых факторов, влияющих на деятельность по УДО в Малайзии, а именно: отдельные лица, семьи, сообщества, частные институты, государственная политика. Первый фактор относится к характеристикам и поведению условно-досрочно освобожденных; факторы семьи и сообщества включают поддержку и участие семей условно-досрочно освобожденных и местного сообщества в процессе реабилитации. Частные институты, такие как «Промежуточный дом» и «Корпоративная умная стажировка» (CSI), предоставляют поддержку и ресурсы для условно-досрочно освобожденных, а эффективная государственная политика и практика помогут успешной реинтеграции освобожденных в общество. Дальнейшие исследования могут быть посвящены изучению конкретных механизмов влияния данных факторов на деятельность по УДО в Малайзии и выявлению лучших практик для снижения уровня рецидивизма.

Научная новизна: работа восполняет пробелы в научной литературе по проблеме деятельности по УДО в Малайзии, определяя ключевые факторы, влияющие на успешность системы УДО в деле снижения уровня рецидивизма. Работа содержит ценные выводы в области проблем и возможностей, с которыми сталкиваются условно-досрочно освобожденные в Малайзии.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в деятельности Департамента тюрем Малайзии в целях выработки эффективных стратегий и мер снижения уровня рецидивизма и повышения

эффективности системы УДО. Работа также может быть полезной для других стран со схожей системой условно-досрочного освобождения при выявлении ключевых факторов, влияющих на успешность программ УДО.

Ключевые слова: уголовно-правовые науки, условно-досрочное освобождение, рецидивизм, экономика тюрем, управление в коррекционной деятельности, коррекционное образование

Как цитировать статью: Сиамсуланг С., Хузаини М. Влияние программы условно-досрочного освобождения на уровень рецидивизма. Качественный анализ ситуации в Малайзии // *Russian Journal of Economics and Law. 2023. T. 17, № 2. С. 385–395. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.385-395*

1.0. Introduction

After the COVID-19 pandemic and the uncertain world economic situation, it is certain that the crime rate will increase as the research done by Patrick & Frédéric [1] on macroeconomic variables for developing countries found that there is a significant effect between the increase in the crime rate and economic instability. Not only is the crime rate alarming but the rate of recidivism is also increasing as reported by the Malaysian Prisons Department. Realizing that the rate of recidivism increases every year, the Malaysian Prisons Department has implemented Prison Reform, and one way to reduce the rate of recidivism is by implementing a parole system since 2008.

The parole system allows offenders serving prison sentences a second chance by granting them early release. According to Schmalleger [2], the parole system allows offenders serving prison sentences a second chance by granting them early release under supervision if they behave well throughout their incarceration and fulfil certain conditions for release. Such supervision and conditions have been used for a long time to ensure that prisoners are prepared for release and able to reintegrate into society.

Morris et al. [3] added that this sentence is a common procedure practiced in the United Kingdom where a prisoner is released into society without mandatory supervision after they have served this sentence. These prisoners are released if they show good behavior and do not break prison rules. While the study by Snarr & Wolford [4] stated that parole involves releasing offenders from prison after a period and requiring them to serve their sentence in the community under the supervision of a parole officer. This is intended to promote public safety while providing offenders with an opportunity to reintegrate into society through research-based rehabilitation programs.

In Malaysia, parole activities are under the Malaysian Prisons Department and according to this Department, parole is a conditional release for a prisoner to serve any part of their prison sentence outside prison under the Parole Order. Parole is also subject to Malaysian Law Act 537, the Prison Act 1995 which contains all amendments up to 1 October 2009. Therefore, all parole sentences must refer to Act 537. What is worrying is that the number of prisoners in our country increases every year and in 2020, the number of prisoners is as much as 67,000 which exceeds the capacity of the Malaysian Prisons Department which is 58,830 people [5].

Figures 1 and 2 respectively show the statistics of the release of offenders on parole according to race and the period the parole is implemented. From Figure 1 above it is clear that the number of released offenders was increasing every year from 2008 to 2019. Figure 1 also shows that the number of Malay offenders is the most compared to other races. Figure 2 also explains that most offenders go through parole within a period of one to three months.

Clearly, parole is one of the punishments for prisoners after serving a prison sentence. This sentence is carried out in the community or society under the supervision of a parole officer. The objective is to give prisoners a second chance by providing rehabilitation support and continuing life after going through the process of reintegration into society. There are three places where the integration process is carried out: either in the offender's own home, an intermediary home, or under the Corporate Smart Internship (CSI) program in collaboration with private partners, especially the Government Link Company (GLC).

The parole system plays a vital role in reintegrating offenders into society and giving them a second chance, so we must examine the critical factors that contribute to the success of the reintegration process. Therefore, the main

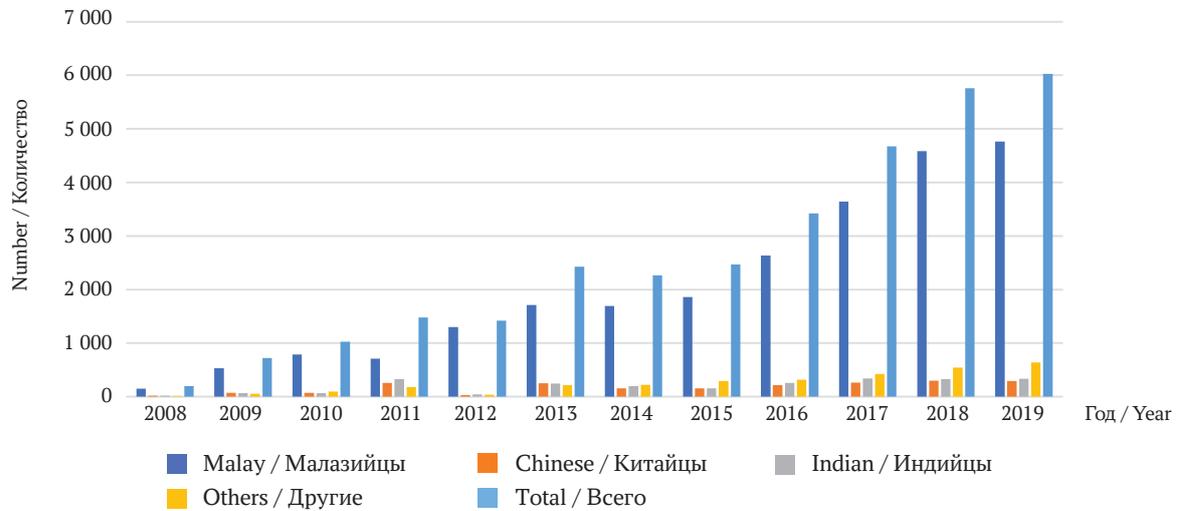

Fig. 1. Number of Parolees by Race

Source: Malaysian Prisons Department, 2008–2019.

Рис. 1. Количество условно-досрочно освобожденных по расовой принадлежности

Источник: Malaysian Prisons Department, 2008–2019.

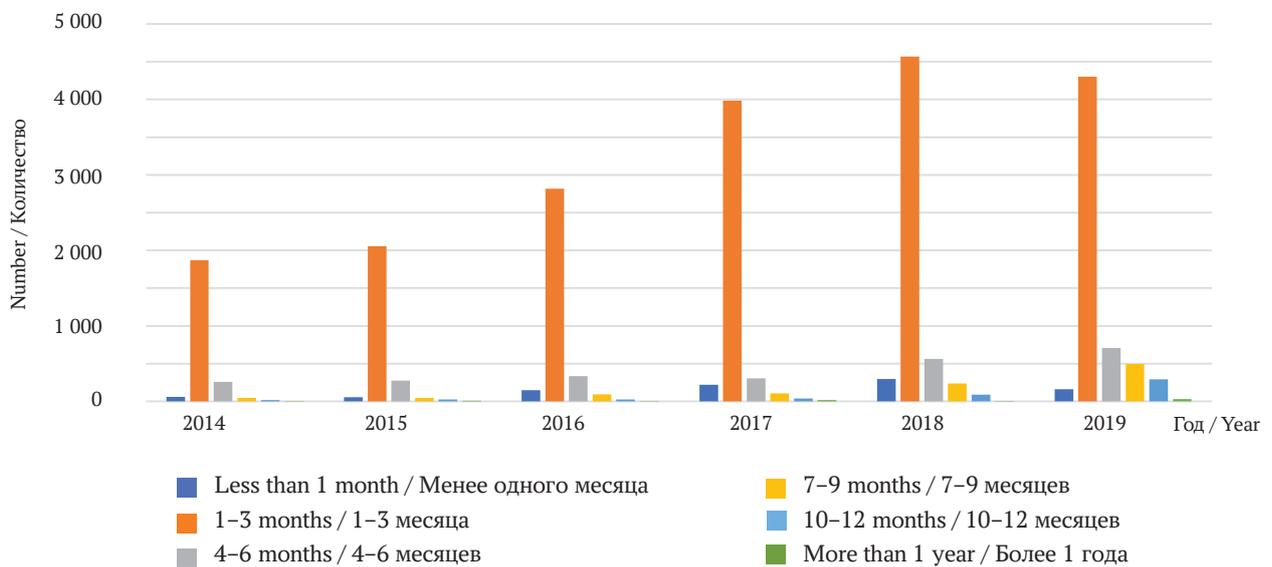

Fig. 2. Parolee (ODP) by Duration of Parole Order

Source: Malaysian Prisons Department, 2014–2019.

Рис. 2. Количество условно-досрочно освобожденных по сроку УДО

Источник: Malaysian Prisons Department, 2014–2019.

objective of this study is to examine the critical factors that are the main challenges and opportunities of the parole system implemented in our country. In addition, we will study how critical factors that are important determinants, namely the offender themselves, family acceptance, community support, and private institutions, reduce the rate of recidivism in our country.

2.0. Literature Review

Prison institutions in the world prefer to use methods of educating and guiding in both formal academic and vocational aspects in addition to using prudence and psychological methods for prisoners. According to the study of Zaiton & Rafizah [6], the parole system is a system that uses educational methods where eligible prisoners will be given early freedom through parole activities.

Zhang et al. [7] found that the PPCP (Parole Crime Prevention Program) resulted in moderate reductions in re-incarceration and parole releases. This has created the potential for large long-term cost savings for California, USA, taxpayers. According to Ostermann [8], when active supervision time was not considered, paroled prisoners had a lower predicted recidivism rate than unconditionally released prisoners. The study, which involved 29,299 samples and was conducted over three years from 2005–2009, found that the recidivism rate for paroled prisoners was 8 % lower than that of unconditionally released prisoners.

Kuziemko [9] found that if prison time reduces the risk of recidivism and if parole boards can accurately estimate a prisoner's risk of recidivism, then relative to a regular sentencing regime, parole can provide allocative efficiency benefits (expensive prison space allocated to high-risk offenders) and incentive benefits (prisoners know that they must reduce their risk of recidivism in order to obtain early release, so invest in their own rehabilitation).

Parole activities provide a second chance in terms of income and the involvement of families, communities and private companies involved. According to Mohd Huzaini & Syamsulang [10] study, placements such as offenders' private residences, intermediate houses, and corporate smart internships (CSI) that are regulated by prison officials can provide a second chance for offenders to work at a minimum wage rate, especially the involvement of parole offenders in critical sectors that require physical labor such as agriculture and mining.

Although the parole system is able to benefit the offender and the prison institution, there are challenges that are accepted by the paroled offender, namely the willingness of the individual to repent and start a new life and also the acceptance of society. This can be a push factor and a pull factor for paroled offenders to get caught up in committing crimes again. This has been proven through the study of Jodi et al. [11] who found that parole offenders are seen to be stuck committing crimes again when the individual lacks resilience in the pressures of life and the negative views of the surrounding community.

Studies consistently demonstrate that individuals who maintain strong social ties with their families are less likely to reoffend after being released from incarceration. For example, Berg & Huebner [12] found that reentry offenders who maintain social ties with their families have lower rates of recidivism. Ryan & Yang [13] conducted a longitudinal study that similarly found family relationships to be important for successfully completing program goals and reducing criminal behavior. Overall, it appears that maintaining social connections with family members is an effective way to reduce the likelihood of reoffending.

In addition to the role of the family, there are several past studies that examine the role of employment opportunities in reducing recidivism for parolees. Tripodi et al. [14] found that employment was associated with increased time to re-incarceration for parolees in Texas, USA. The study is in line with a study by Norwegian researchers Skardhamar & Telle [15], who found that the danger of recidivism is much lower when ex-prisoners work. The study showed that several factors, namely, employment opportunities, educational registration and parolees' participation in labor market programs against 7,476 offenders, were significant in reducing recidivism rates in Norway.

Ramakers et al. [16] found that not just any job, but especially stable jobs and jobs with a higher level of employment can help reduce crime rates among ex-prisoners. Chamberlain et al. [17] found that more job opportunities and higher-paying jobs closer to parolees' homes increase recidivism, but this may be due to increased competition for low-skilled jobs in these nearby areas. Overall, several research papers above suggest that employment opportunities can reduce recidivism for parolees.

Jacobs & Gottlieb [18] found that housing insecurity where there is no family acceptance is a determining factor in increasing the risk of recidivism. Using a data set of 2,453 people in San Francisco, this study found that housing insecurity is common and associated with an increased risk of recidivism among probationers, above and beyond a variety of other risk factors for recidivism.

Robson et al. [19] conducted a study of parolees in New Zealand on 282 male offenders which found that parolees who were forced to move were more likely to rehabilitate than those who were not forced to move. The study was challenged by the study of Breetzke & Polaschek [20], who found that mobility due to residence had no relationship with the recidivism rate of parolees.

Through the literature review, we found that stigma has a negative effect on the psychological well-being of exonerated people. Markowitz [21] found that stigma has a negative impact on the psychological well-being and life satisfaction of people with mental illness. Moore et al. [22] found that perceived stigma predicted worse community adjustment through anticipated stigma, and this differed by race. A study by Baffour et al. [23] found that ex-convicts who were re-imprisoned experienced stigmatization that had a negative impact on their mental well-being. Based on several quantitative studies and qualitative analysis above, it was suggested that societal stigma affects the psychological well-being of parolees.

Overall, the study of the parole system showed that it reduces the rate of recidivism, may reduce costs for prison institutions and further benefit the economy [7, 9, 10, 8]. Most importantly, the literature review above found some critical factors that need to be considered in examining the parole system in reducing recidivism rates in our country. These include individual factors of the offender, external factors such as family acceptance and mobility and access to homes, job opportunities, and community roles where stigma can reduce the well-being of released people in Malaysia [21, 10–15, 19, 23].

3.0. Methodology

This study uses primary data designed using a face-to-face interview method. The population of this study is prison officers in the state of Pahang, Malaysia. A total of five prison officers from the Parole and Community Services Division, Pahang state have been respondents for this study. The research instrument is in the form of semi-structured questions that include demographic questions, questions about parole activities in our country such as the process and activities of parole that are carried out, the determinants of parole activities in reducing the recidivism rate in our country and it is through questions directly or indirectly to ensure that prison officers can provide consistent and reliable information as suggested by Cohen & Crabtree [24] and Maxwell [25].

Data analysis uses a manual method where the researcher records all conversations with permission and transcribes the results of interviews with respondents. The process of data analysis is through the collection of information using the inductive method, which is the process of finding accurate and specific information through the content analysis method. Finfgeld-Connett [26] found that content analysis is a flexible data analysis method that can be used to conduct qualitative systematic reviews, and Nair [27] found that content analysis can be usefully applied in social work research. Elo et al. [28] found that it is important to scrutinize the trustworthiness of every phase of the analysis process, including the preparation, organization, and reporting of results. Together, these papers suggest that content analysis is a useful method for qualitative research, although it is important to consider trustworthiness when using this method.

This study will impact the lives of many people involved in the justice system, either directly or indirectly, by increasing their awareness and improving decision-making. The findings will aid governments and social activists when they are considering options to implement policies that aim to reform and rehabilitate inmates prior to their parole date. This study will help shape these options and improve efficiency in our current system for rehabilitation.

4.0. Results and Discussion

4.1. Demography

Based on Table below, the respondents of the study are prison officers at PPD Kuantan and the Pahang State Prison Director's Office. All respondents are between the ages of 33 and 47 years with more than 5 years of service experience and there are two officers with more than 20 years of experience in assisting offenders during parole activities.

Respondents' Data on Age, Gender, and Duration of Service

Характеристики условно-досрочно освобожденных: возраст, пол и срок заключения

Respondent / Респондент	Age / Возраст	Gender / Пол	Duration of service / Срок заключения
1	33	Male	7
2	44	Male	26
3	38	Male	16
4	36	Male	17
5	47	Male	24

4.2. Challenges and Opportunities for Parolees in Malaysia

Recidivism is a repeated criminal behaviour and it occurs due to two main factors, namely, the offender as an individual and external factors such as family and community acceptance, which is supported by the study of Jasni et al. [29]. Therefore, the results of this study will be presented by looking at the opportunities and challenges of paroled offenders through the perspective of prison officers who have been interviewed and statistics from the Malaysian Prisons Department.

4.2.1. Individuals in terms of income opportunities, self-development, and religious knowledge

The parole system is one of the good solutions for the Malaysian Prisons Department in reducing overcrowding in prisons. The parole system that educates the spiritual and mental qualities and provides employment opportunities can give offenders a chance of not being involved in crime again. Various studies have also found that parole benefits offenders either from the viewpoint of self-development [30], religion, personality [31] and income opportunities [32]. Therefore, the parole program has provided employment opportunities and reduced recidivism and has been supported through the findings of this study where it is stated:

"...It is more about the prisoner working because it is a rehabilitation process than we are more about rehabilitating him. Working is a recovery so that when he is finished, if the employer sees it as good, the employer will offer to work, but there are many who are offered to work..."
 (Respondent 1)

"...When we create a parole system, many employers will take jobs even when they leave, employers will take them and offer them as permanent employees..."
 (Respondent 2)

"...We see that Corporate Smart Internship (CSI) and Intermediate House (IH) are more effective. It's just the attitude of this individual (ODP) on him to change..."
 (Respondent 4)

"...With parole, they get support from several institutions and get new enthusiasm to help get a job after parole..."
 (Respondent 5)

Based on the quotes provided by the respondents, it seems that there is a belief that work can be an important part of the parolee's rehabilitation process. In addition, there are suggestions that creating a parole system that encourages employers to offer jobs to released prisoners could be effective in reducing recidivism.

Therefore, policy recommendations can be implemented by establishing a system that incentivizes employers to hire released parolees. This may include tax breaks, subsidies or other financial incentives to encourage employers to take the opportunity to hire individuals with criminal records. Additionally, the use of the Corporate Smart Internship (CSI) and Intermediate House (IH) programs can be expanded to provide inmates with training and work experience that can help them find employment after release.

Siamzulang S., Huzaini M. Влияние программы условно-досрочного освобождения на уровень рецидивизма. Качественный анализ ситуации в Малайзии
 Syamsulang S., Huzaini M. Does the Parole Program affect Recidivism? Qualitative Analysis in Malaysia

It is also important to address any complacency or negative attitudes that may hinder an inmate's ability to successfully reintegrate into society. This can involve providing counselling and support services to help inmates develop the skills and mindset needed to succeed in the workforce.

4.2.2. Family Fear Versus Faithfulness

The role of family members is very important in helping the offender to lead a normal life. The fear of family members to accept the offender after committing a crime increases the rate of recidivism as found in Maruna's study [33]. Most parolees have committed minor crimes and show good behavior and are monitored by parole officers. This release should gain faith and good acceptance from family members as the study Brunton-Smith & D. McCarthy [34]; Butorac et al. [35] and Maruna [33] found a significant relationship between family acceptance and repeat crime by offenders. The results of the study found that acceptance of family members was important even though there were doubts at the beginning:

"...At first the family didn't want to accept it, but when they change and show they want to change, the family will accept it again..."
(Respondent 1)

"...Sometimes the family doesn't want to accept it, but when we tell them what the concept of parole is, they (family members) accept it..."

(Respondent 3)

"...We don't want this family relationship so it's not good we want them to be closer..."

(Respondent 5)

The respondents seem to suggest that family acceptance plays a significant role in the success of a parolee's parole program. While there may be initial resistance from family members, if the parolee demonstrates a genuine desire to change and improve their situation, families are more likely to accept and support them. Additionally, it is important to educate families about the concept of parole and its potential benefits.

However, respondent 5 suggests that there may be cases where family relationships are not healthy or supportive, and in those instances, it may not be in the parolee's best interest to prioritize family acceptance.

Based on these insights, a policy recommendation could be to provide counselling or therapy and support services to both parolees and their families or caretakers to help them navigate the challenges of the parole process. This could involve educating families about the benefits of the parole system and providing them with resources to help them understand and support their loved ones.

4.2.3. Society: Stigma or Support?

Social stigma is unavoidable and is one of the challenges for parolees. As members of the community, if we cannot help financially, we should not express a cynical view let alone pronounce negative words. Support should be given especially to community leaders. A study by Kenemore & In [36] and Cook et al. [37] showed the importance of the relationship between the community of offenders to return to the community and the existence of a significant impact of offenders who work and serve the surrounding community. The findings of the study showed the existence of community leaders playing an important role in parole activities.

"...Before we are released we will contact the village chief to be like our eyes. When the situation is like that, we and the community have cooperation..."

(Respondent 3)

"...There's a place that's really good because these neighbours maintain friendly relations with people on parole by giving advice..."

(Respondent 4)

"...Community acceptance is very good, in fact the government's policy and implementation in the Prison Department is very good. The reason for improving human morals and character. A good thing for the parolee and the whole community..."

(Respondent 5)

The respondents suggest that community acceptance and support can be key factors in the success of a parolee's parole program. They mention the importance of building relationships with local leaders, such as village chiefs and maintaining friendly relations with neighbours who can provide advice and support.

Based on these insights, a policy recommendation could be to implement programs that encourage and support community involvement in the parole process. This could include outreach programs that educate communities about the benefits of the parole system and how they can support and encourage the successful reintegration of prisoners into society.

Additionally, efforts could be made to build strong relationships between prisoners and local leaders, such as village chiefs, who can provide guidance and support during the parole process. This could involve training and education programs for both prisoners and local leaders to help them understand and support each other's needs.

4.2.4. Private Institution: Win-win situation

The participation of private companies in the parole system creates a win-win situation where parolees get job opportunities and firms can reduce their dependence on foreign workers [10]. Although the participation of private companies is limited in the agriculture and manufacturing sectors in the parole system in our country, there are studies that find there is a significant relationship between employment and crime. Uggen [38] has found job opportunities and job quality can reduce recidivism. The results of the study show that there is a dependency between a parolee and a firm in terms of employment.

"...As an employer, he sees this as something good to help. As a community member and employer, he helps the skilled prisoners sent to the workshop. Employers will hone their skills and give them work..."

(Respondent 1)

"...They (employers involved) see the positive side because now they need workers because of the COVID-19 pandemic and one of the problems is that the government does not encourage hiring foreigners so now they are racing to hire people under parole..."

(Respondent 2)

The respondents suggest that employers can play a key role in supporting the successful reintegration of parolees into society by offering employment opportunities and training. They note that employers may be motivated to hire parolees due to labor shortages caused by the COVID-19 pandemic and the government policies discouraging hiring foreign workers.

Based on these insights, a policy recommendation could be to create incentives for employers to hire and train parolees as part of the parole program. This could include tax breaks or subsidies for employers who hire and train parolees, as well as partnerships between parolees and businesses to facilitate the transition from incarceration to employment. By encouraging employers to hire parolees and providing support for their training and success in the workforce, policymakers could promote the successful reintegration of parolees into society and reduce recidivism rates.

5.0. Conclusion

In conclusion, Malaysia's implementation of parole activities has proven to be effective in reducing the recidivism rate. The study identified five factors that play a crucial role in determining the opportunities and challenges to reduce recidivism rates in the country. These factors include individual factors such as the offender themselves, family acceptance, community support, and cooperation with private companies under CSI programme.

Offenders who undergo self-development and religious activities during their prison and parole period, as well as those who receive support from their families and communities, are less likely to engage in criminal activities upon their release. Furthermore, the participation of private companies in providing job opportunities for ex-offenders can also contribute to reducing the recidivism rate.

To further reduce recidivism rates in Malaysia, the Malaysian Prisons Department needs to implement prison reforms by integrating the parole districts in the country and adding more parole officers to address the shortage.

This strategic step will not only reduce prison costs and overcrowding, but it will also enable the parole officers to provide adequate support and guidance to the offenders released under the parole system.

In summary, reducing recidivism rates in Malaysia requires a collaborative effort between the government, private companies, families, and communities. By implementing effective parole activities, providing necessary support to ex-offenders, and strengthening the prison system through necessary reforms, the country can achieve its goal of reducing recidivism rates and creating a safer community.

References / Список литературы

1. Patrick, H., & Frédéric, T. (2011). Macroeconomic Determinants of Crime in Developing Countries. *Journal of International Development*, 23(3), 321–340.
2. Schmalleger, F. J. (2014). *Criminal justice today: An introductory text for the 21st century* (13th ed.). Pearson Education.
3. Morris, P., Beverly, F., & Vennard, J. (1975). *On licence: A study of parole*. London: Wiley.
4. Snarr, R. W., & Wolford, B. I. (1996). *Introduction to corrections*. Brown & Benchmark.
5. Prisons Dept D-G: Malaysia's parole system effective in reducing recidivism (2020, July 22). *Malay Mail*, <https://www.malaymail.com/news/malaysia/2020/07/22/prisons-dept-d-g-malaysias-parole-system-effective-in-reducing-recidivism/1887000>
6. Zaiton, H., & Rafizah, A. (2011). The parole system in Malaysia: A critical analysis. *International Journal of Humanities and Social Science*, 1(2), 26–33.
7. Zhang, S. X., Roberts, R. E., & Callanan, V. J. (2006). Preventing Parolees from Returning to Prison Through Community-Based Reintegration. *Crime & Delinquency*, 52(4), 551–571. <https://doi.org/10.1177/0011128705282594>
8. Ostermann, M. (2013). Active Supervision and Its Impact Upon Parolee Recidivism Rates. *Crime & Delinquency*, 59(4), 487–509. <https://doi.org/10.1177/0011128712470680>
9. Kuziemko, I. (2013). How should inmates be released from prison? An assessment of parole versus fixed-sentence regimes. *Quarterly Journal of Economics*, 128, 371–424. <https://doi.org/10.1093/qje/qjs052>
10. Mohd, Huzaini, & Syamsulang, S. (2022). Parole Activity and Moral Economy in Malaysia. *AZKA International Journal of Zakat & Social Finance*, 3(2). <https://doi.org/10.51377/azjaf.vol3no2.121>
11. Jodi, Kh. H. M., Hamat, M. F., & Towpek, H. (2012). Islamic values in the rehabilitation program of female prisoners in Prison. *Usuluddin Journal*, 35, 99–116.
12. Berg, M. T., & Huebner, B. M. (2011). Reentry and the Ties that Bind: An Examination of Social Ties, Employment, and Recidivism. *Justice Quarterly*, 28(2), 382–410. <https://doi.org/10.1080/07418825.2010.498383>
13. Ryan, J. P., & Yang, H. (2005). Family Contact and Recidivism: A Longitudinal Study of Adjudicated Delinquents in Residential Care. *Social Work Research*, 29(1), 31–39. <https://doi.org/10.1093/swr/29.1.31>
14. Tripodi, S. J., Kim, J. S., & Bender, K. A. (2010). Is Employment Associated With Reduced Recidivism? *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 54(5), 706–720. <https://doi.org/10.1177/0306624x09342980>
15. Skardhamar, T., & Telle, K. E. (2012). Post-release Employment and Recidivism in Norway. *Journal of Quantitative Criminology*, 28(4), 629–649. <https://doi.org/10.1007/s10940-012-9166-x>
16. Ramakers, A. A., Nieuwbeerta, P., van Wilsem, J., & Dirkzwager, A. J. (2017). Not Just Any Job Will Do: A Study on Employment Characteristics and Recidivism Risks After Release. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 61(16), 1795–1818. <https://doi.org/10.1177/0306624x16636141>
17. Chamberlain, A. W., Boggess, L. N., & Powers, R. A. (2016). The impact of the spatial mismatch between parolee and employment locations on recidivism. *Journal of Crime and Justice*, 39(3), 398–420. <https://doi.org/10.1080/0735648x.2014.965264>
18. Jacobs, L. A., & Gottlieb, A. (2020). The Effect of Housing Circumstances on Recidivism: Evidence From a Sample of People on Probation in San Francisco. *Criminal Justice and Behavior*, 47(9), 1097–1115. <https://doi.org/10.1177/0093854820942285>
19. Robson, S., Yesberg, J. A., Wilson, M. S., & Polaschek, D. L. (2019). A Fresh Start or the Devil You Know? Examining Relationships Between Release Location Choices, Community Experiences, and Recidivism for High-Risk Parolees. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 64(6–7), 635–653. <https://doi.org/10.1177/0306624x19877589>
20. Breetzke, G. D., & Polaschek, D. L. (2018). Moving Home: Examining the Independent Effects of Individual- and Neighborhood-Level Residential Mobility on Recidivism in High-Risk Parolees. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 62(10), 2982–3005. <https://doi.org/10.1177/0306624x17735985>
21. Markowitz, F. E. (1998). The effects of stigma on the psychological well-being and life satisfaction of persons with mental illness. *Journal of Health and Social Behavior*, 39(4), 335–347. <https://doi.org/10.2307/2676342>
22. Moore, K. E., Stuewig, J. B., & Tangney, J. P. (2016). The Effect of Stigma on Criminal Offenders' Functioning: A Longitudinal Mediation Model. *Deviant Behavior*, 37(2), 196–218. <https://doi.org/10.1080/01639625.2014.1004035>

23. Baffour, F. D., Francis, A. P., Chong, M. D., Harris, N. M., & Baffour, P. D. (2020). Perpetrators at First, Victims at Last: Exploring the Consequences of Stigmatization on Ex-Convicts' Mental Well-Being. *Criminal Justice Review*, 46(3), 304–325. <https://doi.org/10.1177/0734016820960785>
24. Cohen, D., & Crabtree, B. (2006). *Qualitative research guidelines project*.
25. Maxwell, J. A. (2008). Designing a qualitative study. In *The SAGE handbook of applied social research methods* (Vol. 2, pp. 214–253).
26. Finfgeld-Connett, D. L. (2014). Use of content analysis to conduct knowledge-building and theory-generating qualitative systematic reviews. *Qualitative Research*, 14(3), 341–352. <https://doi.org/10.1177/1468794113481790>
27. Nair, R. (2014). Using Content Analysis in Qualitative Research in Social Work: Some Insights. *Indian Journal of Social Work*, 75, 523–534.
28. Elo, S., Kääriäinen, M., Kanste, O., Pölkki, T., Utriainen, K., & Kynäs, H. A. (2014). Qualitative Content Analysis. *SAGE Open*, 4(1). <https://doi.org/10.1177/2158244014522633>
29. Jasni, M. A., Ah, S. H. A. B., Omar, N., & Nasir, N. C. M. (2021). Understanding Recidivism: A Basic Review of Major Theories of Criminal Behavior. *The Malaysian Journal of Social Administration*, 15, 44–66.
30. Abrams, L. S., & Lea, C. H. (2016). Becoming employable: An ethnographic study of life skills courses in a men's jail. *The Prison Journal*, 96(5), 667–687. <https://doi.org/10.1177/0032885516662627>
31. Mustafa, J., & Ishak, N. A. (2019). Pencapaian Pelaksanaan Program ODP di Malaysia (Achievement ODP Program Implementation in Malaysia). *Jurnal Pembangunan Sosial*, 22, 33–49. <https://doi.org/10.32890/jps.22.2019.12680>
32. Seim, J., & Harding, D. J. (2020). Parolefare: Post-prison supervision and low-wage work. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 6(1), 173–195. <https://doi.org/10.7758/rsf.2020.6.1.08>
33. Maruna, S. (2001). *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. American Psychological Association Books. <https://doi.org/10.1037/10430-000>
34. Brunton-Smith, I., & McCarthy, D. (2017). The effects of prisoner attachment to family on re-entry outcomes: A longitudinal assessment. *The British Journal of Criminology*, 57(2), 463–482. <https://doi.org/10.1093/bjc/azv129>
35. Butorac, K., Gracin, D., & Stanic, N. (2017). The challenges in reducing criminal recidivism. *Public Security and Public Order*, 18, 115–131.
36. Kenemore, Th. K., & In, B. S. (2020). Relationship matters with citizens returning from prison: qualitative findings from a mentoring program. *Journal of Offender Rehabilitation*, 59(6), 315–333. <https://doi.org/10.1080/10509674.2020.1767257>
37. Cook, P., Kang, S., Braga, A., Ludwig, J., & O'Brien, M. (2015). An experimental evaluation of a comprehensive employment-oriented prisoner re-entry program. *Journal of Quantitative Criminology*, 31(3), 355–382. <https://doi.org/10.1007/s10940-014-9242-5>
38. Uggen, C. (2001). Work as a turning point in the life course of criminals: A duration model of age, employment, and recidivism. *American Sociological Review*, 65(4), 529–546. <https://doi.org/10.2307/2657381>

The author's contributions

Syamsulang Sarifuddin: Conducted the introduction, literature review, analysis (content analysis), discussion, and formatting.
Mohd Huzaini: Contributed to the methodologies (design and data collection) and transcribed the raw data.

Вклад авторов

Сиамсуланг Сарифуддин: выполнил введение, обзор литературы, анализ (контент-анализ), обсуждение результатов, оформил текст статьи.

Мохд Хузаини: участвовал в разработке программы исследования и сборе данных, обработал исходные данные.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 26.01.2023

Дата принятия в печать / Accepted 11.03.2023

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор П. А. Кабанов / Persons in charge of selection P. A. Kabanov

Редактор рубрики Дж. Шаббар / Rubric editor J. Shabbar

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.396-438

УДК 340.13:342.5(73)

Р. Е. БАРКОУ¹

¹ Школа права Нью-Йоркского университета, г. Нью-Йорк, США

ВСЕОБЪЕМЛЮЩАЯ ПРОБЛЕМА КОНГРЕССА: ОПАСНОЕ СНИЖЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Рэйчел Е. Баркоу, заместитель декана, профессор права по кафедре Charles Seligson; руководитель совета Центра отправления уголовного правосудия, Школа права Нью-Йоркского университета

Аннотация

Цель: демонстрация снижения роли экспертных знаний в работе Конгресса США, последствий этого снижения с учетом целостного характера законодательного процесса, а также возможные способы исправления этой ситуации.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический и социологический.

Результаты: ни для кого не секрет, что Конгресс США стал ареной борьбы между партиями, тогда как для продвижения мер, полезных для всех граждан, прилагается не слишком много усилий. Хотя Конгресс США всегда рассматривал политические вопросы через призму партийных интересов, в настоящее время роль внепартийного профессионального знания в законодательном процессе низка как никогда. Уважение к специалистам падает во всех слоях общества, однако отказ от использования их знаний в Конгрессе вызывает особую тревогу, поскольку это усиливает те недостатки, которые заложены в законодательном процессе. Конгресс США принимает законы, которые будут обязательны для всех, но не задумывается о конкретных случаях их применения. Результат установления этих общих законодательных мер будет зависеть от процедуры их выработки. Иногда перед принятием решения Конгресс

© Баркоу Р. Е., 2023. Впервые опубликовано на русском языке в журнале Russian Journal of Economics and Law (<https://rusjel.ru>) 25.06.2023

© Rachel E. Barkow, 2023

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Fordham Law Review*. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала: melr@law.fordham.edu

Цитирование оригинала статьи на английском: Barkow, Rachel E. (2021). The wholesale problem with congress: the dangerous decline of expertise in the legislative process, *Fordham Law Review*, 90, 1029–1081.

URL публикации: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol90/iss3/1/>

Баркоу Р. Е. Всеобъемлющая проблема Конгресса: опасное снижение профессиональных знаний в законодательном процессе
Barkow R. E. The wholesale problem with Congress: the dangerous decline of expertise in the legislative process

США собирает относящиеся к делу факты и аргументы по различным аспектам проблемы, но это происходит все реже. Чаще законодатели опираются на какие-то крайние случаи или готовые образцы; если экспертный поиск информации не является частью процедуры по изучению проекта, то когнитивные искажения могут остаться незамеченными.

Научная новизна: в разделе I раскрыта роль внепартийных специалистов в законодательном процессе на протяжении длительного периода и показаны различные механизмы, приведшие к упадку их влияния на Конгресс США. В разделе II поясняется, почему указанное снижение роли специалистов вызывает особую озабоченность, учитывая, что Конгресс США определяет политику в целом и получает мало информации о том, как принимаемые решения отражаются в сценариях реального мира. В разделе III рассматривается вопрос о том, можно ли что-то сделать и следует ли это делать. Хотя теоретически Конгресс США может изменить свой подход, это выглядит маловероятным. На протяжении всей своей истории Конгресс США использовал внепартийных специалистов только тогда, когда беспокоился об излишнем усилении влияния президента. Когда же на политическом поле главную роль играют партии, Конгресс вряд ли будет заботиться о своем институциональном положении по отношению к исполнительной власти. Поскольку реформирования законодательства не происходит, в разделе III рассмотрены два других последствия снижения роли экспертных знаний в законодательном процессе. Во-первых, упадок профессионального знания внутри законодательного органа увеличивает нагрузку на административные службы, обеспечивающие эти знания. По иронии Верховный Суд США пытается оживить доктрину отказа от делегирования в тот самый момент, когда делегирование особенно необходимо. Во-вторых, суды и другие органы, интерпретирующие законы, могут опираться на смысл законов и на консультации Конгресса США с внепартийными специалистами, чтобы разрешить противоречия в законодательстве.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, правоприменительной и законотворческой деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с деятельностью Конгресса США.

Ключевые слова: Конгресс США, парламент, политические партии, голосование, экспертные знания, толкование права

Благодарности: автор выражает благодарность участникам круглого стола 2018 г. по проблемам законодательства, которые дали крайне ценную обратную связь, когда работа над данным проектом только начиналась. Автор также благодарен за комментарии к первым наброскам, полезное обсуждение и советы со стороны Lily Batchelder, Bob Bauer, Tommy Bennett, Adam Cox, Bill Eskridge, Sam Estreicher, Jonah Gelbach, Esther Hong, Dan Hulsebosch, David Kamin, Mervyn King, Richard Kogan, Erin Murphy, Rick Pildes, Daphna Renan, Peter Schuck, Evan Zolden, участников семинара по публичному праву в Школе права Университета Миннесоты, семинара в Школе права Нью-Йоркского университета, семинара по толкованию законодательства в Школе права Пенсильванского университета и семинара в Школе права Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Также выражает благодарность Joy Chen, Will Hughes, Alyse Johnson, Sean Kim, Grace Li, Dan Schiano, Caroline Tan и Benjamin Wyly за помощь в исследовании.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Баркоу Р. Е. Всеобъемлющая проблема Конгресса: опасное снижение профессиональных знаний в законодательном процессе // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 396-438. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.396-438

The article was first published in English language by Fordham Law Review. For more information please contact: melr@law.fordham.edu
For original publication: Barkow, R. E. (2021). The wholesale problem with Congress: the dangerous decline of expertise in the legislative process, *Fordham Law Review*, 90, 1029–1081.

Publication URL: <https://ir.lawnet.fordham.edu/flr/vol90/iss3/1/>

Scientific article

R. E. BARKOW¹

¹ New York University School of Law, New York, USA

THE WHOLESALE PROBLEM WITH CONGRESS: THE DANGEROUS DECLINE OF EXPERTISE IN THE LEGISLATIVE PROCESS

Rachel E. Barkow, Vice Dean and Charles Seligson Professor of Law; Faculty Director, Center on the Administration of Criminal Law, NYU School of Law

Abstract

Objective: to document the declining respect for expertise in the US Congress, the implications for policymaking given the wholesale nature of the legislative process, and some possible ways to account for the decline of expertise in the legislative process.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, allowing to analyze them in historical development and functioning in the context of the totality of objective and subjective factors, which predetermined the following research methods: formal-logical and sociological.

Results: It is no surprise to anyone that the US Congress has become a hyperpartisan battleground where little effort is expended to promote policies that work for Americans. While the US Congress has always viewed policy issues through the lens of party politics, the role of nonpartisan expertise in the legislative process is at an all-time low. The disrespect for experts is growing across society, but the decline in their use is particularly troubling in the US Congress because it exacerbates deficiencies that are inherent to the legislative process. The US Congress passes laws of general applicability and does not sit in judgment of specific applications of the law. Whether the US Congress does a good job setting those general policies depends on the process it uses for doing so. Sometimes, though increasingly rarely, the US Congress gathers the relevant facts and arguments about different aspects of a problem before acting. More often, legislators have specific outlier problems or prototypes in mind when they draft legislation, and if there is not an expert fact-finding process in place to study a proposal, cognitive biases may go unchecked.

Scientific novelty: Part I details the role nonpartisan experts have played in the legislative process over time and documents the various ways that experts have fallen out of favor in the US Congress. Part II explains why this decline of expert involvement in legislation is particularly troubling given the way the US Congress operates as a body making wholesale policy with little individualized feedback on how its policies are applying to real-world scenarios. Part III then turns to the question of what, if anything, could or should be done about it. While the US Congress could, in theory, shift course, that seems unlikely. Throughout its history, the US Congress has cared about nonpartisan expertise when it worried about presidential overreach. But with parties dominating the political landscape, there is little likelihood that the US Congress will care enough about its institutional position relative to the executive. In the absence of legislative reform, Part III therefore considers two additional implications of the decline of expertise in the legislative process. First, the decline of internal expertise in the legislative body places greater weight on the use of administrative agencies to provide that guidance. Ironically, the US Supreme Court may be toying with a revitalization of the nondelegation doctrine at the precise moment that delegation is most urgently needed. Second, courts and other bodies that interpret statutes could consider the relationship between statutory meaning and the US Congress's consultation with nonpartisan experts to help address statutory ambiguities.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to the functioning of the US Congress.

Keywords: US Congress, Parliament, Political parties, Voting, Expertise, Interpretation of law

Acknowledgements: I am also grateful for comments on earlier drafts and helpful conversations and advice from Lily Batchelder, Bob Bauer, Tommy Bennett, Adam Cox, Bill Eskridge, Sam Estreicher, Jonah Gelbach, Esther Hong, Dan Hulsebosch, David Kamin, Mervyn King, Richard Kogan, Erin Murphy, Rick Pildes, Daphna Renan, Peter Schuck, Evan Zolden, participants at the public law workshop at the University of Minnesota Law School, the NYU School of Law faculty workshop, the Statutory Interpretation Seminar at the University of Pennsylvania Carey Law School, and the faculty workshop at UCLA School of Law. I am thankful for the wonderful research assistance of Joy Chen, Will Hughes, Alyse Johnson, Sean Kim, Grace Li, Dan Schiano, Caroline Tan, and Benjamin Wylly.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Barkow, R. E. (2023). The wholesale problem with Congress: the dangerous decline of expertise in the legislative process, *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 396–438. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.396-438

Введение

Американцы, кажется, готовы спорить друг с другом по любому поводу, но в одном их мнения сходятся – Конгресс уже не тот¹. Были времена, когда законодатели могли работать вместе, и многие базовые законы решали самые фундаментальные проблемы общества². Однако в наши дни внепартийный подход стал редкостью. Поскольку каждая партия рассматривает предвыборную гонку как возможность получить или удержать большинство в Конгрессе, остается все меньше стимулов сотрудничать и партийные интересы берут верх [4]. Роль денег в избирательных кампаниях, а значит, и при принятии законодательных решений, теперь на порядок выше, чем была раньше³.

В этой обстановке главенства партийных интересов неудивительно, что членов Конгресса мало заботит то, что внепартийные эксперты могут сказать по существу предлагаемых законопроектов. Это особенно относится к Республиканской партии, которая была в авангарде сокращения роли советников в работе Конгресса⁴. Как демократы, так и республиканцы в Конгрессе отошли от модели, согласно которой члены партий создавали свои зоны экспертного знания, чтобы другие могли обращаться к ним за консультациями. Вместо этого партийные лидеры получили гораздо больше влияния, чем главы специализированных комитетов и другие лица с подобным уровнем знаний и опыта. Хотя Конгресс всегда рассматривал политические вопросы через призму партийных интересов, в настоящее время роль внепартийного профессионального знания в законодательном процессе низка как никогда⁵.

Низкий уровень использования экспертного знания усиливает те недостатки, которые изначально присущи законодательному процессу. Конгресс принимает законы, которые будут обязательны для всех, но не задумывается о конкретных случаях их применения. Действительно, в Конституции заложены принципы, согласно которым законы не налагают особого бремени на конкретных лиц⁶. Судебная и исполнительная власть выведены из Конгресса именно с этой целью, и ряд других положений Конституции также направлены на то, чтобы Конгресс не мог действовать в интересах заведомых победителей или проигравших⁷. Точнее говоря,

¹ [1] (показано, что 2017 г. стал восьмым годом, когда рейтинг одобрения работы Конгресса опустился ниже 20 %).

² [2] (показано возрастание поляризации, поскольку при умеренных взглядах избирателей в середине 2000-х демократы голосовали на 25 % более либерально, а республиканцы на 50 % более консервативно, чем их предшественники в 1970-х); [3] («Американская политика в двадцатом веке по большей части... не демонстрировала ничего похожего на поляризацию по партийному признаку, которая возникла и продолжается в наши дни...»).

³ [5] (показано, что расходы на кампании Конгресса за последние 30 лет возросли более чем в четыре раза и что внешние расходы также существенно возросли за последние 10 лет); [6] (показано, что расходы на лоббирование за последние 20 лет утроились, с 1,45 млрд долларов в 1998 г. до 3,3 млрд долларов в 2017 г.). Историю корпоративного лоббирования в США см. в целом [7].

⁴ См. ниже прим. 74–112 и соответствующий текст.

⁵ Ярким примером служит отказ Республиканской партии рассматривать финансовые прогнозные показатели, предоставленные внепартийным Бюджетным управлением Конгресса для законодательства по налоговой реформе в 2017 г. [8]. Восемь бывших руководителей Бюджетного управления Конгресса написали лидерам Конгресса о своей озабоченности этой ситуацией. Letter from Former CBO Directors on the Importance of CBO's Role in the Legislative Process to Paul Ryan, Speaker of the House, et al. (July 21, 2017).

⁶ См. [9] (описываются аспекты универсальности законодательства, заложенные в Конституции США).

⁷ См. U.S. Const, art. I, § 9, cl. 3; там же art. I, § 10, cl. 1 (отсутствуют законы о лишении гражданских и имущественных прав за государственную измену или законы, имеющие обратную силу).

даже самые широкие формулировки законов могут привести – намеренно или ненамеренно – к выделению какого-либо сектора, компаний и даже отдельных граждан из-за особо затруднительных обстоятельств. Однако в целом законодательная власть направлена на общее, а не на частное. Этот аспект законодательной ветви часто выделяют как ключевой, отличающий ее от исполнительной и судебной ветвей власти⁸ и позволяющий ей наилучшим образом устанавливать общую политику [12].

Однако результат установления этих общих законодательных мер будет зависеть от процедуры их выработки. Иногда перед принятием решения Конгресс собирает относящиеся к делу факты и аргументы по различным аспектам проблемы⁹, но это происходит все реже. Часто законодатели опираются на какие-то крайние случаи или на готовые образцы; если экспертный поиск информации не является частью процедуры по изучению проекта, то ошибочные или неполные представления могут остаться незамеченными¹⁰. Как правило, некое резонансное событие привлекает внимание законодателей, лоббисты или иные заинтересованные лица поднимают шум¹¹. То, что вызвало интерес законодателей, может определять их последующее отношение к проблеме, если только сама процедура не потребует проведения более глубокого анализа и отказа от первоначальных представлений, не основанных на фактической базе.

В этом отношении законодатели не отличаются от всех остальных людей. Мы все используем эвристические методы (мыслительные связи) или схемы (когнитивные рамки или мысленные шаблоны), которые задействуются подсознательно, помогая организовывать и интерпретировать входящую информацию при принятии решений¹². Опасность эвристики и схем в том, что они могут привести к игнорированию значимой информации и вместо этого усилить имеющиеся представления, даже если они ошибочны или опираются на ничем не обоснованные стереотипы [17]. Схемы особенно сильно влияют на принятие решений, если отсутствует информация о том, как ситуация отличается от стереотипной схемы¹³. Если законодатели получают информацию обо всех аспектах проблемы и пользуются экспертными мнениями о фактической стороне дела, то они относительно неплохо подготовлены к выработке политических решений. Однако если у законодателей недостаточно обратной связи от экспертов и они получают только информацию, пропущенную через партийные фильтры, тогда их решения могут быть основаны на нехарактерных ситуациях и плохо отвечать большинству сценариев. Поскольку члены Конгресса не видят, как их решения работают в широком ряду отдельных случаев, они часто не получают достаточной обратной связи о действии их законов в реальных жизненных ситуациях; это накладывает отпечаток на их мышление. В этом состоит отличие от исполнительной и судебной ветвей власти, которые занимаются практическим применением законов к конкретным делам, а значит, получают обратную связь с охватом широкого спектра фактов. Таким образом, упадок экспертного знания в Конгрессе особенно опасен, поскольку весь стиль мышления оказывается основанным на неполной информации.

Цель данной статьи – показать снижение роли экспертных знаний в работе Конгресса, последствия этого снижения с учетом целостного характера законодательного процесса, а также возможные способы исправления этой ситуации. В разделе I раскрываются различные пути упадка влияния специалистов на законодательный процесс и значение этого упадка. В разделе II поясняется, почему указанное снижение роли специалистов в законодательном процессе вызывает особую озабоченность, учитывая, что Конгресс определяет политику

⁸ См. [10] («Закон применяется одним, а пишется другим... „Кроме того, это сфера судебной власти – разрешать частные споры между или в отношении граждан; законодательная же власть должна регулировать общественные вопросы и создавать законы в интересах и для процветания государства“» (цитируется *Merrill v. Sherburne*, 1 N.H. 199,204 (1818)) (курсив добавлен)); [11] (утверждается, что исполнительная власть призвана «применять общие правила к конкретной ситуации», тогда как законодательство является «просто инструментом для достижения целей общей политики, поставленных или указанных правительством»).

⁹ См. ниже раздел II.В.

¹⁰ См. ниже раздел II.В.

¹¹ См. ниже раздел II.В.

¹² [13]. См. в целом [14–16].

¹³ [18]; см. также [19].

в целом и получает мало информации о том, как принимаемые решения отражаются в сценариях реального мира. В разделе III рассматривается вопрос о том, можно ли что-то сделать и следует ли это делать. Одна из стратегий состоит в том, чтобы определить политические силы, приведшие к упадку экспертных знаний в Конгрессе, чтобы повернуть этот процесс вспять. Вероятно, это потребует усилий со стороны демократов, так как именно республиканцы способствовали разрушению системы сбора информации в Конгрессе. Поскольку демократы недавно получили большинство в обеих палатах и в аппарате президента, перестройка этих институтов могла бы улучшить современную законотворческую деятельность. Однако численный перевес демократов невелик, и остается неясным, чего они могут достичь, особенно учитывая, что у них осталось всего два года. Кроме того, основной мотивацией для работы экспертов в Конгрессе в течение многих лет оставалось стремление Конгресса сдерживать влияние исполнительной власти. Поскольку демократы в данный момент контролируют и Конгресс, и Белый дом, у них нет стимулов продвигать эту реформу.

Таким образом, принимая как данность, что Конгресс не поменяет нынешний курс или будет принимать лишь ограниченные меры, в разделе III рассмотрены два других последствия снижения роли экспертных знаний в законодательном процессе. Во-первых, упадок профессионального знания внутри законодательного органа увеличивает нагрузку на административные службы, обеспечивающие эти знания¹⁴. По иронии, Верховный Суд США пытается оживить доктрину отказа от делегирования в тот самый момент, когда делегирование особенно необходимо¹⁵. Во-вторых, суды и другие органы, интерпретирующие законы, могут опираться на смысл законов и на консультации Конгресса с внепартийными специалистами, чтобы разрешить противоречия в законодательстве¹⁶.

I. Расцвет и упадок профессионализма в Конгрессе

В идеализированном варианте законодательного процесса законодатели собирают информацию по проблеме, обдумывают ее, а затем принимают взвешенное решение о том, как действовать в интересах общества [20]. Джеймс Мэдисон восхвалял республиканское правительство за его способность «выявить и расширить взгляды общественности, пропуская их через группу избранных граждан, чья мудрость позволит распознать истинные интересы страны, а патриотизм и любовь к справедливости оградят от сиюминутных или партийных соображений»¹⁷. Согласно Мэдисону, хорошему правительству нужны два основных ингредиента: «во-первых, верность объекту управления, т. е. счастью народа; во-вторых, знание средств, которыми можно его добиться»¹⁸. Далее он отмечал: «Не может быть умелым законодателем тот, кто к своим честным намерениям и здравому суждению не добавляет определенную долю знаний о предмете своего законотворчества»¹⁹. Таким образом, мудрость и знания были ключевым элементом мечты отцов-основателей, и они верили, что созданная ими республиканская форма правления будет способствовать накоплению как знаний, так и мудрости²⁰.

Верховный Суд перенял этот романтизированный взгляд на законодательный процесс, отмечая, что «характерная черта [Конгресса] как законодательного органа состоит в его всеобъемлющей миссии по расследованию и рассмотрению всех фактов и мнений, относящихся к решению какого-либо вопроса. Одним из

¹⁴ См. ниже разделы I.B, III.B.1.

¹⁵ См. ниже раздел III.B.1.

¹⁶ См. ниже раздел III.B.

¹⁷ The Federalist No. 10, at 51 (Джеймс Мэдисон) (Ian Shapiro ed., 2009).

¹⁸ The Federalist No. 62, at 316 (Джеймс Мэдисон).

¹⁹ The Federalist No. 53, at 274 (Джеймс Мэдисон).

²⁰ The Federalist No. 62, at 316 (Джеймс Мэдисон) («Некоторым правительствам недостает и того и другого [приверженности общему благу и знаний, как достичь его]; большинству недостает первого. Я не боюсь утверждать, что власти в Америке уделяют слишком мало внимания второму. Федеральная Конституция избежала этой ошибки; и, что особенно стоит отметить, она дает средства для второго, повышая гарантии достижения первого»).

подходящих для этого источников являются знания и навыки, которые Конгресс приобретает при изучении и применении существующих законодательных актов»²¹. Суд также отметил:

«Законодательный орган не может действовать эффективно в отсутствие информации касательно условий, на которые данное законодательство призвано влиять; если законодательный орган не обладает соответствующей информацией, что случается нередко, то он должен обратиться к тем, кто обладает»²².

Уважительное отношение Верховного Суда к политическим решениям Конгресса базируется на понимании законодательного процесса как принятия взвешенных решений на основе соответствующей информации. Как отметил Верховный Суд, «мы должны уважать решения Конгресса в том числе и потому, что этот орган намного лучше, чем судебная система, приспособлен к „накоплению и оцениванию больших объемов информации“ относительно вопросов законотворчества»²³.

А. Путь к более широкому использованию профессиональных знаний

В реальности процесс принятия решений в Конгрессе никогда не соответствовал романтизированной версии, описанной отцами-основателями и Верховным Судом, однако раньше он был ближе к этому идеалу, чем то, что происходит сейчас. На ранних этапах истории страны Конгресс рассматривался как «внештатный орган с временной ролью в рамках ограниченного федерального правительства» [21]. Но даже с этой ограниченной ролью и очень небольшим количеством сотрудников²⁴ Конгресс использовал различные постоянные и исследовательские комиссии для сбора информации²⁵. Так, одним из первых примеров исследования для формирования политического решения была работа над тарифной политикой в 1827 г., когда законодатели признали, что нуждаются в точной информации об экономическом положении в стране [23]. Такое же мнение было высказано в 1837 г. членом палаты представителей Джоном Куинси Адамсом по поводу сложной ситуации с «банками, биржами, валютой, оборотом и кредитами»; он отметил: «Больше всего я нуждаюсь в советах от тех, кто что-то понимает в этом с практической точки зрения»²⁶. С повышением сложности возрастало количество комитетов, и к середине 1800-х гг. работа над любым новым законопроектом по умолчанию начиналась с создания комиссии [24]. Законодатели, работавшие в комиссиях, развивали политические знания и опыт законотворчества на материале, относящемся к сфере деятельности их комиссии²⁷. Если законодательный орган ориентирован на профессиональные знания, то его рядовые члены будут обращаться к экспертам из комиссий, поскольку их собственные ресурсы и знания ограничены своей узкой областью²⁸. Именно так обстояли дела в течение большей части истории Конгресса.

В XX в. произошли значительные институциональные изменения, и большую часть этого времени эти изменения способствовали усилению роли экспертного знания. Конгресс обрстал сотрудниками, поскольку его члены осознавали, что «для выполнения наших обязанностей требуется профессиональная помощь» [21. P. 81]. Реформы эры прогрессизма и мобилизация на Первую мировую войну потребовали еще больших тех-

²¹ Metro Broad., Inc. v. FCC, 497 U.S. 547, 572 (1990) (цитируется Fullilove v. Klutznick, 448 U.S. 448, 502 (1980) (судья Powell, совпадающее мнение)), отменено решением по делу Adarand Constructors, Inc. v. Pena, 515 U.S. 200 (1995).

²² McGrain v. Daugherty, 273 U.S. 135, 175 (1927).

²³ Turner Broad. Sys., Inc. v. FCC, 520 U.S. 180, 195 (1997) (цитируется Turner Broad. Sys., Inc. v. FCC, 512 U.S. 662, 665–66 (1994) (цитируется Walters v. Nat'l Ass'n of Radiation Survivors, 473 U.S. 305, 331 n.12 (1985))).

²⁴ Численность персонала медленно росла вместе с расширением законодательного органа; в 1891 г. она составляла всего 146 человек, а веком позже – более 20 тысяч [21. P. 79].

²⁵ [22] (отмечены созданные одними из первых постоянные комитеты, которые действуют до сих пор, например, Комитет по выборам или Бюджетный комитет).

²⁶ H. R. Doc. No. 103-324, at 73.

²⁷ [25]; см. также [26] («Долгая служба в одном комитете вырабатывает у сотрудника знания, делающие его как нельзя более подходящим на должность временного главы департамента»).

²⁸ См. [25. P. 204] (описывается, как комитеты могут влиять на других членов Конгресса).

нических знаний²⁹, поэтому Конгресс делегировал конкретное применение политических мер исполнительной власти и госкорпорациям из-за их относительных информационных преимуществ³⁰.

Кроме того, в Конгрессе были созданы собственные внутренние органы для получения дополнительных знаний – то, что профессора Джесс Кросс и Абби Глюк назвали «бюрократией Конгресса»³¹. Например, когда Конгрессу понадобилось лучше отслеживать гигантские расходы на инициативы эры прогрессизма согласно Закону о бюджете и учете 1921 г.³², было создано Бюро по бюджету (теперь известное как Административно-бюджетное управление (*Office of Management and Budget, OMB*) в рамках исполнительной ветви власти, которое выполняет оценку бюджета для президента, а также одновременно было создано агентство, теперь называемое Счетной палатой правительства США (*U.S. Government Accountability Office, GAO*), чтобы сбалансировать возросшее влияние исполнительной власти с помощью этого источника информации для Конгресса³³. Конгресс отслеживал финансы страны со стороны государства, но это вылилось по большей части в содержание финансовых контролеров и аудиторских отделов в различных федеральных ведомствах³⁴. Расходы, связанные с Первой мировой войной, побудили Конгресс продвигать идеи общенационального бюджета и аудита в ответ на «критику общественности за его неспособность контролировать расходы» [31]. Тогда Конгресс реорганизовал ряд процедур аудита, относящихся к Казначейству США, передав их новому ведомству под управлением главного финансового инспектора, известному как Главное контрольно-финансовое управление, а в 2004 г. переименованному в Счетную палату правительства США³⁵. Счетная палата служит «сторожевой собакой Конгресса», отслеживая расходы правительства и выпуская юридические заключения об использовании государственных средств³⁶. Конгресс наделил Счетную палату полномочиями изучать все аспекты распределения или использования государственных средств и предоставил ей широкий доступ к информации из всех ведомств и иных государственных структур³⁷. Счетная палата докладывает о своей работе Конгрессу по запросу от любой палаты или от комитетов, обладающих юрисдикцией по финансовым вопросам³⁸. Сообщается, что отчеты Счетной палаты, «хотя иногда и критикуются изучаемыми ведомствами, получили широкое признание как объективные и не зависящие от партийного влияния и часто служат основой для конструктивных перемен» [31. Рр. 1281–1282]. По оценкам Счетной палаты, благодаря их ежегодным отчетам федеральный бюджет сэкономил 429 млрд долларов за последние десять лет [33]. В исследовании 2015 г. было показано, что около 80 % всех рекомендаций Счетной палаты федеральным ведомствам были успешно внедрены³⁹.

²⁹ См. [27] (описываются трудности управления в этот период).

³⁰ Там же.

³¹ См. в целом [28]. Cross и Gluck включили в обзор дополнительные внутренние органы, которые помогают при выработке законопроектов и в другой работе. Поскольку наше исследование посвящено основной законодательной деятельности Конгресса, мы сосредоточились только на тех органах, которые предоставляют экспертные рекомендации в этой сфере.

³² Pub. L. No. 67–13, 42 Stat. 20 (текущая версия кодифицирована в разрозненных разделах U.S.C.).

³³ См. [30] (описывается создание Счетной палаты правительства США).

³⁴ См. там же. Рр. 1–9 (описывается фискальная история США от революции до конца XIX в.).

³⁵ Первоначально Конгресс предложил в 1920 г. законопроект, согласно которому главного финансового инспектора можно было заменить только одновременным решением обеих палат Конгресса. См. [30. Рр. 10–12]. Это было особенно важно потому, что созданное в то время Бюро по бюджету (позднее переименованное в Административно-бюджетное управление) давало руководителю гораздо большие полномочия [32].

³⁶ About GAO, U.S. Gov't Accountability Off., <https://www.gao.gov/about/> [<https://perma.cc/HF5V-GYFE>]; What GAO Does for Congress, U.S. Gov't Accountability Off., <https://www.gao.gov/about/what-gao-does/for-congress/> [<https://perma.cc/W8ZQ-4JN3>] (дата обращения: 29.10.2021). Президент Вудро Вильсон наложил вето на этот законопроект, так как считал, что это положение неконституционно, поэтому Конгресс принял модифицированную версию, согласно которой замена главного финансового инспектора требовала совместного решения, одобренного президентом [30. Рр. 11–12].

³⁷ См. [32. Рр. 3–4] (описываются законные полномочия Счетной палаты правительства США).

³⁸ См. там же. С. 4 (описываются обязанности Счетной палаты правительства США по подотчетности).

³⁹ См. [34] («Являются ли рекомендации Счетной палаты правительства США эффективными для целенаправленного реформирования служб? Да. В целом за период с 1983 по 2008 г. 81 % рекомендации Счетной палаты были успешно внедрены федеральными агентствами»).

В 1926 г. в рамках Закона о доходах от 1926 г. Конгресс основал Объединенную комиссию по налогообложению (*Joint Committee on Taxation, JCT*)⁴⁰. Она проводила экспертный анализ налогового законодательства, чтобы Конгресс мог оценить будущие поступления. Как и в случае Счетной палаты, данная комиссия была создана из опасений, что иначе исполнительная власть получит слишком большой контроль над налоговой политикой [35]. Работа комиссии признается «важной для налогового процесса в Конгрессе», и, как отмечал один из комментаторов, глава комиссии имел большее влияние на налоговое законодательство, «чем президент, госсекретарь, помощник секретаря по налогам и председатель комитетов Конгресса, создающих налоговое законодательство, – вместе и по отдельности» [28. Р. 1580].

Еще более важные изменения произошли в связи со Второй мировой войной и Новым курсом. При этом значительно увеличился бюджет страны и сложность правительства [27. Рр. 359–360]. При Конгрессе был создан Объединенный комитет по организации Конгресса, призванный изучить, в каком направлении необходимо изменить работу Конгресса, чтобы лучше справляться с запросами современного законодательного процесса и контролировать исполнительную власть. Как отмечал руководитель этого комитета, его актуальность определялась тем, что «члены [Конгресса] были в замешательстве и растерянности из-за многочисленных технических проблем и давления на местном уровне»⁴¹. Один из сенаторов, опасаясь передачи функции сбора информации лоббистам и другим внешним советникам, настаивал, что Конгресс «должен иметь своих представителей в наших комитетах и отказаться от экспертов, нанятых деловыми кругами и заведомо предвзятых» [36]. Особую озабоченность Конгресса вызывала зависимость от мнений и советов исполнительной власти. В своем знаменитом выступлении член палаты представителей Эверетт М. Дирксен призывал коллег: «Давайте потратим немного денег на себя; давайте создадим законодательные инструменты для получения фактов, данных, информации, чтобы затем иметь возможность контролировать, управлять и оценивать действия правительства» [28. Р. 1557].

В результате в 1946 г. Конгресс принял Закон о реорганизации законодательства⁴², который способствовал сотрудничеству между партиями и реформировал систему комитетов⁴³. До принятия этого закона на постоянной основе работал 81 комитет с нечеткими и перекрывающимися друг друга полномочиями [37]. После принятия закона осталось 34 комитета с конкретными юрисдикциями и разграничением ответственности [37]. Штат Конгресса укомплектовали четырьмя экспертами для каждого комитета, а также вспомогательным персоналом для работы над законопроектами⁴⁴.

Кроме того, по Закону о реорганизации законодательства 1946 г. отдел по исследованию законодательства, начинавшийся в 1914 г. как небольшое подразделение при библиотеке Конгресса, был оформлен как собственная Законодательная справочная служба с расширенным штатом экспертов и полномочиями для помощи комитетам⁴⁵. Закон о реорганизации законодательства 1970 г.⁴⁶ предоставил этой службе еще больше ресурсов и переименовал ее в Исследовательскую службу Конгресса (*Congressional Research Service, CRS*), что отразило ее более важную роль в работе Конгресса⁴⁷ и расширение «возможностей для оценки результатов его работы»⁴⁸. Стимулом для

⁴⁰ Pub. L. No. 69–20, § 1203, 44 Stat. 9, 128 (текущая версия кодифицирована в разрозненных разделах U.S.C.).

⁴¹ Там же. Р. 360.

⁴² Pub. L. No. 79–601, 60 Stat. 812 (текущая версия кодифицирована в разрозненных разделах U.S.C.).

⁴³ Оппозиция состояла в основном из демократов, которые возглавляли комитеты, ликвидированные по закону [27. Р. 364].

⁴⁴ [27. Р. 367]. Не все увеличение штата происходило за счет квалифицированных экспертов. Некоторые комитеты продолжили практику предоставления рабочих мест своим политическим сторонникам. Там же. Р. 368. Неудовлетворенность результатами Закона от 1946 г. привела в 1965 г. к созданию очередного Объединенного комитета по организации деятельности Конгресса, что, в свою очередь, привело к принятию Закона о реорганизации законодательства 1970 г. Этот закон изменил систему комитетов и выделил больше ресурсов Исследовательской службе Конгресса и Счетной палате правительства США [38] (описываются вопросы, затронутые в Законе о реорганизации законодательства 1970 г.).

⁴⁵ [39, 40] (описывается влияние Закона о реорганизации законодательства 1946 г. на Исследовательскую службу Конгресса).

⁴⁶ Pub. L. No. 91–510, 84 Stat. 1140 (текущие версии кодифицированы в разрозненных разделах U.S.C.).

⁴⁷ [40. Р. 155] (описываются положения Закона от 1970 г. относительно Исследовательской службы Конгресса).

⁴⁸ [28. Р. 1561].

этих изменений стало опасение, что «Конгресс снова отстает от исполнительной власти в отношении своих полномочий и деятельности, снова получает низкую оценку общественности» [41]. За десять лет после принятия Закона 1970 г. штат Исследовательской службы Конгресса увеличился более чем в два раза [28. Рр. 1561–1562]. Эта служба работает на внепартийной основе и предоставляет свой анализ законодательства исключительно членам Конгресса [42, 43]. В штате работают политические аналитики и юристы, изучаются такие темы, как внутренняя социальная политика, американское законодательство, внешняя политика, наука, промышленность и финансы⁴⁹. Сотрудники Исследовательской службы Конгресса также отвечают на конкретные запросы членов Конгресса. В 2019 г. служба выполнила более 71 тысячи заявок на исследования [28. Р. 1563].

Закон о реорганизации законодательства 1970 г. ввел и другие значимые изменения. Он «изменил систему комитетов для более эффективного использования возможностей экспертов» [28. Р. 1559]. Кроме того, в 1970-е гг. стало понятно, что Конгресс нуждается в помощи специалистов по бюджету из-за столкновений с президентами Линдоном Джонсоном и Ричардом Никсоном по поводу приоритетов в расходовании бюджета. В 1967 г. президент Джонсон заверял критиков, что можно финансировать одновременно войну во Вьетнаме и предложенную им программу «Великое общество», но всего через год попросил увеличить налоги [45]. Действия президента Никсона еще больше встревожили Конгресс. Он ввел систему «изъятий» – по сути, постатейное вето на использование фондов, выделенных Конгрессом, – в сфере социальных программ и потребовал, чтобы Конгресс ввел потолок объемов финансирования, что дало ему возможность решать, какие программы будут урезаны [45. Рр. 15–16].

Конгресс пришел к выводу, что нуждается в собственных советниках, чтобы противостоять контролю бюджета со стороны исполнительной ветви власти – президента и Административно-бюджетного управления. В результате был принят Закон о контроле над бюджетом и изъятиями 1974 г.⁵⁰ Эта внепартийная деятельность потребовала больших усилий, что привело к созданию Бюджетного управления Конгресса (*Congressional Budget Office, CBO*) с целью обеспечить Конгресс профессиональными знаниями в области бюджета и информацией о влиянии финансов на политические решения⁵¹. Согласно отчету Сената, «Бюджетное управление Конгресса было создано потому, что комитеты были убеждены в необходимости Конгресса иметь своих компетентных специалистов в области финансовой политики и бюджета, подобно тому, как президент имеет свое Административно-бюджетное управление»⁵².

Бюджетное управление Конгресса анализирует бюджет и экономические аспекты предлагаемых законопроектов; в его штат набирают экономистов и аналитиков на внепартийной основе [46]. Управление не только реагирует на текущие вопросы, но и активно «прогнозирует проблемы, которые могут возникнуть в результате деятельности Конгресса», выпуская соответствующие доклады [45. Рр. 27–28]. Эти доклады оказывали значительное влияние на вовлеченность и противодействие Конгресса экономическим инициативам практически всех президентов США со времен создания управления⁵³. Результатом было приостановление принятия законов или их изменение в соответствии с установленным лимитом финансирования⁵⁴. Благодаря

⁴⁹ [44]; см. также [28. Р. 1562] (представлена дополнительная информация о штате Исследовательской службы Конгресса).

⁵⁰ Pub. L. No. 93–344, 88 Stat. 297 (текущая версия кодифицирована в разрозненных разделах частей 2 и 31 U.S.C.); [45. Рр. 15–18].

⁵¹ См. [28. Рр. 1574–1575] (описывается принятие Закона о контроле над бюджетом и изъятиями 1974 г. и его поддержка со стороны Конгресса).

⁵² [45. Р. 17] (цитируется S. Rep. No. 93–579, at 31 (1973)). В данном законе была также продолжена линия Закона 1946 г. на оптимизацию системы комитетов, на этот раз путем ограничения полномочий влиятельных глав комитетов и формального перехода подкомитетов под руководство соответствующих комитетов; тем самым предотвращалась их излишняя автономия [38. Рр. 376–377].

⁵³ [45. Рр. 208–209] (описывается влияние Бюджетного управления Конгресса на экономическую политику при президентах Рейгане, Обаме и Клинтоне); там же. Р. 34 (то же при президенте Картере).

⁵⁴ Там же. Р. 232 («Нет сомнений, что информация о стоимости политических решений, предоставляемая Бюджетным управлением Конгресса, может значительно влиять на содержание этих решений. Иногда это приводит к заморозке проекта, что особенно часто случалось в период работы Бюро по вопросам экономической деятельности. Также нередко результатом является изменение структуры политических мер в соответствии с неким предписанным финансовым лимитом»).

работе управления Конгресс мог видеть долгосрочные перспективы своих решений, вместо того чтобы бороться с дефицитом бюджета в масштабе одного года⁵⁵. Заслугой Бюджетного управления Конгресса также считается влияние на объективность Административно-бюджетного управления при президенте, поскольку они анализируют те же самые явления и удерживают органы исполнительной власти от манипулирования цифрами⁵⁶. Несмотря на давление со стороны некоторых членов Конгресса, которые добиваются поддержки своих инициатив, Бюджетное управление Конгресса отказывается давать рекомендации по конкретным политическим решениям, предоставляя лишь «технические» консультации по специальным запросам⁵⁷.

В 1970-х гг. при Конгрессе был также создан Отдел технологической оценки (*Office of Technology Assessment*, ОТА), призванный обеспечивать внепартийный анализ по вопросам, касающимся технологий и науки [47]. В середине XX в. технологии вышли на первый план в общественном сознании, начиная от гонки вооружений в холодной войне, космической гонки и заканчивая попытками Ральфа Нейдера привлечь внимание к безопасности автомобилей и проблемам химического загрязнения, поднятым в книге «Безмолвная весна»⁵⁸. Конгресс стремился вырабатывать законы по этим проблемам, но не мог разобраться в сложной и зачастую предвзятой информации, выдаваемой учеными, корпорациями и активистами⁵⁹. Недостаток знаний о технологиях также затруднял понимание технических аспектов работы исполнительных органов⁶⁰. Конгресс не устраивало полагаться на научных советников президента, им требовались независимые консультации⁶¹. Когда один из подкомитетов начал рассмотрение законопроекта по созданию Отдела технологической оценки, корпорации бросили силы на противодействие этому процессу, опасаясь принятия невыгодного для них законодательства⁶². В конечном итоге Отдел технологической оценки получил меньше поддержки со стороны обеих партий, чем Счетная палата правительства США, Бюджетное управление Конгресса или Исследовательская служба Конгресса, поскольку около половины республиканцев в палате представителей выступили против него⁶³. Сенатор Тед Кеннеди, который стал первым председателем совета Отдела технологической оценки, так объяснил поддержку со стороны демократов: «Без Отдела технологической оценки Конгресс играл бы намного более поверхностную роль в развитии науки в стране и гораздо сильнее зависел бы от фактов и цифр, представляемых администрацией, не имея возможностей получить независимые оценки»⁶⁴. Мнения же республиканцев относительно поддержки отдела разделились потому, что многие из них опасались, что отдел приобретет слишком большую власть в принятии политических решений, которые будут иметь негативные экономические последствия»⁶⁵. Хотя отдел был двухпартийным и его совет включал представителей от обеих партий как из Сената, так и из палаты представителей, в первые годы своего существования он старался поколебать убеждение, что в нем доминируют демократы⁶⁶.

⁵⁵ Там же. Р. 221.

⁵⁶ Там же. Р. 210 (описывается динамика отношений между Бюджетным управлением Конгресса и Административно-бюджетным управлением).

⁵⁷ Там же. Р. 29 (описывается внепартийный характер Бюджетного управления Конгресса).

⁵⁸ См. [48] (описываются первые отчеты с оценкой технологий).

⁵⁹ Там же. Р. 11 («Скоро членам Конгресса стало очевидно, что при обсуждении технологических вопросов, таких как пресловутые споры о сверхзвуковом транспорте, сложно проанализировать все разнообразные и противоречивые взгляды, высказываемые учеными и частным сектором»).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Рр. 12–13 (описываются позиции членов Конгресса по оценкам технологий в 1960-е и 1970-е гг.).

⁶² Там же.

⁶³ Там же. Р. 14 («Этого уточненного законопроекта с новым двухпартийным советом оказалось достаточно, чтобы примирить законодателей в Конгрессе. В Палате представителей он был одобрен поименным голосованием 256–118, причем демократы явно поддержали проект 180–39, тогда как мнения республиканцев разделились 76–79. Сенат принял проект устным голосованием, и президент Никсон подписал его 13 октября 1972 г.» (цитирование опущено) (цитируется по [49])).

⁶⁴ Там же. Р. 13.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. Р. 14.

Отдел технологической оценки опубликовал более 750 отчетов различного формата⁶⁷. Некоторые из них фокусировались на определенной технологии, например, отчет 1983 г. о валидности и применимости тестов на полиграфе [50]. Был сделан вывод, что такие тесты имеют значительную погрешность, что дало основания для принятия в 1988 г. закона, строго ограничившего использование полиграфа работодателями⁶⁸. В других отчетах рассматривались конкретные государственные программы; например, в отчете 1994 г. анализировался план обновления компьютерной системы службы социального обеспечения⁶⁹. Счетная палата правительства США уже изучила этот план; отчет Отдела технологической оценки в целом поддержал его, но подчеркнул, что правительство должно пересмотреть свои ожидания по поводу использования новой системы; считается, что эти идеи в конечном итоге позволили сэкономить сотни миллионов долларов⁷⁰. Отчеты Отдела технологической оценки цитируются через многие годы после их первоначального опубликования⁷¹, а также по этому образцу были созданы подобные органы в европейских странах⁷².

По-видимому, тогда был достигнут максимум на пути использования профессиональных знаний и сбора информации в Конгрессе⁷³.

В. Упадок профессиональных знаний в Конгрессе

Ситуация резко изменилась в 1994 г., когда Ньют Гингрич возглавил новую волну республиканцев, которые получили контроль в палате представителей впервые за сорок лет. Они считали, что баланс между партиями в Конгрессе не оправдывает себя и что избиратели выше оценят нападки на Конгресс и на правительство в целом⁷⁴. Многие критиковали Конгресс за расходование средств⁷⁵, а придя к власти, значительно урезали расходы⁷⁶. Гингрич начал свою деятельность в качестве спикера палаты представителей с заявления, что его цель – «заставить Конгресс замолчать – осознанно»⁷⁷. Он считал, что внепартийные эксперты на самом деле являются «третьей колонной либералов, притворяющихся экспертами»⁷⁸.

Основываясь на этой точке зрения, республиканцы на треть сократили число специалистов, работавших в Конгрессе⁷⁹. Они урезали бюджеты Исследовательской службы Конгресса, Бюджетного управления Кон-

⁶⁷ Там же. Рр. 15–16 (описываются публикация и использование отчетов Отдела технологической оценки).

⁶⁸ [50] (описываются результаты исследований Отдела технологической оценки как основы для введения Закона о защите работников от проверки на полиграфе 1988 г., Pub. L. No. 100–347, 102 Stat. 646 (кодифицировано с изменениями в 29 U.S.C. §§ 2001–2009)).

⁶⁹ Там же. Р. 34.

⁷⁰ Там же (обсуждается отчет Отдела технологической оценки по социальному обеспечению и его влияние).

⁷¹ См. [50. Р. 33] (описывается, что отчет по полиграфу сохранял значимость в течение многих лет после публикации); [51] (описывается использование отчета Отдела технологической оценки по проблеме сибирской язвы сенатором в 2001 г.).

⁷² См. [51. Рр. 44–45] (описывается запуск программ, подобных Отделу технологической оценки, в Великобритании и Германии).

⁷³ В 1980-х гг. Конгресс создал внутренние консультативные органы – MedPAC и MACPAC – для получения «объективной оценки системы медицинского страхования» [28. Р. 1595]. Как и многие другие подобные органы, они «также обязаны своим существованием недоверию Конгресса по отношению к исполнительной власти» и желанию «оградить членов Конгресса от давления со стороны заинтересованных групп». Там же. Рр. 1594–1596.

⁷⁴ [40. Рр. 157–159].

⁷⁵ См. [52] (описывается непопулярность Конгресса в тот период и меры, предпринимаемые республиканцами в этой связи).

⁷⁶ [53] (утверждается, что из-за сокращений бюджета независимые исследовательские службы Конгресса имеют меньше помощников и технических специалистов, в результате чего законодатели вынуждены полагаться на мнения лоббистов); [54] (объясняется, что численность вспомогательного персонала в Конгрессе постоянно снижалась в течение последних 40 лет и что Исследовательская служба Конгресса, Бюджетное управление Конгресса и Счетная палата правительства США за тот же период потеряли 45 % персонала). «Если Исследовательская служба и Бюджетное управление Конгресса не имеют достаточно персонала, чтобы обеспечить Конгресс информацией для принятия взвешенных решений, то члены Конгресса должны либо обратиться за такой информацией к другим источникам, либо принимать менее обоснованные решения» [54].

⁷⁷ [55].

⁷⁸ [36].

⁷⁹ [40. Р. 160; 56].

гресса и Счетной палаты правительства⁸⁰. Численность персонала этих трех агентств упала на 40 % между 1980 и 2015 гг.⁸¹, наиболее значительно в 1995 г., когда республиканцы получили большинство в палате представителей⁸². Под руководством Гингрича республиканцы на треть сократили персонал Счетной палаты правительства и Исследовательской службы Конгресса⁸³. Численность персонала Счетной палаты правительства в один момент снизилась с 15 до 3 тысяч сотрудников⁸⁴. Эти цифры оставались «примерно на том уровне, до которого их довел [Гингрич]»⁸⁵. Бюджет Исследовательской службы Конгресса оставался неизменным, уменьшаясь за счет инфляции, в течение последних двух десятилетий⁸⁶. Значительно сократилось участие Исследовательской службы Конгресса в работе комитетов, в основном из-за снижения числа практических заседаний с двухпартийным участием, но также из-за стремления не выглядеть приверженцами какой-либо одной партии, помогая комитету, в котором она доминирует⁸⁷.

Еще дальше республиканцы пошли с Отделом технологической оценки, полностью лишив его финансирования и в итоге закрыв его⁸⁸. Недовольство республиканцев Отделом технологической оценки началось с его критики системы противоракетной обороны, предложенной президентом Рейганом; Отдел дал заключение, что реализуемость этой системы «настолько низкая, что она не может служить основой государственной политики»⁸⁹. Данная Отделом оценка расстроила администрацию Рейгана, Пентагон и других консерваторов⁹⁰. Когда Гингрич и его коллеги-республиканцы пришли к власти в 1994 г., они все еще помнили об этом заключении и обрушились на Отдел технологической оценки⁹¹. Один из бывших руководителей Отдела назвал стремление покончить с Отделом «мстью Рейгана» за провал противоракетной программы⁹². В ответ Гингрич и его сторонники описывали деятельность Отдела как чрезмерно политизированную, слишком медленную, чтобы приносить пользу Конгрессу, и не стоящую финансирования⁹³. Вопрос финансирования расколол республиканцев, так как многие из них, придерживавшиеся умеренных взглядов, считали, что Отдел окупает свой бюджет в 21 млн долларов в год⁹⁴. Однако больше всего республиканцев, видимо, привлекла возможность нанять собственных экспертов, поддерживающих их взгляды, вместо того чтобы терпеть критику от Отдела технологической оценки. Как выразился Гингрич, «мы постоянно находили ученых, которые считали, что [отчеты Отдела технологической оценки] неверны»⁹⁵. Норм Орстейн назвал разрушение Отдела технологической оценки «предвестником конца уважения к науке независимо от партийной принадлежности на политической арене, который изменил обсуждение таких вопросов, как климатические изменения, и помог показать в нынешнюю эру “правдоподобия”, как многократное повторение заменяет правду»⁹⁶.

⁸⁰ [57].

⁸¹ Там же.

⁸² [58].

⁸³ Там же.

⁸⁴ [28. P. 1588].

⁸⁵ [36].

⁸⁶ [40. Pp. 158–160].

⁸⁷ См. там же (описывается снижение роли Исследовательской службы Конгресса в работе комитетов).

⁸⁸ Jathan Sadowski, *The Much-Needed and Sane Congressional Office That Gingrich Killed Off and We Need Back*, ATLANTIC (Oct. 26, 2012), <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/10/the-much-needed-and-sane-congressional-office-that-gingrichkilled-off-and-we-need-back/264160/> [<https://perma.cc/A5H8-QYJQ>].

⁸⁹ [48. P. 15].

⁹⁰ [51. Pp. 44–45] (описываются отклики консерваторов на оценку противоракетной программы, данную Отделом технологической оценки).

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. P. 44.

⁹³ Там же. P. 45.

⁹⁴ См. там же (описываются различные взгляды республиканцев на сокращение бюджета этого органа).

⁹⁵ [59].

⁹⁶ [56].

Бюджетное управление Конгресса и Объединенная комиссия по налогообложению пострадали в наименьшей степени и до сих пор играют заметную роль при анализе законодательства⁹⁷. Однако и их значимость уменьшилась с течением времени. Конгресс до сих пор интересуется оценки налоговых поступлений, предоставляемые Объединенной комиссией, но в выработке налогового законодательства эта комиссия теперь принимает меньше участия, чем партийный персонал бюджетного и финансового комитета⁹⁸. Эта ситуация повторяет общую тенденцию, когда «влияние сотрудников [Объединенной комиссии по налогообложению] перекрывается» влиянием партийных деятелей⁹⁹.

Республиканцы также стали более открыто критиковать работу Бюджетного управления Конгресса и Объединенной комиссии по налогообложению. Например, после того как Бюджетное управление опубликовало негативную оценку законопроекта о фермерстве, республиканец – глава бюджетного комитета палаты представителей заявил: «Бюджетное управление Конгресса – отстой, можете цитировать мои слова»¹⁰⁰. Республиканцам особенно не нравится то, что Бюджетное управление Конгресса использует статические экономические модели, так как они считают, что эта методика недостаточно учитывает «позитивные экономические эффекты политики Республиканской партии, такие как снижение налогов»¹⁰¹. Борясь с этим подходом, если прогнозы Бюджетного управления оказываются неточны, республиканцы объясняют эти недочеты проблемами с методикой, применяемой агентством¹⁰². Республиканцы также пытались назначить директором Бюджетного управления человека, который бы изменил подходы агентства в пользу их позиции. В конечном итоге их назначения не сильно повлияли на работу управления, но эти попытки создали впечатление, что партийное влияние на это агентство усилилось¹⁰³.

Противостояние республиканцев Бюджетному управлению Конгресса и Объединенной комиссии по налогообложению достигло максимума в 2017 г. После того как отчет Бюджетного управления показал, что предложение республиканцев отменить Закон о доступном здравоохранении¹⁰⁴ приведет к тому, что 23 млн американцев останутся без медицинской страховки, многие консервативные республиканцы начали призывать урезать бюджетное финансирование агентства¹⁰⁵. Ньют Гингрич, бывший тогда советником президента Трампа, назвал Бюджетное управление «левым, коррумпированным, бюрократическим защитником вездесущего правительства и либерализма»¹⁰⁶. После отчета Объединенной комиссии по налогообложению о налоговом законодательстве 2017 г., в котором было показано, что план Сената не только не окупится, но и увеличит дефицит федерального бюджета на триллион долларов, республиканцы «начали атаку» на комиссию¹⁰⁷. Они нанесли «спланированный удар», чтобы «дискредитировать этот внепартийный орган, который они так долго восхваляли»¹⁰⁸. Сенатор Боб Коркер заявил, что Конгресс должен «серьезно обсудить и... попросить настоящих экономистов взвесить ситуацию; мы должны учесть и другие факторы, помимо Объединенной комиссии по налогообложению и Бюджетного управления»¹⁰⁹. Фактически за утверждением республиканцев об эконо-

⁹⁷ См. [28. Рр. 1553, 1575, 1580; 60] (показано, что сокращение штата Объединенной комиссии по налогообложению было незначительным).

⁹⁸ [60. Р. 264]; см. также [61] (описывается, как значительное расширение персонала бюджетного комитета палаты представителей в 1970-е гг. снизило влияние Объединенной комиссии по налогообложению, поскольку «информационная поддержка и обеспечение персоналом оказались размыты»).

⁹⁹ [60. Р. 264].

¹⁰⁰ [45. Р. 42].

¹⁰¹ Там же. Р. 38.

¹⁰² Там же. Р. 77.

¹⁰³ Там же. Рр. 38–12.

¹⁰⁴ 133 Pub. L. No. 111-148, 124 Stat. 119 (2010) (кодифицировано с изменениями в различных разделах U.S.C.).

¹⁰⁵ [62]; см. также [63].

¹⁰⁶ [64].

¹⁰⁷ [65].

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ [66].

мическом росте в результате снижения налогов не стояло «никакого надежного независимого анализа»¹¹⁰. По мнению «Нью-Йорк Таймс», эта критика стала «очередным примером того, как законодатели-республиканцы вносят неразбериху в эмпирические исследования, пытаясь продвинуть свою повестку»¹¹¹. Похожим образом республиканцы атаковали Исследовательскую службу Конгресса за отчет 2019 г., в котором критически оценивались результаты реформы налогового законодательства 2017 г.¹¹² В такой обстановке неудивительно, что персонал Конгресса сообщает о проявлениях «недоверия к непартийным сотрудникам» и выражает беспокойство из-за попыток «минимизировать влияние Бюджетного управления Конгресса, Счетной палаты правительства США и других организаций», выполняющих экспертные функции в Конгрессе¹¹³.

Хотя в авангарде движения за урезание расходов были в основном республиканцы, демократы также прилагали усилия к сокращению роли советников в Конгрессе, особенно Счетной палаты. Подкомитет Сената по бюджетным ассигнованиям стремился уменьшить бюджет Счетной палаты в 2012 г. на 9 %, или 50 млн долларов; в итоге уменьшение составило 35 млн долларов [68]. Демократ – председатель подкомитета обосновывал этот шаг «стремлением поставить интересы налогоплательщиков штата Небраска выше интересов вашингтонских бюрократов и сэкономить, где это возможно»¹¹⁴. Это предложение вызвало гневную отповедь республиканца – сенатора Тома Кобурна, который заметил:

«Ирония [нынешнего предложения сократить расходы] состоит в том, что сейчас Конгресс более чем когда-либо нуждается в помощи Счетной палаты. Если деятельность Счетной палаты пострадает от крупного сокращения расходов, то откуда еще Конгресс сможет получить объективные данные, чтобы улучшить свои программы и сэкономить деньги? <...> [Эти сокращения] могут сильно помешать работе того самого агентства, к которому обе партии долгое время обращались за хорошо продуманными рекомендациями...»¹¹⁵

Также Кобурн добавил: «Почти 90 лет Счетная палата являлась жизненно важным орудием Конгресса, помогая пристально следить за расходами федерального бюджета. Без нее Конгресс не смог бы выполнять свою конституционную функцию надзора за исполнительной ветвью власти»¹¹⁶. В 1997 г. член палаты представителей от демократической партии из Калифорнии Вик Фацио попытался отменить выделение средств на расширение персонала Объединенной комиссии по налогообложению на 12 человек, заявив, что «этот орган потерял свой внепартийный характер и стал орудием республиканского большинства на службе бюджетного комитета палаты представителей»¹¹⁷.

Более типичной, однако, является ситуация, когда республиканцы выступают за сокращение экспертных органов в Конгрессе. По словам ученых *Lee Drutman* и *Steven Teles*, «длящиеся десятилетиями сокращения внепартийных экспертных органов в Конгрессе шло рука об руку с усилением власти консерваторов. Законы, имеющие идеологическую окраску или продвигаемые лоббистами, быстрее проходят установленные процедуры, когда вокруг меньше знающих сотрудников вне партийной принадлежности, задающих неудобные вопросы» [36].

Под руководством Гингрича палата представителей урезала все финансирование организаций законодательных услуг (*legislative service organizations, LSO*). Это добровольные объединения членов палаты пред-

¹¹⁰ [67].

¹¹¹ [65].

¹¹² [28. Р. 1627].

¹¹³ Там же. Р. 1628.

¹¹⁴ [68] (цитируется сенатор Бен Нельсон).

¹¹⁵ [69]. Возможно, в попытке заменить отрицательную характеристику Счетной палаты как «вашингтонских бюрократов» на более приятные ассоциации со сторожевым псом, на обложке доклада изобразили милую, хотя и настороженную, собачку с жетоном Счетной палаты.

¹¹⁶ Там же. Р. 27.

¹¹⁷ CQ Press, Guide to Congress 703 (7th ed. 2013).

ставителей с целью изучения определенных вопросов и общения на эти темы с другими законодателями. Некоторые из них фокусируются на региональных проблемах, другие на более глобальных, например бедности или искусстве¹¹⁸. До того как Гингрич положил конец поддержке этих объединений, они получали очень ограниченные ресурсы, такие как помещение для офиса и доступ к средствам связи и исследовательским материалам¹¹⁹. Им было запрещено получать внешнее финансирование, чтобы они сохраняли независимость от заинтересованных групп¹²⁰. Считалось, что организации законодательных услуг относятся скорее к Демократической партии, так как многие из них были основаны и одобрены, когда демократы составляли большинство в палате представителей, а также потому, что в объединениях, занимающихся проблемами чернокожих и латиноамериканцев, было больше демократов¹²¹. Одним из первых решений Гингрича на посту главы палаты представителей было указание лишить организации законодательных услуг финансирования с возвращением всех неиспользованных ими средств в казну, чтобы «сократить национальный долг»¹²².

Такой же упадок произошел с частотой и степенью применимости слушаний. После пика в 1970-е роль слушаний снижалась на протяжении всех 1990-х гг., затем их частота установилась в палате представителей на уровне тысячи слушаний в год, а в Сенате продолжила снижаться [70]. Но, пожалуй, еще более значимым показателем является их содержание. Слушания приобрели намного более партийно ориентированный характер. Раньше они рассматривались как метод сбора информации, вовлечения законодателей в обсуждение, помощи персоналу в ознакомлении с проблемой; теперь же они используются, чтобы «структурировать бинарный выбор и выделить направление, лучше отвечающее партийным интересам»¹²³. Теперь, когда слушания транслируются по телевидению, «законодатели позируют перед камерами и не высказывают мнений, которые могут не понравиться заинтересованным группам» [74]. По мере того, как законодательный процесс становится все более партийно ориентированным, законодатели стараются сформировать свою точку зрения до начала слушаний и не тратят время на обсуждение¹²⁴. Проведенный в 2014 г. анализ показал, что десятки республиканцев посетили менее трети заседаний комитетов, в которых они числятся [76]. Один из членов Конгресса так описал ситуацию в 2015 г.:

«Члены комитетов, как правило, не появляются на слушаниях, а если и приходят, то лишь для того, чтобы задать пару вопросов и уйти. Многие бьются за места в комитетах, которые помогут им собрать деньги или получить выгодную должность... В результате этот инструмент информированного законотворчества больше не работает» [77].

Неудивительно, что такой сдвиг в сторону партийного характера слушаний привел к аналогичному сдвигу в составе приглашаемых экспертов¹²⁵. Если раньше в Конгресс приглашали ученых и других специалистов по существу вопроса, то теперь выбор специалистов в большей степени базируется на их партийной принадлеж-

¹¹⁸ [52. Р. 85] (перечислены организации законодательных услуг, действовавшие во время 103-го Конгресса).

¹¹⁹ Там же. Р. 84.

¹²⁰ Там же. Рр. 84–90 (описываются конфликты вокруг финансирования организаций законодательных услуг).

¹²¹ Там же. Р. 92.

¹²² Там же. Р. 96.

¹²³ [71]; см. также [72] («Большая часть слушаний давно превратилась в пустые шарады партий, призванные создать впечатление, что законодательный орган действительно работает над законами, или чтобы дать правящей партии материал для рекламной кампании»); [73] («Долгое время большинство слушаний были внепартийными встречами, на которых участники по обе стороны от прохода пытались проникнуть в суть проблемы, а не просто продвинуть интересы своей партии»).

¹²⁴ См. [75] («Сегодня законодатели... тратят меньше времени на выяснение своих политических предпочтений через работу в комитетах. Поскольку они приобрели более партийный характер, все стали лучше понимать, какой линии придерживаться, еще до начала обсуждения в комитете»).

¹²⁵ Например, одно из исследований инициативной группы ученых показало, что последние 20 лет постоянно повышалось число специалистов отраслей промышленности, приглашаемых для консультаций в комитет палаты представителей по науке, космическим исследованиям и технологиям, а на 112-м Конгрессе оно впервые превысило в процентном отношении число таких специалистов из академических кругов [78].

ности или взглядах¹²⁶. В докладе Исследовательской службы Конгресса было показано, что комитеты иногда целенаправленно приглашают специалистов, представляющих «только определенные точки зрения»¹²⁷. Даже сами эксперты рассматривают такие приглашения как необходимость поддержать какую-либо партию¹²⁸. Этот феномен соответствует возросшей частоте слушаний в поддержку одной «позиции», когда законодатели заслушивают лишь одну сторону дебатов, а дискуссия направлена на подкрепление этой позиции, а не на сбор информации [80. Р. 184]. Согласно одному из исследований, частота такого рода слушаний возросла с 19 % в 1970-х гг. до 34 % в начале 2000-х¹²⁹. В то же время количество слушаний в целом падает¹³⁰, и они реже фокусируются на выработке решений¹³¹.

Снижение числа обращений к экспертам и значимости их мнений проявляется также в том, как упала их роль во время слушаний и роль экспертных организаций в Конгрессе. Во-первых, значительно снизилась информационная роль комитетов в законодательном процессе. Комитеты традиционно вели основную исследовательскую работу и сбор фактических данных по проблеме¹³², но теперь в обеих палатах Конгресса комитеты и подкомитеты встречаются гораздо реже [81. Рр. 14–15]. Так, в 1958 г. комитеты Конгресса проводили встречи почти в три раза чаще, чем в 2010 г. [58]. Кроме того, теперь большее число законопроектов вообще не рассматриваются комитетами. До 1970-х гг. почти все законопроекты, обсуждавшиеся в обеих палатах, выносились на рассмотрение комитетов [81. Р. 15]. В 2013 и 2014 гг. более половины законопроектов, обсуждавшихся в Сенате, и около 40 % из тех, что обсуждались в палате представителей, не проходили через комитеты [81. Р. 15].

В настоящее время комитеты во многом играют роль проводников партийной точки зрения [60. Р. 256]. Профессор *George Yin* объясняет эти изменения на примере бюджетного комитета палаты представителей, который «традиционно был площадкой для выработки практически всего значимого налогового законодательства» [60. Р. 256]. Ранее в этот комитет входили старшие члены с устойчивым положением, «что позволяло им не зависеть от партийных интересов при работе в комитете», но теперь «назначены новые члены из конкурирующих округов, стремящиеся получить финансирование и авторитет у избирателей», тогда как власть в комитете «во многом перешла к партийным лидерам» [60. Р. 257]. Поэтому, когда в 2017 г. в Конгрессе рассматривались вопросы аннулирования и замены Закона о доступном здравоохранении, «важного нормативного акта, затрагивающего миллионы американцев, этот комитет практически никак не участвовал в работе ни Сената, ни палаты представителей» [60. Р. 257]. Когда в 2017 г. Конгресс принял крупный Закон

¹²⁶ [75. Р. 1526] («Отношение в Конгрессе к ученым-экспертам кардинально изменилось. В последние 25 лет члены комитетов все больше отказывались от внепартийных, непредсказуемых мнений специалистов из академических кругов... Этот феномен объясняется все возрастающим различием в подходах между демократами и республиканцами»).

¹²⁷ [79] (поясняется, что хотя комитеты стремятся обеспечить «представленность всех разумных точек зрения», есть случаи, когда «приглашаются только специалисты, представляющие определенные точки зрения»). Исследования также показывают, что число приглашаемых специалистов сократилось. См., например, [80] («Комитеты используют меньше источников информации, когда помогают Конгрессу в выработке политических решений»).

¹²⁸ См. [75. Р. 1527] («Многие эксперты, приглашаемые для выступлений в Конгрессе, считают, что выступают за демократов или республиканцев; таким образом, они рассматривают Конгресс как арену борьбы партий, а академическое мнение – как средство продвинуть повестку той или иной партии. На первых слушаниях партийная принадлежность, несомненно, играла важную роль, но теперь Конгресс намного меньше интересуется внепартийными мнениями экспертов»).

¹²⁹ Там же. Р. 185 (также утверждается, что эта тенденция «показывает, что информация, запрашиваемая, собираемая и затем используемая комитетами, является сегодня более односторонней, чем в 1970-е, и, в свою очередь, подпитывает межпартийную борьбу»).

¹³⁰ Там же. Р. 183 («С каждым годом комитеты проводят все меньше слушаний, а члены партии меньшинства все чаще обращаются к выжидательным стратегиям, вместо того чтобы всерьез развернуть дискуссию по проблемам»).

¹³¹ Там же. Р. 185 (показано, что 71 % слушаний в 1971 и 1972 гг. строились вокруг какого-либо единичного или комплексного решения проблемы, тогда как в 2007 и 2008 гг. таких слушаний был 31 %). «Этот результат соответствует усилению межпартийной борьбы по поводу определения функций правительства; чем меньше информации о политических мерах они получают и вырабатывают, тем менее обоснованными становятся эти меры». Там же.

¹³² См. в целом [81]; [71. Р. 183].

о налогообложении, «потенциально затрагивающий каждого гражданина и каждое предприятие в стране», ситуация была такой же [60. Р. 257]. После представления законопроекта на рассмотрение ни палата представителей, ни Сенат не провели ни одного заседания комитета, а Сенат одобрил этот почти 500-страничный документ спустя всего несколько часов после его получения [60. Р. 258]. Профессор Yin сравнивает эту ситуацию с последней крупной реформой налогового законодательства в 1986 г., когда бюджетный комитет палаты представителей провел в общей сложности 30 дней слушаний в полном составе комитета и 10 дней в составе подкомитетов, а комитет Сената по финансам – соответственно 36 и 6 дней слушаний [60. Р. 258]. Как отмечает Yin:

«...упадок в работе комитетов означает утрату практики обсуждения и законодательной экспертизы. “Черная работа” законотворчества, которая раньше выполнялась в основном комитетами, – определение и исследование проблемы, разработка и анализ возможных решений, получение и оценка мнений общественных и внешних экспертов, обсуждение решений, достижение компромиссов на заседаниях Конгресса, выработка точных формулировок закона – в наши дни это все реже происходит в Конгрессе» [60. Р. 258].

Произошло также сокращение численности персонала комитетов [82], поэтому в тех сравнительно редких случаях, когда вопросы все же обсуждаются в комитете, они получают гораздо меньше внимания, чем раньше. Комитеты палаты представителей теперь имеют на 50 %, а комитеты Сената – на 20% меньше персонала, чем в 1985 г. [81. Р. 17]. Значительное сокращение произошло в 1995 г., когда республиканское большинство в палате представителей на треть уменьшило численность специалистов (юристов, экономистов и аналитиков, работавших с комитетами) [58]. Республиканцы – члены палаты также кардинально поменяли структуру комитетов, сконцентрировав полномочия в аппарате спикера и ограничив независимые исследования членов палаты и их персонала [58]. К 2009 г. все постоянные комитеты палаты представителей имели меньше сотрудников, чем в 1994 г. [58].

В настоящее время больший процент сотрудников работает на отдельных членов Конгресса или его руководство, чем на комитеты [83]. В период между 1979 и 2009 гг. численность вспомогательного персонала руководителей Конгресса в целом выросла на 253 %, а руководителей Сената – на 340 % [80. Р. 185]. Личные помощники членов Конгресса – это, как правило, сотрудники широкого профиля, разделяющие политические взгляды члена Конгресса, на которого они работают, тогда как сотрудники комитетов часто являются специалистами в своей сфере [84]. Даже если руководители нанимают персонал исходя из их достижений в определенной сфере, эти лица стремятся в первую очередь продвигать партийную точку зрения своего руководства. Это также приводит к тому, что предвзятые взгляды не встречают противодействия со стороны соответствующих данных или фактов.

Персонал Конгресса признает, что проблема существует. По результатам опроса, 81 % сотрудников считают, что качественные, внепартийные оценки политических решений «очень важны» для эффективного функционирования соответствующей палаты, однако всего 24 % заявили, что «вполне удовлетворены» качеством и количеством получаемых ими оценок, не имеющих партийного характера [81. Р. 16]. Опрос, проведенный Фондом управления Конгресса, показал, что, по мнению старшего персонала, Конгрессу недостает «должных знаний, навыков и способностей персонала», так как наблюдается постоянная текучка кадров и «не хватает времени и ресурсов, чтобы понять, изучить и обдумать государственную политику и законодательство» [81. Рр. 6, 10]. Опрос также показал, что сотрудники хотят, чтобы «качественные, внепартийные оценки политических решений были более доступны членам и персоналу органов законодательной ветви власти» [81. Р. 16].

Самое резкое сокращение персонала произошло в 1995 г., но в дальнейшем этот процесс не прекратился. Между 1993 и 2010 гг. численность штатных аналитиков в Конгрессе упала с 6 166 до 4 000 человек, при этом Счетная палата правительства США сократила более 2 000 сотрудников, а Исследовательская служба Конгресса – 20 % персонала [58]. В 2017 г. в результате сокращения бюджета Счетной палаты [85] количество ее штатных сотрудников стало меньше 3 000 впервые с 1935 г. [86]. Численность Бюджетного управления Конгресса оставалась относительно стабильной много лет [81. Р. 17], однако члены Конгресса стали чаще

критиковать результаты анализа и предложения этого органа, когда они противоречат их целям; так произошло, например, в 2017 г., когда республиканское руководство оспорило выводы Бюджетного управления Конгресса относительно последствий отмены Закона о доступном здравоохранении [87].

Вместо того чтобы пользоваться объективным анализом этих независимых агентств, законодатели получают информацию от советников, заинтересованных групп и лоббистов, которые обычно разделяют их политические взгляды¹³³. Это неудивительно, ведь экспертные органы Конгресса изначально создавались для того, чтобы показывать непредвзятые точки зрения и защищать от давления заинтересованных групп [28. P. 1563]. Таким образом, когда влияние источников экспертной оценки в Конгрессе снижается, возрастает роль заинтересованных групп. Комментаторы отмечают, что «не случаен растущий спрос на „лоббистов, ранее работавших в госструктурах“... В результате Конгресс передал свои аналитические ресурсы профессиональным лоббистам, работающим на заинтересованные группы, вместо того чтобы отдать их собственным сотрудникам, работающим на членов Конгресса» [83]. Действительно, в 2013 г. Конгресс потратил около 2 млрд долларов на все финансирование палаты представителей и Сената, тогда как расходы на лоббистов превысили 3,2 млрд долларов (что в шесть раз больше, чем в середине 1980-х) [88]. Невероятно увеличилось количество экспертных групп, получающих частное финансирование. Так, в 2013 г. в Соединенных Штатах работали 1 828 экспертных групп, многие из которых финансировались промышленными предприятиями, профсоюзными организациями и партиями [88]. В одном только Вашингтоне, округ Колумбия, их число более чем утроилось в период с 1970 по 1996 г. (со 100 до 306) [88]. Кроме того, многие такие группы нанимают бывших сотрудников Конгресса, знакомых со всеми аспектами законодательной ветви власти; это дает заинтересованным группам преимущество в законодательном процессе [89]. Не имея адекватной возможности вести собственные исследования на внепартийной основе, Конгресс не может противостоять требованиям влиятельных заинтересованных и экспертных групп [90].

Таким образом, нынешние проблемы с принятием решений в Конгрессе без достаточной опоры на экспертные оценки является результатом более масштабных процессов. С усилением внутрипартийного единообразия мнений Конгрессу стало менее важно иметь свою собственную экспертную базу, чтобы противостоять исполнительной власти. Если большинство мест в Конгрессе принадлежит той же партии, что и президент, то принимаемые решения совпадают с президентской платформой; если же Конгресс контролирует оппозиция, то они ей противоречат; ни та, ни другая ситуации не зависят от имеющихся фактов или мнений экспертов. Партийные интересы определяют все¹³⁴. В 1940-х гг., когда принимали первый Закон о реорганизации, Конгресс чувствовал необходимость сохранять контроль над исполнительной властью, так как понимание единой партийной платформы было иным [91. P. 2334]. Аналогичным образом законодательство 1970-х гг. вышло из недовольства «имперским президентством» Никсона, разделяемого большинством демократов и некоторыми республиканцами [48. Pp. 11–12]. Однако в наши дни мы уже не наблюдаем такого разнообразия мнений внутри партий, поэтому нет и примеров межпартийного сотрудничества. Более того, как отмечают профессора *Levinson* и *Pildes*, «есть основания ожидать, что партии останутся внутренне едиными и идеологически далекими друг от друга в обозримом будущем» [91. P. 2338].

Конгресс стал более поляризованным и разделенным; эти тенденции стабильно нарастают с 1970-х и 1980-х гг.¹³⁵ Члены палаты представителей и Сената все больше голосуют единым фронтом, придерживаясь линии своих партий [95]. Компромиссов стало гораздо меньше, и теперь политики обеих партий все чаще

¹³³ [36] (утверждается, что за последние сорок лет законодатели стали больше обращаться к лоббистам, в том числе из-за снижения уровня собственной компетентности).

¹³⁴ Интересно отметить, что партийная политика не всегда была такой. «В определенные исторические периоды и по определенным вопросам в каждом таком периоде внутрипартийные расколы играли более важную роль, чем межпартийные противоречия. Однако сегодня политические партии в Америке являются одновременно более спаянными в отношении внутренней идеологии и более резко поляризованными друг к другу, чем в любой момент с начала двадцатого века» [91].

¹³⁵ См. [92]; см. также [93, 94].

прибегают к инструментам блокировки противника, невзирая на пользу его предложений [96]. В частности, стали чаще применяться такие тактики, как «отмена только что принятых законов, целенаправленное оспаривание их конституционности, отказ в средствах для их реализации» [96. Р. 98]. Юрисконсульты палаты представителей и Сената стали реже участвовать в судебных процессах, потому что не могут достичь требуемого по закону порога «широкой поддержки обеих партий», зато возросло количество исков экспертов от партий [97]. В определенной степени возросшая поляризация Конгресса отражает аналогичный процесс в обществе в целом [98], однако исследования показывают, что политические деятели более поляризованы, чем широкая общественность¹³⁶.

Еще один ключевой сдвиг произошел в области доминирующей роли заинтересованных групп и финансовых вливаний [99. Р. 31]. Деньги играют большую роль, так как политики, которые хотят быть переизбранными, стремятся угодить финансирующим их группам [99. Р. 31]. По большей части заинтересованные группы не нацелены на всех законодателей в равной степени. Они предпочитают тех, кто готов с ними соглашаться, и не тратят свое время, чтобы переубедить тех, кто не согласен в основных моментах¹³⁷. В результате возникает информационный пузырь, в котором политики встречаются только с теми, кто разделяет их взгляды, и не сталкиваются с критикой своей позиции.

В такой обстановке объективные экспертные оценки не нужны. Остается лишь противостояние двух сторон, что и отражают нынешняя институциональная структура и состав персонала Конгресса. Изъяны в принятии законодательных решений и снижение роли экспертных знаний в Конгрессе не только влияют на законодательный процесс и содержание наших законов. Поскольку члены Конгресса говорят о проблемах и политических мерах на основе искаженной информации, они, в свою очередь, влияют на мнение избирателей по этим проблемам. Создается порочный круг, в котором избиратели требуют принятия мер, основанных на неверных фактических предположениях, а законодатели отвечают своими мерами на нетипичные ситуации, поддерживая мнение, что они типичны¹³⁸.

II. Принятие решений в Конгрессе без профессиональных знаний

В обществе в целом наблюдается тенденция обесценивания или игнорирования экспертных оценок и эмпирических свидетельств [106], но в данном разделе мы сконцентрируемся на особенно вредоносных эффектах отсутствия экспертных органов и персонала в законодательном процессе, учитывая существующее партийное давление в этом контексте. Также мы рассмотрим процесс принятия уголовного закона как пример законотворчества с участием и без участия экспертов, показав, что роль экспертов оказывает положительный эффект даже в условиях сильного партийного влияния.

А. Когнитивные искажения в законодательном процессе

Сначала рассмотрим процесс принятия решений с точки зрения обычного члена Конгресса. В последние десятилетия когнитивная психология многое объяснила в том, как люди принимают решения [107]. Для эффективной обработки информации с учетом противоборствующих стимулов и требований нашего мыслительного процесса люди используют две основные когнитивные стратегии. Во-первых, люди используют эвристику, т. е. различные виды мысленных допущений, чтобы информация обрабатывалась быстрее [16.

+ Ср. работы [99] (показано, что политические деятели придерживаются «более поляризованных взглядов, чем общество в целом», а «представители занимают гораздо более крайние позиции, чем выдвинувшие их субъекты») и [100] (обнаружено, что большинство сенаторов и членов палаты представителей высказывают более крайние взгляды, чем избиратели их партии) с работой [101] (утверждается, что поляризация элит является результатом «заинтересованности общественности», т. е. наиболее политически активных граждан, и отражает их предпочтения) и [102].

¹³⁷ См. [103]; [104] (описывается «дотационная» модель законотворчества, когда лоббисты совместно со вспомогательным персоналом законодательных органов способствуют процессу законотворчества, а не стремятся «изменить мнение законодателей»).

¹³⁸ См. [105] («Как выборный орган, Конгресс должен отвечать на субъективные запросы своих избирателей, а не на объективные факты окружающей действительности»).

Р. 1124]. Эвристика – это «простые правила, позволяющие быстро, почти рефлексивно, обработать информацию» [12. Р. 555]. Во-вторых, люди организуют входящую информацию по заданным принципам, называемым схемами. Схема – это «установленный набор базовой информации и категорий, позволяющий сфокусироваться на информации, которая с наибольшей вероятностью будет релевантной, тем самым игнорируя информацию, которая с наибольшей вероятностью будет нерелевантной» [12. Рр. 555–556]. «Схемы влияют на все свойства человеческого познания, определяя не только то, на какую информацию следует обратить внимание, но и к какой категории ее отнести, какие из нее сделать выводы, что нужно запомнить, а что нет» [108]. Эти инструменты позволяют нам обрабатывать огромные объемы информации, но они также приводят к «систематическим ошибкам суждения» [16. Р. 556]. Среди таких ошибок будут, например, преувеличение вероятности события или расово предубежденные допущения.

Законодатели, как и все остальные люди, вынуждены полагаться на эвристику при принятии решений. Высокие требования к деятельности законодателей приводят к неизбежности применения эвристики¹³⁹. Однако из когнитивной психологии мы знаем, что эвристика часто не позволяет принять наилучшее решение из-за того, как она влияет на мыслительный процесс; в контексте законотворчества это может означать принятие неверных политических решений, которые затрагивают всех нас.

Некоторые эвристические допущения особенно вероятны в законодательной деятельности. Во-первых, большую роль в образе мышления законодателей может играть «эвристика доступности, т. е. склонность оценивать значимость или частоту события по тому, насколько легко можно вспомнить примеры такого события»¹⁴⁰. Из-за необходимости распределять свое время между многими задачами законодатели обычно не имеют возможности тщательно изучить все факты по определенному вопросу. Кроме того, они не получают обратной связи о повседневном применении своих решений. Напротив, события, получившие широкое освещение в СМИ, или вопросы, поднятые избирателями, будут играть преувеличенную роль в их мышлении, и они могут счесть эти события более типичными или обычными, чем это показало бы объективное исследование¹⁴¹. Такие допущения (как и другие их виды) могут доминировать в целом ряде вопросов, но могут стать особенно значимыми в ситуациях повышенной эмоциональности субъекта, например, когда он воспринимает риск как чрезмерный «из-за влияния мысленных образов возможных последствий»¹⁴².

Один из ключевых методов борьбы с предубеждениями состоит в том, чтобы обеспечить лиц, принимающих решения, необходимой информацией, несовместимой с их предвзятыми представлениями¹⁴³. Многие комментаторы указывают на то, что предъявление примеров, несовместимых со стереотипами, может противостоять внутренним ассоциациям, включая таковые относительно расовых и этнических групп. Предубеждения появляются в том числе потому, что обычные представления, используемые в СМИ, часто усиливают связь между определенными группами и негативным поведением. Например, истории о чернокожих или иммигрантах, совершающих преступления, или об определенных расовых меньшинствах, которые мошенничают с социальными пособиями, могут создать в сознании связь между таким поведением и этими группами [112].

По этой причине полезно показывать примеры, разбивающие такие связи, чтобы «перекодировать» восприятие определенных групп и ассоциирующихся с ними действий [112. Р. 1580]. Результаты этого исследования показывают, что знакомство законодателей с различными типами людей может помочь им избавиться

¹³⁹ См. [109] («Законодатели... выполняют сложную умственную работу, что почти неизбежно заставляет их полагаться на мысленные допущения»).

¹⁴⁰ [110]; см. также [16. Рр. 1124, 1127] (описывается эвристика доступности, т. е. тенденция, при которой люди «оценивают частоту или вероятность события по тому, насколько легко можно вспомнить примеры такого события»).

¹⁴¹ См. [110. Р. 211] (отмечается, что эвристика доступности привлекает «внимание к проблемам, которые широко освещаются в средствах массовой информации, заставляя правительство игнорировать более важные, но менее освещаемые вопросы»).

¹⁴² Там же. Рр. 224–225. Аргументацию о том, что эмоциональные реакции, такие как страх и сострадание, играют важную роль в формировании государственной политики, см. [111].

¹⁴³ См. [108. Рр. 1229–1230; 19. Р. 311] («Психологические исследования также показывают, что устранение влияния стереотипов при принятии решений требует больше усилий и времени для сбора информации... чем следование привычным стереотипам»).

от предубеждений при выработке политических решений¹⁴⁴. Это означает, что необходимо привлекать самых разных носителей мнений на слушания по законодательству, а также членам палаты представителей чаще встречаться со своими избирателями. Однако такая стратегия имеет свои ограничения. В ряде исследований отмечается более слабый эффект, чем ожидалось, в частности, потому, что любой эффект от краткосрочного знакомства со случаями, разрушающими стереотипы, перекрывается повседневными примерами из СМИ, которые эти стереотипы подтверждают¹⁴⁵. Влияние же прямого контакта с лицами, противоречащими стереотипу, также теряется на фоне жизненных ситуаций, вновь его подкрепляющих [18. Рр. 1169–1170]. В Конгрессе эта предвзятость возрождается особенно легко благодаря существующей партийной направленности и тому факту, что конгрессмены не получают постоянного притока примеров, способных ее поколебать.

Кроме того, законодатели часто опираются на сложившиеся мнения о различных причинах явлений, что определяет их последующие мыслительные процессы. Или, к примеру, знание об определенном приговоре, вынесенном за какое-либо преступление, влияет на принятие решения о другом преступлении. Эта динамика носит название «якорение» [114].

Поскольку законодатели работают в обстановке партийной политики, они также сильно подвержены «каскаду доступной информации» – это явление, при котором люди массово принимают искаженную информацию за правду, потому что в нее верят другие¹⁴⁶. Например, республиканец с большей вероятностью поверит в то, что утверждает группа республиканцев, а демократ примет точку зрения группы демократов. Чем больше члены политической партии говорят только с теми, кто разделяет их взгляды, тем больше они склоняются к крайним позициям; этот феномен называется «поляризация групп» и состоит в том, что единомышленники в группе тяготеют к крайним взглядам [116].

Законодатели также могут демонстрировать «предвзятость подтверждения»; это тенденция искать информацию, подтверждающую свою точку зрения, и игнорировать информацию, противоречащую ей¹⁴⁷. Подобным образом законодатели могут также проявлять предвзятость в принятии фактов или вынесении суждений, когда подтверждающие примеры принимаются как они есть, а опровергающие – оцениваются критически или игнорируются [118; 110. Р. 226]. Эти психологические процессы свойственны всем людям, но члены законодательных органов могут быть особенно подвержены им, поскольку они вынуждены открыто высказывать свою позицию и не могут отступать от нее, чтобы не выглядеть колеблющимися или совершившими ошибки, которые они вынуждены исправлять.

Кроме того, использование допущений может привести к системным ошибкам в суждениях. Один из аспектов этого процесса – эффект обрамления, т. е. «тенденция относиться к потенциальным выгодам иначе, чем к потенциальным потерям» [12. Р. 557]. В частности, люди менее охотно рискуют, чтобы избежать потери, чем чтобы получить выгоду, поэтому предпочитают не совершать действий. Законодатели склонны не делать того, что может повлечь немедленные убытки, хотя те же самые действия приведут к долгосрочным выгодам. Например, они могут сопротивляться проведению реформы уголовного законодательства по сокращению сроков тюремного заключения тех, кто уже находится в местах лишения свободы, потому что боятся, что отпущенные преступники снова совершат преступления. Этот потенциальный вред кажется более значимым, даже если в целом эта мера обещает большую степень общественной безопасности, например, за счет того, что большинство преступников не совершит повторных преступлений, ранний выход на свободу облегчает реинтеграцию в общество, а сэкономленные ресурсы можно потратить на эффективные меры общественной безопасности.

¹⁴⁴ См. [18. Рр. 1169–1170] («Если мы испытываем негативное отношение к некоторой группе, то необходимо познакомиться с такими членами этой группы, к которым у нас будет положительное отношение. Если в отношении некоей группы у нас есть определенный стереотип, нужно встретиться с членами этой группы, у которых нет этих свойств. Это можно сделать путем прямого контакта с нетипичными представителями соответствующей группы»).

¹⁴⁵ См., например, [113] (обнаруженный эффект был существенно слабее по сравнению с первоначально заявленным).

¹⁴⁶ [110. Р. 223]. См. в целом [115].

¹⁴⁷ См. [110. Рр. 225–226; 117].

Как и обычные люди, законодатели могут иметь «психологическую зависимость», когда они пассивно принимают данное им объяснение или характеристику проблемы и «не думают о существенных деталях ситуации» [110. Р. 217]. Так, если они слышали истории о чернокожих или иммигрантах, совершающих преступления, то начинают ассоциировать эти действия с определенными расовыми или этническими группами, а затем эти представления закрепляются. Это особенно характерно для законодателей, не являющихся членами данной группы, поскольку существует также внутригрупповая предвзятость, т. е. «готовность разделить все общество на „мы“ и „они“»¹⁴⁸.

Немаловажную роль в мышлении законодателей играет также «эффект определенного *другого*», когда «любая определенная цель вызывает более сильную эмоциональную реакцию, чем неопределенная» [119], причем этот эффект также наиболее силен, если жертвы принадлежат той же группе, что и сам законодатель. Этим объясняется то, что законодательные меры часто оказываются привязаны к конкретным жертвам преступлений, вместо того чтобы рассматриваться с большей степенью обобщенности [9. Р. 549].

Наконец, необходимо отметить, что члены законодательных органов могли выиграть выборы именно потому, что отражают те самые предубеждения, которые свойственны их избирателям¹⁴⁹. Тогда их мнения не только найдут отклик, но и будут казаться более искренними, чем рациональные, взвешенные мнения тех политиков, которые понимают несовершенство принимаемых политических решений, но внешне поддерживают их, чтобы победить на выборах» [110. Рр. 214–215].

Все эти виды предубеждений накладываются на партийную мотивацию создать окружение, где политические меры будут определяться партийными интересами и инстинктами. При этом ряд ученых утверждают, что Конгресс способен преодолеть эти тенденции. Так, профессора *Jeffrey Rachlinski* и *Cynthia Farina* написали программную статью о взаимоотношениях когнитивной психологии и оптимального государственного устройства, в которой показали, что, несмотря на различные когнитивные искажения, присутствующие при принятии законодательных решений, Конгресс имеет относительное преимущество перед судами и президентом, поскольку он обладает «большим потенциалом по сравнению с другими ключевыми конституционными субъектами для создания профессионального знания внутри себя и структурирования своих процессов с целью исправления ошибок» [12. Р. 586]. Их мнение основано на том, что Конгресс может пользоваться как экспертной помощью через специализированные комитеты, члены которых со временем приобретают соответствующий опыт [12. Рр. 572–573], так и институциональным опытом работы над значимыми вопросами [12. Р. 574]. Исследователи уверены, что такие органы, как Счетная палата, могут служить необходимой гарантией от когнитивных искажений, поскольку они «с большой вероятностью будут смотреть на проблемы с иной точки зрения, давая тем самым Конгрессу как минимум возможность увидеть новые перспективы, отличные от непосредственно принимаемых им решений» [12. Р. 575].

Основной вывод, который можно сделать из раздела I данной работы, состоит в том, что указанные механизмы выходят из употребления; это означает, что Конгресс теряет свое относительное институциональное преимущество по преодолению предвзятости при принятии решений. Если Конгресс отвергает ценность профессионального знания, то он больше не сможет удерживать свое преимущество перед судами и исполнительной ветвью власти в битве с когнитивными искажениями. Точнее говоря, могут существовать другие причины предпочесть Конгресс в качестве органа, определяющего политику, – например, высокая степень его подотчетности перед избирателями, – но заложенные в нем преимущества высшего независимого законодательного органа оказались размыты¹⁵⁰.

¹⁴⁸ [110. Р. 234] (цитируется Donald R. Kinder & Cindy D. Kam, *Us Against Them: Ethnocentric Foundations of American Opinion* 8 (2010)).

¹⁴⁹ Ср. [120] («Необычайно талантливые политики не просто поддерживают существующие ошибки. Они подталкивают благодарную публику к „более новым и улучшенным“ ошибкам завтрашнего дня»).

¹⁵⁰ По мнению ряда ученых, даже при наличии этих экспертных органов Конгресс будет плохо выполнять функцию сбора информации из-за существования партийных стимулов. См., например, [20. Рр. 1178, 1182–1186; 105. Р. 71].

Действительно, Конгресс как орган, определяющий политику, имеет недостаток по сравнению с исполнительной и судебной ветвями власти в том, что видит лишь общую картину, тогда как последние могут на регулярной основе наблюдать применение выработанных ими мер в реальном мире. Те разрозненные примеры, которые видит Конгресс, отобраны исходя из партийных интересов для продвижения определенной точки зрения. Не существует никакого механизма обратной связи, который мог бы противостоять убеждениям и предубеждениям членов Конгресса. Вместо этого они получают примеры, которые только подтверждают их уже сложившиеся предвзятые мнения. Таким образом, партийная ориентация и предвзятость вместе создают обстановку, крайне плохо подходящую для выработки наилучших решений, основанных на объективной информации.

В. Уголовное право и политика как пример когнитивного искажения

Всю опасность законодательного процесса, не учитывающего эмпирическую информацию, можно увидеть, рассмотрев подход Конгресса к выработке уголовных законов. Это та область, в которой Конгресс никогда по-настоящему не использовал экспертную оценку и не учитывал эмпирических фактов или исследований. Действительно, ни в одной другой области партийные интересы и когнитивные искажения не торжествуют так явно над объективным анализом. Существуют бесчисленные примеры того, как представления законодателей и избирателей о том, как выглядит типичное преступление или преступник в той или иной категории, влияют на их последующие решения, даже если факты им противоречат¹⁵¹. Это неудивительно, если учесть выявленную учеными закономерность, что новые риски и повышение уровня знакомого риска «вызывают крайние реакции» и «создают запрос на принятие паникерских мер государственного регулирования» [122]. Преступность – это область, в которой непрерывно появляются новые риски, будь то новые наркотики или типы преступного поведения, а существующие риски, кажется, постоянно растут, как это подают СМИ. Горячие новости в местных новостях – это обычно рассказ о преступлении; согласно исследованиям, около трети всех новостных репортажей на местном телевидении посвящены преступности [123]. Количество таких сообщений растет или остается неизменным, даже когда сам уровень преступности снижается [121. Рр. 106–107]. От этого риск столкнуться с преступностью кажется постоянным, а с ним и давление на правительство.

Ярким примером является реакция Конгресса на появление крэк-кокаина в 1980-е. На волне сообщений, показывающих крэк-кокаин более опасным, чем другие наркотики, и после широко обсуждавшейся в СМИ смерти баскетболиста Ленни Байаса от, как считалось, передозировки этим наркотиком, Конгресс бросился принимать карательные меры [121. Р. 74]. Этот процесс начал член палаты представителей Тип О'Нил, спикер от штата Массачусетс, главным образом потому, что перед смертью Байас был выбран действующим чемпионом лиги «Бостон Селтикс» [121]. В Конгрессе крэк рассматривался сквозь призму мнения, что этот наркотик связан с беспрецедентной опасностью и насилием [124]. В результате было принято решение, которое позже стало известно как отношение 100 к 1 между порошковым и крэк-кокаином. По решению Конгресса, простое владение пятью граммами крэка влекло обязательный минимальный приговор в пять лет, а 50 граммами (это количество предполагало сбыт) – в десять лет лишения свободы¹⁵². Чтобы получить такое же наказание за порошковый кокаин, количество вещества должно быть в сто раз больше [121. Р. 74]. Решение Конгресса основывалось на информации из прессы, никто не позаботился запросить экспертное мнение. Конгресс не поручил изучить вопрос даже недавно созданной Пенитенциарной комиссии [124. Р. 213]. По словам одного из членов палаты представителей, «сначала комитет решил установить соотношение 20 к 1. К концу заседания оно стало 100 к 1. На самом деле у нас не было никакой фактической основы для этого» [125].

¹⁵¹ См. [121] (описываются примеры несоответствия между публичными заявлениями и пониманием смысла законодательных актов, с одной стороны, и реальным содержанием этих актов – с другой).

¹⁵² Anti-Drug Abuse Act of 1986, Pub. L. No. 99-570, § 1002, 100 Stat. 3207, 3207-2 to 3207-4 (кодифицировано с изменениями в разделе 21 U.S.C. § 841).

Если бы Конгресс потрудился получить экспертное мнение, они бы узнали, что порошковый и крэк-кокаин неразличимы по всем параметрам, на которые они опирались. Эти виды наркотика имеют одинаковые фармакологические эффекты; «крэк вызывает привыкание не в большей степени, чем порошковый кокаин», а «вероятность агрессивных реакций у лиц, принимающих крэк, такая же, как у принимающих порошковый кокаин» [124. Рр. 215–216]. Если бы они провели расследование, а не полагались на свои предположения, то они бы также узнали, что Байас принял порошковый, а не крэк-кокаин. А если бы они потратили немного времени, чтобы понять, как предложенный закон будет работать, то обнаружили бы вопиющую расовую предвзятость в таком различном отношении к порошковому и крэк-кокаину. В 2013 г. 83 % лиц, осужденных за торговлю крэком, были чернокожими, и только 5,8 % были белыми¹⁵³. Напротив, чернокожие составляли лишь 31,5 % осужденных за торговлю порошковым кокаином, латиноамериканцы – 58 %, а белые – 9,4 %¹⁵⁴. Конгрессу потребовалось более 24 лет, чтобы сократить неравенство в отношении к порошковому и крэк-кокаину, но даже тогда оно составило не 1 к 1, а 18 к 1¹⁵⁵. Изначально крэк настолько жестко пенализировали и сохраняли это положение десятилетиями только потому, что законодатели считали его особенно опасным наркотиком, связанным с насилием, основываясь лишь на сообщениях СМИ. Согласно эвристике доступности, смерть Байаса и новостные сообщения о насильственных действиях определяли их мышление, в результате чего они переоценили опасность крэка. В отсутствие слушаний или консультаций с экспертами они не имели иной информации, способной изменить их подход. Законодатели продолжали устанавливать более строгие наказания за крэк, возможно, в том числе и благодаря эффекту владения, и потому, что не желали переделывать те строгие приговоры, которые уже были сформулированы и записаны, ведь в этом случае это выглядело бы как исправление прошлой ошибки. На самом деле даже эксперты, вероятно, не предложили бы соотношение 1 к 1. Однако если бы стало известно, что применяемые методы не позволяют обнаружить различия между этими видами наркотиков, а также что имеется расовое неравенство в этой сфере, то подход стал бы более взвешенным, и неравенство могло быть сокращено.

Этот пример не единственный в политике Конгресса относительно наркотиков. Вся эта сфера во многом основывается на недостоверной информации и предположениях. Устанавливая серьезные минимальные обязательные наказания за наркотики, члены Конгресса предполагали, что они будут применяться к крупным главарям наркомафии; никто не консультировался с экспертами или Комиссией по приговорам о реальном применении этих законов [124. Рр. 216–217]. В результате большинство осужденных к минимальным обязательным наказаниям – это рядовые члены группировок. Из лиц, отбывающих наказание в федеральных тюрьмах за преступления, связанные с наркотиками, только 14 % являлись организаторами или лидерами, которых законодатели имели в виду, однако средний срок заключения составляет 11 лет [126]. Законодатели не смогли оценить результаты применения нового закона в том числе и потому, что не задумывались о роли законодательства о преступном сговоре и не обратились за консультацией к экспертному сообществу.

Почти в любой сфере, где Конгресс выносит решение по уголовному законодательству, он во многом полагается на рассказы о вопиющих случаях, не рассматривая данные или факты, даже когда заявленной целью является общественная безопасность и опора на более широкий пласт информации могла бы дать иной подход и способствовала достижению цели. Возьмем, к примеру, решение Конгресса распространить требования о регистрации лиц, совершивших сексуальные преступления, на несовершеннолетних, совершивших такие преступления¹⁵⁶. Закон, установивший такое требование, был назван по имени Эми Зила (*Amu*

¹⁵³ U.S. Sent'g Comm'n, Quick Facts: Crack Cocaine Trafficking Offenses (2014), https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/quick-facts/Quick_Facts_Crack_Cocaine.pdf [<https://peima.cc/76JW-3FCU>].

¹⁵⁴ U.S. Sent'g Comm'n, Quick Facts: Powder Cocaine Trafficking Offenses (2014), https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/research-and-publications/quick-facts/Quick_Facts_Powder_Cocaine.pdf [<https://perma.cc/26UE-U26P>].

¹⁵⁵ См. Fair Sentencing Act of 2010, Pub. L. No. 111–220, 124 Stat. 2372 (кодифицировано с изменениями в различных разделах 21 U.S.C.).

¹⁵⁶ Adam Walsh Child Protection and Safety Act of 2006, Pub. L. No. 109–248, 120 Stat. 587 (кодифицировано с изменениями в различных разделах U.S.C.).

Zyla), на которую напал несовершеннолетний, осужденный за сексуальные преступления и вышедший на свободу; история этого покушения стала центральной при обсуждении закона¹⁵⁷. При этом в полной мере проявился «эффект определенного другого», так как законодатели стремились исправить ущерб, нанесенный Эми и последующим жертвам этого преступника. Но правильно ли пытаться остановить такие преступления с помощью регистрации преступника? Остановит ли такой подход преступника или, напротив, подтолкнет его к рецидиву, так как закрывает возможности для возвращения в социум? Казалось бы, законодательный орган должен был изучить этот вопрос, обратившись к экспертам, но этого не произошло. Фактически прозвучало лишь несколько коротких сообщений с выражением озабоченности по поводу предлагаемого закона и уместности требования регистрации «13–14-летних подростков»¹⁵⁸.

Если бы членов Конгресса заботила эффективность регистрации сексуальных преступников, они бы обнаружили огромное количество эмпирических исследований, которые подвергают сомнению полезность этой меры [127, 128]. Аналогичным образом, они могли бы узнать, что федеральные классификации преступников по степени риска¹⁵⁹ на самом деле плохо выполняют функцию прогнозирования рецидивизма по сравнению с методами, применяемыми на уровне штатов, и методами страхового анализа [129]. Если бы законодатели изучили исследования по развитию мозга у несовершеннолетних, они также могли бы обнаружить, что обращение с ними как со взрослыми сексуальными преступниками не имеет смысла из-за биологических различий в отношении взрослых и подростков к риску и совершению преступлений, а также что меры по реабилитации гораздо сильнее влияют на уровень рецидивизма среди несовершеннолетних [130, 131].

Аналогичные недостатки наблюдались при рассмотрении Конгрессом изменений в практике освобождения под поручительство в 1980-х. Закон о реформировании освобождения под поручительство от 1984 г.¹⁶⁰ ввел значительные изменения в федеральную практику освобождения под поручительство и досудебного заключения под стражу, установленную соответствующим законом от 1966 г.¹⁶¹ В частности, судьям предоставили возможность продлевать досудебное заключение на больший срок, если задержанные представляли опасность для общественной безопасности [132]. Законодатели вспоминали различные истории и ссылались на них во время дебатов. Например, сенатор Оррин Хэтч рассказывал о насильственных преступлениях, совершенных лицами, ожидавшими суда, включая «подростка 17 лет, который застрелил 68-летнего гражданина в процессе грабежа» и который «в тот момент ожидал суда по двум случаям вооруженного грабежа»¹⁶². Еще одна история, рассказанная сенатором Хэтчем, была направлена специально на возбуждение гнева и тревоги, так как в ней говорилось об обвиняемом в нанесении ранений холодным оружием с намерением убийства, выпущенном под поручительство, который совершил почти такое же преступление после освобождения:

«Обвиняемый у стойки бара ударил ножом человека, который отказался купить ему напиток. Эта жертва до сих пор находится на грани жизни и смерти в отделении реанимации. На момент совершения этого преступления обвиняемый был отпущен под поручительство, находясь под следствием за другой инцидент в том же баре при аналогичных обстоятельствах. Кроме того, он был под следствием большого жюри за как минимум еще одно немотивированное нанесение ножевых ранений»¹⁶³.

¹⁵⁷ 152 Cong. Rec. 2974-75 (2006) (заявление члена палаты представителей Марка Грина).

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ См. Adam Walsh Child Protection and Safety Act of 2006.

¹⁶⁰ Pub. L. No. 98-473, tit. II, § 203(e)(1)–(2), 98 Stat. 1985 (кодифицировано с изменениями в различных разделах U.S.C.) (вступил в силу как tit. II, часть I совместной резолюции о продолжении финансирования на 1985 фискальный год, а также на другие цели, H. J. Res. 648, 98th Cong. (1984)).

¹⁶¹ Pub. L. No. 89-65, 80 Stat. 214 (кодифицировано с изменениями в различных разделах части 18 U.S.C.).

¹⁶² 130 Cong. Rec. 1822 (1984) (заявление сенатора Оррина Хэтча).

¹⁶³ Там же (курсив автора статьи).

Цель сократить уровень преступности и насилия в период досудебного расследования похвальна, однако необходимо рассмотреть вопрос, насколько само по себе содержание в следственных изоляторах угрожает общественной безопасности, – а об этом свидетельствуют многочисленные данные. Задержанный часто теряет работу, жилье и даже право опеки над ребенком, так что многие задержанные уже оказываются выброшены на обочину [133]. Такое давление приводит к тому, что они с большей вероятностью признают вину (независимо от реальной степени вины) [134]. Кроме того, лица, содержащиеся в следственных изоляторах, получают более длительные сроки, чем те обвиняемые в аналогичных преступлениях, кто был выпущен под поручительство; возможно, это происходит потому, что первым сложнее общаться с адвокатом [135]. В любом случае содержание под стражей стоит денег, которые можно потратить с большей пользой. Но главный аргумент против содержания в следственных изоляторах состоит в том, что оно само по себе – независимо от совершенного преступления и при прочих равных условиях – приводит к повышению уровня преступности. Исследования показали, что заключение под стражу до суда приводит к 30%-му росту тяжких преступлений и 20%-му росту мисдиминоров в течение 18 месяцев после первоначальных слушаний [134. Р. 718; 135. Р. 19].

Итак, если целью является общественная безопасность, то процесс установления мер досудебного задержания без какого-либо рассмотрения его последствий будет глубоко порочным. Примечательно, что сенатор Хэтч поведал эти истории именно для того, «чтобы Конгресс не совершил ошибку, сосредоточившись на статистике, которая не учитывает страдания жертв преступлений»¹⁶⁴. Возможно, Хэтч имел в виду статистику, показывающую, что большинство лиц, выпущенных до суда, не совершают преступлений. Но если цель – минимизировать страдания и сократить уровень преступности, то законодатели не должны игнорировать и минусы предварительного заключения, включая вред для общественной безопасности. Если бы все аспекты досудебного задержания получили экспертную оценку с точки зрения максимизации общественной безопасности, то сроки такого предварительного заключения, вероятно, были бы меньше, чем в итоге приняли законодатели.

Поскольку большинство политиков не обладают глубокими знаниями или подготовкой в области уголовной политики, они могут не знать обо всех побочных эффектах или последствиях таких карательных мер, как более длительные сроки заключения, обязательная регистрация, досудебное задержание¹⁶⁵. Они рассматривают уголовное правосудие как любой другой вопрос общего характера и зачастую реагируют на какие-то особенно тяжкие преступления или резонансные сообщения в прессе, подолгу обсуждая их на заседаниях по предлагаемым законопроектам. Но чего они не делают, так это не консультируются с отдельными экспертами или с экспертными организациями, которые изучают эти вопросы и могут дать совет о наиболее эффективном политическом решении в этой области.

Федеральное уголовное законодательство – лишь один пример того, что происходит, когда Конгресс мало интересуется мнением экспертов. Но он также показывает, как профессиональные знания могут помочь при выработке политических решений; он демонстрирует, что партийные интересы не должны превалировать над экспертными оценками. Даже в сфере уголовного законодательства – настолько же политизированной, как и любая другая, – специалисты смогли внести свой вклад, когда им позволили действовать и с ними советовались. В последние годы Конгресс стал обращать больше внимания на Комиссию по вынесению приговоров и ее исследования рецидивизма. Когда Комиссия в своем Руководстве 2007 г. предложила снизить сроки наказания за крэк с приданием этой норме обратной силы, Конгресс последовал этому примеру и в Законе о справедливом вынесении приговоров от 2010 г. снизил установленное соотношение 100 к 1 между порошковым кокаином и крэком¹⁶⁶. На решение Конгресса повлияли свидетельства того, что снижение наказания за крэк не имело негативных последствий, а также обширные данные, собранные Комиссией за многие годы, о том, что наказания за крэк были основаны на преувеличении относительного вреда от этого наркотика и создавали значительные перекосы по расовому признаку при вынесении приговоров.

¹⁶⁴ 130 CONG. REC. 1822 (1984) (заявление сенатора Оррина Хэтча).

¹⁶⁵ Обсуждение ошибочных представлений Конгресса см. [124. Рр. 219–227].

¹⁶⁶ Pub. L. No. 111-220, 124 Stat. 2372 (кодифицировано с изменениями в различных разделах части 21 U.S.C.); см. [136].

Конгресс также принял во внимание исследования Комиссии по рецидивизму на волне сокращений сроков заключения согласно Руководству. Комиссия изучала лиц, получивших сокращенные сроки в течение пяти лет после изменений, принятых в 2007 г., сравнив их с лицами, осужденными за те же преступления, связанные с крэк-кокаином и полностью отбывшими наказание до принятия этих изменений¹⁶⁷. Между этими двумя группами не было выявлено статистически значимых отличий по уровню рецидивизма¹⁶⁸. Эти результаты позволили Комиссии в 2014 г. уменьшить все федеральные приговоры по делам, связанным с наркотиками, применив норму с обратной силой; при этом 30 тысяч осужденных получили сокращение своих сроков в среднем более чем на два года [136. Р. 8]. В рамках той же программы Комиссия проанализировала уровень рецидивизма у лиц, отбывших сокращенные и полные сроки заключения, и вновь не обнаружила никаких статистически значимых отличий между этими группами¹⁶⁹.

Эти эмпирические исследования оказались критическими для принятия Закона о первом шаге 2018 г. (*First Step Act*, Закон о возвращении заключенных в общество. – Прим. переводчика),¹⁷⁰ который способствовал приданию обратной силы положениям реформы 2010 г. о неравноценности наказаний за порошковый и крэк-кокаин¹⁷¹. Работа Комиссии показала, что более длительные сроки заключения не приводили к отказу от рецидивизма, т. е. предположение Конгресса было неверным [124. Рр. 219–220]. Конгресс также использовал данные Комиссии о том, кого коснутся различные изменения в обязательном минимальном сроке приговора, и о случаях, когда обязательные приговоры оказываются неприменимы¹⁷². Эта информация помогла набрать необходимое количество голосов для принятия закона. Этому также способствовали слушания и доклады по проблемам освобождения по соображениям гуманности, которое тогда применялось¹⁷³. Вероятно, члены Конгресса ранее считали, что Федеральное бюро тюрем (*Federal Bureau of Prisons, BOP*) следит за тем, чтобы заключенных не выпускали без реальной необходимости, однако доклады и слушания показали, что бюро отклоняло практически все прошения, оставляя больных умирать в тюрьмах, тогда как именно их Конгресс стремился защитить, создавая закон об освобождении по соображениям гуманности¹⁷⁴. Анализ этой проблемы, проведенный Комиссией, а также доклады управления Генерального инспектора Департамента юстиции США оказали большое влияние на дебаты в Конгрессе и последующее принятие законов [136. Р. 8].

Мораль этой истории в том, что вовлеченность экспертов в принятие политических решений может изменить и реально изменяет эти решения, даже если политическое давление играет главную роль. В отсутствие консультаций специалистов принимаемые политические меры могут не достигать своих целей или основываться на чрезвычайных ситуациях, а значит, не подходить в большинстве контекстов. Точнее говоря, профессиональных знаний может быть не всегда и даже редко достаточно, чтобы преодолеть давление партийных мотивов и заинтересованных групп. Но они играют важную роль. Эксперты могут помочь формулировать законодательство таким образом, чтобы нивелировать ошибочные убеждения и предвзятость членов Конгресса. Именно поэтому профессора *Jesse Cross* и *Abbe Gluck* выступают за бюрократию в Конгрессе в качестве «противовеса партийным интересам» [28. Р. 1610]. Ту же роль могут играть эксперты. И именно

¹⁶⁷ U.S. Sent'g Comm'n, *Recidivism Among Offenders Receiving Retroactive Sentence Reductions: The 2007 Crack Cocaine Amendment* (2014).

¹⁶⁸ Среди лиц, выпущенных досрочно, уровень рецидивизма составил 43,3 %, среди отсидевших полный срок – 47,8 %. Там же. Комиссия пришла к тем же выводам при изучении досрочных освобождений для Руководства-2011 в ответ на принятие Закона о справедливом приговоре. U.S. Sent'g Comm'n, *Recidivism Among Federal Offenders Receiving Retroactive Sentence Reductions: The 2011 Fair Sentencing Act Guideline Amendment* (2018).

¹⁶⁹ См. U.S. Sent'g Comm'n, *2014 Drug Guidelines Amendment Retroactivity DataReport* (2018).

¹⁷⁰ Pub. L. No. 115–391, 132 Stat. 5194 (кодифицировано с изменениями в различных разделах частей 18, 24 и 31 U.S.C.).

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² См. [136. Р. 8]; U.S. Sent'g Comm'n, *An Overview of Mandatory Minimum Penalties in the Federal Criminal Justice System* (2017).

¹⁷³ [136. Р. 8]; см., например, [137, 138].

¹⁷⁴ См. [139; 138. Р. i].

поэтому вызывает недоумение упадок постоянной экспертной инфраструктуры в Конгрессе¹⁷⁵. В отсутствие информации, сбора данных, процедур получения объективных оценок политические решения определяются сенсационными новостями и историями, в результате чего эти решения плохо отвечают потребностям реального мира, для которого они создаются.

III. Последствия

Что же следует предпринять в отношении недостаточного использования существенного профессионального знания и сбора нейтральной информации Конгрессом? В данном разделе мы рассмотрим этот вопрос в двух контекстах. В разделе III.A мы разберем, что может и должен сделать Конгресс, поскольку именно Конгресс должен решить, по какому пути следовать. В разделе III.B ставится вопрос, существуют ли (или должны существовать) какие-либо доктринальные последствия, в случае если Конгресс останется на нынешнем курсе и продолжит обесценивать использование внутреннего профессионального знания при принятии решений. В разделе III.B мы, в частности, обращаемся к последствиям текущей ситуации для дискуссии о статусе доктрины запрета делегировать законодательную власть Конгресса и для толкования законодательства.

A. Реформирование Конгресса

История использования экспертных оценок в Конгрессе показывает, что в различные моменты Конгресс признавал их ценность. Поэтому стоит спросить, возможно ли вернуться к модели, когда комитеты были существенно вовлечены в законодательный процесс, а экспертные органы получали больше персонала и поддержки, законодатели чаще советовались с ними, обращаясь за объективной информацией и консультациями к специалистам в той или иной области, не связанным с крайними партийными мнениями.

Одним из факторов, свидетельствующих о такой возможности, является то, что ключевые фигуры в Конгрессе осознают наличие проблемы. Опрос действующих и бывших членов и сотрудников Конгресса в 2017 г. показал, что большинство респондентов считают доступ законодательной ветви власти к внепартийным профессиональным знаниям «очень важным», однако всего четверть были «полностью удовлетворены» существующим положением¹⁷⁶. В начале 2019 г. при палате представителей был создан двухпартийный Специальный комитет по модернизации Конгресса [140], а член палаты представителей демократ Билл Паскрел отметил на одном из слушаний, что Конгресс «ослаблен... намеренным институциональным вандализмом» [141]. Он выступает за то, чтобы в Конгрессе были компетентные сотрудники, не «отягченные целой армией корпоративных лоббистов, тогда как окружающий мир стремительно становится все более сложным в социальном, экономическом и технологическом отношении»¹⁷⁷. Однако пока рекомендации данного комитета фокусировались в большей степени на реформах в области технологий и прозрачности, чем на возрождении экспертных оценок¹⁷⁸.

¹⁷⁵ Cross и Gluck более оптимистичны в оценке роли бюрократии в Конгрессе, чем автор статьи, так как они сосредоточиваются на законодательных органах, способствующих законодательному процессу, и меньше обращают внимание на упадок в использовании агентств, предоставляющих существенные экспертные знания. См., например, [28. Рр. 1640–1641] (отмечается, что «когда дело касается широкого спектра законодательных действий (включая выработку законопроекта, оценку, аудит, анализ, процедуры выработки поправок), Конгресс по-прежнему обращается к рациональным суждениям и экспертным знаниям», однако признается, что «бюрократические институты не являются для Конгресса основным источником экспертных знаний по существу вопросов»). Если же сосредоточиться на внутренних органах Конгресса, которые занимаются сутью дела, а не процедурами, то ситуация выглядит гораздо хуже.

¹⁷⁶ См. [81. Р. 16] («Доступ членов и персонала Конгресса к высококачественным, внепартийным экспертным оценкам принимаемых мер внутри законодательной ветви власти играет лишь немногим менее важную роль, чем навыки и способности старших сотрудников. Большинство из них (81 %) считают такие оценки „очень важными“, однако лишь 24 % были „полностью удовлетворены“ ими <...>. Еще 44 % сотрудников сообщили, что они „частично удовлетворены“»).

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ [142]. Председатель Комитета, член палаты представителей Дерек Килмер (демократ от штата Вашингтон) на своем веб-сайте указал перспективы для бывших законодателей, которые выступали за усиление роли профессиональных знаний в законодательном процессе [143] (описываются предложения от бывших законодателей, включая призывы расширить штат экспертных агентств); [144] (тогда же).

Аналитики и комментаторы вне Конгресса также призывают к более широкому использованию профессиональных знаний в законодательном процессе. Ряд бывших конгрессменов, работающих на лоббистов, выступили с рекомендациями Конгрессу увеличить финансирование таких органов, как Счетная палата и Исследовательская служба Конгресса, также увеличить финансирование сотрудников Конгресса и дать больше полномочий комитетам¹⁷⁹. Многие призывают также возродить Отдел технологической оценки¹⁸⁰. Другие предлагают для совершенствования законодательного процесса давать экспертам возможность больше выступать на слушаниях комитетов [149] или возродить организации законодательных услуг¹⁸¹.

Хотя необходимость обращения к профессиональным знаниям кажется общепризнанной, не похоже, что существует политическая воля для исправления сложившейся ситуации. До сих пор все попытки восстановить роль экспертной оценки в Конгрессе были провальными. Регулярно звучат призывы возродить такие органы, как Отдел технологической оценки, но они ничем не заканчиваются. При президенте Джордже Буше – младшем бывший член палаты представителей демократ Раш Холт предложил несколько проектов возрождения Отдела технологической оценки в той или иной форме, но они не были приняты [51. Р. 47]. Аналогичные усилия предпринимались и в 2010-е гг.; они постепенно получают все больше поддержки, но пока безрезультатно¹⁸².

Перспектива возрождения роли экспертной оценки в Конгрессе кажется особенно туманной, если вспомнить, что именно побуждало Конгресс повышать эту роль на протяжении его истории. Когда Конгресс первоначально создавал экспертные органы, основной движущей силой было стремление сдерживать исполнительную власть. Сегодня призывы увеличить число сотрудников часто обусловлены теми же соображениями – законодатели должны иметь больше возможностей для надзора над исполнительной властью¹⁸⁵. Однако мы живем в эпоху партийного контроля; проблемы разделения ветвей власти и конфликта между ними отошли на задний план. Как отмечают профессора *Daryl Levinson* и *Rick Pildes*, «политическая борьба в правительстве часто идет по партийным линиям, а не между ветвями власти» [91. Р. 2315]. Если в Конгрессе доминируют демократы, то они вряд ли захотят контролировать президента-демократа. Гораздо более вероятно, что все виды партийного давления продолжат усиливаться, в результате чего члены Конгресса будут обращаться за оценкой политических решений к партийным аналитическим центрам, лоббистам и активистам, а не к независимым экспертам и не будут пытаться достичь межпартийного согласия с помощью самых надежных данных.

При этом тот факт, что Объединенная комиссия по налогообложению и Бюджетное управление Конгресса по-прежнему играют важную роль в законодательном процессе, подсказывает, что у Конгресса все еще есть достаточные мотивы для обращения к независимым источникам информации о бюджете и налогах помимо

¹⁷⁹ См. [143] (цитируются шесть бывших законодателей – пять демократов и один республиканец – и их предложения по реформе законодательства).

¹⁸⁰ См., например, [145] (поддерживается создание «Отдела технологической оценки XXI века» как средства борьбы с недостатком знаний в нынешнем Конгрессе); [77] (поддерживается возрождение Отдела технологической оценки как элемента более широкой системы реформ, призванной улучшить возможности Конгресса работать с вопросами науки и технологии); [146] («Отдел технологической оценки мог бы обеспечить Конгрессу широкий взгляд, необходимый для создания наилучшего законодательства»); см. также [147]; *Jathan Sadowski*. The Much-Needed and Sane Congressional Office That Gingrich Killed Off and We Need Back, *Atlantic* (Oct. 26, 2012), <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2012/10/the-much-needed-and-sane-congressional-office-that-gingrich-killed-off-and-we-need-back/264160/> [<https://perma.cc/A5H8-QYJQ>]; [148] (утверждается, что возрождение Отдела технологической оценки в любом виде потребует серьезной перестройки структуры агентства, иначе оно будет неэффективным в сегодняшних условиях).

¹⁸¹ См. [145. Рр. 13–22] (поддерживается возврат к системе организаций законодательных услуг, объясняются их преимущества). Обсуждение организаций законодательных услуг и их отмены см. выше прим. 118–122 и соответствующий текст.

¹⁸² См. [150] («Ранее [в 2018 г.] предложение, инициированное членами палаты представителей *Mark Takano* (демократ от штата Калифорния) и *Bill Foster* (демократ от штата Иллинойс), было отклонено голосованием 195–217, при этом всего 15 республиканцев поддержали эту меру. Однако предложение возродить Отдел технологической оценки получило больше поддержки, чем в 2014 г., когда оно провалилось 164–248»).

¹⁸⁵ См. [151] (утверждается, что необходимо усилить возможности Конгресса по работе с информацией, чтобы лучше контролировать исполнительную ветвь власти).

Административно-бюджетного управления и Казначейства соответственно. Возможно, каждая из партий признает ценность этих ресурсов в тот период, когда президентом является представитель другой партии, так как они стремятся контролировать исполнительную власть. Возможно, финансовые соображения являются межпартийными в достаточной степени, чтобы эти независимые внепартийные источники информации сохраняли свою значимость и пережили все нападки (по крайней мере, пока). Как бы то ни было, эти органы, хотя и сократились, по-прежнему важны для членов Конгресса.

То, что они все еще существуют, дает надежду на возрождение других экспертных органов. Если это произойдет, то, вероятно, по инициативе демократов, поскольку их упадку способствовали республиканцы. Если звучат призывы возродить экспертные органы в Конгрессе, то в основном со стороны демократов, хотя их частично поддерживают и республиканцы¹⁸⁴. Возможно, сейчас, когда демократы доминируют как в Сенате, так и в Палате представителей, шансы на успех повысились, однако неясно, хотят ли демократы тратить на это свой политический капитал. Ключевой вопрос в том, считают ли находящиеся у власти демократы, что возрождение некоторых из обсуждаемых институтов будет по-прежнему выгодно, когда президентом снова станет республиканец, и захотят ли они к тому времени иметь инструменты контроля. Многие из основных политических мер демократов лучше соотносятся с экспертными оценками, особенно в наукоемких областях, таких как проблемы климата; это значит, что возрождение экспертных органов в Конгрессе может дать им некоторое преимущество в будущем. Поскольку перевес демократов в Сенате и в Палате представителей невелик, неясно, достаточно ли демократов поддержат масштабные усилия по восстановлению экспертных органов, особенно учитывая необходимость финансовых затрат, в то время как дефицит бюджета растет, а первоочередной задачей является облегчение проблем избирателей, вызванных пандемией.

В этой ситуации демократы могли бы рассмотреть возможность более узконаправленных усилий по возрождению независимой экспертной оценки в законодательном процессе. Для этого нужно понять, какого рода экспертные оценки и прогнозы будут наиболее близки избирателям, а значит, смогут оправдать необходимое финансирование. Учитывая повсеместное неравенство, расовые проблемы остаются актуальными; президент Джо Байден напрямую выразил необходимость борьбы со структурным расизмом и приверженность принципам межрасового согласия, которые принесли ему победу на выборах. В этой связи демократы могли бы использовать часть своего политического капитала для получения экспертных оценок того, как обсуждаемые ими законодательные решения повлияют на различные группы населения. Отчеты Бюджетного управления Конгресса и Объединенной комиссии по налогообложению по-прежнему остаются самыми влиятельными экспертными оценками в Конгрессе, так как Конгресс волнуют расходы и бюджет, как и мнения избирателей об экономике. Поскольку многие избиратели демократов обеспокоены расовым неравенством, обращение за такой оценкой явилось бы хорошим «вложением политического капитала» со стороны демократов. Ряд штатов запрашивает информацию о влиянии обсуждаемого уголовного законодательства на расовые проблемы, чтобы законодатели могли тщательно рассмотреть законы на случай возможных диспропорций [121. Р. 183]. Например, штат Айова запросил такую информацию о вероятности расовых и этнических эффектов, и проекты законов, чреватые риском подобных диспропорций по отношению к меньшинствам, получили в два раза меньше поддержки, чем проекты, признанные нейтральными по этому признаку [153]. Таким образом, такие оценки играют свою роль, хотя и не определяют результат. Важно ввести эту информацию в законодательный процесс, и зачастую скромные данные могут дать существенный результат.

Другой важной мерой могло бы стать возрождение Отдела технологической оценки или подобной структуры. Мы достигли точки, когда наука политизируется, а Демократическая партия верит в науку. В этой ситуации у них появляется отличный шанс протолкнуть идею нового Отдела технологической оценки и получить поддержку республиканцев, учитывая угрозу новых вирусов, общую озабоченность обеих партий домини-

¹⁸⁴ См. [91] (описывается, как 15 республиканцев из палаты представителей в 2018 г. поддержали предложение о возрождении Отдела технологической оценки); [152] (описывается поддержка республиканцами из палаты представителей предложения о возрождении Отдела технологической оценки).

рованием технологических гигантов, растущую невозможность игнорировать климатические изменения на фоне чрезвычайных природных ситуаций по всей стране.

И все же шансы возродить Отдел технологической оценки или экспертные оценки по расовым вопросам невелики. Эти предложения сталкиваются с тяжелой борьбой внутри партии, где преобладает стремление просто полагаться на заинтересованные группы, которые говорят, что для них важно. Любая деятельность внутри Конгресса, которая привела бы к усилению роли экспертов, представляется маловероятной, учитывая нынешний политический климат; однако такую деятельность следует приветствовать.

В. Доктринальные последствия

Если Конгресс продолжит теперешний курс по обесцениванию профессионального знания в своих внутренних процессах, то остается нерешенным вопрос, повлияет ли это на правовую доктрину. В данном разделе мы рассмотрим две области права. В первой части мы обсудим, что эти изменения во внутренних процедурах Конгресса означают для административного права и, в частности, для доктрины запрета делегировать законодательную власть Конгресса. Во второй части мы ставим вопрос, возникают ли и должны ли возникать какие-либо особенности интерпретации законодательства в результате таких изменений.

1. Делегирование другим органам

Конгресс уже сталкивался с ситуацией, когда он оказывался не лучшим игроком в решении политических вопросов. Создание административного состояния – это признание Конгрессом своих ограничений. Конгресс часто делегирует свои основные обязанности по выработке законов экспертным органам, потому что считает, что они сделают это лучше. Точнее говоря, для такого делегирования есть политические причины. Вероятность делегирования увеличивается, когда высок риск плохого политического решения, а отдача от хорошего решения мала [154]. Конгресс стратегически делегирует в «областях, наименее благоприятных для возможности переизбрания» [154]. В соответствии с партийными интересами Конгресс также чаще делегирует, когда исполнительная ветвь контролируется той же партией [154. Рр. 129–138]. Имеет значение и то, какая партия находится у власти: когда хозяевами Белого дома и Конгресса оказываются разные партии, то при делегировании выбираются независимые агентства; если же доминирует одна и та же партия, то предпочтение отдается органам исполнительной власти [154. Рр. 156–157].

Однако при делегировании Конгресс не только преследует партийные цели. Это делается также и потому, что агентства, как считается, могут дать лучший результат, поскольку обладают экспертными знаниями и процедурами для сбора соответствующей информации и учета актуальной ситуации [155–157]. Таким образом, делегирование привносит в процесс принятия решений те узкопрофессиональные знания, которых не хватает законодателям [158]. Поэтому упадок роли экспертов в Конгрессе не так катастрофичен, как это могло быть, – его в некоторой степени восполняют административные агентства. К сожалению, такое делегирование происходит не во всех значимых областях. Например, уголовное право всегда было той областью политики, в которой Конгресс не считал нужным делегировать свои полномочия, потому что законодатели получают политические бонусы за принятие законов и не часто сталкиваются с недовольством, когда эти законы слабо помогают общественной безопасности или приводят к чрезмерным затратам. Однако во многих других областях Конгресс видит пользу делегирования экспертным органам.

В рамках типичного сценария делегирования Конгресс ставит общие политические цели в определенной сфере, оставляя детали и способы достижения этих целей на усмотрение соответствующего института. Обычно при этом подразумевается, что сотрудники этого органа обладают необходимыми знаниями для сбора и обработки информации, полномочиями для издания норм после общественного обсуждения и несут юридическую ответственность за рациональность своих методов¹⁸⁵. Агентства обязаны объяснять обоснован-

¹⁸⁵ Примеры аргументов за делегирование экспертам в области законодательства при принятии решений см. [158, 159].

ность своих решений и выбор той или иной информации, на которой они основаны; это должно оказывать дисциплинирующий эффект и помогать избегать когнитивных искажений¹⁸⁶. Агентство обязано отвечать на комментарии, рассматривая альтернативные возможности и неверную информацию, что также должно снизить предвзятость их решений, поскольку рассмотрение контраргументов и альтернативных точек зрения является одной из лучших стратегий борьбы с предубеждениями, особенно с такими когнитивными искажениями, как предвзятость фактического восприятия и предвзятость подтверждения [162–165].

Это не значит, что агентства не могут иметь предубеждений. Те же профессиональные знания, которые дают широкую фактологическую основу для принятия решений, могут сделать сотрудников подверженными другим когнитивным ошибкам. В частности, эксперты могут быть чрезмерно уверенными в своих суждениях [166]. Они могут также страдать узостью взглядов и «близоруко сосредоточиваться лишь на своей области знаний, не признавая того факта, что решение может выиграть от использования других источников информации или других подходов» [12. Р. 560; 158. Рр. 11–19]. Таким образом, хотя эксперты, благодаря своим знаниям, с большей вероятностью получают верные результаты, чем обычные люди, они также иногда могут делать ошибки, а когда это происходит, они менее склонны сомневаться в правильности своих решений [12. Р. 560].

Однако указанные недостатки можно исправить с помощью различных аспектов процедур работы агентств. Так, необходимость рассматривать альтернативные подходы и отвечать на замечания помогает избавиться от чрезмерной самоуверенности, а объяснение своих решений Управлению информации и регулирования может также помочь преодолеть узость взглядов¹⁸⁷. В более общем смысле дело не в том, что агентства будут принимать идеальные решения. Очевидно, что этого не произойдет. Дело в том, что они лучше, чем Конгресс, приспособлены для выработки точных нормативных предписаний на основе общеполитических целей, установленных Конгрессом. Наши представления о современном законодательном процессе позволяют считать, что агентства справятся с этой работой гораздо лучше, пусть и неидеально.

Однако агентства действуют не в одиночку. Тот же судебный надзор, который оказывает дисциплинирующий эффект на агентства, может также создать возможности для судей внедрить их собственные предубеждения. Суды могут предвзято относиться к работе агентств при осуществлении судебного надзора [161. Рр. 629–631]. Но даже если судьи объявят решения агентства предвзятыми или необоснованными, агентство по-прежнему может применить их, добавив пояснения и отчеты о результатах. В целом, если какая-либо процедура опирается на замечания от всех заинтересованных сторон и объяснения агентством своих подходов, она скорее послужит уменьшению предвзятости, чем если все ключевые решения принимает Конгресс без надзора со стороны судебной системы. Поэтому Конгресс обычно использует агентства для проработки деталей политических решений, когда обе стороны вопроса поддерживаются могущественными заинтересованными группами. Действительно, агентства и существуют в первую очередь потому, что Конгрессу были нужны органы, способные заняться «поиском специализированной информации»¹⁸⁸.

Таким образом, если мы заинтересованы в совершенствовании законодательного процесса, следует озаботиться недавними призывами усилить доктрину запрета делегировать законодательную власть Конгресса. Хотя Верховный Суд редко отклоняет делегирование агентствам на основании этой доктрины, она продолжает существовать в качестве правила толкования, направленного на пресечение чрезмерно широкого делегирования [171], и как минимум пять судей нынешнего Верховного Суда выказывали желание восстановить ее

¹⁸⁶ См. [160]. Однако см. [161] (отмечается, что судебный надзор может приводить к ошибкам из-за своей сложности).

¹⁸⁷ См. [12. Рр. 588–589] (отмечается, что комментарии общественности и судебные проверки помогают бороться с предубеждениями при принятии решений агентствами); там же. Рр. 596–597 (отмечается, что надзор со стороны Управления информации и регулирования очень важен для выработки альтернативного взгляда на проблемы и противодействия узости восприятия); см. также [167–169].

¹⁸⁸ Paul v. United States, 140 S. Ct. 342, 342 (2019) (заявление судьи Kavanaugh об отказе в истребовании дела вышестоящим судом) (отмечается, что суд использовал доктрину о толковании закона, которая повторяет доктрину запрета делегировать законодательную власть Конгресса в отношении «основных вопросов») [170].

более строгую версию¹⁸⁹. Некоторые считают такой шаг целесообразным, так как думают, что он заставит Конгресс играть более активную роль в законодательном процессе¹⁹⁰; однако сейчас деятельность Конгресса настолько подчинена партийным интересам и оторвана от эмпирических фактов, что трудно увидеть в этом благо. Очевидно, некоторые считают, что решения Конгресса более подотчетны, чем решения агентств, хотя это спорно, учитывая подотчетность исполнительной власти. Однако, основываясь только на анализе государственной политики, можно показать, что этот шаг приведет к значительным материальным затратам. Возможно, сторонники ужесточения этой доктрины уверены, что Конгресс принимал бы более взвешенные решения, если бы полностью контролировал законодательный процесс. Но в нынешней обстановке, где преобладают партийные интересы, это большой риск. Когда агентства во многом определяют принимаемые решения, это гарантирует, что они основываются на эмпирических данных, и, возможно, поэтому Конгресс и продолжает делегировать полномочия. Если Конгресс считает, что делегирование приводит к лучшим политическим решениям, то суды должны прислушаться к этому мнению¹⁹¹. Согласно этой доктрине, Конгресс должен дать разумное обоснование. Но когда оно есть, суды должны признать, что делегирование является решением Конгресса, дающим наилучший результат.

Тот же вдохновляющий принцип, который придает ценность передаче законодательных полномочий агентствам, применим также в некоторых контекстах при усилении полномочий судов. Например, в области уголовного права Конгресс часто сталкивается с вопросом, самостоятельно ли принять решение по какому-либо наказанию, сделав его обязательным, или передать его на усмотрение судей. Обязательные наказания, установленные Конгрессом, нежелательны именно потому, что они не позволяют сделать необходимые поправки к конкретным фактическим обстоятельствам. Гораздо лучше принять некую схему, которая позволила бы окружным судам, которые видят все нюансы дела и частные случаи применения закона, принимать решения в конкретной ситуации.

Основная идея в обоих контекстах состоит в том, что Конгресс должен признать ограниченность своих возможностей как крупного игрока. Существенные решения необходимо принимать на основе всей доступной информации о проблеме. Поэтому Конгресс должен создать и законодательно закрепить механизмы, позволяющие другим ветвям власти адаптироваться к получению самой достоверной информации о конкретных ситуациях, при этом добросовестно помогая Конгрессу в достижении его целей. Если Конгресс четко обозначил фактические основания для своих предполагаемых решений, а конкретные факты им противоречат, то эти агентства смогут своевременно адаптироваться¹⁹². При этом потребуются дополнительные усилия со стороны самих законодателей или их сотрудников, чтобы разъяснить исходные условия или представления, лежащие в основе законов, а также необходимо наделить большими полномочиями судей и исполнителей, чтобы они могли вносить исправления, когда данные представления или предполагаемые факты оказыва-

¹⁸⁹ См., например, *Gundy v. United States*, 139 S. Ct. 2116, 2131-48 (2019) (судья Gorsuch, несогласие, поддержано главным судьей Робертсом и судьей Томасом) (поднимается вопрос о разумных критериях для делегирования и обосновывается необходимость усиления мер против нецелесообразного делегирования в законодательном процессе); там же. Р. 2131 (судья Alito, совпадающее мнение) (отмечается его стремление соглашаться с большинством: «если большинство членов этого суда желает пересмотреть принятый этим судом подход к доктрине запрета делегировать законодательную власть Конгресса»); Paul, 140 S. Ct. at 342 (заявление судьи Kavanaugh об отказе в истребовании дела вышестоящим судом) (отмечается, что «научный анализ конституционной доктрины запрета делегировать законодательную власть Конгресса, проведенный судьей Горсачем в его особом мнении в деле *Gundy*, требует дальнейшего изучения в будущем»).

¹⁹⁰ См. в целом [172].

¹⁹¹ Это соответствует оригиналистскому толкованию Конституции, как было убедительно показано в недавних исследованиях. См. [173, 174].

¹⁹² [12. Р. 587] («Поскольку закон относительно ясен в своих существенных целях и методологических подходах, судьи могут пошагово обосновать свои решения в рамках единой законодательной основы»); там же («Система административных агентств идеально подходит для несения институциональной ответственности за конкретные цели и средства в законодательном процессе, тогда как общие очертания политики задаются законодательной властью»).

ются ошибочными или неполными. Конгресс не обязан делать это в рамках конституционной проверки на рациональное обоснование, но для совершенствования результатов законотворчества это было бы полезно.

Предоставление агентствам и судебным органам возможностей изменять законы в рамках определенных Конгрессом общих политических целей полезно тем, что можно получить обратную связь о действии этих законов в реальном мире. Такой петли обратной связи обычно не хватает в сфере законодательства, если только достаточно влиятельная группа не начинает сигнализировать о каких-то проблемах. Однако во многих областях этого не происходит, – в частности, там, где законы направлены на лиц, не наделенных властью или влиянием, например, на обвиняемых в уголовных преступлениях, иммигрантов, нуждающихся. Получить такую обратную связь можно было бы при помощи процедуры, которая позволила бы агентству или судебному органу (в зависимости от того, кто занимается конкретным делом) гибко изменять законные меры в ответ на реальную ситуацию применения закона. Законодатели должны только приветствовать такую гибкость, поскольку так законы отвечали бы реальным, а не гипотетическим потребностям¹⁹⁵. Как мы видели, федеральные судьи гораздо точнее понимают, кто подпадает под законодательные определения преступников, так как сталкиваются с противоречивыми примерами в зале суда.

Несомненно, на должности в судебной и политической системе часто назначаются именно те, кто уже имеет определенные взгляды, совпадающие с интересами своих партийных или политических покровителей¹⁹⁴. Поэтому предлагаемая модель вряд ли позволит полностью избежать партийной направленности. Более того, хотя практическая работа помогает избавиться от одностороннего взгляда, важно помнить, что те же суды и агентства будут иметь свои собственные предубеждения¹⁹⁵. И все же в целом эти структуры получают больше обратной связи, больше знают о реальной ситуации, а агентства, кроме того, имеют отлаженные процедуры сбора необходимой эмпирической информации, что помогает при принятии решений, даже если партийные интересы также влияют на окончательное решение.

2. Интерпретация законодательства

В своей недавней статье профессора *Jesse Cross* и *Abbe Gluck* убедительно показали, что существование и роль бюрократии в Конгрессе не могут не влиять на интерпретацию законодательства [28. Рр. 1634–1640]. В основном они фокусировались на деятельности внепартийных агентств в Конгрессе, работающих над законопроектами, однако также предложили существенные нормы, например, включить в процедуру интерпретации законодательства оценку бюджета, проводимую Бюджетным управлением Конгресса, и толкование налогового законодательства со стороны Объединенной комиссии по налогообложению [28. Р. 1676]. Мы поддерживаем это предложение, учитывая центральную роль, которую по-прежнему играют эти органы Конгресса, особенно когда было уничтожено так много других внутренних процедур.

Предложенные в работе *Cross* и *Gluck* нормы толкования основаны на положительном опыте работы экспертов в Конгрессе, однако можно также утверждать, что и *бездействие* бюрократии в Конгрессе, как и отказ от консультаций с экспертным сообществом, влияют на интерпретацию законодательства. Если закон ясен, то процесс правоприменения так или иначе состоится. В противном же случае суды при оценке смысла закона обычно руководствуются его целью или намерениями законодателя. Определить их помогают эксперты – если к экспертам обращаются.

Рассмотрим уголовное право. Суды часто исходят из того, что Конгресс предполагает интерпретацию уголовных законов в пользу государства; возможно, этот подход основан на убеждении, что Конгресс заботится

¹⁹⁵ Ср. [161. Рр. 642–643] («Интерпретаторы должны толковать законы с целью уменьшить риск крупных непредвиденных дорогостоящих ошибок»).

¹⁹⁴ См. [110. Р. 252] (отмечается, что эксперты сталкиваются с политическими ограничениями); [12. Рр. 602–603] (отмечается, что наличие политически ангажированных сотрудников в агентствах и прямой президентский контроль над ними сводит на нет ценность экспертных знаний в борьбе против когнитивных искажений).

¹⁹⁵ См., например, [175; 112. Рр. 1512–1513; 176].

скорее об общественной безопасности, чем о правах обвиняемых¹⁹⁶. Учитывая общие принципы уголовного права, можно предположить, что Конгресс вообще не волнуют интересы обвиняемых [121. Р. 103]. Однако из этого не следует, что Конгресс стремится охватить все возможные ситуации, возникающие в государстве. Фактически законодатели часто руководствуются отдельными резонансными случаями, не имея понятия о том, как принимаемый закон будет работать в широком спектре ситуаций; это происходит потому, что Конгресс не получает никаких экспертных прогнозов или анализа законопроектов, как было показано в разделе II.B. В такой обстановке задача Конгресса становится достаточно узкой, и решения определяются конкретным набором фактов. Когда нет уверенности, что Конгресс опирался на широкую оценку ситуации, бессмысленно интерпретировать законодательство так, словно оно подразумевает что-то большее.

Проблема наличия или отсутствия экспертной оценки дает дополнительный аргумент в пользу «правила снисходительности», согласно которому неопределенность толкуется в пользу обвиняемого¹⁹⁷. Есть много причин поддерживать эту норму¹⁹⁸, и законодательный процесс дает еще одну такую причину. Когнитивные искажения, демонстрируемые законодателями при выработке норм уголовного права, и отсутствие каких-либо консультаций со специалистами приводят к тому, что Конгресс не имеет практически никаких оценок в этой сфере. Использование «правила снисходительности» означает, что если Конгресс хочет расширить правоприменение за пределы конкретных рассматриваемых случаев и дел, то необходимо ясно обозначить это в тексте закона. Иначе ничто не свидетельствует о том, что Конгресс заботится об общественной безопасности, ведь он не исследовал, как ее достичь. Неверно думать, что можно обеспечить общественную безопасность, рассмотрев как можно больше различных дел¹⁹⁹; поэтому, не проведя какого-то исследования о соотношении криминогенных эффектов уголовных наказаний с целями права, нет оснований предполагать, какие сферы затронет такой допускающий неоднозначное толкование закон.

Этот подход к интерпретации законодательства может применяться не только в уголовном праве, но и в иных контекстах, где законодательный процесс опирается на отдельные показательные примеры, и не проводится никакого экспертного анализа применения закона в реальной практике. В такой ситуации, если текст закона неоднозначен, бессмысленно придавать ему расширительное значение.

Преимущество подобного правила интерпретации состоит в том, что оно побуждает Конгресс либо давать ясные формулировки, либо использовать определенные процедуры, показывающие, что более широкое толкование возможно. Такой подход также оказывает дисциплинирующий эффект на законодателей, заставляя их четко показывать, что закон должен применяться более широко, чем предполагает фактическая ситуация, на которой он был основан, либо пытаться представить, как этот закон будет работать на практике, и также обозначать это в тексте закона.

Заключение

Для принятия наилучших решений необходимо собрать всю нужную информацию и проконсультироваться со специалистами в данной области. Это верно и в отношении решений, принимаемых выборными представителями. Может показаться, что сказанное очевидно, но, к сожалению, мы живем в странные времена. Некоторые люди негативно воспринимают сами понятия знаний и фактов [106. Р. 20], что заставляет наших политиков отвергать поиск информации в Конгрессе.

Вполне вероятно, что предвзятый и ошибочный процесс принятия решений, который мы наблюдаем в Конгрессе, – это именно то, что предпочитают избиратели, так как они не видят дальше своих собственных предубеждений. Если так, то трудно надеяться исправить эти проблемы в Конгрессе.

¹⁹⁶ См., например, *Moskal v. United States*, 498 U.S. 103, 132 (1990) (судья Scalia, несогласие) (отмечается стремление подтверждать обвинения и «вольно трактовать закон в угоду злу»).

¹⁹⁷ См. *Bell v. United States*, 349 U.S. 81, 83 (1955).

¹⁹⁸ Превосходный обзор аргументов за строгое толкование уголовных законов см. [177].

¹⁹⁹ См. в целом [121].

Но если принятые решения оказываются проблематичными, как это произошло, например, в уголовном праве, где мы столкнулись с огромным увеличением числа заключенных и криминализацией больших сегментов населения из-за неверной архитектуры принятия решений, тогда избиратели начинают осознавать, что результаты могли быть лучше. И начать можно с использования профессиональных знаний, которые позволяют уже сейчас бороться с предвзятостью, приводящей к ошибочным политическим мерам.

Если Конгресс не исправит собственные процедуры, возможно, другим институтам придется пересмотреть результаты его работы и подходы к делегированию полномочий или по-новому взглянуть на принимаемые законы в свете этих изменений. Как минимум следует признать, что пришел конец идеализированному образу Конгресса как великолепного совещательного органа, который «выявляет и расширяет взгляды общественности, пропуская их через группу избранных граждан, чья мудрость позволит распознать истинные интересы страны, а патриотизм и любовь к справедливости оградит от сиюминутных или партийных соображений»²⁰⁰. К сожалению, сегодня мы не наблюдаем образа Конгресса, описанного Джеймсом Мэдисоном, и пришло время осознать это.

Список литературы / References

1. Manchester, Mia. (2017, Dec. 14). Congress Mired in Low Approval Ratings. *Hill*. <http://thehill.com/homenews/senate/364878-congress-mired-in-low-approval-ratings> [<https://perma.cc/24JP-AQXH>]
2. Sean, M. (2008). *Theriacult. Party Polarization in Congress*, 4.
3. Pildes, Richard H. (2011). Why the Center Does Not Hold: The Causes of Hyperpolarized Democracy in America. *CALIF. L. REV.*, 99, 273, 277.
4. Lee, Frances E. (2016). *Insecure Majorities: Congress and the Perpetual Campaign*, 70.
5. DeSilver, Drew, & van Kessel, Patrick. (Dec. 7, 2015). As More Money Flows into Campaigns, Americans Worry About Its Influence, *Pew Rsch. Ctr*. <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/12/07/as-more-money-flows-into-campaigns-americans-worry-about-its-influence/> [<https://perma.cc/76QQ-U5WE>].
6. Lobbying Data Summary. *OpenSecrets*. <https://www.opensecrets.org/lobby/> [<https://perma.cc/163K-WQCQ>].
7. Lee Drutman. (2015). *The Business of America Is Lobbying*.
8. Klein, Ph. (2017, May 31). Mick Mulvaney: The Day of the CBO 'Has Probably Come and Gone. *Wash. Examiner*. <https://www.washingtonexaminer.com/tag/donaldtrump?source=%2Fmick-mulvaney-the-day-of-the-cbo-has-probably-come-and-gone> [<https://perma.cc/TZM2-WWET>]
9. Zoldan, Evan C. (2017). The Equal Protection Component of Legislative Generality. *U. Rich. L. Rev.*, 51, 489, 491–492, 543–544.
10. Cooley, Thomas M. (1874). *A Treatise on the Constitutional Limitations Which Rest upon the Legislative Power of the States of the American Union* 91 (2d ed.).
11. Loewenstein, K. (1938). The Balance Between Legislative and Executive Power: A Study in Comparative Constitutional Law. *U. CM. L. REV.*, 5, 566, 575.
12. Rachlinski, Jeffrey J., & Farina, Cynthia R. (2002). Cognitive Psychology and Optimal Government Design. *CORNELL L. REV.*, 87, 549, 564–565.
13. Fiske, Susan T., & Taylor, Shelley E. (1991). *Social Cognition*, 98 (2d. ed.).
14. Macrae, C. Neil, & Bodenhausen, Galen V. (2000). Social Cognition: Thinking Categorically About Others. *ANN. REV. PSYCH.*, 51, 93, 96.
15. Sherwin, Richard K. (1994). The Narrative Construction of Legal Reality. *Vt. L. Rev.*, 18, 681, 700.
16. Tversky, Amos, & Kahneman, Daniel. (1974). Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases. *Sci.*, 185, 1124.
17. Cherry, Kendra. (2019, Sept. 23). The Role of a Schema in Psychology. Very Well. <https://www.verywell.com/what-is-a-schema-2795873> [<https://perma.cc/9JWS-PLCR>]
18. Kang, Jerry et al. (2012). Implicit Bias in the Courtroom. *UCLA L. REV.*, 59, 1124, 1160.
19. Negowetti, Nicole E. (2014). Navigating the Pitfalls of Implicit Bias: A Cognitive Science Primer for Civil Litigators. *St. Mary's j. On Legal Malpractice & Ethics*, 4, 278, 312.

²⁰⁰ The Federalist No. 10, at 51 (Джеймс Мэдисон) (Ian Shapiro ed., 2009).

20. Devins, Neal. (2001). Congressional Factfinding and the Scope of Judicial Review: A Preliminary Analysis. *Duke L.J.*, 50, 1169, 1178–1181.
21. Hammond, Susan Webb. (2003). Life and Work on the Hill: Careers, Norms, Staff and Informal Caucuses. In Ahuja, Sunil, & Dewhurst, Robert (Eds.). *Congress Responds to the Twentieth Century* 73, 74.
22. *History of the United States House of Representatives*. (1994). H.R. Doc. No. 103–324, 144.
23. Landis, James M. (1926). Constitutional Limitations on the Congressional Power of Investigation. *Harv. L. Rev.*, 40, 153, 171–177.
24. Kino, David C. (1997). *Turf Wars: How Congressional Committees Claim Jurisdiction*, 90–91.
25. Curry, James M. (2019). Knowledge, Expertise, and Committee Power in the Contemporary Congress. *Legis. Stud. Q.*, 44, 203, 209.
26. *History of the United States House of Representatives*. (1963). H.R. Doc. No. 89–250, 86.
27. Davidson, Roger H. (1990). The Advent of the Modern Congress: The Legislative Reorganization Act of 1946. *LEGIS. SERIES Q.*, 15, 357, 359.
28. Cross, Jesse M., & Gluck, Abbe R. (2020). The Congressional Bureaucracy. *U. Pa. L. Rev.*, 168, 1541.
30. Wilbur, May Hunter. (1988). *U. S. Gen. Acct. Off., An Early History of the General Accounting Office, 1921–1943*, 10–12. <https://www.gao.gov/assets/op-l-hp.pdf> [<https://perma.cc/F3NK-3UDJ>].
31. Morgan, Thomas D. (1973). The General Accountability Office: One Hope for Congress to Regain Parity of Power with the President. *N. C. L. Rev.*, 51, 1279, 1280.
32. Kaiser, Frederick M. (2008). *Cong. Rsch. Serv. GAO: Government Accountability Office and General Accounting Office*, 3.
33. U.S. Gov't Accountability Off. (2020). *2020 Annual Report: Additional Opportunities to Reduce Fragmentation, Overlap, and Duplication and Achieve Billions in Financial Benefits*. <https://www.gao.gov/assets/gao-20-440sp.pdf> [<https://perma.cc/6NY9-FW8K>].
34. Byler, Daniel et al. (2015, Feb. 18). Accountability Quantified. *deloitte: insights*. <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/topics/analytics/text-analytics-and-gao-reports.html> [<https://perma.cc/NB5B-RCT9>].
35. Yin, George K., Couzens, James, & Mellon, Andrew. (2013). The “Greatest Tax Suit in the History of the World”, and the Creation of the Joint Committee on Taxation and Its Staff. *Tax I. Rev.*, 66, 787, 838–849.
36. Drutman, Lee, & Teles, Steven M. (2015, Mar. 10). Why Congress Relies on Lobbyists Instead of Thinking for Itself. *Atlantic*. <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2015/03/when-congress-cant-think-for-itself-it-turns-to-lobbyists/387295/> [<https://perma.cc/3X28-BQQ2>].
37. The Legislative Reorganization Act of 1946. Hist., Art & Archives: U.S. House of Representatives. <https://history.house.gov/Historical-Highlights/1901-1950/The-Legislative-Reorganization-Act-of-1946/> [<https://perma.cc/F4L2-FX3P>].
38. Kravitz, Walter. (1990). The Advent of the Modern Congress: The Legislative Reorganization Act of 1970. *legis. Stud. Q.*, 15, 375, 376–387.
39. Jones, Charles O. (1976). Why Congress Can't Do Policy Analysis (or Words to That Effect). *Pol'y Analysis*, 2, 251, 256.
40. Kosar, Kevin R. (2018). The Atrophying of the Congressional Research Service's Role in Supporting Committee Oversight. *Wayne L. Rev.*, 64, 149, 152–154.
41. Wolfensberger, Donald. (2013, Apr. 22). A Brief History of Congressional Reform Efforts. *Wilson Ctr.* <https://www.wilsoncenter.org/article/brief-history-congressional-reform-efforts> [<https://perma.cc/8ERS-Z7AS>].
42. Congressional Research Service: Careers. *Libr. of cong.* <https://www.loc.gov/crsinfo/> [<https://perma.cc/C59Y-WSCR>].
43. Congressional Research Service: History and Mission. *Libr. of Cong.* <http://www.loc.gov/crsinfo/about/history.html> [<https://perma.cc/3XBW-L2MJ>].
44. Congressional Research Service: Areas of Research. *Libr. of cong.* <https://www.loc.gov/crsinfo/research/> [<https://perma.cc/UXW5-GYBU>].
45. Joyce, Philip G. (2011). The Congressional Budget Office: Honest Numbers. *Power and Policymaking*, 15.
46. Introduction to CBO. *Cong. Budget Off.* <https://www.cbo.gov/about/overview> [<https://perma.cc/AG8J-DAL8>].
47. The OTA Legacy. *Off. of Tech. Assessment*. <https://www.princeton.edu/~ota/> [<https://perma.cc/K9WV-VQNZ>].
48. Sadowski, Jathan. (2015). Office of Technology Assessment: History, Implementation, and Participatory Critique. *Tech. Society*, 42, 9, 11–12.
49. Kunkle, Gregory C. (1995). New Challenge or the Past Revisited?: The Office of Technology Assessment in Historical Context. *Tech. Society*, 17, 175.
50. Keiper, Adam. (2005). Science and Congress. *New Atlantis*, 1, 19, 33.
51. Mooney, Chris. (2005). Requiem for an Office. *Bull. Atomic Scientists*, 61, 40, 42.
52. Singh, Robert. (1996). The Rise and Fall of Legislative Service Organisations in the United States Congress. *J. Legis. Stud.*, 2, 79, 93–94.

53. Ehrenfreund, Max. (2017, June 12). Yes, Congress Is Getting Less Smart. No, It's Not Trump's Fault. *Wash. Post*. <https://www.washingtonpost.com/news/wonk/wp/2017/06/12/yes-congress-is-getting-less-smart-no-its-not-trumps-fault/> [<https://perma.cc/Y58P-UH6P>].
54. Kramer, Curtlyn. (2017, May 24). Vital Stats: Congress Has a Staffing Problem, Too. *Brookings*. <https://www.brookings.edu/blog/fixgov/2017/05/24/vital-stats-congress-has-a-staffing-problem-too/> [<https://perma.cc/K55X-VSBR>].
55. O'Keefe, Ed. (2011, Nov. 29). When Congress Wiped an Agency Off the Map. *Wash. Post*. https://www.washingtonpost.com/blogs/federal-eye/post/when-congress-wiped-an-agency-off-the-map/2011/11/29/gIQAIt0J9N_blog.html?utm_term=.2f2e2e2716b9 [<https://perma.cc/29U2-JES2>].
56. Ornstein, Norm. (2016, Jan. 4). The Eight Causes of Trumpism. *Atlantic*. <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/01/the-eight-causes-of-trumpism/422427/> [<https://perma.cc/BW8F-6A74>].
57. Bipartisan Pol'y Ctr. (2018). *Evidence Use in Congress: Challenges for Evidence-Based Policymaking*, 15. <https://bipartisanpolicy.org/download/?file=/wp-content/uploads/2019/03/BPC-Evidence-Use-in-Congress.pdf> [<https://perma.cc/W83K-3JHE>].
58. Glastris, Paul, & Edwards, Haley Sweetland. (2014, June/July/Aug.). The Big Lobotomy. *Wash. Monthly*. <https://washingtonmonthly.com/magazine/junejulyaug-2014/the-big-lobotomy/> [<https://perma.cc/BDG9-WDVG>].
59. Dawson, Jim. (2001, Oct. 1). Legislation to Revive OTA Focuses on Science Advice to Congress. *Physics Today*. <https://physicstoday.scitation.org/doi/10.1063/1.1420545> [<https://perma.cc/JF5W-UXBN>].
60. Yin, George K. (2018). Crafting Structural Tax Legislation in a Highly Polarized Congress. *L. & contemp. Probs.*, 81, 241, 253-254.
61. Hammond, Susan Webb. (1996). Recent Research on Legislative Staffs. *Legis. Stud. Q.*, 21, 543, 549.
62. Becker, Amanda. (2017, July 24). Republicans in House Push for Congressional Budget Office Cuts. *Reuters*. <https://www.reuters.com/article/us-usa-congress-cbo/republicans-in-house-push-for-congressional-budget-office-cuts-idUSKBNIA92KN> [<https://perma.cc/3QZA-3WZ6>].
63. Clark, Charles S. (2017, July 25). House Lawmakers to CBO Analysts: You're Fired. *Gov't Exec*. <https://www.govexec.com/oversight/2017/07/house-lawmakers-cbo-analysts-youre-fired/139721/> [<https://perma.cc/ZGK4-5HTF>].
64. Rappeport, Alan. (2017, Mar. 9). White House Cast Pre-emptive Doubt on Congressional Budget Office. *N.Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2017/03/09/us/politics/cbo-congressional-budget-office-american-health-care-act.html> [<https://perma.cc/3VD4-X498>].
65. Tankersley, Jim. (2017, Dec. 4). Republicans Sought to Undercut an Unfavorable Analysis of the Tax Plan. *N.Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2017/12/04/us/politics/republicans-joint-committee-on-taxation-estimate.html> [<https://perma.cc/7UAY-K26N>].
66. Rappeport, Alan. (2017, Sept. 22). In Battle over Tax Cuts, It's Republicans vs. Economists. *N.Y. Times*. <https://www.nytimes.com/2017/09/22/us/politics/in-battle-over-tax-cuts-its-republicans-vs-economists.html> [<https://perma.cc/QE9M-EEDC>].
67. Curry, Jonathan. (2017, Dec. 26). Year in Review: Tax Bill Takes a Topsy-Turvy Road to GOP Victory. *TaxNotes*. <https://www.taxnotes.com/editors-pick/year-review-tax-bill-takes-topsy-turvy-road-gop-victory> [<https://perma.cc/E2SC-DJCP>].
68. Moore, Jack. (2012, Apr. 9). Shrinking GAO Budget Concerns Employees, Oversight Advocates. *Fed. News Network*. <https://federalnewsnetwork.com/congress/2012/04/shrinking-gao-budget-concerns-employees-oversight-advocates/> [<https://perma.cc/Y6WE-TRFF>].
69. Coburn, Tom A. (2011). *Shooting the Messenger: Congress Targets the Taxpayers' Watchdog*, 3.
70. Fowler, Linda. (2018, Nov. 15). The Long Decline of Congressional Oversight. *Foreign Affs*. <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-11-15/long-decline-congressional-oversight> [<https://perma.cc/8E6N-HFHR>].
71. Lewallen, Jonathan et al. (2016). Congressional Dysfunction: An Information Processing Perspective. *Reg. & Governance*, 10, 179, 183.
72. Devoe, Philip H. (2018, May 5). Opinion, Congressional Hearings Need Aggressive Reform. *NAT'L REV*. <https://www.nationalreview.com/2018/05/congressional-hearings-need-drastic-reformpartisan-posturing/> [<https://perma.cc/5ELG-DPWS>].
73. Troy, Tevi. (2015, Oct. 21). Opinion, Congressional Hearings Aren't What They Used To Be. Here's How To Make Them Better. *Wash. Post*. https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2015/10/21/congressional-hearings-arent-what-they-used-to-be-heres-how-to-make-thembetter/?utm_term=.2e39f601e5e2 [<https://perma.cc/NNK7-EQ2U>].
74. Connelly Jr., William F., & Pitney Jr., John J. (2017). A Return to Madisonian Republicanism. In William F. Connelly Jr. et al. (Eds.), *Is Congress Broken?: The Virtues and Defects of Partisanship and Gridlock*, 213, 222.
75. Devins, Neal. (2005). The Academic Expert Before Congress: Observations and Lessons from Bill VanAlstyne's Testimony. *Duke L.J.*, 54, 1525, 1539.
76. Rosiak, Luke. (2014, Sept. 29). Many House Members Miss More Than Two-Thirds of Their Committee Meetings. *Wash. Examiner*. <https://www.washingtonexaminer.com/many-house-members-miss-more-than-two-thirds-of-their-committee-meetings> [<https://perma.cc/T3SX-FMUJ>].

77. Miesen, Mike et al. (2019). *Belfer Ctr., Building a 21 st Century Congress: Improving Congress's Science and Technology Expertise*. <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/2019-09/ST/Building21stCenturyCongress.pdf> [<https://perma.cc/X9AA-NQQ7>].
78. Kothari, Yogin, & Fong, Lindsey. (2014). *Ctr. for Sci. & Democracy at the Union of Concerned Scientists, Are Partisanship and Industry Influence Compromising the Mission of the House Committee on Science?*, 1–2.
79. Davis, Christopher M. (2015). *Cong. Rsch. Serv., House Committee Hearings: Arranging Witnesses*, 1.
80. Lewallen, Jonathan et al. (2017, June 21). The Senate's Disastrous Process for Crafting the AHCA Fits a Historic Pattern. *Vox*. <https://www.vox.com/the-big-idea/2017/6/21/15843352/senate-hearings-secrecy-ahca-debate-stealth> [<https://perma.cc/7NXX-DMWF>].
81. Goldschmidt, Kathy. (2017). *Congressional Mgmt. Found., State of the Congress: Staff Perspectives on Institutional Capacity in the House and Senate*.
82. Vital Statistics on Congress. (2018, May 21). *Brookings* <https://www.brookmgs.edri/multi-chapter-report/vital-statistics-on-congress/> [<https://perma.cc/2JAS-7ZFQ>].
83. LaPira, Tim, & Thomas, Herschel. (2016, June 27). So What If Congressional Staff Levels Are Declining? *LegBranch*. <http://www.legbranch.com/theblog/2016/6/27/so-what-if-congressional-staff-levels-are-declining> [<https://perma.cc/ZV6N-G9DJ>].
84. Moe, Ronald C., & Teel, Steven C. (1970). Congress as Policy-Maker: A Necessary Reappraisal. *Pol. Sci. Q.*, 85, 443, 456.
85. Moss, Sasha. (2017, July 13). What's in the FY2018 House Legislative Branch Appropriation?, *Cong. Data Coal.* <http://congressionaldata.org/whats-in-the-fy2018-house-legislative-branch-appropriation/> [<https://perma.cc/2L5E-JGKB>].
86. Kramer, Curtlyn. (2017, May 24). Vital Stats: Congress Has a Staffing Problem, Too. *Brookings*. <https://www.brookings.edu/blog/fixgov/2017/05/24/vital-stats-congress-has-a-staffing-problem-too/> [<https://perma.cc/3VG9-KBDA>].
87. Matthews, D. (2017, July 19). The Republican War on the CBO, Explained. *Vox*. <https://www.vox.com/policy-and-politics/2017/7/19/15967224/congressional-budget-office-cbo-war-explained> [<https://perma.cc/U9U8-PKWU>].
88. Drutman, Lee, & Teles, Steven. (2015, Mar/Apr/May). A New Agenda for Political Reform. *Wash. Monthly*. <https://washingtonmonthly.com/magazme/marapnnay-2015/a-new-agenda-for-political-reform/> [<https://perma.cc/Y7VJ-TN2N>].
89. Wright, Austin, & Munsil, Leigh. (2015, May 21). In House Bill, Arms Makers Wrote Their Own Rules. *Politico*. <https://www.politico.com/story/2015/05/in-house-bill-arms-dealers-wrote-their-own-rules-117842> [<https://perma.cc/9L4R-LMCT>].
90. Stein, Harry, & Gurwitz, Ethan. (June 15, 2015, 9:07 AM). Congress Makes Itself Dysfunctional with Legislative Branch Cuts. *Ctr. for Am. progress*. <https://www.americanprogress.org/issues/economy/news/2015/06/15/114975/congress-makes-itself-dysfunctional-with-legislative-branch-cuts/> [<https://perma.cc/Y8GX-TG46>].
91. Levinson, Daryl J., & Pildes, Richard H. (2006). Separation of Parties, Not Powers. *Harv. L. Rev.*, 119, 2311, 2333.
92. Lewis, Jeff. (2020, June 4). Polarization in Congress. *voteview*. https://voteview.com/articles/party_polarization [<https://perma.cc/KVZ4-T3FV>].
93. The Polarization of the Congressional Parties. (2018, June 12). *Polarized Am.* https://web.archive.org/web/20180901073820/http://polarizedamerica.com/political_polarization_2018.htm
94. Poole, Keith. (2012). Graphic Picture of a Polarized Congress. *UGA Research*, 32, 32–33. <https://research.uga.edu/news/magazine-archive-spring-2012/> [<https://perma.cc/9327-9CQM>].
95. Vital Statistics on Congress. (2021, Feb. 8). *Brookings*, <https://www.brookings.edu/multi-chapter-report/vital-statistics-on-congress/> [<https://perma.cc/V8CZ-664G>].
96. Mann, Thomas E., & Ornstein, Norman J. (2012). *It's Even Worse Than It Looks: How the American Constitutional System Collided with the New Politics of Extremism*, 101.
97. Devins, Neal. (2015). Measuring Party Polarization in Congress: Lessons from Congressional Participation as Amicus Curiae. *case W. Rsv. L. Rev.*, 65, 933, 951.
98. Political Polarization in the American Public. (2014, June 12). *pew rsch. Ctr.* <https://www.pewresearch.org/politics/2014/06/12/political-polarization-in-the-american-public/> [<https://perma.cc/8LMA-8N46>].
99. Barber, Michael, & McCarty, Nolan. (2013). Causes and Consequences of Polarization. In Jane Mansbridge & Cathie Jo Martin (Eds.), *Negotiating Agreement in Politics*, 19, 25, 36.
100. Bafumi, Joseph, & Herron, Michael C. (2010). Leapfrog Representation and Extremism: A Study of American Voters and Their Members in Congress. *Am. Pol. Sci. Rev.*, 104, 519, 530.
101. Abramowitz, Alan I. (2010). *The Disappearing Center: Engaged Citizens, Polarization, and American Democracy*, 15–16.
102. Abramowitz, Alan I., & Saunders, Kyle L. (2008). Is Polarization a Myth? *J. Politics*, 70, 542, 553–554.
103. de Figueiredo, John M., & Richter, Brian Kelleher. (2014). Advancing the Empirical Research on Lobbying. *Ann. Rev. Pol. Sci.*, 17, 163, 168–169.
104. Hall, Richard L., & Deardorff, Alan V. (2006). Lobbying as Legislative Subsidy. *Am. Pol. Sci. Rev.*, 100, 69.

105. McGinnis, John O., & Mulaney, Charles W. (2008). Judging Facts Like Law. *Const. Comment.*, 25, 69, 71.
106. Nichols, Tom. (2017). *The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why It Matters*, 7.
107. Kahneman, Daniel, & Tversky, Amos. (1996). On the Reality of Cognitive Illusions. *Psych. Rev.*, 103, 582.
108. Chen, Ronald, & Hanson, Jon. (2004). Categorically Biased: The Influence of Knowledge Structures on Law and Legal Theory. *S. Cal. L. Rev.*, 77, 1103, 1131.
109. Rachlinski, Jeffrey J. (2004). Heuristics, Biases, and Governance. In Derek J. Koehler & Nigel Harvey (Eds.), *Blackwell Handbook of Judgment and Decision Making* (pp. 567, 577).
110. Lucas, Gary M., & Tasic, Slavisa. (2015). Behavioral Public Choice and the Law, *W. Va. L. Rev.*, 118, 199, 223.
111. Moran, Rachel F. (2005). Fear Unbound: A Reply to Professor Sunstein. *Washburn L.J.*, 42, 1.
112. Kang, Jerry. (2005). Trojan Horses of Race. *Harv. L. Rev.*, 118, 1489, 1563.
113. Joy-Gaba, Jennifer A., & Nosek, Brian A. (2010). The Surprisingly Limited Malleability of Implicit Racial Evaluations. *Soc. PSYCH.*, 41, 137, 141.
114. Why We Tend to Rely Heavily Upon the First Piece of Information We Receive. *Decision Lab*. <https://thedeclarationlab.com/biases/anchoring-bias/> [<https://perma.cc/BEH2-57WV>]
115. Kuran, Timur, & Sunstein, Cass R. (1999). *Availability Cascades and Risk Regulation*. *Stan. L. Rev.*, 51, 683.
116. Sunstein, Cass r. (2000). Deliberative Trouble?: Why Groups Go to Extremes. *Yale L. J.*, 110, 71, 74–77.
117. Nickerson, Raymond S. (1998). Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Gitisies, *Rev. Gen. Psych.*, 2, 175.
118. Lord, Charles G. et al. (1984). Considering the Opposite: A Corrective Strategy for Social Judgment. *J. Personality & Soc. Psych.*, 47, 1231, 1232.
119. Small, Deborah A., & Loewenstein, George. (2003). Helping a Victim or Helping the Victim: Altruism and Identifiability. *J. risk & UNCERTAINTY*, 26, 5, 14.
120. Caplan, Bryan. (2007). *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*.
121. BaRKOW, Rachel elise. (2019). *Prisoners of Politics: Breaking the Cycle of Mass Incarceration*, 21–32.
122. Viscusi, W. Kip, & Gayer, Ted. (2015). Behavioral Public Choice: The Behavioral Paradox of Government Policy. *Harv. J. L. & Pub. Pol'y*, 38, 973, 994.
123. Kilgore, James. (2015). *Understanding Mass Incarceration: A People's Guide to the Key Civil Rights Struggle of Our Time*, 113.
124. Barkow, Rachel E. (2019). Categorical Mistakes: The Flawed Framework of the Armed Career Criminal Act and Mandatory Minimum Sentencing. *Harv. L. Rev.*, 133, 200, 215.
125. Murakawa, Naomi. (2014). *The First Civil Right: How Liberals Built Prison America*, 124–125.
126. *Charles Colson Task Force on Fed. Corr., Transforming Prisons, Restoring Lives*, 11–12 (2016).
127. Agan, Amanda Y. (2011). Sex Offender Registries: Fear Without Function? *U. CHI. J. L. & Econ.*, 54, 207, 235.
128. Baron-Evans, Amy. (2008). Still Time to Rethink the Misguided Approach of the Sex Offender Registration and Notification Act. *Fed. Sent'G Rep.*, 20, 357, 359.
129. Zgoba, Krjsten M. et al. (2013). *A Multi-State Evaluation of Sex Offender Risk and Recidivism Using the Adam Walsh Act Tiers*. <https://www.thefreelibrary.com/A+multi-state+evaluation+of+sex+offender+risk+and+recidivism+using+the...-a0332811047> [<https://perma.cc/GBS8-JGQP>]
130. Carpenter, Catherine L. (2014). Against Juvenile Sex Offender Registration. *U. CIN. L. Rev.*, 82, 747, 758–764, 788.
131. Sterling Robin Walker. (2015). Juvenile-Sex-Offender Registration: An Impermissible Life Sentence. *U. Chi. L. Rev.*, 82, 295, 312.
132. Berg, Kenneth F. (1985). The Bail Reform Act of 1984. *Emory L.J.*, 34, 685, 703.
133. Pinto, Nick. (2015, Aug. 13). The Bail Trap. *N.Y. Times Mag.* <https://www.nytimes.com/2015/08/16/magazine/the-bail-trap.html> [<https://perma.cc/2ALP-P74V>].
134. Heaton, Paul et al. (2017). The Downstream Consequences of Misdemeanor Pretrial Detention. *Stan. L. Rev.*, 69, 711, 724–729.
135. Lowenkamp, Christopher T. et al. (2013). *Laura and John Arnold Found., Investigating the Impact of Pretrial Detention on Sentencing Outcomes*, 4.
136. Barkow, Rachel E. (2020). The Evolving Role of the United States Sentencing Commission. *Fed. Sent'g Rep.*, 33, 3, 7.
137. U.S. Dep't of Just., Off. of the Inspector Gen. (2013). *Evaluations & Inspections Div. The Federal Bureau of Prisons' Compassionate Release Program*, <https://oig.justice.gov/reports/2013/el306.pdf> [<https://perma.cc/4LLF-CY7P>]
138. *U.S. Sent'g Comm'n, Public Hearing on Compassionate Release and Conditions of Supervision*. (2016). https://www.uscc.gov/sites/default/files/Transcript_6.pdf [<https://perma.cc/M7ZD-GD6D>]

139. Berry III, William W. (2009). Extraordinary and Compelling: A Re-Examination of the Justifications for Compassionate Release. *Md. L. Rev.*, 68, 850, 866–868.
140. Chappellet-Lanier, Tajha. (2019, Jan. 7). There's a New Select Committee for Modernizing Congress. What Does It Mean for Legislative IT? *FedScoop*, <https://www.fedscoop.com/select-committee-modernizing-congress/> [<https://perma.cc/F4B8-QGZJ>]
141. Drutman, Lee et al. (2019). *Modernizing Congressional Capacity*, 2. <https://www.legbranch.org/app/uploads/2019/09/APSA-memo-capacity-subcommittee-report-09-2019.pdf> [<https://perma.cc/5ECF-HKB8>]
142. *116th Congress Recommendations. Select Comm.* On the Modernization of Cong. <https://modernizecongress.house.gov/116th-recommendations> [<https://perma.cc/TLV9-T87D>]
143. Ackley, Kate. (2019, May 2). Lobbyists to Congress: Pay Staffers Better. *Derek Kilmer*. <https://kilmer.house.gov/news/in-the-news/lobbyists-to-congress-pay-staffers-better> [<https://perma.cc/VH24-RD35>]
144. Thorton, David. (2019, May 3). To Modernize Congress, Start with Staffer Pay and Technology, Retired Lawmakers Say. *derek Kilmer*. <https://kilmer.house.gov/news/in-the-news/to-modernize-congress-start-with-staffer-pay-and-technology-retired-lawmakers-say> [<https://perma.cc/4H7X-9SWU>]
145. Kelly, Lorelei. (2012). *New Am. Found., Congress' Wicked Problem: Seeking Knowledge Inside the Information Tsunami*, 24.
146. Kahn, Laura H. (2007, May 20). Bring Back the Office of Technology Assessment. *Bull. Atomic Scientists*. <https://thebulletin.org/2007/05/bring-back-the-office-of-technology-assessment/> [<https://perma.cc/R2LL-8M6W>]
147. Rinehart, Will. (2018, Oct. 29). Should Congress Revive the Office of Technology Assessment. *Am. Action F.* <https://www.americanactionforum.org/insight/should-congress-revive-the-office-of-technology-assessment/> [<https://perma.cc/GH4F-TMK9>]
148. Tudor, Grant, & Warner, Justin. (2019, July 18). Bring Back the OTA?: Not Without a Few Changes. *LegBranch*. <https://www.legbranch.org/bring-back-the-ota-not-without-a-few-changes/> [<https://perma.cc/V75P-LFWR>]
149. Burgat, Casey, & Marcum, Anthony. (2019, Mar 1). At Congressional Hearings, Let the Experts Do the Talking. *RealClear Pol'y*. https://www.realclearpoliey.com/articles/2019/03/01/at_congressional_hearings_let_the_experts_do_the_talking_111087.html [<https://perma.cc/5GVD-TZW5>]
150. Gunter, Chase. (2018, Dec. 7). Will Democrats Revive the Office of Technology Assessment in 2019? *FCW*. <https://fcw.com/articles/2018/12/07/2019outlook-ota-revival-gunter.aspx> [<https://perma.cc/5WTV-L8LS>]
151. Reynolds, Molly E. (2019, Dec. 4). Improving Congressional Capacity to Address Problems and Oversee the Executive Branch. *Brookings*. <https://www.brookings.edu/policy2020/bigideas/improving-congressional-capacity-to-address-problems-and-oversee-the-executive-branch/> [<https://perma.cc/PK4P-A22P>]
152. Pflum, Mary. (2019, July 22). OTA Making a Comeback?: House Dems Eye Shuttered Office to Combat Silicon Valley. *NBC News*. <https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/washington-s-answer-big-tech-could-be-office-mothballed-almost-n1030566> [<https://perma.cc/J2JK-REYU>]
153. Foley, Ryan J. (2015, Jan. 21). Racial-Impact Law Has Modest Effect in Iowa. *Milwaukee J. Sentinel*. <https://www.jsonlme.com/story/news/politics/2015/01/21/racial-impact-law-effect-iowa-legislature/22138465/> [<https://perma.cc/H62T-JV8L>]
154. Epstein, David, & O'Halloran, Sharyn. (1999). *Delegating Powers: A Transaction Cost Politics Approach to Policy Making Under Separate Powers*, 206.
155. Bawn, Kathleen. (1995). Political Control Versus Expertise: Congressional Choices About Administrative Procedures. *Am. Pol. Sci. Rev.*, 89, 62.
156. Moe, Terry M. (2012). Delegation, Control, and the Study of Public Bureaucracy. *Forum 1*, 10, 28.
157. Stewart, Richard. (1975). The Reformation of American Administrative Law. *Harv. L. Rev.*, 88, 1667, 1702.
158. Breyer, Stephen. (1993). *Breaking the Vicious Circle: Toward Effective Risk Regulation*, 61–72.
159. Sunstein, Cass R. (2002). *Risk and Reason: Safety, Law, and the Environment*.
160. Seidenfeld, Mark. (2002). Cognitive Loafing, Social Conformity, and Judicial Review of Agency Rulemaking. *Cornell L. Rev.*, 87, 486, 509–512.
161. Eskridge, William N., & Ferejohn, John. (2002). Structuring Lawmaking to Reduce Cognitive Bias: A Critical View, *Cornell L. Rev.*, 87, 616, 629.
162. Babcock, Linda et al. (1997). Creating Convergence: Debiasing Biased Litigants. *L. & Soc. Inquiry*, 22, 913, 916.
163. Curcio, Andrea A. (2015). Addressing Barriers to Cultural Sensibility Learning: Lessons from Social Cognition Theory. *Nev. L.J.*, 15, 537, 565.
164. Galinsky, Adam D., & Moskowitz, Gordon B. (2000). Counterfactuals as Behavioral Primes: Priming the Simulation Heuristic and Consideration of Alternatives. *J. Experimental Soc. Psych.*, 36, 384, 385.
165. Lord, Charles G. et al. (1984). Considering the Opposite: A Corrective Strategy for Social Judgment. *J. personality & Soc. psych.*, 47, 1231, 1231–1232.

166. Koehler, Derek J. et al. (2002). The Calibration of Expert Judgment: Heuristics and Biases Beyond the Laboratory. In Thomas Gilovich et al. (Eds.), *Heuristics and biases: The psychology of intuitive Judgment* (pp. 686, 693).
167. Arkes, Hal R. (1991). Costs and Benefits of Judgment Errors: Implications for Debiasing, *Psych. Bull.*, 110, 486, 492–495.
168. Koehler, Derek J. (1991). Explanation, Imagination, and Confidence in Judgment. *Psych. Bull.*, 110, 499, 500.
169. Koriat, Asher et al. (1980). Reasons for Confidence, *J. Experimental Psych.*, 6, 107, 116.
170. Sunstein, Cass R., & Stewart, Richard B. (1982). Public Programs and Private Rights. *Harv. L. Rev.*, 95, 1193, 1322.
171. Sunstein, Cass R. (2000). Nondelegation Canons. *U. See. l. Rev.*, 67, 315, 321–322.
172. Schoenbrod, David. (1993). *Power Without Responsibility: How Congress Abuses the People Through Delegation*.
173. Mortenson, Julian Davis, & Bagley, Nicholas. (2021). Delegation at the Founding. *Colum. L. Rev.*, 121, 277, 366–367.
174. Parrillo, Nicholas R. (2021). A Critical Assessment of the Originalist Case Against Administrative Regulatory Power: New Evidence from the Federal Tax on Private Real Estate in the 1790s. *Yale L.J.*, 130, 1288, 1288.
175. Jolls, Christine et al. (1998). A Behavioral Approach to Law and Economics. *Stan. L. Rev.*, 50, 1471, 1543.
176. Negowetti, Nicole. (2014). Judicial Decisionmaking, Empathy, and the Limits of Perception. *Akron L. Rev.*, 47, 693, 696–699.
177. Hopwood, Shon. (2020). Restoring the Historical Rule of Lenity as a Canon. *N.Y.U. L. Rev.*, 95, 918.
178. Barkow, Rachel E. (2021). The Wholesale Problem with Congress: the Dangerous Decline of Expertise in the Legislative Process, *Fordham Law Review*, 90, 1029–1081.

Дата поступления / Received 16.11.2022
Дата принятия в печать / Accepted 10.02.2023

ПОЗНАНИЕ

Бикеев, И. И.

Правовое регулирование организации и проведения антикоррупционных проверок в субъектах Российской Федерации: препринт № 1 за 2022 г. / И. И. Бикеев, П. А. Кабанов. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. – 52 с.

В препринте антикоррупционные проверки рассматриваются как один из эффективных инструментов противодействия коррупции. Под инструментом противодействия коррупции предлагается понимать совокупность связанных между собой средств воздействия на указанное негативное социальное явление, применяемых с конечной целью снижения его негативных последствий. На основе действующего законодательства субъектов Российской Федерации и доктринальных разработок рассмотрены процессуальные основания проведения указанных проверок, способы их осуществления, особенности оформления полученных результатов, а также предложены меры по совершенствованию правового регулирования названного инструмента в регионах России.

Предназначен для лиц, участвующих в реализации государственной политики противодействия коррупции на всех уровнях публичной власти, исследователей, педагогических работников, обучающихся, а также всех иных интересующихся названной проблематикой.

ДИСКУССИИ / DISCUSSIONS

Редактор рубрики *И. И. Бикеев* / Rubric editor *I. I. Bikeev*

Научная статья

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.439-450

УДК [004:793.7]:37.01:328.185:343.352:343.9

А. Л. МЕЛЬНИКОВА¹,

А. С. МИЦУЛ

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

ВИДЕОИГРЫ: ЭСКАПИЗМ ИЛИ ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ?

Контактное лицо:

Мельникова Анна Леонидовна, эксперт Проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: almelnikova@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Мицун Анастасия Сергеевна, независимый исследователь

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Аннотация

Цель: анализ имеющихся игр с антикоррупционной составляющей с последующим выводом о возможности использования их в антикоррупционном просвещении с помощью разнообразных механик, сюжетов и нарративов.

Методы: анализ и обобщение нарратива коммерческих видеоигр, а также изучения литературы и научных исследований, направленных на выявление воздействия видеоигр на когнитивные способности игрока, и возможности использования видеоигр в образовании и просвещении позволили нам предположить, что видеоигры могут быть использованы как вспомогательный инструмент антикоррупционного просвещения.

Также был проведен анализ аудитории видеоигр на предмет релевантности ее для целей антикоррупционного просвещения. Согласно выделенным нами целям антикоррупционного просвещения, как то: умение распознавать коррупцию, ее виды, формирование негативного отношения к коррупции и позитивного к заявителю, иллюстрация краткосрочных и долгосрочных последствий коррупции – был произведен критический анализ нарратива видеоигр с целью выделения наиболее подходящих для антикоррупционного просвещения.

Результаты: в рамках работы мы рассмотрели обучающий потенциал видеоигр и определили уровень эффективности воздействия видеоигр на образовательный процесс. На примере конкретных игровых проектов была практически доказана целесообразность использования видеоигр в качестве инструмента антикоррупционного просвещения.

© Мельникова А. Л., Мицун А. С., 2023

© Melnikova A. L., Mitsul A. S., 2023

Научная новизна: в статье доказывается нецелесообразность оценки видеоигр исключительно как формы эскапизма и впервые разобраны примеры практического применения коммерческих видеоигр, не являющихся тренажерами или симуляторами, для организации антикоррупционного просвещения.

Практическая значимость: основные выводы статьи могут быть использованы в практической деятельности при разработке долгосрочных стратегий и программ антикоррупционного просвещения, а также в рамках деятельности по созданию видеоигр для оценки долгосрочных последствий используемого нарратива.

Ключевые слова: видеоигры, антикоррупционное просвещение, коррупция, антикоррупционное мировоззрение, противодействие коррупции, видеоигры в обучении, Game Studies

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Мельникова А. Л., Мицул А. С. Видеоигры: эскапизм или эффективный инструмент антикоррупционного просвещения? // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 439–450. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.439-450

Scientific article

A. L. MELNIKOVA¹,

A. S. MITSUL

¹ National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

VIDEOGAMES: ESCAPISM OR AN EFFECTIVE TOOL FOR ANTICORRUPTION ENLIGHTENMENT?

Contact:

Anna L. Melnikova, expert of the Project-academic laboratory for anticorruption policy, National Research University “Higher School of Economics”

E-mail: almelnikova@hse.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3963-2581>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/ADS-6406-2022>

Anastasia S. Mitsul, independent researcher

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4933-8294>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/AEQ-8997-2022>

Abstract

Objective: to analyze video games with anticorruption components and to make a conclusion of the possibility to use them in anticorruption education with various mechanics, plots and narratives.

Methods: analysis and summarization of the narrative of commercial video games, studies of the scientific literature and research aimed at revealing the influence of video games on a player’s cognitive abilities, as well as studying the possibilities of using video games in education and enlightenment allowed us to assume that video games may be used as an auxiliary instrument for anticorruption enlightenment.

Also, we analyzed the audience of video games players to determine its relevancy for the goals of anticorruption education. According to the goals of anticorruption education identified by us, namely: ability to distinguish corruption and its types, developing negative attitude to corruption and positive attitude to a whistle-blower, illustration of short-term and long-term consequences of corruption – we performed a critical analysis of the video games narrative in order to identify the ones most appropriate for anticorruption education.

Results: in the work, we studied the educational potential of video games and determined the efficiency level of their influence of the educational process. By the example of particular game projects, we proved in practice the expediency of using video games as a tool of anticorruption education.

Scientific novelty: the article proves inexpediency of assessing video games exclusively as a form of escapism and, for the first time, specifies the examples of practical implementation of commercial video games, not being training programs or simulators, for organization of anticorruption education.

Practical significance: the main conclusions of the article can be used in practical activity when developing long-term strategies and programs of anticorruption education, as well as within the activity of developing video games to assess long-term consequences of the narrative used.

Keywords: Video games, Anticorruption education, Corruption, Anticorruption world outlook, Corruption counteraction, Video games in education, Game Studies

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Melnikova, A. L., & Mitsul, A. S. (2023). Videogames: escapism or an effective tool for anticorruption enlightenment? *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 439–450. (In Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.439-450

Введение

За последние двадцать лет видеоигры превратились из нишевого хобби в широко распространенную и крайне популярную часть современной культуры, став ярким образцом аудиовизуальных средств массовой коммуникации наравне с кино и сериалами. Тенденция к тому, что цифровые медиа стали основным источником проведения досуга у всех возрастных групп населения, а также развитие технологий и международной связности привели к тому, что почти повсеместно игры прочно поселились в персональных компьютерах и мобильных телефонах и стали доступны буквально в одно касание. И хотя в некоторых странах, как, например, в Южной Корее, до сих пор сильны традиции игровых компьютерных клубов (если мы говорим про ПК- и онлайн-игры), распространенность и удешевление мобильных устройств закономерно ведет и к росту популярности мобильных игр, и одновременно видеоигры постепенно вытесняют телевидение.

Таким образом, для того чтобы идти в ногу со временем, необходимо рассмотреть возможность использования компьютерных видеоигр в обучении, а точнее, в формировании у игроков навыков распознавания коррупции и ее видов; негативного отношения к коррупции и позитивного – к человеку, который ей противодействует; показать краткосрочные и долгосрочные последствия коррупции не только для игрока лично, но и для не участвовавших в коррупционной деятельности лиц. Здесь стоит отметить, что в нашем исследовании мы изучаем не специальные обучающие видеоигры, разработанные для решения той или иной проблемы, а уже изданные коммерческие игры различных жанров (*action, quests, strategy* и др.). Основная цель данной работы – проанализировать имеющиеся игры с антикоррупционной составляющей и сделать вывод, дает ли разнообразие механик, сюжетов и нарративов возможность использовать их в антикоррупционном просвещении. Также важно рассмотреть, могут ли видеоигры быть самостоятельным инструментом антикоррупционного просвещения, как, например, социальная реклама, или дополнительным, используемым совместно с другими методами антикоррупционного просвещения под руководством грамотного тьютора.

Результаты исследования

Тенденция роста популярности игр отмечается уже не первый год, однако взрывной рост интереса к ним произошел в разгар пандемии COVID-19. Повсеместные карантинные меры и необходимость оставаться дома и каким-то образом разнообразить свой досуг заставили людей по всему миру обратиться к играм. Согласно исследованию, проведенному компанией *DFC Intelligence*, количество игроков по всему миру к середине 2020 г. составляло 3,1 млрд человек [1]. Рост интереса к видеоиграм подтверждает и отчет от июля 2022 г. компании *Newzoo*, специализирующейся на анализе индустрии видеоигр и *esport*, в котором дается цифра в 3,198 млрд игроков с приростом в 4,6 % относительно прошлого года [2. С. 21]. А это означает, что практически каждый

второй играет в видеоигры. И при этом рынок непрерывно растет. Согласно другому отчету тех же *Newzoo*, продавцы видеоигр планируют заработать 196,8 млрд долларов в 2022 г., что на 2,1 % [3] больше, чем в 2021 г. Параллельно развивается рынок облачных видеоигр, и, по прогнозам, к концу 2022 г. он вырастет на 74 % [4]. Эти тенденции характерны и для России. На фоне нехватки развлечений, вызванных, к примеру, уходом из кинопроката правообладателей и дистрибьюторов голливудских лент, вырос спрос на мобильные игры. По данным РБК со ссылкой на аналитические агентства, рынок мобильных игр по итогам 2022 г. вырастет на 25 % по сравнению с предыдущим и достигнет \$1,2 млрд [5]. По данным исследований *Mediascope* [6], 55 % россиян регулярно играют в видеоигры, в том числе мобильные. Самый большой процент приходится на группу 12–24 лет (69 %).

Невозможно игнорировать столь огромную и активно развивающуюся отрасль индустрии развлечений. Видеоигры также все больше бросают вызов спортивной индустрии: по количеству зрителей киберспортивные соревнования соперничают со зрителями спортивных трансляций. Так, отчет *Newzoo “Global Esports & Live Streaming Market Report”* сообщает, что в 2022 г. общая киберспортивная аудитория, т. е. количество людей, которые следят за сферой постоянно (*энтузиасты*) или время от времени (*периодически*), вырастет до 532 млн человек, показав рост в +8,7 % относительно 2021 г., при этом аудитория киберспортивных трансляций (крупные чемпионаты, мейджоры, иные важные сезонные события) к концу 2022 г. достигнет 921,2 млн человек, показав рост в +13,8 %. Рубеж в миллиард планируется перешагнуть в начале 2023 г.¹ [7. С. 33].

Наглядно продемонстрировав уровень популярности видеоигр, не можем также не отметить, что игры прямо признаются формой искусства – в первую очередь как предметы цифрового искусства и примеры интерактивного дизайна. Так, еще в 2012 г. некоторые культовые игры с 1980-х по начало 2000-х были включены Музеем современного искусства (MoMA) в постоянную коллекцию, что выводит их из области антропологических артефактов и помещает в раздел произведений искусства [8]. Кроме того, игры, сочетая в себе видеоряд и нарратив, в некотором роде наследуют одновременно кинематограф и литературу, а следовательно, как и кино, выполняют не только развлекательную функцию, но и социализирующую, воспитательную, просветительскую [9. С. 125].

Безусловно, игры и до пандемии и взрывного роста популярности были предметом тщательных исследований и жаростных дискуссий, однако столь широкий интерес к видеоиграм закономерно привел и к росту исследований о влиянии игр на игрока. Мы остановимся в первую очередь на исследованиях, касающихся обучающего потенциала игр. Так, исследователи пришли к выводам, что те инструменты, которые делают игру популярной, также являются инструментами, способствующими обучению. Например, награда – активный инструмент стимулирования в играх. В то же время в процессе обучения вознаграждение играет существенную роль, так как люди склонны запоминать, какие действия приносят им приятные эмоции или приближают к конечной цели. Более того, положительная мотивация способствует более легкой выработке связей между нейронами головного мозга, что способствует улучшению запоминания, а в долгосрочной перспективе – развитию нейропластичности [10]. Второй навык, который необходим для игры в видеоигры, – способность к быстрой обработке информации или отсеиванию информации, относящейся к задаче. Именно системы внимания и вознаграждения являются движущими инструментами видеоигр и одновременно с этим ключевыми в обучении. Обратим внимание, что речь идет именно о коммерческих видеоиграх, а не обучающих [11].

В преподавательской среде хорошо известен конус Эдгара Дейла, он же конус обучения, который показывает эффективность усвоения материала в зависимости от метода его подачи. Чем ближе к вершине, тем меньше занятий усвоит ученик. Считается, что самыми малоэффективными являются слушание (лекция) и самостоятельное чтение: усваивается лишь 5–10 % материала. Затем идут визуализация (20 %), демонстрация (30 %), групповое обсуждение (50 %). Самым эффективным является практическое применение знаний – 90 % запоминания.

¹ На момент исследования.

В своем предыдущем исследовании мы уже упоминали про механизм зеркальных нейронов, позволяющий людям обучаться навыкам вне зависимости от того, делаем ли мы это сами или же наблюдаем за тем, как это делает кто-то другой [9]. Позволим себе утверждать, что видеоигры, в которых сочетаются демонстрация и практическое действие, будут еще эффективнее в деле просвещения, нежели кинематограф. В отличие от кинозрителя игрок обладает большей агентностью, он не только проявляет акт воли, непосредственно участвуя в игре, но и предпринимает самостоятельные шаги внутри игрового процесса. Он не занимается пассивным наблюдением за нарративом, а принимает непосредственное участие в его формировании (конечно, в рамках заложенных игрой сценариев) – управляя персонажами, принимая решения на основе полученных в игре знаний и информации; проверяет гипотезы и сценарии, используя функции сохранения и возможности вернуться назад к определенной стартовой точке. Одновременное сочетание действия, визуальной составляющей и повторения, соответственно, усиливает обучающий эффект. Нам вторит основатель студии *11 bit studios* Гжегож Меховски: «Игры говорят на языке, интуитивно понятном молодежи, – на языке интерактива. На нем игры могут рассказать о чем угодно: эмоциях, правде, борьбе добра и зла, человечности, страданиях. В этом они похожи на литературу» [12].

Мы уже доказывали образовательный потенциал кинематографа в области антикоррупционного просвещения. На первый взгляд, видеоигры кажутся еще более перспективным инструментом, но так ли это на самом деле? Учитывая взрывной рост популярности игр, мы считаем, что да, но их потенциал еще не раскрыт в полной мере. Для того чтобы понять перспективы использования коммерческих видеоигр в качестве инструмента антикоррупционного просвещения, рассмотрим для начала нетривиальные примеры их использования, а также несколько «ситуативных» игр, использующих исключительно антикоррупционный нарратив.

Некоторые игры, в частности шутеры от первого лица (*FPS*), часто становятся объектом критики из-за мнения, что они провоцируют жестокость в игроке. Однако они, особенно AAA-проекты вроде *Call of Duty* [13, 14], также часто становятся бестселлерами. Неужели миллионы играющих в них все до одного жестокие и при должных условиях перестанут воспринимать грань между реальностью и игрой? Отнюдь. Исследования показывают, что подобные игры, в частности, помогают в развитии восприятия пространства, памяти и планирования, способствуют развитию коммуникативных навыков и социализации, а также несут огромный терапевтический потенциал для людей, страдающих посттравматическим расстройством. Так, исследование 2015 г. [15], проведенное с добровольцами – ветеранами военных кампаний, показало, что шутеры хоть и не являются полноценной заменой терапии при лечении посттравматического расстройства, но могут стать важным дополнением к стандартным терапевтическим методам, включая *VR*-симуляторы (*VRET*). Ключевая проблема адаптации вернувшихся с войны – нормализация их опыта и включение в гражданскую жизнь, где военный опыт совершенно не будет востребован. Для таких людей повторное проживание опыта через игру служит своего рода эскапизмом в позитивном ключе, возможностью контролировать свои импульсы без риска для окружающих, что в конечном счете уравнивает травмирующий опыт с игрой и примиряет с реальностью. Следует помнить, что терапия через такие игры все же должна проходить под наблюдением профессионалов или хотя бы людей, которым ветеран полностью доверяет, потому что триггер-потенциал шутеров также велик.

Обратный опыт – возможность почувствовать себя стороной конфликта без прямого участия – предлагает польский бестселлер, инди-игра *This War of Mine* (2014, *11 bit studios*) [16]. В отличие от шутеров, глорифицирующих военные действия и подвиги на поле боя, эта игра показывает обратную сторону любого конфликта – бытовую жизнь мирного населения. Создатели, взяв за основу осаду Сараево 1992–1996 гг., которую некоторые из них пережили сами, предлагают опыт выживания в военных условиях. Игрок управляет группой гражданских лиц и вынужден решать бытовые проблемы: поиск пропитания, воды, обогрева, поддержание морального духа и пр. Генерация событий происходит случайным образом, и от прохождения к прохождению опыт и результат игры могут сильно меняться. Вариативность опыта и жесткая демонстрация неприглядной стороны любого конфликта действуют на игроков гипнотически, засасывая в нарратив, посылая при этом очень простой сигнал: война – это травмирующий ад. Игра дает поистине уникальный опыт, проходить через который лучше все же с помощью игр, а не в реальности. Успех игры был и остается колоссальным: по состоянию на апрель 2019 г. игра разошлась 4,5 млн копий [17]. Именно благодаря комбинации такого

успеха, сложности и важности темы, поднимаемой в игре, а также возможности прожить уникальный опыт *This War of Mine* стала едва ли не первой в истории игрой, включенной в официальную школьную программу: в качестве внеклассного чтения «игра рекомендована старшеклассникам (с 2002 г. рождения и старше), изучающим историю и культуру, в частности, специализирующимся на социологии, философии и этике. Им будет обеспечен бесплатный свободный доступ к *This War of Mine*» [18].

Как мы видим, существующие игры активно используются в тех областях, для которых они изначально не создавались, именно благодаря своей иммерсивности, образовательному потенциалу и терапевтическим качествам. Рассмотрим теперь игры, отрабатывающие сугубо антикоррупционный нарратив.

Еще в 2007 г. в Китае появилась игра, где игрокам в прямом смысле слова огнем и мечом предлагали бороться с коррупцией. Игра под названием «Неподкупный боец» была разработана органами региональной власти для привлечения внимания к проблемам коррупции. Незадолго до запуска игры Китай потряс ряд громких коррупционных скандалов, что и послужило толчком к созданию игры. Персонажи игры были разработаны на основе известных фигур в китайской истории и фольклора. Для того чтобы победить, попасть в рай – место, полное справедливости и без коррупции, игрок должен пройти через ряд препятствий и моральных дилемм, убивая коррумпированных чиновников и помогая честным [19]. Изначально игровые серверы были рассчитаны на 500 игроков, но за первые восемь дней с момента запуска количество игроков превысило 100 000 [20] (что в конечном счете послужило ее закрытию – серверы не были рассчитаны на такую нагрузку, несмотря на популярность).

Вторая игра появилась в 2014 г., после того как Си Цзиньпин провозгласил курс на борьбу с коррупцией. Лозунгом игры стал «Каждый несет ответственность за борьбу с коррупцией и казнокрадством» [21]. В этот раз сюжет оказался гораздо проще: игроку нужно было *бить* электрошокером по голове коррумпированных чиновников, высовывающих голову из тюремных камер, и *не бить* по головам полицейских; в зависимости от количества правильных ходов начисляются очки. Механика игры напоминает популярную механику *whac-a-mole*, формат еще аркадных игр, впервые появившихся в Японии в 1975 г. В 1976 г. аркадный автомат попал в США, с тех пор игра завоевала мир, активно используется как инструмент тренировки реакции и в целом является понятной и повсеместно узнаваемой механикой [22]. Соответственно, игра 2014 г. сочетала в себе узнаваемость с актуальной темой, что потенциально увеличивало ее популярность и эффективность.

Тем не менее непосредственно обучающего антикоррупционного потенциала описанные выше игры не несут. Хотя они и преподносятся как направленные на борьбу с коррупцией, на самом деле выполняют всего одну, хоть и важную функцию – привлечение внимания к проблеме.

Есть примеры, когда организации пишут специальные обучающие игры для того, чтобы научить граждан или своих сотрудников распознавать коррупцию и правильно себя вести в случае столкновения с ней. Так, в Боливии Министерство по институциональной прозрачности и борьбе с коррупцией при поддержке ООН (а именно Управления ООН по наркотикам и преступности, далее – УНП ООН) разработало серию из семи игр, направленных на повышение осведомленности о борьбе с коррупцией, продвижения права на доступ к информации и привлечения общества к антикоррупционной борьбе [23]. Представитель УНП ООН в Боливии Сесар Гедес отметил уникальный подход, использованный в играх: «Это инновационный способ повысить осведомленность гражданского общества о проблемах, связанных с коррупцией. Благодаря этим играм граждане станут ключевыми защитниками и информаторами в выявлении незаконных практик в своих общинах» [23]. Однако эти игры направлены на очень узкую аудиторию и, имея сугубо практическое применение, скорее относятся к симуляторам и тренажерам для формирования и/или закрепления конкретных навыков, а не к видеоиграм в обиходном понимании.

Итак, мы уже можем сделать осторожные выводы, что антикоррупционная тематика может заинтересовать широкие слои населения в том случае, если это в первую очередь развлекательные игры, а не тренажеры и позволяют не только отрабатывать навыки, но и дают возможность развлечься. Игры, которые сочетают в себе эти черты, имеют шанс на успех у аудитории. Однако разработка видеоигры с нуля – это дорогостоящий и длительный процесс. Возможно, пока что мы сможем использовать те, которые уже существуют, для

достижения тех же самых целей? Для этого рассмотрим несколько примеров коммерческих игр (а не тренажеров или сделанных под сиюминутную повестку), которые прямо или косвенно используют тему коррупции и являются при этом популярными, а в отдельных случаях и культовыми. Все рассмотренные игры доступны на PC и приставках; являются *midcore* 'ными (т. е. с достаточно длинной игровой сессией, созданы не исключительно для развлечения, нацелены на игроков, которым важны баланс между развлечением и серьезностью и достижения в игре); целевую аудиторию игр мы определяем как мужчины и женщины 30+ в силу сложных игровых механик и поднимаемых играми моральных дилемм.

В первую очередь рассмотрим пример игры в сеттинге Нового времени: *Europa Universalis IV* (2013, *Paradox Development Studio*) [24]. Она в жанре глобальной стратегии и охватывает исторический период между серединой XV и первой половиной XIX в., игрок управляет целой страной, в геймплее учитываются политические, экономические, социальные события, повторяющие реальный ход истории. Несмотря на исторический сеттинг, в игре проскальзывают коррупционные сюжеты, при этом представленные так, что игрок распознает в них коррупцию.

Итак, игрок выступает в роли правителя, перед которым стоит постоянная дилемма: поступить по закону или так, как от него ожидают придворные? Как отказать в просьбе военачальнику, с которым воевали плечом к плечу? В итоге коррупция слегка повышает лояльность сословий и немного уменьшает уровень беспорядков в стране, однако в других сферах игровой жизни она оборачивается колоссальными издержками. В игре коррупция отображена в числовом значении: чем больше число, тем больше игрок получает штрафов, влияющих на управление его страной. Коррупция бьет по эффективности использования ресурсов, а также делает каждое действие, завязанное на так называемых очках монарха (ресурс, нужный для практически всех взаимодействий в игре, начиная исследованием технологий и заканчивая улучшением провинций), более дорогим. Помимо того, при появлении в государстве коррупции начинают происходить неприятные для игрока события – советника уличат во взяточничестве, что ударит по престижу и очкам монарха, генералы будут заниматься кумовством на службе, ухудшая качество армии, и т. д. Борьба с коррупцией очень дорого и тяжело. Таким образом, в абсолютном большинстве случаев игрок постарается избежать коррупционных действий, дабы избежать значительных неудобств при игре. И хотя с исторической точки зрения некорректно было бы говорить об антикоррупционном просвещении, в игру все же играют современные игроки, которые на примерах из современного мира видят риски от коррупции, и игровые решения они принимают, пропуская через оптику своего современного опыта. То есть мы можем сделать вывод, что исторический аспект игры в данном случае уходит на второй план, а игра наглядно демонстрирует риски, к которым ведет коррупционное поведение, особенно у правителей.

Более приближенными к реальности являются два игровых проекта, которые мы рассмотрим следующими. Они оба являются примерами инди-игр (т. е. это проекты маленьких студий с ограниченным бюджетом), главными героями в которых являются представители властных институтов.

Первый проект – игра *This Is the Police* (2016) белорусской студии *Weappy* [25]. Вся серия состоит из двух частей и одного спин-оффа, но мы подробно рассмотрим только первую часть, в которой игрок управляет шерифом полиции небольшого городка, где жизнь медленно идет под откос. Под давлением коррумпированного мэра города его вынуждают уйти в отставку, но, прежде чем уйти, он должен добиться поставленной цели: любой ценой заработать \$500 000 себе на пенсию. Геймплей не требует от игрока специальных навыков или сложного обучения, задача игрока – реагировать на вызовы, формировать отряды и иногда решать за подчиненных, как именно стоит поступить. По мере развития игры сложность вызовов нарастает, появляется риск совершить неправильный выбор и лишиться, например, финансирования, но самое главное – протагонисту начинают поступать откровенно коррупционные или противозаконные запросы от мэра или мафии, за неповиновение которым также можно лишиться ресурсов. Игрок стоит перед сложным моральным выбором: оставаться честным до конца, рискуя собственными сотрудниками и их благополучием; встать на путь меньшего зла и стать марионеткой в руках мэра или же присоединиться к мафиозной структуре, предав свои идеалы «честного копа». В любом случае в конце игрок не достигает обозначенной в начале игры цели, протагонист уволен и вынужден бежать. В данном случае игра наглядно демонстрирует: какой бы безобидной и благо-

родной ни была изначальная цель, атмосфера тотальной коррупции и беззакония постепенно превращает человека в чудовище, засасывает, развращает и в конечном счете морально уничтожает.

Второй проект, который мы хотели бы рассмотреть, – *Papers, Please* (2013, соло-разработчик Лукас Поуп) [26]. Выступая в жанре головоломки, игра представляет собой антиутопический документальный триллер. Игрок представляет сотрудника службы пограничного контроля в вымышленном государстве Арстотцка на контрольно-пропускном пункте (далее – КПП) в городе Грештин, ровно на границе Арстотцки с соседней Колечией. Игровой сюжет разворачивается в 1982 г., и, по словам автора, вдохновением для создания атмосферы послужили страны восточного блока и история разделенной Германии. Основная задача главного героя – проверять документы людей, проходящих через его окно на КПП.

Это могла бы быть просто очередная игра на внимательность, но в игру добавлена психологическая составляющая. Персонажи, у которых нет документов, уговаривают игрока воспользоваться своим должностным положением и пропустить их: они рассказывают истории, что им нужна операция, что боятся за свою жизнь, что их преследуют дома и т. д. При этом с каждым игровым днем добавляется больше критериев проверки документов. Игроку предстоит не только решать, кого пропустить, а кого арестовать и почему, но и выполнять определенный норматив. Стоит игроку нарушить инструкции и пропустить кого-то не того, случается какая-то беда (убийство, теракт и т. п.), за что игрока незамедлительно штрафуют; стоит не выполнить норматив, в конце дня вычтут из денег, а значит, нечем будет оплачивать счета и пр. То есть на протяжении всей игры игрок находится под постоянным прессингом со всех сторон: слезные рассказы людей и моральная дилемма, угроза штрафов и стресс от невыполнения нормативов, общая атмосфера и цветовой тон игры (доминирующие цвета – серый и болотно-зеленый). Более того, в игру заложено 20 вариантов концовок, но лишь три из них счастливые. Главный вывод игры в целом созвучен предыдущему примеру: злоупотребление служебным положением не приводит к добру.

Отдельно хотелось бы отметить, что игра при всем минимализме дизайна и игровых механик получила статус культовой. Именно *Papers, please* наглядно демонстрирует нам прямую связь видеоигр и кинематографа, взаимодополняемость этих медиумов (а значит, и общие функциональные направленности). Так, в 2018 г. по мотивам игры был выпущен короткометражный фильм «Ваши документы!» (реж. Никита Ордынский) [27]. По состоянию на октябрь 2022 г. фильм только на платформе YouTube посмотрели почти 15 млн раз.

Основные действующие лица в обеих играх – представители государственных институтов, в первом примере у которых больше обязательств, во втором – больше агентности. Обе игры позволяют познакомиться с коррупцией и ее видами, понять, что будет, если ей поддаться, сделать выводы о долгосрочных последствиях. Иными словами, это именно те знания, которые должны приобретаться через инструменты антикоррупционного просвещения, но получены через иммерсивный опыт, т. е. имеющие гораздо более высокий уровень закрепления.

Последний пример, который мы хотели бы рассмотреть, – игра *Beholder* (2016) [28] от российской студии *Warm Lamp Games*. Вся серия состоит из трех игр, но, как и с *This Is the Police*, рассмотрим мы только первую часть, лозунгом которой могла бы стать фраза «У каждого выбора есть последствия». В отличие от предыдущих примеров игрок исполняет роль уже не представителя власти, а зрителя многоквартирного дома в неназванной тоталитарной стране. Главный герой Карл должен балансировать между выполнением порой абсурдных государственных директив, личными целями и совестью. У героя также есть семья, нужды которой тоже необходимо учитывать. По мере развития сюжета жильцы постепенно раскрываются протагонисту, и у него (а точнее, у управляющего им игрока) возникает дилемма: соблюдать закон или помогать жильцам и, как следствие, подпольной организации. Любые действия, моральные или аморальные, имеют свои последствия и влияют на концовку игры. Мир, представленный в игре *Beholder*, показывает нам государство, в котором победила коррупция. Не бывает никакой плохой и хорошей коррупции. Любая в долгосрочной перспективе ведет к росту беззакония и самоуправства. Игрок, проигрывая те или иные сценарии, может сам убедиться в последствиях коррупционных действий.

Данная игра, на наш взгляд, больше всего приближена к идеалу антикоррупционного просвещения в силу того, что главный герой, хоть и является технически госслужащим, относится скорее не к актерам, наделенным

властью, а к функционерам, тем, с кем среднестатистическому игроку проще будет выстроить ассоциативную связь. Последствия коррупционного поведения при этом также весьма наглядны. Как и в *This Is the Police*, мы видим разрушительные последствия коррупции; как и в *Europa Universalis IV*, мы понимаем, что бороться с коррупцией тяжело и лучше просто избегать коррупционного поведения; как и в *Papers, Please*, соблазн велик, а последствия катастрофические. Отметим также, что *Beholder* и *Papers, Please* роднят не только атмосфера тоталитарной страны, беззакония и необходимость делать сложный моральный выбор, но и то, что по *Beholder* также была снята короткометражка, и снова режиссером выступил Никита Ордынский. Фильм увидел свет в 2019 г., и по состоянию на октябрь 2022 г. на платформе YouTube его посмотрели более 1,5 млн раз [29].

Выводы

Итак, мы рассмотрели несколько примеров эффективного использования игр для достижения целей, отличных от тех, которые были заложены разработчиками; описали несколько примеров игр, использующих ситуативные вопросы борьбы с коррупцией (эксплуатация скандалов или игра, выпущенная для отработки каких-то отдельных навыков); и наконец, мы рассмотрели достаточно примеров коммерческих игр, использующих тему коррупции в качестве сквозного мотива внутри нарратива. Все рассмотренные нами примеры наглядно демонстрируют: игры популярны, востребованы, в них можно найти гораздо больше, чем банальный эскапизм, игры прямо наследуют методы кинематографа и литературы, запуская те же механизмы обучения, наконец, в играх легко используется тема коррупции и ее последствий. Более того, в отличие от фильмов игры дают возможность проиграть несколько версий развития событий и самостоятельно сделать выводы о плюсах и минусах выбранных стратегий. Соответственно, игры могут и должны использоваться в антикоррупционном просвещении. Разнообразие механик и сюжетов позволит рассмотреть такое сложное и комплексное явление, как коррупция, с разных сторон, при этом в достаточно легком и увлекательном формате.

Так чего же можно достичь при помощи компьютерных игр? Во-первых, используя систему наград и стимулов, можно сформировать нетерпимое отношение к коррупции. Во-вторых, как мы видим, в сюжетах некоторых из проанализированных компьютерных игр сокрыты разные виды коррупции, а значит, с помощью игр мы можем научить распознавать эти виды. Игры могут показать краткосрочные и долгосрочные последствия от коррупции, причем не только для игрока, но и для игрового мира в целом. И наконец, игры могут сформировать положительное отношение к заявителю о коррупции.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что видеоигры могут эффективнее использоваться совместно с другими инструментами антикоррупционного просвещения, такими как публичные лекции, семинары или социальная реклама, для того чтобы игрок мог погрузиться в дискурс и перенести игровой нарратив на повседневную жизнь. Однако если игрок уже находится в антикоррупционном дискурсе, то игры помогут ему закрепить имеющиеся модели и узнать новые.

Социальная реклама (*показываем и объясняем*), кинематограф (*показываем и позволяем пассивно «примерить» на себя*) и видеоигры (*показываем, объясняем, позволяем активно «прощупать» сценарии*) являются эффективной триадой прикладных инструментов антикоррупционного просвещения и образования. Каждый из этих инструментов эффективен сам по себе, однако комбинированное использование позволит создать рабочий формат прикладного антикоррупционного просвещения. Потенциал всех трех инструментов до конца не раскрыт и используется не в полной мере, но при грамотном подходе (рассказы о видах коррупции; не запугивание, а объяснение; позитивный выход, т. е. не только минусы коррупции, но и плюсы жизни без коррупции и т. д.) антикоррупционное просвещение может выйти на качественно иной уровень воздействия и эффективности.

Список литературы

1. Bankhurst A. Three Billion People Worldwide Now Play Video Games, New Report Shows. 2020, Aug. URL: <https://www.ign.com/articles/three-billion-people-worldwide-now-play-video-games-new-report-shows> (дата обращения: 29.10.2022).
2. Newzoo Global Games Market Report 2022. 2022, Jul 26. URL: https://resources.newzoo.com/hubfs/Reports/Games/2022_Newzoo_Free_Global_Games_Market_Report.pdf (дата обращения: 29.10.2022).

3. Wijman T. The Games Market Will Show Strong Resilience in 2022, Growing by 2.1% to Reach \$196.8 Billion. 2022, Jul. URL: <https://newzoo.com/insights/articles/the-games-market-will-show-strong-resilience-in-2022> (дата обращения: 29.10.2022).
4. Fernandes G. Cloud Gaming Revenues to Hit \$2.4 Billion in 2022, up +74% Year-on-Year; Revenues Will Triple by 2025. 2020, Oct. URL: <https://newzoo.com/insights/articles/cloud-gaming-revenues-to-hit-2-4-billion-in-2022-up-74-year-on-year-revenues-will-triple-by-2025> (дата обращения: 29.10.2022).
5. Стогова Е. Отмены кинопремьер и стресс от новостей увеличили спрос на мобильные игры. 2022, октябрь. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/10/2022/63567f3e9a79475a941f2733?from=from_main_6 (дата обращения: 29.10.2022).
6. Мобильные игры в России: аналитический отчет по данным Mediascope // Mediascope. 2022, май. URL: https://mediascope.net/library/presentations/Mobile%20games%20audience%20in%20Russia_Mediascope.pdf (дата обращения: 29.10.2022).
7. Global Esports & Live Streaming Market Report. 2022, Apr. URL: https://resources.newzoo.com/hubfs/Reports/Esports/2022_Newzoo_Free_Global_Esports_Live_Streaming_Market_Report.pdf (дата обращения: 29.10.2022).
8. Eveleth R. Video Games Are Officially Art, According to the MoMA. 2012, Dec. URL: <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/video-games-are-officially-art-according-to-the-moma-150115811/> (дата обращения: 29.10.2022).
9. Мельникова А. Л., Мицул А. С. Роль кинематографа в проведении антикоррупционного просвещения: мировой опыт // Russian Journal of Economics and Law. 2022. № 16(1). С. 122–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>
10. Dynamic interaction between reinforcement learning and attention in multidimensional environments / Y. C. Leong, A. Radulescu, R. Daniel, V. DeWoskin, Y. Niv // Neuron. 2017. Vol. 93, № 2. Pp. 451–463.
11. Mayer R. E. What should be the role of computer games in education? // Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences. 2016. Vol. 3, Iss. 1. Pp. 20–26.
12. Аскарян А. В Польше игру This War of Mine добавили в школьную программу. 2020, июнь. URL: <https://knife.media/school-game/> (дата обращения: 29.10.2022).
13. Call of Duty. Официальный сайт игры. URL: <https://www.callofduty.com/ru/> (дата обращения: 29.10.2022).
14. Call of Duty. Сайт игры. URL: <https://store.steampowered.com/franchise/callofduty> (дата обращения: 29.10.2022).
15. More than Just a Game? Combat-Themed Gaming Among Recent Veterans with Posttraumatic Stress Disorder / L. Elliott, A. Golub, M. Price, A. Bennett. Games for Health Journal. 2015. № 4 (4). Pp 271–277.
16. This War of Mine. Сайт игры. URL: https://store.steampowered.com/app/282070/This_War_of_Mine/ (дата обращения: 29.10.2022).
17. Handrahan M. This War of Mine will be added to school reading list in Poland. 2020, June. URL: <https://www.gamesindustry.biz/this-war-of-mine-will-be-added-to-polish-schools-reading-list> (дата обращения: 29.10.2022).
18. Пи Л. This War of Mine добавят в польскую школьную программу. 2020, июнь. URL: https://www.igromania.ru/news/94880/This_War_of_Mine_planiruyut_dobavit_v_polskuyu_shkolnuyu_programmu.html (дата обращения: 29.10.2022).
19. China enjoys anti-corruption game. 2007, Aug. URL: <https://news.bbc.co.uk/2/hi/6928279.stm> (дата обращения: 29.10.2022).
20. Sliwinski A. Chinese anti-corruption game a local hit. 2007, Aug. URL: <https://www.engadget.com/2007-08-06-chinese-anti-corruption-game-a-local-hit.html> (дата обращения: 29.10.2022).
21. China: Computer game hopes to zap corruption. 2014, Jan. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/blogs-news-from-elsewhere-25812175> (дата обращения: 29.10.2022).
22. Van Hooker B. An oral history of whac-a-mole. 2020, Mar. URL: <https://melmagazine.com/en-us/story/whac-a-mole-oral-history> (дата обращения: 29.10.2022).
23. Not playing around: using games to fight corruption// United Nations office on Drugs and Crime. 2011, Sep. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2011/September/not-playing-around--using-games-to-fight-corruption.html>
24. Europa Universalis IV (сайт игры). URL: https://store.steampowered.com/app/236850/Europa_Universalis_IV/ (дата обращения: 29.10.2022).
25. This Is the Police (сайт игры). URL: https://store.steampowered.com/app/443810/This_Is_the_Police/ (дата обращения: 29.10.2022).
26. Papers, Please (сайт игры). URL: https://store.steampowered.com/app/239030/Papers_Please/ (дата обращения: 29.10.2022).
27. PAPERS, PLEASE – The Short Film (2018) 4K SUBS. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YFHHGETsxE> (дата обращения: 29.10.2022).
28. Beholder (сайт игры). URL: <https://store.steampowered.com/app/475550/Beholder/> (дата обращения: 29.10.2022).
29. BEHOLDER. Official Short Film (2019) 4K. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MBviyr97Dok> (дата обращения: 29.10.2022).
30. Miller A. How Video Games Are Saving Those Who Served. 2020, Oct. URL: <https://www.wired.com/story/video-games-therapy-veterans-ptsd-treatment/> (дата обращения: 29.10.2022).

31. Offenhartz J. How Video Games Are Helping young veterans Cope. 2016, Nov. URL: <https://www.complex.com/life/2016/11/veterans-day-millennials-video-games-ptsd> (дата обращения: 29.10.2022).
32. De Simone J. J. What is good can also be bad: The prosocial and antisocial in-game behaviors of young video game players // *Atlantic Journal of Communication* . 2013. № 21(3). Pp. 149–163.
33. Ли Р. Киберспорт / пер. с англ. А. В. Соловьева. Москва: Эксмо, 2018. 352 с.
34. Game Based Anti-Corruption Training Program. 05.03.2015. URL: <https://www.repatriationgroup.org/wp-content/uploads/2013/02/RGI-Grant-Proposal-DigitalVersion-050315.pdf> (дата обращения: 29.10.2022).
35. Takahashi D. This game fights the corruption of politicians, crooks, and greedy tycoons across the globe. 2015, Jul. URL: <https://venturebeat.com/games/designers-of-follow-the-money-hope-to-combat-global-corruption-with-a-game/> (дата обращения: 29.10.2022).
36. Westman N. Kids who play video games score higher on brain function tests. 2022, Oct. URL: <https://www.theverge.com/2022/10/24/23420502/video-game-kid-brain-function-fmri> (дата обращения: 29.10.2022).
37. Bavelier D., Green C. S. Enhancing attentional control: lessons from action video games. *Neuron*. 2019. № 104(1). Pp. 147–163.
38. Mayer R. E. What should be the role of computer games in education? // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. 2016. № 3(1). Pp. 20–26.
39. MBA@Syracuse. With Viewership and Revenue Booming, Esports Set to Compete with Traditional Sports. 2017, Oct. URL: <https://onlinegrad.syracuse.edu/blog/esports-to-with-traditional-sports/> (дата обращения: 29.10.2022).
40. Cardoso-Leite P., Bavelier D. Video game play, attention, and learning: how to shape the development of attention and influence learning? // *Current opinion in neurology*. 2014. № 27(2). Pp. 185–191.
41. Drummond A., Sauer J. D. Video-games do not negatively impact adolescent academic performance in science, mathematics or reading // *PloS one*. 2014. № 9(4). e87943.
42. The impact of digital media on children’s intelligence while controlling for genetic differences in cognition and socioeconomic background / B. Sauce, M. Liebherr, N. Judd, T. Klingberg // *Scientific reports*. 2022. № 12(1). Pp. 1–14.

References

1. Bankhurst, A. (2020, Aug). *Three Billion People Worldwide Now Play Video Games, New Report Shows*. <https://www.ign.com/articles/three-billion-people-worldwide-now-play-video-games-new-report-shows>
2. *Newzoo Global Games Market Report 2022*. (2022, Jul 26). https://resources.newzoo.com/hubfs/Reports/Games/2022_Newzoo_Free_Global_Games_Market_Report.pdf
3. Wijman, T. (2022, Jul). *The Games Market Will Show Strong Resilience in 2022, Growing by 2.1% to Reach \$196.8 Billion*. <https://newzoo.com/insights/articles/the-games-market-will-show-strong-resilience-in-2022>
4. Fernandes, G. (2020, Oct). *Cloud Gaming Revenues to Hit \$2.4 Billion in 2022, up + 74% Year-on-Year; Revenues Will Triple by 2025*. <https://newzoo.com/insights/articles/cloud-gaming-revenues-to-hit-2-4-billion-in-2022-up-74-year-on-year-revenues-will-triple-by-2025>
5. Stogova, E. (2022, Oct). *Cancelled film premieres and stress due to the news have increased demand for mobile games*. (In Russ.). https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/10/2022/63567f3e9a79475a941f2733?from=from_main_6
6. Mobile games in Russia: analytic report by Mediascope data. (2022, May). *Mediascope*. (In Russ.). https://mediascope.net/library/presentations/Mobile%20games%20audience%20in%20Russia_Mediascope.pdf
7. *Global Esports & Live Streaming Market Report*. (2022, Apr). https://resources.newzoo.com/hubfs/Reports/Esports/2022_Newzoo_Free_Global_Esports_Live_Streaming_Market_Report.pdf
8. Eveleth, R. (2012, Dec). *Video Games Are Officially Art, According to the MoMA*. <https://www.smithsonianmag.com/smart-news/video-games-are-officially-art-according-to-the-moma-150115811/>
9. Melnikova, A. L., & Mitsul, A. S. (2022). Role of cinematography in Anticorruption enlightenment: Global experience. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(1), 122–135. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.122-135>
10. Leong, Y. C., Radulescu, A., Daniel, R., DeWoskin, V., & Niv, Y. (2017). Dynamic interaction between reinforcement learning and attention in multidimensional environments. *Neuron*, 93(2), 451–463.
11. Mayer, R. E. (2016). What should be the role of computer games in education? *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 3(1), 20–26.
12. Askaryan, A. (2020, June). *In Poland, This War of Mine game was added to the school curriculum*. (In Russ.). <https://knife.media/school-game/>
13. Call of Duty (official website of the game). <https://www.callofduty.com/ru/>

14. Call of Duty (website of the game). <https://store.steampowered.com/franchise/callofduty>
15. Elliott, L., Golub, A., Price, M., & Bennett, A. (2015). More than Just a Game? Combat-Themed Gaming Among Recent Veterans with Posttraumatic Stress Disorder. *Games for Health Journal*, 4(4), 271–277.
16. This War of Mine (сайт игры). URL: https://store.steampowered.com/app/282070/This_War_of_Mine/ (дата обращения: 29.10.2022)
17. Handrahan, M. (2020, Jun). *This War of Mine will be added to school reading list in Poland*. <https://www.gamesindustry.biz/this-war-of-mine-will-be-added-to-polish-schools-reading-list>
18. Pi, L. (2020, June). *This War of Mine will be added to the Polish school curriculum*. (In Russ.). https://www.igromania.ru/news/94880/This_War_of_Mine_planiruyut_dobavit_v_polskuyu_shkolnuyu_programmu.html
19. *China enjoys anti-corruption game*. (2007, Aug). <https://news.bbc.co.uk/2/hi/6928279.stm>
20. Sliwinski, A. (2007, Aug). *Chinese anti-corruption game a local hit*. <https://www.engadget.com/2007-08-06-chinese-anti-corruption-game-a-local-hit.html>
21. *China: Computer game hopes to zap corruption*. (2014, Jan). <https://www.bbc.co.uk/news/blogs-news-from-elsewhere-25812175>
22. VanHooker, B. (2020, Mar). *An oral history of whac-a-mole*. <https://melmagazine.com/en-us/story/whac-a-mole-oral-history>
23. Not playing around: using games to fight corruption. (2011, Sep). *United Nations office on Drugs and Crime*. <https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2011/September/not-playing-around--using-games-to-fight-corruption.html>
24. Europa Universalis IV (website of the game). https://store.steampowered.com/app/236850/Europa_Universalis_IV/
25. This Is the Police (website of the game). https://store.steampowered.com/app/443810/This_Is_the_Police/
26. Papers, Please (website of the game). https://store.steampowered.com/app/239030/Papers_Please/
27. PAPERS, PLEASE – The Short Film. (2018). 4K SUBS. <https://www.youtube.com/watch?v=YFHHGETsxkE>
28. Beholder (website of the game). <https://store.steampowered.com/app/475550/Beholder/>
30. Miller, A. (2020, Oct). *How Video Games Are Saving Those Who Served*. <https://www.wired.com/story/video-games-therapy-veterans-ptsd-treatment/>
31. Offenhartz, J. (2016, Nov). *How Video Games Are Helping oung veterans Cope*. <https://www.complex.com/life/2016/11/veterans-day-millennials-video-games-ptsd>
32. De Simone, J. J. (2013). What is good can also be bad: The prosocial and antisocial in-game behaviors of young video game players. *Atlantic Journal of Communication*, 21(3), 149–163.
33. Li, R. (2018). *Cybersport*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
34. *Game Based Anti-Corruption Training Program*. (05.03.2015). <https://www.repatriationgroup.org/wp-content/uploads/2013/02/RGI-Grant-Proposal-DigitalVersion-050315.pdf>
35. Takahashi, D. (2015, Jul). *This game fights the corruption of politicians, crooks, and greedy tycoons across the globe*. <https://venturebeat.com/games/designers-of-follow-the-money-hope-to-combat-global-corruption-with-a-game/>
36. Westman, N. (2022, Oct). *Kids who play video games score higher on brain function tests*. <https://www.theverge.com/2022/10/24/23420502/video-game-kid-brain-function-fmri>
37. Bavelier, D., & Green, C. S. (2019). Enhancing attentional control: lessons from action video games. *Neuron*, 104(1), 147–163.
38. Mayer, R. E. (2016). What should be the role of computer games in education?. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, 3(1), 20–26.
39. MBA@Syracuse. (2017, Oct). *With Viewership and Revenue Booming, Esports Set to Compete with Traditional Sports*. <https://onlinegrad.syracuse.edu/blog/esports-to-with-traditional-sports/>
40. Cardoso-Leite, P., & Bavelier, D. (2014). Video game play, attention, and learning: how to shape the development of attention and influence learning?. *Current opinion in neurology*, 27(2), 185–191.
41. Drummond, A., & Sauer, J. D. (2014). Video-games do not negatively impact adolescent academic performance in science, mathematics or reading. *PLoS one*, 9(4), e87943.
42. Sauce, B., Liebherr, M., Judd, N., & Klingberg, T. (2022). The impact of digital media on children’s intelligence while controlling for genetic differences in cognition and socioeconomic background. *Scientific reports*, 12(1), 1–14.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 05.03.2023

Дата принятия в печать / Accepted 20.05.2023

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ / THE MEMORY OF OUR COLLEAGUES

Краткое сообщение

DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.451-460

УДК 330.1:330.3:330.8(048.8)

Д. В. МАНУШИН¹,
Ш. И. ЕНИКЕЕВ¹

¹ Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

ПАМЯТИ РУСТЕМА МАХМУТОВИЧА НУРЕЕВА: ОБЗОР РАБОТ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ, УПРАВЛЕНИЮ ОТРАСЛЕВОЙ ЭКОНОМИКОЙ И ДРУГИМ НАПРАВЛЕНИЯМ

Контактное лицо:

Манушин Дмитрий Викторович, доктор экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента экономического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: predmet22@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 8588-3619, AuthorID: 673843

Еникеев Шамиль Ильясович, кандидат экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

E-mail: shienikeev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6172-1888>

eLIBRARY ID: SPIN-код: 1724-5160, AuthorID: 621706

Аннотация

Цель: обзор научного вклада Рустема Махмудовича Нуреева в российскую экономическую науку; определение лучших практик и жизненной позиции Р. М. Нуреева, позволивших ему оставить глубокий след в экономической науке.

Методы: ретроспективный научно-библиографический анализ, абстрактно-логический, монографический.

Результаты: перечислены основные результаты научной деятельности Рустема Махмудовича Нуреева, описаны наиболее значимые работы, позволившие ему, по мнению авторов, получить всероссийское и мировое признание. Работа условно разделена на две группы: популярные работы в области экономической теории и современные значимые работы.

Научная новизна: отмечены основные этапы и достижения научной деятельности Рустема Махмудовича Нуреева, впечатления авторов, сформировавшиеся в процессе работы с ним.

Практическая значимость: обзор поможет ознакомиться с научным вкладом Р. М. Нуреева в российскую науку.

© Манушин Д. В., Еникеев Ш. И., 2023

© Manushin D. V., Enikeev Sh. I., 2023

Ключевые слова: Рустем Махмутович Нуреев, Р. М. Нуреев, экономическая теория, микроэкономика, институциональная экономика, институциональное развитие, экономика развития, управление отраслевой экономикой, санкции

Благодарности: авторы благодарят Т. В. Крамина, доктора экономических наук, профессора, проректора по корпоративному управлению, заведующего кафедрой финансового менеджмента Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, за сделанные рекомендации по улучшению данной работы.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Манушин Д. В., Еникеев Ш. И. Памяти Рустема Махмутовича Нуреева: обзор работ по экономической теории, управлению отраслевой экономикой и другим направлениям // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17, № 2. С. 451–460. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.451-460

Brief communication

D. V. MANUSHIN¹,

Sh. I. ENIKEEV¹

¹Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia

TO THE MEMORY OF RUSTEM MAKHMUTOVICH NUREEV: REVIEW OF WORKS ON ECONOMIC THEORY, SECTORAL ECONOMY MANAGEMENT AND OTHER DIRECTIONS

Contact:

Dmitriy V. Manushin, Doctor of Economics, Associate Professor of the Department of Financial Management, Faculty of Economics, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: predmet22@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2799-9235>

Web of Science Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/L-9620-2016>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 8588-3619, AuthorID: 673843

Shamil I. Enikeev, Candidate of Sciences in Economics, Professor of the Department of Economic Theory, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

E-mail: shienikeev@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6172-1888>

eLIBRARY ID: SPIN-code: 1724-5160, AuthorID: 621706

Abstract

Objective: to review the scientific contribution of Rustem Makhmutovich Nureyev to the Russian economics; to determine the best practices and life position of R. M. Nureyev which enabled him to leave a deep mark in economics.

Methods: retrospective scientific-bibliographic analysis, abstract-logical, monographic methods.

Results: the main results of Rustem Makhmutovich Nureyev's scientific activity were listed; the most significant works were described that allowed him, in the authors' opinion, to receive all-Russian and world recognition. The works are conditionally divided into two groups: popular works in the field of economic theory and modern significant works.

Scientific novelty: the main stages and achievements of Rustem Makhmutovich Nureyev's scientific activity are noted, as well as the impressions of the authors formed in the process of working with him.

Practical significance: the review will help to get acquainted with the scientific contribution of R. M. Nureyev to the Russian science.

Keywords: Rustem Makhmutovich Nureyev, R. M. Nureyev, Economic theory, Microeconomics, Institutional economics, Institutional development, Development economics, Sectoral economy management, Sanctions

Acknowledgements: the authors thank T. V. Kramin, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Corporate Governance, Head of the Department of Financial Management of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov for the recommendations made to improve this work.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Manushin, D. V., & Enikeev, Sh. I. (2023). To the memory of Rustem Makhmutovich Nureyev: review of works on economic theory, sectoral economy management and other directions. *Russian Journal of Economics and Law*, 17(2), 451–460 (in Russ.). DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.451-460

Введение

Рустем Махмутович Нуреев¹ был неординарным человеком и ученым. В процессе общения с ним всегда поражали эрудированность, глубина и широта научных познаний. С одной стороны, это связано с основным направлением научной деятельности Р. М. Нуреева – экономической теорией. С другой – важную роль в становлении Р. М. Нуреева сыграло его желание глубокого и системного изучения явлений и процессов. В результате Рустем Махмутович Нуреев изучал вопросы философии, лежащие в основе экономической теории, историю экономической мысли, активно участвовал в развитии прикладных направлений в экономике (в сфере микроэкономики, институциональной экономики, экономики развития и т. п.).

Рустем Махмутович Нуреев получил всероссийское научное признание в девяностые годы прошлого века, что было связано с актуальностью и своевременностью его научных изысканий. Так, в 1990–2010 гг. кардинально менялись основы российской экономики и для ее развития нужны были новые подходы. К 1998 г. неприменимость использования западных подходов в отечественной экономике стала очевидной, и в это время Р. М. Нуреев опубликовал один из самых популярных своих трудов – «Курс микроэкономики» [1]². В дальнейшем Рустем Махмутович Нуреев изучал крайне актуальные вопросы. Так, он стоял у истоков подходов по адаптации институциональной экономики, экономики развития и других направлений российской экономики; своевременно реагировал на антироссийские санкции, возникновение такого направления, как цифровая экономика. Серьезный вклад в востребованность его трудов внес его способ написания работ – простота изложения сложных мыслей, яркие примеры, системность изложения материала, точность формулировок, кропотливость при изучении и обработке исходной информации, демонстрация процесса развития изучаемого явления. Не случайно ряд его работ содержит исторический и прогностический аспект: «прошлое, настоящее и будущее» [2–3] или «вчера, сегодня, завтра» [4–6]. Рустем Махмутович практиковал предварительное обсуждение многих научных результатов на лекциях и практических занятиях со студентами. Будучи сопредседателем Международной ассоциации институциональных исследований, участвовал в организации множества научных мероприятий в России и за рубежом. Активно участвовал в научной жизни страны: ездил на конференции и научные семинары, читал лекции и т. п. Он создавал и возглавлял сообщества, объединял людей, притягивал

¹ Он родился в 1950 г. в Москве. В 1972 г. с отличием окончил экономический факультет МГУ, а в 1975 г. – аспирантуру Московского государственного университета. После ее окончания начал работать на кафедре политической экономии МГУ. В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Принципы изучения производственных отношений в докапиталистических формациях (в связи с дискуссией об «азиатском способе производства»)». С 1983 г. – доцент кафедры политической экономии МГУ. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Особенности взаимодействия производительных сил и производственных отношений в докапиталистических формациях».

² Он выдержал более 20 переизданий, в том числе и за рубежом, общий тираж превысил 200 тыс. экз.

и вовлекал в активную научную работу множество ученых, закладывал яркие традиции. Активность Рустема Махмутовича Нуреева была одной из ключевых черт его характера, ставшая залогом его успеха. В этой связи он справедливо отмечал: «Если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан» [7].

Все труды Р. М. Нуреева можно условно разделить на две группы: популярные исследования³ (все они посвящены изучению отдельных направлений экономической теории) и узкоспециализированные актуальные научные работы (преимущественно в области управления экономикой и изучения ее отдельных отраслей). В последние годы научная активность и продуктивность Р. М. Нуреева была на привычном для него очень высоком уровне. Часть его последних работ еще только набирает популярность в профессиональной среде.

Обзор популярных работ в области экономической теории

Рустем Махмутович Нуреев в 2001 г. заложил основы такого направления российской экономики, как экономика развития [8]. В других странах это направление возникло в середине XX в. В то же время данное направление очень индивидуально для каждой страны, поэтому подготовка этой работы применительно к российской экономике была особенно важной. В своем учебнике на эту тему Р. М. Нуреев рассматривал классические теории и модели роста, развития и модернизации экономики; факторы, влияющие на развитие экономики; политико-экономический подход к развитию российской и зарубежной экономики (Ю. Корея, Китай и др.); проблемы российской экономики; стратегию и тактику российской модернизации. Преимуществом этого учебника является хорошая изученность истории данного вопроса, масштабность рассматриваемых аспектов, простота изложения сложных тем, наличие интересных задач и заданий. Последователи Р. М. Нуреева в этой области в основном концентрировались на частных аспектах. Так, отдельно изучены стратегические ориентиры устойчивого социально-экономического развития России [9], развитие фирм [10], социальное развитие [11], политико-экономический условный деловой цикл [12], антикризисные меры [13, 14] и другие аспекты. В ряде вузов спустя 10–15 лет созданы дисциплины «Экономика развития». В этой связи данный труд Рустема Махмутовича Нуреева можно признать основополагающим для многих других направлений современных исследований, который не утратил своей актуальности и в настоящее время.

Особое внимание следует уделить популярному труду Рустема Махмутовича Нуреева «Теория общественного выбора» [15], пять раз переизданному. Р. М. Нуреев очень детально раскрыл это направление неоинституционализма. Его работа основана на более раннем исследовании Д. М. Бьюкенена [16]. В то же время труд Р. М. Нуреева тесно связан с российской экономикой и политикой. При этом в России до сих пор еще никем не предложен схожий по масштабам курс лекций, с наглядными российскими примерами, задачами и заданиями.

Самым же известным трудом Рустема Махмутовича является его учебник «Курс микроэкономики» [1], первое издание которого вышло в 1998 г., но в его основе лежало учебное пособие Р. М. Нуреева «Основы экономической теории. Микроэкономика» (1996 г.) [17]. В системе eLIBRARY.RU он является самым цитируемым учебником по микроэкономике. Такая популярность завоевана благодаря интересной подаче материала; комплексу задач и заданий (предложено много кейсов, есть задачи и вопросы обычной и повышенной сложности, тесты), соответствующих самым строгим современным требованиям; предоставление взаимосвязи истории изучаемых аспектов с современными подходами; сделан акцент на институциональную экономику (в учебные программы многих вузов дисциплина «Институциональная экономика» вошла лишь спустя 10 лет); материал учебника приближен к российским реалиям; в начале учебника раскрыты методы экономической теории, использованные в процессе работы над этим пособием (формальной логики, диалектики, экономических моделей и экспериментов).

Важно отметить такую работу Рустема Махмутовича Нуреева, как «Россия: особенности институционального развития» [18]. В ней он рассматривает варианты развития экономики Российской Федерации как в целом, так и в ее отдельных отраслях. В ней проведена серьезная работа в области изучения российских проблем, которая

³ Их важность подтверждена многочисленными переизданиями и большим числом цитирований.

подтверждена статистическими данными, и предложены меры по их решению с использованием институционального подхода. В результате работа Р. М. Нуреева является отдельным и интересным исследованием, что обуславливает необходимость ее изучения специалистам по институциональному развитию российской экономики.

Обзор современных ключевых работ в области управления санкциями и регионами, изучения цифровой экономики и социального капитала; управления отраслевой экономикой

Рустем Махмутович Нуреев реагировал на фундаментальные изменения российской экономики и на начало антироссийских санкций в конце 2014 г. Его самые популярные работы (2015–2017 гг.) посвящены воздействию санкций на рядовых потребителей [19], ожидаемым и реальным последствиям от санкций [20–22], резервам роста инновационного потенциала российской экономики в санкционных условиях [22], промежуточным результатам от первой волны существенных санкций [23]. Отличительной особенностью всех работ Р. М. Нуреева в этой области является детальное исследование истории изучаемого вопроса⁴, подробный анализ ситуации (в основном на основе статданных), прогноз основных обнаруженных тенденций (обычно в виде пессимистического и оптимистического сценария). Отдельно стоит отметить работы, посвященные изучению влияния санкций на отдельные отрасли агропромышленного комплекса [25], нефтяную и газовую промышленность [26], оборонно-промышленный комплекс [27]. Их особенностью является меньшее внимание, уделяемое изучению истории возникшей проблемы, и концентрация на мерах по решению выявленных вопросов в области инновационного развития, импортозамещения, выхода на международный рынок и т. п. В результате все эти работы, помимо своевременных раскрытых сценариев развития российской экономики и ее отдельных отраслей, стали фундаментом исследований других ученых, изучающих санкции как 2014–2015 гг. [28–30], так и 2022 г. (общий [31–33] и отраслевой [34–36] подходы).

Рустем Махмутович Нуреев при изучении проблем управления регионами обращал внимание на подоплеку происходящих в них событий. Так, в своих исследованиях он делал акцент не на следствиях, а на причинах успехов и неудач рассматриваемых российских регионов. При этом он учитывал институциональную составляющую их экономического развития. В результате он обнаружил классические проблемы управления регионами, связанные с неравномерностью их развития, и выявил причины этих проблем, обусловленные влиянием административного ресурса (реализованного и потенциального). В результате он предложил меры по управлению этими проблемами в области реализации стратегий взаимодействия бизнеса и государства, улучшения политической и экономической конкуренции в регионах с целью повышения мотивации работы губернаторов, выделения приоритетных групп регионов, нуждающихся в ускоренном развитии (южные и поволжские) [37, 38].

В области изучения цифровой экономики Рустем Махмутович Нуреев сконцентрировался на изучении истории развития цифровой экономики [39], сделал ряд интересных выводов в области ее инновационного развития [40] и повышения производительности труда [41]. Подобный подход весьма редок, так как современные исследователи обычно не уделяют много внимания истории изучаемого вопроса, что часто приводит к ограниченным выводам и рекомендациям⁵. Высокий интерес современных ученых к результатам классических схем изучения и решения возникших проблем подтверждает большее число цитирований этих исследований.

В то же время особое внимание Рустем Махмутович Нуреев уделял деятельности нефтегазового сектора, включающего самые высокодоходные отрасли российской экономики. В итоге он обосновал основные факторы, влияющие на капитализацию и развитие этих компаний [42–44].

При изучении рынка легковых автомобилей Р. М. Нуреев провел сравнение российской автомобильной промышленности с зарубежной [5, 45–46], что обеспечило высокое качество его выводов и прогнозов (так,

⁴ Например, Р. М. Нуреев с соавторами обнаружили, что в период с 1914 по 1944 г. доля успешных санкций составила 50 %, с 1945 по 1969 г. – 33 %, а с 1990 по 2000 г. – 28,2 %, т. е. мировой опыт противодействия санкциям заметно снизил их эффективность в мировой экономике [24. С. 18].

⁵ Все это подтверждает высказывание А. Гершенкрона, которое Р. М. Нуреев разместил на своем сайте: «Качество нашего понимания текущих проблем зависит от ширины выбранных рамок сопоставления».

Р. М. Нуреев в 2010 г. указывает на то, что в долгосрочной перспективе Китай будет делать легковые автомобили для всего мира). Этот прогноз во многом подтверждается современным переходом российских потребителей с европейских автомашин на китайские.

Рустем Махмутович Нуреев сделал достаточно много интересных прогнозов. Так, он предполагал, что самыми населенными странами к 2100 г. станут Китай, Индия и Нигерия, а европейские страны частично утратят свою национальную идентичность из-за сокращения численности этнических европейцев [47]. Ислам в будущем станет основной мировой религией из-за снижения количества христиан и увеличения числа мусульман (вследствие их высокой рождаемости) [4].

В период коронакризиса Рустем Махмутович Нуреев отреагировал на изменения цен на жилую недвижимость [48] и справедливо указал на повышение спроса со стороны домохозяйств на рынке жилья как на основной выход из коронакризиса [49]. При этом уделил внимание проблемам реализации семейной политики в Российской Федерации, в том числе проблемам бедности, стимулирования рождаемости и управления государственными расходами в этой области [50].

Рустем Махмутович Нуреев длительное время изучал социальный и человеческий капитал. Он рассматривал его как с социальной позиции (например, выделял такие его характеристики, как честность, ответственность, доверие, патриотизм) [51], так и с экономической точки зрения, рассматривая доходы населения, полученное им образование, социальное неравенство, управление государством человеческим капиталом [52]. В одном из исследований он справедливо обозначил одну из неафишируемых основных социальных проблем населения – «застойную бедность» [53]. При этом он обращал внимание на примыкающие к этим проблемам сложности управления чиновниками, выделяя их саботаж как основную проблему невыполнения инициатив федерального центра (для устранения саботажа он предложил внедрить ряд институциональных мер) [54].

Заключение

Труды Рустема Махмутовича Нуреева занимают заслуженное высокое место в золотом фонде российской экономической науки. При этом ценность его трудов со временем будет только возрастать.

С уходом Рустема Махмутовича Нуреева мы потеряли человека мировой величины в экономической науке. Вся его жизнь была посвящена глубокому изучению и познанию истории [13–15], архитектуры [16], человеческих отношений, социально-экономическому устройству мира. Он был по-настоящему талантлив, поэтому результаты его работ всегда актуальны, системны и по-научному ярки. Выступления Рустема Махмутовича Нуреева были емкими, а изложение было похоже на детектив, где он вовлекал слушателя в научное расследование. Эрудированность и широта познаний, простота подачи сложных вопросов не могла никого оставить равнодушным. За время совместной работы и яркого общения мы полюбили Рустема Махмутовича! Он всегда будет в наших сердцах.

Список литературы

1. Нуреев Р. М. Курс микроэкономики. Москва: Инфра-М, 1998. 572 с.
2. Нуреев Р. М. Институционализм: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 125–131.
3. Нуреев Р. М. Теория инноваций: прошлое, настоящее, будущее // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: Экономическая. 2013. № 1(43). С. 85–96.
4. Нуреев Р. М. Ислам как транзитная цивилизация: вчера, сегодня, завтра // Теоретическая экономика. 2022. № 6(90). С. 143–161.
5. Нуреев Р. М., Кондратов Д. И. Рынок легковых автомобилей: вчера, сегодня, завтра // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2. № 3. С. 86–128.
6. Нуреев Р. М. Азиатский способ производства: вчера, сегодня, завтра // Государство и рынок: механизмы и институты евразийской интеграции в условиях усиления глобальной нестабильности. Санкт-Петербург, 2021. С. 78–94.
7. Рустем Махмутович Нуреев: если мы не будем заявлять о себе, наш голос не будет услышан // Мир новой экономики. 2015. № 2. С. 37–46.

8. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. Москва: Инфра-М, 2001. 601 с.
9. Львов Д. С. Экономика развития. Москва: Экзамен, 2002. 511 с.
10. Экономика развития: учебное пособие / под общ. ред. Н. Р. Кельчевской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 116 с.
11. Роик В. Д. Экономика развития: неравенство, бедность и развитие. Москва: Юрайт, 2020. 474 с.
12. Манушин Д. В. Обзор, обобщение и оценка теорий экономических циклов и кризисов. Выделение и сопоставление новых теорий: политико-экономического условного цикла и бесконечного кризиса // Финансы и кредит. 2016. № 2. С. 9–26.
13. Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора российской экономики / Ю. В. Симачев, А. А. Яковлев, М. Г. Кузык и др. Москва: ГУ-ВШЭ, МАЦ. 2009, 64 с.
14. Манушин Д. В. Оценка и совершенствование антикризисных планов в России и мире в условиях пандемии COVID-19. Специфика управления кризисом в государстве // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 697–732. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732>
15. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. Москва: Высшая школа экономики, 2005. 478 с.
16. Нуреев Р. М. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора / Сер. «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. Москва: Таурус Альфа, 1997.
17. Нуреев Р. М. Основы экономической теории. Микроэкономика. Москва: Высшая школа, 1996. 447 с.
18. Нуреев Р. М. Россия: особенности институционального развития. Москва: Норма, 2009. 448 с.
19. Нуреев Р. М., Петраков П. К. Рядовой потребитель: бремя экономических санкций против России // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 3. С. 40–60.
20. Нуреев Р. М., Петраков П. К. Экономические санкции против России: ожидания и реальность // Мир новой экономики. 2016. № 3. С. 14–31.
21. Экономические санкции против России: ожидания и реальность / П. В. Арефьев, М. Л. Альпидовская, Р. М. Нуреев и др. Москва: КноРус, 2017. 194 с.
22. Нуреев Р. М., Симаковский С. А. Инновационный потенциал России в условиях экономических санкций: резервы роста // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7, № 4. С. 32–47.
23. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Экономические санкции Запада и российские антисанкции: успех или провал? // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.4.006-027>
24. Экономические санкции против России и российские антисанкции: издержки и выгоды конфронтации / под ред. Р. М. Нуреева. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 2021. 254 с.
25. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Российский агропромышленный комплекс в условиях экономических санкций: проблемы повышения эффективности политики импортозамещения // Журнал экономической теории. 2017. № 4. С. 8–25.
26. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Экономические санкции против России: краткосрочные и среднесрочные последствия для нефтяной и газовой промышленности // Journal of Economic Regulation. 2017. Т. 8, № 3. С. 6–22. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.3.006-022>
27. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Экономические санкции как фактор модернизации оборонно-промышленного комплекса России // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 3. С. 97–118. DOI: <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.097-118>
28. Российские регионы в условиях санкций: возможности опережающего развития экономики на основе инноваций / под ред. Г. А. Хмелева. Самара: Изд-во: Самарский государственный экономический университет, 2019. 446 с.
29. Инновационное развитие российских регионов в условиях санкций / Г. А. Хмелева, В. К. Семёнычев, Е. Н. Королева и др. Самара: Издательство Самарского научного центра, 2017. 304 с.
30. Структурные изменения российского зернового баланса в условиях антироссийских санкций: региональный аспект / Е. А. Капогузов, Р. И. Чупин, М. С. Харламова // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 122–139.
31. Манушин Д. В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 2. С. 345–369. DOI: <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369>
32. Vaganova O. V. Russia and sanctions // Research Result. Economic Research. 2022. Т. 8, № 1. С. 4–11. DOI: <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1>
33. Комплекс предложений по защите экономики России от санкций стран Запада на макро-, мезо- и микроуровне / А. В. Зимовец, Ю. В. Сорокина, А. В. Ханина // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 2. С. 195–214. DOI: <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>
34. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94. DOI: <https://doi.org/10.20295/2223-9987-2022-1-80-94>
35. Влияние экономических санкций на деятельность топливно-энергетического комплекса России / А. К. Захаров, С. Л. Озеров, В. В. Великороссов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2, № 3(123). С. 79–91.

36. Влияние санкций на технологический суверенитет России / С. В. Шкодинский, А. М. Кушнир, И. А. Продченко // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 2. С. 75–96. DOI: <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96>
37. Нуреев Р. М. Регионалистика: резервы институционального подхода // Terra Economicus. 2009. Т. 7, № 2. С. 18–41.
38. Нуреев Р. М. Введение в институциональную регионалистику // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 2. С. 4–6.
39. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Три этапа становления цифровой экономики // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 2. С. 6–27.
40. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Цифровизация экономики в контексте волнообразного характера инновационного развития // Управленческие науки. 2020. Т. 10, № 1. С. 36–54. DOI: <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-36-54>
41. Карапаев О. В., Нуреев Р. М. Цифровизация экономики и производительная сила труда // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 3. С. 76–91.
42. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Система факторов, влияющих на капитализацию публичных нефтяных компаний сектора добычи // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 2. С. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.38050/01300105202023>
43. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Глобальные институты и их влияние на капитализацию нефтяных компаний // Журнал институциональных исследований. 2019. Т. 11, № 2. С. 6–27.
44. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. Крупнейшие публичные нефтяные компании: влияние внешних и внутренних факторов на капитализацию // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 5(113). С. 87–100.
45. Нуреев Р. М., Кондратов Д. И. Рынок легковых автомобилей: до и после кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 3. С. 110–120.
46. Нуреев Р. М., Кондратов Д. И. Автомобильная промышленность: тенденции развития // Философия хозяйства. 2010. № 2(68). С. 143–168.
47. Нуреев Р. М. Демографический взрыв и его последствия в XXI веке // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 2(11). С. 45–60.
48. Нуреев Р. М., Гуляева О. А. Недвижимость домашних хозяйств: институциональный анализ // Terra Economicus. 2021. Т. 19, № 2. С. 39–57.
49. Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р. Повышение спроса российских домохозяйств как предпосылка выхода из затянувшегося коронакризиса // Теоретическая экономика. 2021. № 10(82). С. 86–96.
50. Семейные домохозяйства и семейная политика в современной России / Р. М. Нуреев, Е. А. Капогузов, Ю. В. Латов, Р. И. Чупин. Москва: КноРус, 2023. 236 с.
51. Нуреев Р. М., Ницаева О. В. Этические факторы повышения социального капитала в России // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7, № 2. С. 20–37. DOI: <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.2.020-037>
52. Нуреев Р. М. Проблемы развития человеческого капитала // Журнал институциональных исследований. 2012. Т. 4, № 1. С. 4–8.
53. Нуреев Р. М. Человеческий капитал и его развитие в современной России // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 5–21.
54. Манушин Д. В., Нуреев Р. М. Саботаж российских чиновников и основные меры по борьбе с ним. // Журнал институциональных исследований. 2022. Т. 14, № 1. С. 55–69.

References

1. Nureev, R. M. (1998). *Course in Microeconomics*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
2. Nureev, R. M. (1997). Institutionalism: past, present, future. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 125–131. (In Russ.).
3. Nureev, R. M. (2013). Theory of innovations: past, present, future. *Nauchnye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskaya*, 1(43), 85–96. (In Russ.).
4. Nureev, R. M. (2022). Islam as a transit civilization: yesterday today tomorrow. *Teoreticheskaya Ekonomika*, 6(90), 143–161. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.52957/22213260_2022_6_143
5. Nureev, R. M., & Kondratov, D. I. (2010). Market of motor cars: yesterday, today, tomorrow. *Journal of Institutional Studies*, 2(3), 86–128. (In Russ.).
6. Nureev, R. M. (2021). Concept of Asian production method: reasons for refusal under socialism. In S. A. Dyatlov, D. Yu. Miropol'skii, & T. A. Selishcheva. *The state and the market: mechanisms and institutions of Eurasian integration in the conditions of increasing global instability* (pp. 78–94). Saint Petersburg. (In Russ.).

7. Rustem M. Nureev: If we do not speak up for ourselves, our voice will not be heard. (2015). *The World of New Economy*, 2, 37–46. (In Russ.).
8. Nureev, R. M. (2001). *Economics of development: models of market economy formation*. Moscow: Infra-M. (In Russ.).
9. L'vov, D. S. (2002). *Economics of development*. Moscow: Ekzamen. (In Russ.).
10. Kel'chevskaya, N. R. (Ed.). (2021). *Economics of development: tutorial*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russ.).
11. Roik, V. D. (2020). *Economics of development: inequality, poverty and development*. Moscow: YURAIT. (In Russ.).
12. Manushin, D. V. (2016). Review, generalization and evaluation of theories of economic cycles and crises. development and comparison of new theories of the political and economic conditional cycle and the infinite crisis. *Finance and Credit*, 2, 9–26. (In Russ.).
13. Simachev, Yu. V., Yakovlev, A. A., Kuzyk, M. G. et al. (2009). *Assessing anticrisis measures to support the real sector of the Russian economy*. Moscow: GU-VSHEH, MATS. (In Russ.).
14. Manushin, D. V. (2020). Evaluating and improving the anti-crisis plans in Russia and worldwide under COVID-19 pandemics. Specific features of crisis management in the state. *Actual Problems of Economics and Law*, 14(4), 697–732. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.4.697-732>
15. Nureev, R. M. (2005). *Public choice theory*. Moscow: Vysshaya shkola ehkonomiki. (In Russ.).
16. Nureev, R. M. (1997). *James Buchanan and the public choice theory*. Series “Nobel prize laureates in economics” (Vol. 1). Moscow: Taurus Alfa. (In Russ.).
17. Nureev, R. M. (1996). *Bases of economic theory. Microeconomics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
18. Nureev, R. M. (2009). *Russia: features of institutional development*. Moscow: Norma. (In Russ.).
19. Nureev, R. M., & Petrakov, P. K. (2015). The ordinary consumer: the burden of economic sanctions against Russia. *Journal of Economic Regulation*, 6(3), 40–60. (In Russ.).
20. Nureev, R. M., & Petrakov, P. K. (2016). Economic sanctions against Russia: expectations and reality. *The World of New Economy*, 10(3), 14–31. (In Russ.).
21. Aref'ev, P. V., Al'pidovskaya, M. L., Nureev, R. M. et al. (2017). *Economic sanctions against Russia: expectations and reality*. Moscow: KnoRus. (In Russ.).
22. Nureev, R. M., & Simakovskii, S. A. (2016). Russian innovative potential in the conditions of economic sanctions: reserves of growth. *Journal of Economic Regulation*, 7(4), 32–47. (In Russ.).
23. Nureev, R. M., Busygin, E. G. (2016). Economic sanctions of the West and Russian anti-sanctions: success or a failure? *Journal of Institutional Studies*, 8(4), 6–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2016.8.4.006-027>
24. Nureev, R. M. (Ed.) (2021). *Economic sanctions against Russia and Russian antisandictions: costs and benefits of confrontation* (2nd ed., amended and completed). Moscow.
25. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2017). The Russian agro-industrial complex in the conditions of economic sanctions: problems of improving the effectiveness of the import substitution policy. *Russian Journal of Economic Theory*, 4, 8–25. (In Russ.).
26. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2017). Economic sanctions against Russia: short and medium term consequences for the oil and gas industry. *Journal of Economic Regulation*, 8(3), 6–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2017.8.3.006-022>
27. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2017). Economic sanctions as a factor of modernizing of russian defense industry complex. *Journal of Institutional Studies*, 9(3), 97–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.3.097-118>
28. Khmelev, G. A. (2019). *Russian regions under sanctions: opportunities for advanced economic development based on innovations*. Samara: Samara State University of Economics. (In Russ.).
29. Khmeleva, G. A., Semenychev, V. K., Koroleva, E. N. et al. (2017). *Innovative development of the Russian regions under sanctions*. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo nauchnogo tsentra. (In Russ.).
30. Kapoguzov, E. A., Chupin, R. I., & Kharlamova, M. S. (2018). Structural changes of the Russian grain balance under anti-Russia sanctions: regional aspect. *Terra Economicus*, 16(2), 122–139. (In Russ.).
31. Manushin, D. V. (2022). Global economy of sanctions, sanctions, countersanctions and the new global currency. *Russian Journal of Economics and Law*, 16(2), 345–369. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.345-369>
32. Vaganova, O. V. (2022). Russia and sanctions. *Research Result. Economic Research*, 8(1), 4–11. <https://doi.org/10.18413/2409-1634-2022-8-1-0-1>
33. Zimovets, A. V., Sorokina, Yu. V., & Khanina, A. V. (2022). A set of proposals to protect the Russian economy from Western sanctions at the macro-, meso- and micro-levels. *Journal of International Economic Affairs*, 12(2), 195–214. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/eo.12.2.114792>
34. Pokrovskaya, O. D. (2022). Russia's Logistics Transport Systems under new Sanctions. *Bulletin of Scientific Research Results*, 1, 80–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.20295/2223-9987-2022-1-80-94>
35. Zakharov, A. K., Ozerov, S. L., & Velikorossov, V. V. (2022). Impact of economic sanctions on the functioning of fuel-energy complex of Russia. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2(3), 79–91. (In Russ.).

36. Shkodinsky, S. V., Kushnir, A. M., & Prodchenko, I. A. (2022). The impact of sanctions on Russia's technological sovereignty. *Market Economy Problems*, 2, 75–96. (In Russ.). <https://doi.org/10.33051/2500-2325-2022-2-75-96>
37. Nureev, R. M. (2009). Regional studies: reserves of institutional approach. *Terra Economicus*, 7(2), 18–41. (In Russ.).
38. Nureev, R. M. (2010). Introduction to institutional regional studies. *Journal of Institutional Studies*, 2(2), 4–6. (In Russ.).
39. Nureev, R. M., & Karapaev, O. V. (2019). Digital economy as an economic institute. *Journal of Economic Regulation*, 10(2), 6–27. (In Russ.).
40. Nureev, R. M., & Karapaev, O. V. (2020). Economy Digitalization under the wave Nature of Innovation Development. *Management Sciences*, 10(1), 36–54. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2404-022X-2020-10-1-36-54>
41. Karapaev, O. V., & Nureev, R. M. (2019). Economy Digitalization under the Wave Nature of Innovation Development. *Journal of Economic Regulation*, 10(3), 76–91. (In Russ.).
42. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2020). The system of factors affecting the capitalization of public oil companies in the upstream sector. *Moscow University Economics Bulletin*, 2, 46–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.38050/01300105202023>
43. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2019). Global institutions and their impact on the capitalization of oil companies. *Journal of Institutional Studies*, 11(2), 6–27. (In Russ.).
44. Nureev, R. M., & Busygin, E. G. (2019). Biggest Public Oil Companies: Impact of External and Internal Factors on Capitalization. *Finance: Theory and Practice*, 23(5), 87–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2019-23-5-87-100>
45. Nureev, R., & Kondratov, D. (2010). World Automobile Market: before and after the Economic Crisis. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 110–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2010-3-110-120>
46. Nureev, R. M., & Kondratov, D. I. (2010). Automobile industry: trends of development. *Filosofiya khozyaistva*, 2(68), 143–168. (In Russ.).
47. Nureev, R. M. (2021). Demographic explosion and its effects in the XXI century. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2(11), 45–60. (In Russ.).
48. Nureev, R. M., & Guliaeva, O. A. (2021). Institutional analysis of housing in Russia. *Terra Economicus*, 19(2), 39–57. (In Russ.).
49. Nureev, R. M., & Akhmadeev, D. R. (2021). Russian households' demand increasing as a precondition for overcoming the prolonged coronacrisis. *Theoretical Economy*, 10(82), 86–96. (In Russ.).
50. Nureev, R. M., & Kapoguzov, E. A., Latov, Yu. V., & Chupin, R. I. (2023). *Family households and family policy in modern Russia*. Moscow: KnoRus. (In Russ.).
51. Nureev, R. M., & Nifaeva, O. V. (2016). Ethical factors of social capital in creasing in Russia. *Journal of Economic Regulation*, 7(2), 20–37. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2016.7.2.020-037>
52. Nureev, R. M. (2012). Problems of human capital development. *Journal of Institutional Studies*, 4(1), 4–8. (In Russ.).
53. Nureev, R. M. (2009). Human capital and its development in modern Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 4, 5–21. (In Russ.).
54. Manushin, D. V., & Nureev, R. M. (2022). Sabotage of Russian Officials and Main Measures to Combat It. *Journal of Institutional Studies*, 14(1), 55–69. (In Russ.).

Вклад авторов

Д. В. Манушин – подготовка введения, обзор работ по экономической теории и управлению регионами, составление заключения статьи.

Ш. И. Еникеев – обзор научных работ Р. М. Нуреева по управлению отраслевой экономикой и другим направлениям.

The author's contributions

D. V. Manushin – prepared the introduction, literature review on economic theory and management of regions, compiled the conclusion.

Sh. I. Enikeev – review of R. M. Nureev's scientific works on sectoral economy management and other directions.

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

Дата поступления / Received 20.04.2023

Дата принятия в печать / Accepted 21.05.2023

ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ / INFORMATION ABOUT THE CONFERENCES

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Институциональная трансформация экономики: правила эффективной политики»

(Восточная конференция ITE-2023)

Новосибирск, 25–30 сентября 2023 года

ПЕРВОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

ЦЕЛЬ КОНФЕРЕНЦИИ – представление и заинтересованное обсуждение результатов научных исследований по следующим направлениям:

- особенности институционального дизайна;
- конституционное развитие как фактор экономической и политической деятельности;
- проектирование институтов;
- анализ институциональных изменений;
- права собственности, трансакционные издержки и экономическая эффективность;
- факторы эффективности и причины несовершенства государственного вмешательства;
- информационно-статистическое обеспечение анализа организаций и институтов;
- влияние исторических, социальных и когнитивных факторов на формирование институтов и экономический выбор.

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА ВКЛЮЧАЕТ

1. Школа для докторантов и аспирантов «Теория и методология институциональной экономики» (26–27.09.2023)

Учебный блок	Темы лекционных занятий
1	Методология экономической науки
2	Методология новой институциональной экономической теории
3	Институциональное проектирование
4	Экономический анализ права
5	Развитие экономических представлений о поведении

Обучение докторантов и аспирантов в Школе бесплатное. Заявки от организаций с данными потенциальных участников Школы направляются по адресу проведения конференции и дублируются на электронную почту конференции: maii.2023.novosibirsk@mail.ru в соответствии с планом мероприятий. Направляющая сторона самостоятельно обеспечивает трансфер, проживание и питание своих представителей. Участники Школы проходят предварительный отбор со стороны программного комитета конференции. При отборе учитываются публикационная активность, уровень и тематика публикаций. Принятые участники будут уведомлены со стороны организационного комитета в соответствии с планом мероприятий. Прибытие иногородних участников Школы планируется с 25.09.2023. Регистрация участников Школы состоится в первый день лекций – 26.09.2023.

2. Научная конференция (28–29.09.2023)

События	Наименование
Пленарное заседание	Условия и правила эффективной политики. Проблемы регулирования
Секция 1	Теория и методология институциональной экономики
Секция 2	Информационно-статистическое обеспечение институционального анализа
Секция 3	Качество правил как фактор экономической политики
Секция 4	Социальный контекст институционализации экономических отношений
Секция 5	Экономический анализ нормативных актов и судебных решений
Секция 6	Институты эффективного финансирования
Секция 7	Экономическая психология, правила поведения и экономический выбор

Прибытие иногородних участников на конференцию предполагается с 27.09.2023. Регистрация участников конференции состоится в первый день работы конференции – 28.09.2023.

3. Экспертная сессия (28–29.09.2023)

Поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г. как основа устойчивого развития

Конституция Российской Федерации в 2020 г. впервые претерпела весьма серьезные содержательные преобразования, сконцентрированные на изменении конфигурации публичной власти в России, основных направлений социально-экономической и политической модернизации, перераспределении и расширении властных полномочий федеральных органов государственной власти. Прошли три года с момента внесения поправок, что позволяет сопоставить ожидания 2020 г. с важными результатами и следствиями реформы. Предполагается экспертное обсуждение влияния изменений Конституции на устойчивое развитие общества, экономики, государства и личности.

4. Круглые столы (28–29.09.2023)

События	Наименование
1	«Наследие. Российские ученые и исследователи». Михаил Константинович Сидоров. Формальные и неформальные правила в развитии Севера России. Оригиналы публикаций: https://www.prlib.ru/item/443387 (1870 г.) https://www.litres.ru/m-sidorov/sever-rossii-1-o-gornyh-ego-bogatstvah-i-prepyatstviyah-k-ih-razrabotke/ (1881 г.)
2	НЭП 2.0. Национальное производство в современных экономических условиях. Рабочая встреча с представителями органов государственного управления, ответственными за экономическое развитие
3	Научные журналы и авторы: проблемы взаимодействия. Встреча с руководством редакционных коллегий журналов: Journal of Institutional Studies https://hjournal.ru/en/journals/journal-of-institutional-studies.html ЭКО https://ecotrends.ru/index.php/eco Terra Economicus https://te.sfedu.ru AlterEconomics https://jet-russia.com/ Journal Universe of Russia. Sociology. Ethnology https://mirros.hse.ru/

Контактная информация

Электронная страница для регистрации и информирования: <https://nsuem.ru/transform/lp/>

ПЯТЫЙ РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

11–15 сентября 2023 г. Новая экономическая ассоциация, Институт экономики Российской академии наук, Уральский государственный экономический университет и Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук проводят пятый Российский экономический конгресс (РЭК-2023).

Место проведения: г. Екатеринбург

Формат проведения: смешанный (очно и онлайн)

Официальный сайт РЭК-2023: <http://www.econorus.org/congress.phtml>

Проблематика РЭК-2023 представлена следующими тематическими конференциями:

1. Методология, история экономической мысли и экономическая история.
2. Микроэкономика и теория игр.
3. Макроэкономика и экономический рост.
4. Прикладная эконометрика.
5. Институты и институциональные теории.
6. Государственное и корпоративное управление.
7. Международная экономика.
8. Пространственная и региональная экономика.
9. Наука и инновации.
10. Экономика труда и проблемы миграции.
11. Социальная политика.
12. Демография и пенсионные системы.
13. Креативные индустрии.
14. Экономика фирмы, отраслевые рынки и промышленная политика.
15. Банки, деньги и финансовые рынки (теория денег и цифровые валюты; децентрализованные финансы и механизмы их регулирования; монетарная политика ЦБ в современных условиях; финансовые риски и риск-контроллинг; финансовые институты и банки; регулирование и пруденциальный надзор; ESG-трансформация и рейтинги; финансовые рынки).
16. Цифровая экономика и сети.
17. Междисциплинарные исследования в экономике.
18. Экономика природопользования и устойчивое развитие.
19. Конференция молодых ученых (аспиранты и студенты).

Подробная информация на сайте: <http://www.econorus.org/congress.phtml>

Контактный e-mail: congress_2023@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ О РЕДАКТОРАХ РУБРИК / INFORMATION ON THE RUBRICS EDITORS

Гафурова Гульнара Талгатовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Gulnara T. Gafurova, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the “Finance and Credit” Department, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Селиверстова Наталья Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая теория и эконометрика», Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Natalya S. Seliverstova, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor of the Department “Economic theory and econometrics”, Kazan (Volga) Federal University, Kazan

Григорьев Руслан Аркадиевич, доктор философии в области экономики (Великобритания), заместитель директора НИИ проблем социально-экономического развития, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Ruslan A. Grigoryev, PhD in Economics (UK), Deputy director at Scientific-Research Institute, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Andrey G. Nikitin, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Dean of the Faculty of Law, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Бикеев Игорь Измаилович, доктор юридических наук, профессор, первый проректор, проректор по научной работе Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, г. Казань

Igor I. Bikeev, Doctor of Law, Professor, Vice Editor-in-Chief, First Vice-Rector, Vice-Rector on Scientific work, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминологии, Нижегородская академия Министерства внутренних дел России, г. Нижний Новгород

Pavel A. Kabanov, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation, Nizhniy Novgorod

Шаббар Джеффри, доктор философии в области экономики, профессор, Портсмутская бизнес-школа, Университет г. Портсмут, г. Портсмут, Великобритания

Jaffry Shabbar, PhD (Economics), Professor, Portsmouth Business School at University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем журнала является частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева». Издатель – ООО «Татарский центр образования «Таглимат».

Тематика журнала представлена в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Журнал осуществляет научное рецензирование (двойное слепое) всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим специальностям:

5.2. Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория.

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.1. Юридические науки.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций, Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Редакция, редакционная коллегия и рецензенты научного журнала Russian Journal of Economics and Law просят авторов, направляющих статьи для публикации, руководствоваться следующими правилами при оформлении статей.

Статья и сопроводительные материалы отправляются в электронном виде по почте или загружаются через личный кабинет автора на сайте журнала: <https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines> (если не удастся отправить файлы через эту форму, материалы можно присылать на e-mail: RusJEL@ieml.ru).

Для публикации научной статьи автор (авторы) должен подготовить рукопись статьи и сопроводительные документы к ней.

Электронная версия статьи записывается в формате Microsoft Word или RTF. Оформляется строго в соответствии с правилами оформления материалов (<https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Рекомендованный объем статьи: 40 000 знаков. Минимальный – не менее 30 000 знаков с пробелами (без аннотаций и списка литературы).

Сопроводительные документы к рукописи статьи должны включать в себя:

- заявление на обработку персональных данных каждого из авторов;
- заявление о согласии на распространение персональных данных каждого из авторов;
- лицензионный договор, подписанный каждым из авторов.

Автор, направляющий статью в журнал Russian Journal of Economics and Law, выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т. д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер, либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), HeinOnline, Cyberleninka, RePec, Doaj, ProQuest.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Если в статье упоминается запрещенная в Российской Федерации организация (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret), то после первого ее упоминания в статье обязательно должно быть указано, что деятельность данной организации запрещена на территории РФ.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Все публикации бесплатны для авторов и читателей: платиновый открытый доступ (Platinum Open Access). Все опубликованные статьи доступны для чтения, загрузки и распространения сразу после публикации, при условии что исходный источник и авторы цитируются Creative Commons Attribution License - NonCommercial 4.0 (CC BY-NC 4.0).

Авторский гонорар за издание статей не выплачивается. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков отдельным файлом с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – от 150 до 250 слов. Печатается в начале статьи. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

Подробнее см. на сайте журнала: rusjel.ru

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал “Russian Journal of Economics and Law”

Журнал “Russian Journal of Economics and Law” распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения издания в редакции достаточно передать туда письмо-заявку о желании получать журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр с пометкой «Журнал “Russian Journal of Economics and Law”».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40702810762000000536, К/счет 30101810600000000603. Отделение «Банк Татарстан» № 8610 (за журнал).

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию издания.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала “Russian Journal of Economics and Law”

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru

GENERAL INFORMATION

about Russian Journal of Economics and Law

The Russian Journal of Economics and Law is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. The founder of the Journal is the private educational establishment of higher education “Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov”. The publisher is “Tatar Center for Education “Taglimat” Ltd.

Titles and contents of sections correspond to branches of science and groups of specialties of scientists according to Nomenclature of specialties for scientists.

For complex expert evaluation all manuscripts undergo bilateral blind review.

All reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. Reviews are stored in the publishing house and publishing office for 5 years.

Editorial staff sends to the authors of the submitted materials copies of reviews or a substantiated refusal.

The Journal adheres to editorial ethics standards in compliance with the international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Ethics of scientific publications, Association of scientific editors and publishers (RASEP).

RULES FOR AUTHORS

of Russian Journal of Economics and Law

The Editorial office, Editorial Board and reviewers of the Russian Journal of Economics and Law request the authors submitting articles for publication to follow these rules when formatting the manuscripts.

The article and the accompanying materials shall be sent by e-mail or downloaded via the author’s personal area in the Journal website: <https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines> (if you cannot send the files via this form, send them to e-mail: RusJEL@ieml.ru).

To publish a scientific article, the author(s) must prepare the article manuscript and the accompanying documents.

An electronic copy of the article should be prepared in Microsoft Word or RTF format. It should be formatted in strict compliance with the formatting rules (<https://www.rusjel.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>).

The Editorial Board reserves the right not to review the articles prepared with violations of the rules.

The recommended volume of articles is 40,000 characters. The minimal volume is 30,000 characters, including spaces (excluding abstract and references).

Accompanying documents must include the following:

- consent of each author to the processing of their personal data;
- consent of each author to the distribution of their personal data;
- license agreement signed by each author.

The author submitting an article to the Russian Journal of Economics and Law, expresses thereby their consent for its publication in the Journal, open access placement on the Journal website in the Internet, transference of the article (including references, bibliographic information, etc.) to the persons, to whom transference of such data is obligatory, or other persons for the purpose of providing the possibility of citing the publication.

The Journal is included into the database of the Russian Index for Scientific Citation (RISC) and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), HeinOnline, Cyberleninka, RePec, Doaj, ProQuest.

The authors shall be responsible for the factual materials and data presented in the articles.

In case an organization prohibited in the territory of the Russian Federation (http://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret) is mentioned in the article, after the first mention of such organization in the article there must be a notification that the activity of such organization is prohibited in the territory of the Russian Federation.

The decision on publication or rejection of the materials shall be made by the Editorial Board.

All publications are free of charge for the authors and readers (Platinum Open Access). All published articles are open for reading, downloading and distribution immediately after publication, provided their original source and authors are cited under the Creative Commons Attribution License – NonCommercial 4.0 (CC BY-NC 4.0).

The author's fees for the articles published are not paid. The Editorial office does not charge fees for preparing, placement and publishing of the materials.

Manuscripts shall not be returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY

(according to GOST 7.5-98 “Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials”)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indention – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indention with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...

2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. It is advisable to submit figures as separate files indicating the article title and the figure number. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The abstract should contain between 150 and 250 words. It is published at the beginning of the article. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

For more details visit: rusjel.ru

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION

to the Journal “Russian Journal of Economics and Law”

The Journal “Russian Journal of Economics and Law” is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue “Press of Russia”. The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of “Tatar Educational Centre “Taglimat” Ltd, with a mark “The Journal “Russian Journal of Economics and Law”.

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40702810762000000536, Corr Acc 30101810600000000603. Otdeleniye “Bank Tatarstan” #8610 (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent “collect on delivery”.

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer’s address or to any other address per procurationem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal “Russian Journal of Economics and Law” editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

E-mail: apel@ieml.ru